Г. Ф. Танутров (Жук)

ОТ ТИФЛИСА ДО ПАРИЖА

ПАРИЖ

Г. Ф. ТАНУТРОВ (ЖУК)

ОТ ТИФЛИСА ДО ПАРИЖА

(СВЕТ И ТЕНИ ЖИЗНЕННОГО ПУТИ)

Предисловие профессора В. Н. Сперанского.

Париж
1976 г.

Printer: I. Baschkirzew Buchdruckerei,
8 München 50, Peter-Müller-Str. 43.
Printed in West Germany

ПРЕДИСЛОВИЕ

«Некоторые предисловия заставили меня не читать тех, быть может хороших книг, которым они были предпосланы», так писала семьдесят лет назад в своем задушевном дневнике гениальная русская девушка Мария Башкирцева (1860—1884). Тонкое психологическое замечание юной художницы вызывает у меня какое-то покаянное раздумье. Известны исторические примеры, когда авторы предисловий своими чрезмерными похвалами невольно оказывали убийственную услугу писателю, особенно начинающему.

Помня всегда об этих, поучительных и к осторожности призывающих случаях, я тщательно проверил свои первые отрадные впечатления от книги Георгия Танутрова. Мемуарное наводнение нашего времени породило уже в широкой читательской среде некоторое предубеждение против новых и новых личных воспоминаний, почти непрерывно появляющихся на международном рынке. С этим нравственно-законным недоверием необходимо серьезно считаться литератору старому, когда он хочет поддержать и бесспорно даровитого дебютанта на литературном поприще.

Я счел своим долгом дать несколько вступительных слов к живо заинтересовавшей меня книге «От Тифлиса до Парижа». Я решился на этот шаг по собственной инициативе, без всякой просьбы со стороны ее скромного и непритязательного автора. Мне очень хотелось бы привлечь внимание просвещенных читателей к этой выдающейся книге. Она, по моему убеждению, представляет немалую историческую и общественно-психологическую ценность.

Когда Толстой приступал к написанию русской Илиады — «Война и мир» — он задался тем неотступным вопросом, который тревожил его еще в годы юности: почему в «историю», как наукообразную, так и художественно-романсированную, попадают почти исключительно цари и полководцы,

в лучшем случае еще философы и поэты, путешественники и изобретатели, почему историки не берут какую-нибудь рядовую среднюю личность и пронизав ее всю насквозь при посредстве волшебного фонаря искусства, не показывают в ее миниатюре все самое типичное и самое характерное из породившей их эпохи? Как солнце целиком отражается в крохотной капле росы — так иная человеческая фигура, на первый взгляд тусклая и неприметная, выявляет полностью свет и тени своего времени, если рассмотреть ее пристально и терпеливо в нерукотворный духовный микроскоп.

Именно такую любопытную сокровищницу «человеческих документов» я вижу в искренней и содержательной книге Георгия Танутрова. Напрасно беспощадно строгий к себе автор говорит в ее начале: «я ничего не достиг». Внимательный читател неизбежно убедиться, что этот скромный труженник, подобно великому философу Спинозе, шлифованием стекол, духа не угасил, не зарыл в землю тот благодатный талант — талисман, который был ему свыше положен в колыбель, а его развил и приумножил.

Несмотря на то, что Г. Ф. Танутров выступил впервые на писательский тернистый путь в возрасте преклонном — он сразу обнаружил и значительную литературную сноровку, умелое и бережное обращение со словом и дальновидную разборчивость в обильном материале. Пишет он всегда просто, хрустально-прозрачно, очень насыщенно и живо. Во всей его книге совершенно нет никакого мертвенного баласта, могущего быть скучным и утомительным для широкой публики. Он говорит с любовью и одушевлением только о том, что он близко и отчетливо знает и что необходимо для беспристрастного и точного исторического повествования. Нигде нет у Г. Танутрова мишурного блеска, нигде нет больших точек над маленьким «i», нигде нет сгущения трагических красок. Музыкальный темп всего долгого рассказа — спокойный, ритмически соразмерный и чуждый всяких крикливых нот. Наш автор неуклонно соблюдает предписанную себе крепкую нравственно-эстетическую дисциплину.

В этих обстоятельных мемуарах Г. Танутров никогда не выдвигает себя на первый план, не впадает в излишний взволнованный лиризм и не грешит литературно-кокетливым самолюбованием. Ему совершенно не свойствен лукаво-расчетливый соблазн тщеславной рекламы.

Людей автор книги «От Тифлиса до Парижа» любит, жалеет, когда они впадают в грех или заблуждения, но никогда не обличает с каким-либо фарисейским высокомерием, и не отмежевывает себя ханжески от безвольных и падших. С непритворным восторгом изображает он самоотверженных и неприметных тружеников. Живописуя же добросовестно теневые неприглядные моменты отечественной истории, он никогда не впадает в неврастеническую язвительность и желчный бичующий сарказм. Г. Ф. Танутров твердо верует в человека и человечество и не сомневается, что Бог правду видит и ранее или позже народам, грешным и усталым, ее скажет.

Этот светлый религиозный оптимизм, выношенный и выстраданный, никогда его не покидает.

Воспоминания о родной семье у нашего талантливого автора неразрывно-органически связаны с историей России, всей за последние 60 лет, и с историей Грузии за все многовековое существование этой своеобразной героической страны. Сжатый, но яркий экскурс в область отечественного прошлого прочтется всеми с неистощимым интересом.

Фридрих Ницше (1844—1900) насмешливо говорил в своих «Несовременных размышлениях», что «тысячи бесстрастных евнухов нужны для охраны великолепного гарема всемирной истории». Георгия Танутрова никто не упрекнет в вялом бескровном изображении всех облюбованных им драматических моментов грузинской истории. Он воспроизводит их всегда с «огоньком и с изюминкой». Величавая фигура Шамиля, — этого, в отличие от Иосифа Джугашвили, истинного народного вождя, вылеплена Г. Ф. Танутровым мастерски.

Однако он умеет рисовать пленительно, хотя бы немногими меткими штрихами, людей рядовых, не удостоенных исторического бессмертия. Удачно очерчены им такие симпатичные типы, как слуга Омар, как прачка Мавра и им подобные серенькие простолюдины. Всегда хорош в его художественной галерее русский солдат, ничуть не прикрашенный и не возведенный на рыцарский пьедестал, но выполняющий боевую службу с истинным самоотвержением, без фразы и без позы.

Можно пожалеть, что Г. Ф. Танутров так целомудренно сдержан и скуп на слова в изображении роли вечноженственного начала на историческом фоне русского военного бы-

та. Обоятельная Софочка только дважды мелькает у него на горизонте чарующим метеором. С намеренной сухостью рассказано у него о встрече с той единственной любимой женщиной, с которой заключен счастливый супружеский союз.

Пусть не все одинаково убедительно в художественных приговорах нашего писателя людям и событиям — его прямодушное и рельефное повествование, в котором он никогда не выдвигает самого себя на первый план, наверное прочтется многими и многими русскими людьми с живейшим удовольствием и морально-политической пользой.

В утешение даровитому автору, всегда склонному преувеличивать свои неизбежные недочеты, могу напомнить полусерьезное слово знаменитого философа Владимира Соловьева о том, что безупречно хорошую книгу мог бы написать только ловкий обманщик — Антихрист.

У РАБОЧЕГО СТАНКА

Ателье d'Ebauchage, то есть обтесовки стекол, живет своей обычной жизнью: гудят моторы, скрипит машина, подымающая песок в особый бак — откуда он, смоченный водой, стекает на большой точильный камень. В воздухе запах расплавленного парафина, которым склеивают стекла; запах газа, идущего от неисправных плит... плохого табака...и много еще других запахов... к шуму машин надо добавить еще свист учеников. Они начинают свистеть с 8 часов утра и кончают в 6 часов вечера. Если бы они насвистывали романсы, менуеты — то еще куда ни шло, но нет... свистят они нечто дикое, и все искусство заключается в извлечении более пронзительного звука.

На этой фабрике „S-te Générale l'Optique, расположенной вблизи парка „Buttes Chaumont", в рабочем квартале Парижа, я работаю давно. Я вошел сюда тридцативосьмилетним, а теперь мне шестьдесят шесть. За эти двадцать восемь лет сколько некоторые люди могли повидать интересного, сколько раз менять свою жизнь, чего-то достигнуть... Я же не достиг ничего... Потеряй я сегодня эту работу, и завтра мне некуда идти. Рабочим меня уже никуда не примут из-за возраста. Специальности у меня нет никакой. Я иностранец, плохо знающий французский язык и имеющий на руках жену, потерявшую здоровье. Откуда, однако, такая беспомощность? Почему — в мировой столице, с многомиллионным населением, с тысячей возможностей, я не стал прочно на ноги, не занимаюсь тем, что мне по вкусу, а работаю с утра до вечера в сыром помещении вот уже более четверти века. О том, как это случилось, о том, как человек, на склоне лет, испытывает на себе плохие последствия неправильного воспитания, неумения использовать возможности, которые представляются, а главное — незнание цены времени — я и буду говорить в своей повести.

Рабочие приняли меня в свою среду доброжелательно и, думаю, что с рабочими какой-нибудь другой национальности

мне было бы труднее. Французский рабочий весел, вежлив и не вмешивается в чужие дела. Помню, в 26-м году я отсутствовал по болезни месяц. По возвращении нашел все свои брошенные предметы в том виде, в каком я их оставил. Теперь, правда, молодежь уже немного отошла от добрых старых порядков. Собравшись минут за десять до звонка, рабочие успевают перебрать все злободневные вопросы: помощь американцев, война в Корее, вопрос о заработной плате и так далее. Восторженный и впечатлительный Bulliard первый выкрикивает какую-нибудь новость или возбуждает принципиальный вопрос. Другие подхватывают, спорят и за разрешением вопроса обращаются к Cariat, который все знает. Он флегматичен, ничего не выкрикивает, но, в любую минуту, может дать сведения о процентном содержании золота после монетной реформы, о размере острова Формоза, о нефти на Ближнем Востоке и так далее. Mariotte неподражаемый комик. Он исправляет должность старшего. Иногда подходит проверить работу Cariat, кричит с негодованием:

— Ты бездельник . . . ты не можешь работать! — и дает ему затрещину.

Думаешь, что это серьезно — оказывается шутка. Рабочий Detaux спорит мало: ему все ясно. Он глубоко убежден, что все беды идут от крупных капиталистов.

Иногда время идет невыносимо медленно. Начинаешь вычислять, что до субботы осталось еще три дня, что до вечера — еще четыре часа. Смотришь на часы — без двадцати двенадцать. Через некоторое время решаешь, что прошло десять минут. Оказывается, что прошло всего семь. Стоишь на деревянной подставке — за 28 лет каждая нога уже протерла себе целую яму. У многих рабочих есть свои домики в предместьях Парижа и все они с любовью занимаются огородом, разводят птиц, кроликов, выкармливают свиней. Работая они думают о своем хозяйстве, а мои мысли уходят в далекое прошлое, столь не похожее на теперешнюю жизнь.

Перестаешь слышать шум моторов, визг подъемной машины и видишь далекий Кавказ, лагерь Кавказской кавалерийской дивизии в Дидубэ под Тифлисом. Утром горячее кавалерийское учение. Двухсторонний маневр. Золотая бригада, то есть драгуны Тверцы и Нижегородцы — с одной стороны, драгуны Северцы и казаки Хоперцы — с другой. На этот момент старые кунаки (друзья) стали врагами. И чем ближе к развязке, тем все больше и больше разгораются страсти. Командир эскадрона, ротмист князь Мхеидзе, с

горы наблюдает в бинокль за наступлением противника. Эскадроны спешены у подножья горы. Драгуны прилегли — отдыхают. Далеко за рекой виднеются отдельные всадники. Потом больше: видна казачья лава.

— К коням .... — командует князь Мхеидзе, спускаясь с горы. — Садись ...

Все оживает.

— Корнет Горчаков, ведите взвод полевым галопом, займите мост.

Борису Горчакову только это и надо: куда-то нестись, с кем-то сразиться.

— Пулеметы на гору ... — слышится команда.

Лава уже близко. Забываются чины, и князь Мхеидзе кричит издали на ходу:

— Жук (это моя кличка), живо на гребень и огонь ...

Солдаты мне передают:

— Вашбродь, командир эскадрона кличет ...

Северские драгуны рвутся к мосту. Ведет их ротмистр князь Бекович-Черкасский — с ним не шути, держи ухо востро: это степной волк и одновременно орел. Все поле ожило. То здесь, то там уже дошли до атаки. Посредники, с цветными повязками на рукаве, спешат к месту схватки ... Трубачи поют отбой. Все останавливается, замолкает «ура».

А теперь, уже на биваке, полк отдыхает. В палатках душно. Лошади на коновязях мирно жуют сено. Из солдатских палаток доносится тихий говор. Неугомонная офицерская молодежь, утренние враги, слоняется по линии офицерских палаток. Группа Нижегородцев у палатки Алихана Туганова. Неразлучные друзья Тимур Наврузов, Жихор, Берг, князь Никита Трубецкой настроены весело, говорят о Тифлисе, о саде Горгиджанова, ресторане Тилипучури, Орианте, Анонне и о других развлечениях. В палатке спортсменов ведут нескончаемые разговоры о стимпль-чэзах, об окружных скачках, о своих лошадях. Для Нижегородца Митхата Казаналипова лошади, скачки, полк — цель и смысл жизни. Подводя итоги всему сказанному, он неизменно добавлял:

— Да, мой милый, ты видишь, что всегда и везде порядок бьет класс.

— Почему ты так часто это повторяешь? — спросил его я.

— Потому что лошадь хорошо подготовленная, то есть лошадь в порядке, может побить на скачке лошадь более

высоких кровей. Работать надо упорно, систематически, и тогда будет хороший результат.

Митхат погиб на войне, будучи убит во время атаки Нижегородцами, в конном строю, немецкой тяжелой батареи. Иной смерти он себе и не представлял.

Как иногда бывает в жизни, чья-нибудь фраза остается в памяти на всю жизнь. Много раз потом, наблюдая чью-нибудь планомерную и упорную работу и видя хорошие результаты, я вспоминал слова Митхата: «порядок бьет класс» . . .

В ДАГЕСТАНЕ

В 1901 году мне шел четырнадцатый год. В то время я был учеником реального училища в Темир-Хан-Шуре, главном городе Дагестана. Дагестан, это горная страна, расположенная на северо-восточном склоне Кавказского хребта. Хребет этот тянется от Каспийского моря к Черному и делит Кавказ на две части — Северный Кавказ и Закавказье. В Темир-Хан-Шуре́ все напоминало о прежних боевых днях. Памятник Апшеронскому полку — в виде пирамиды с орлом на вершине — за взятие Гуниба, последнего оплота Шамиля; развалины укрепления на скале, где помещалась батарея; памятник князю Аргутинскому-Долкорукову, командовавшему войсками, действовавшими против горцев; военное кладбище . . . Доживали свой век в Темир-Хан-Шуре́ и старики, участники кавказских войн.

Реалиста четырнадцати лет все это мало интересовало. Оглядываясь назад можно сказать, что жизнь моя была счастливой, но разве в таком возрасте ощущаешь счастье? Казалось в порядке вещей и то, что в моем распоряжении была верховая лошадь, и то что меня кормили, поили, баловали. Ученье давалось легко (кроме арифметики), были товарищи, с которыми совершались прогулки, ловля рыбы и разные игры.

Вернувшись однажды из училища домой, я застал отца, держащего в руках телеграмму. Отец мой, старый кавказец, начал службу в Нижегородском драгунском полку, долго командовал в нем эскадроном, и только в чине подполков-

ника перевелся в Дагестанский конный полк. С любовью вспоминал он своих «родных» Нижегородцев, и все в кабинете отца — фотографии, предметы — напоминало о службе его в этом полку. Он только несколько дней как вернулся из Тифлиса, куда ездил на 200-летний юбилей полка. После его приезда полк получил от Государя Императора капитал для учреждения в Тифлисском кадетском корпусе стипендии для сына какого-нибудь Нижегородца. Выбор Нижегородцев пал на меня — о чем и гласила телеграмма, которую держал в руках отец. Теперь я понимаю, что он переживал большую драму. Неоднократно говорил он, что сыну хотел бы дать специальность, сулящую спокойную и обеспеченную жизнь, на пример — инженера или врача. Но вот родной полк предлагает взять на себя воспитание сына ... А воспитать пятеро детей школьного возраста так трудно! Придется расстаться с сыном, отправить его в закрытое учебное заведение.

— А ты сам, хочешь ли быть кадетом? — спросил меня отец.

Я растерялся и не знал, что сказать. Кадет? Летом и на праздники они появлялись в Шурé; щеголяли они в погонах, лихо отдавали честь и сражались в городском парке с реалистами. Ехать куда-то в корпус — это страшно ...

Я стоял в раздумьи у окна и вздрогнул, когда в стекло что-то ударило. Я сразу, впрочем, сообразил, что это мои товарищи. Начитавшись Майн-Рида, мы все изображали из себя его героев. Горсть песка, кинутая в окно, предупреждала, что товарищи близко и ждут условного ответа. Я, прикрываясь занавеской, крикнул: «Вера-Круц». В ответ послышалось: «Римская свеча». Кусты раздвинулись и на поляну выскочил человек — то есть не человек, а мой товарищ Пионтек. В кустах сирени виднелись другие мои товарищи, помахивающие томагавками.

— Идите сюда, новость ... я еду в корпус! — крикнул я им, забыв, что всем нам грозит опасность со стороны индейцев.

Товарищи мои подбежали к окну. Новость была ошеломляющая. Посыпались вопросы:

— На чьей стороне ты будешь во время драк в городском саду? — спрашивали они.

А я и сам не знал, на чьей я буду стороне.

Отец и мать долго не могли решить вопрос о корпусе. Мать говорила:

Опять эта служба в кавалерии, скачки, вывихи рук, переломы ключиц . . . мало разве я намучилась, когда тебя привозили с ученья в лазаретной линейке?

Потом разговор переходил на то, что оплатить из офицерского жалованья право ученья пяти учащихся трудно.

Пришли офицеры Дагестанского полка; для них все было ясно.

— Нижегородец! — кричали они мне и поздравляли отца.

Отъезд был решен.

Последний раз я пошел в реальное училище героем дня. Мне жалко было покидать товарищей На две трети это были горцы Дагестана. Сдержанные, гордые, хорошие математики, они мужественно боролись с трудностями русского языка. Заставляли они уважать себя и зря никого не обижали, даже самого слабого. Правительство делало поблажку горцам в отношении возраста, и в классе, наряду с одиннадцатилетними русскими детьми, сидел пятнадцатилетний дагестанец. Ранние браки практиковались на Кавказе, и во дворе училища, во время большой перемены, можно было видеть живописную картину. Приехала жена с ребенком к ученику старшего класса. Сидят они на земле, скрестив ноги по-турецки; он держит на руках ребенка, а она развязывает ковровые хурджины (переметные сумы) и достает деревенские лакомства — кусочки барашка, кукурузные лепешки, чимринский виноград.

Наступил, наконец, отъезд. Когда подкатила коляска, запряженная четвериком, я приуныл и как-то ослабел. В доме суетились, выносили чемоданы, завязывали корзину . . . Мать моя крепилась. Но когда все было готово и, по обычаю, все присели, она заплакала, крепко прижала к себе моего младшего брата, точно боясь наперед, что и его когда-нибудь заберут . . . У сестер, гимназисток, была другая забота: проехать в коляске до края города . . .

Когда мы отъехали версту от города, то заметили далеко впереди фигуру реалиста, который при нашем приближении прибавил шагу и даже бросился бежать, поминутно оглядываясь. Это был мой товарищ Тарасевич. Дальше мы встретили Попова, третьего, Пионтека, мы еле догнали. Вид у него был недовольный: дело чести было проводить нас как можно дальше от города.

Нам предстояло проехать 40 верст до Петровска, от которого шла железная дорога на Баку (только за два года пе-

ред тем проведенная) и дальше на Тифлис. В 20 верстах, у Атлы-Боюна, была смена лошадей. Показывая на одну из гор, виднеющихся вдали, отец сказал:

— Там, во времена Шамиля, было дело, которое вспоминают и по сей день.

И он мне рассказал следующее.

Пасхальная ночь. Дом командующего войсками ярко освещен. В эту ноч в Шуре́ забыли про боевые тревоги. Нарядные дамы, военные мундиры, живописные черкески... тосты, поздравления... Среди этой праздничной толпы один офицер в походном сюртуке, при шашке, пожимая руки знакомым, пробирается к командующему войсками князю Аргутинскому-Долгорукову, чтобы от него получить последние распоряжения. Об этом офицере, капитане Нижегородского полка Золотухине, историк Потто писал, что едва ли был в то время на Кавказе человек, который, обнажая шашку и врываясь в ряды неприятеля, так мало думал об отличиях. Видеть неприятеля и не бросаться на него — он называл уклонением от службы. В наступающем дне ему предстояло вынуть шашку в последний раз... Были получены сведения, что Хаджи-Мурат, имея пятьсот отборных мюридов, ворвался в занятый нами край со стороны Даргинского округа. Это был один из самых беспокойных наибов Шамиля. С несколькими стами отборных мюридов, он проходил сегодня 100, завтра 150 верст, совершал дерзкие налеты на Шуру́, занятую сильным гарнизоном. Ворвавшись в Джангутай, он берет в плен ханшу, появляется в районе Нухи, чтобы напасть на поезд Наследника Цесаревича. Схватить одной рукой солдата, броситься с ним в пропасть, сломать себе ногу, но уползти все-таки из плена, чтобы снова обрушиться на наши войска — таков был Хаджи-Мурат, громкая известность которого пугала даже самого Шамиля.

Было еще темно, когда два эскадрона Золотухина прошли сторожевое охранение Апшеронцев и, минуя живописный аул Кяфир-Кумух, двинулись на рысях к Атлы-Боюну. Там, на высокой горе, имеющей форму сахарной головы, в дыму и огне виднелись значки мюридов. Наша союзница, конница Шамхала Тарковского, держалась на почтительном расстоянии. Для штурма горы у Золотухина набиралось всего 80 спешенных драгун — против 500 мюридов. На милицию была плохая надежда и, действительно, до конца боя она ограничилась лишь ленивой перестрелкой. Итак, броситься на штурм было делом безрассудным, но дать уйти

Хаджи-Мурату, выслушивать потом, что Нижегородцы его упустили... а что скажут о них горцы Дагестана? А имя русского солдата? Выбора нет... Надо идти туда, в огонь недоступного редута.

Судьба хранила Золотухина, точно она не хотела, чтобы он, герой стремительных атак в Малой Чечне, умер смертью простого солдата. Здесь и там падали люди; но вот и последний завал. Горцы дали последний залп. В их рядах уже видно замешательство. Золотухин первым вскочил на завал и схватил неприятельский значок.

С самого начала штурма Хаджи-Мурат сидел на завале и бесстрастно следил за приближением драгун. При виде Золотухина, он бросился на него с криком:

— Начальника должен убить начальник!

Золотухин разрубил ему пальцы и шашка выпала из его руки. В один миг Хаджи-Мурат выхватил левой рукой пистолет и, выстрелом в упор, убил Золотухина.

Весь вал был усеян убитыми и ранеными. Победу из рук Золотухина вырвал Хаджи-Мурат, ибо его люди уже дрогнули. Ему одному принадлежала честь этого дня. Подобрав убитых и раненых, драгуны медленно стали отходить. Но и на эту горсточку людей, среди которых невредимыми оставалось всего 18 человек, горцы не решались напасть.

Дорога от Петровска до Баку идет по берегу Каспийского моря. Вправо, из окон вагона, видны горы, то приближающиеся, то удаляющиеся и окончательно уходящие в даль в районе Баку. До Дербента на станциях толпятся лезгины, в Дербенте больше персов, ближе к Баку — азербайджанцы и армяне. Дербент — ворота Кавказа. В давние времена через него шли народы из Азии в Европу. Горы здесь доходят почти до самого моря и сам город расположен красивым амфитеатром по склону горы. Наверху — развалины крепости. С горы тянутся параллельно две старинных каменных стены, преграждавших путь завоевателям. У самого моря избушка, где в 1722 году отдыхал Петр Великий. Над избушкой, стараниями командира Гунибского резервного батальона, полковника А. С. Осипова (отца нынешнего председателя Союза тифлисских кадет) построен навес с колоннами.

Уже при приближении к Баку начинает чувствоваться близость нефти. Исчезает зелень. Над городом темное пятно копоти. Издали виднеется целый лес вышек. От Баку до Тифлиса местность пустынная. В окна вагона видны караваны верблюдов, буйволы. При станциях вышки наподобие

Эйфелевой башни. Там, по ночам, спасаются служащие и рабочие от комаров. Буйволы тоже спасаются от комаров — они лезут в лужи и болота, покрываются слоем грязи и сохнут на солнце.

В КОРПУСЕ

Шумный Тифлис, нарядный Головинский проспект, и мы с отцом входим в корпус. Первое разочарование: я реалист 4-го класса; за 3-й класс у меня есть награда. В корпусе, однако, мне предлагают снова держать экзамен за 3-й класс. Незнакомая обстановка. Разница в программе. Трудно, но я выдерживаю все, кроме арифметики. Мне предлагают поступить снова в 3-й класс. Оглядываясь теперь назад — я считаю, что это было жестоко. Сконфужено сообщаю отцу результаты. Отец смеется:

— Ты не унывай, поедем завтракать к Нижегородцам, а вечером поедем в цирк, — решает он.

И мы приятно проводим остаток дня. А все же один год драгоценного времени потерян...

Трудно первое время в закрытом учебном заведении. Разница между реалистами и кадетами громадная. Сыновья офицеров всех полков Кавказской армии, кадеты, несли с собой в корпус военный задор, боевое товарищество, некоторые обычаи старых кавказских полков и какую-то спайку, которая делала их всех как бы вылитыми по одной мерке. И язык у всех был особенный: кавказские словечки, остроты тифлисских «кинто», свои собственные корпусные выражения — все это сливалось в особый жаргон, особую интонацию. Не зная грузинского языка, кадет говорил с грузинским акцентом. «Клеишь» — это значило показывать свою силу. «Загинаешь» — значит говоришь не языком кадет, а изысканно литературным. По неопытности я сказал слово «компактный», и только быстрота ног спасла меня от расправы. Шумные быстрые мальчишки поминутно вступали в поединки и в каждом классе было точно известно — кто первый «силач», кто второй и так далее. После схватки с кадетом Ишхановым, я скромно занял седьмое место. Были представлены все народности Кавказа: грузины, татары, персы, казаки, лезгины, армяне, кабардинцы, осетины и дру-

гие. Пожаловаться на товарища, выдать кого-нибудь — этого в корпусе не было. Кадеты обожали главного начальника военно-учебных заведений, Великого князя Константина Константиновича, и корпусного священника, протоиерея Мансветова.

При моем вступлении в третий класс я оказался на задней парте — рядом с Георгием Бакрадзе, который сидел там уже второй год. Он и в предыдущих классах сиживал по два года. После войны 14-го года в международной политике был выдвинут новый лозунг — «невмешательство в чужие дела». Бакрадзе придерживался его уже с конца прошлого столетия ,то есть с первых же дней своего пребывания в корпусе — «Я никому не мешаю и мне не мешайте жить в корпусе так, как я хочу». Выданные ему в начале года учебники он передавал на хранение соседу. В ящике парты у него было много перегородок. Жила черепаха; бережно были сложены сети и рыболовные принадлежности, там же были и закоптелые котелки, в которых он варил себе пищу во время рыбной ловли. Его нельзя было назвать лентяем. Поджав под себя ноги по-турецки, он вечно что-то мастерил, чинил сети, латал обувь. Услышав что его вызывает учитель, он сначала ушам своим не верил, и, опуская одну ногу на пол, удивленно спрашивал:

— Меня? Не может быть!

Если учитель настаивал, то он начинал громко оплакивать свою свободу:

— Вай, вай, вай!

Направляясь к кафедре, он толкал направо и налево:

— Подсказывай . . .

Но что можно было ему подсказать, если он ничего не знал?

Как-то раз он вычислил, что его вызовут и попросил соседа:

— Расскажи мне про байронизму.

— Какую байронизму? Ты хочешь сказать о байронизмах в сочинениях Пушкина?

— Во-во, это самое.

— Видишь ли, в сочинениях Пушкина сказывалось влияние Байрона.

— Ах, мерзавка! — неожиданно вспыхивает Бакрадзе.

— Какая мерзавка?

— Да вот эта самая байронизма. Знаю я, Пушкин великий писатель, сидит пишет . . . а тут приходит вот эта самая Бай-

ронизма и говорит ему: пиши так, пиши сяк... Пошла ты к черту... сам знаю как писать — говорит Пушкин...

— Послушай, Бакрадзе, — это все не так, — пытаются его вразумить. Но все напрасно: за Пушкина Бакрадзе стоит горой.

Где-то вблизи корпуса, на лесопилке, он держал собачку, с которой по субботам уходил за город ловить рыбу. Если неизвестно, как кормил тургеневский Ермолай свою Валетку, то про собачку Георгия можно было определенно сказать, что по субботам он относил ей то, что уделял из своего пайка и за что эта собачка платила ему трогательной привязанностью. За городом он проводил субботу и воскресенье, ночевал на открытом воздухе, ловил рыбу, варил уху и возвращался в корпус грязный и довольный. Во время русско-японской войны, его товарищи офицеры, приезжающие с фронта, заходили к нему, он давал им какие-то советы, передавал через них поклоны, давал даже рекомендации... Любил он рассказывать про доброе старое время, когда ко дню корпусного праздника, в день св. Михаила, грузинские помещики пригоняли во двор корпуса индюшек, присылали чурчхелы... Рассказывал он о посещениях корпуса Великим князем Константином Константиновичем, об его необыкновенной памяти. Великий князь, обходя кадет, узнавал и называл фамилии тех, кого видел 2—3 года назад, напоминал кому-нибудь, что в таком-то полку его брат, отец, и так далее.

Пришло, однако, время, когда начальство потеряло надежду, что Бакрадзе окончит когда-нибудь курс наук, и он должен был покинуть корпус.

— Ухожу в первобытное состояние, — заявил он нам и стал собираться. Он привез с лесопилки свою собачку и принес громадный мешок из-под картошки. На дно его бережно опустил, завернутую в старые носки, фотографию какой-то гимназистки. Сверху уложил рыболовные сети, разную мелочь и, наконец, черепаху. На классной доске нарисовал он мелом картину своей встречи с отцом. Встречи этой он, видимо боялся. Наступила минута расставанья. Он хотел что-то сказать и не мог. Губы его дрожали. Мы все притихли. Махнув рукой, он взвалил мешок на плечи и зашагал. Песик побежал за ним, непрерывно, как бы прощаясь, помахивая хвостиком.

К концу войны 14-го года статистика Главного управления военно-учебных заведений показала, что по числу ране-

ных, убитых и георгиевских кавалеров Тифлисский корпус занимал первое место. В числе георгиевских кавалеров был и Бакрадзе, чудом пролезший в офицеры. *

— А ты уже видел Мансветова? — спрашивали кадеты с первого же дня вступления моего в корпус — и начинали восторженно о нем говорить. Протоиерей Мансветов — это постоянный заступник за кадет. Нависла над кадетом гроза: собираются его исключить за тихое ученье и громкое поведение, его последняя надежда — это заступничество протоиерея Мансветова. Правда и легенды переплетаются в рассказах о нем кадет. Вот и урок закона Божьего. В класс вошел высокий и суровый на вид старик. С сильным грузинским акцентом начал он свое обычное обращение фразой:

— Дэти, мои дэти, возлюблени кадэти.

Этот раз он говорил о любви к животным, прерывая свою речь неожиданным выкриком:

— А ты там на задняя парта не слушаешь. Стань на нога, когда тэбэ говорят!

Знал он хорошо психологию кадет и все их грешки. Исповедуется кадет Гогоберидзе. На все вопросы отвечает:

— Не грешен, батюшка . . .

Мансветов смотрит на него с удивлением:

— Ва . . . эй, дьякон, давай сюда свечи: новый святой появился!

В ДАГЕСТАНЕ

На летние каникулы я уже поехал не в Шурý, а в аул Маджалис, куда отец был назначен начальником Кайтах-Табассаранского округа (тоже в Дагестане). Округ этот начинался на побережье Каспийского моря, между Петровском и Дербентом, и тянулся в горы. В долине было больше кумыков, в предгорьях разные племена лезгин и, дальше в горах, аварцы. Дагестан одна из наиболее гористых стран земного шара. Беспорядочно нагромождаются вершины, громадные скалы, снежные хребты, узкие и глубокие ущелья про-

---

* Отрывок «Георгий Бакрадзе» был помещен в № 10 издаваемого в Париже журнала «Кадеты».

резывают их; на дне этих ущелий бегут горные речки — бегут с шумом, встречая на каждом шагу препятствия, падая с камня на камень, пенясь и как бы торопясь скорее вырваться на простор. Горная часть Дагестана, это дикая и бесприютная страна, не дававшая достаточно пропитания своим обитателям.

В прежние времена лезгины вынуждены были добывать себе пропитание делая набеги на богатых соседей. Отправляясь в набег, лезгин ничего не терял. Дома он оставлял бедную саклю, сложенную из камней. Если в ответ на его набег противник разрушит его саклю, то у него останется все его богатство — ружье, шашка, кинжал. Даже о своей одежде он не заботился. Щеголял оружием и конем, а также славой джигита. Средневековая жизнь, полная насилий и опасности, выработала из него воина смелого, неприхотливого, осмотрительного и находчивого, а постоянные скитания с шайкой подобных себе, необходимость пользоваться чужим гостеприимством — сделали его самого гостеприимным, а также и верным другом всякого случайного попутчика. «Дорожный товарищ — родной брат», говорит их пословица. Еще во времена Екатерины II, старшины горцев объясняли Румянцеву: «Воровство и грабеж — наши занятия, как ваше — соха и торговля. Грабежом жили наши отцы и деды, если мы оставим их занятие, как того требуют русские, то мы погибнем от голода».

С тех пор многое изменилось. Грабеж и воровство отошли в область преданий.

ГЕНЕРАЛ И. Д. ЛАЗАРЕВ

Еще во времена Шамиля устройством мирной жизни занялся один из выдающихся генералов того времени — Иван Давидович Лазарев. Его управление краем может послужить образчиком для администраторов в местностях с азиатским населением.

Происходя из армянской семьи в Карабахе, он с детства мечтал о военной службе. Брат его был принят в кадетский корпус, ему же отказали из-за возраста.

— Меня не приняли в кадетский корпус, но я буду и без него русским генералом, — сказал он.

Через 24 года он, действительно, явился в свой родной город (Шушу) генералом, имя которого было известно тогда уже всему Дагестану. Восемнадцати лет он, втайне от родителей, подал прошение о зачислении в старейший из кавказских полков — Ширванский. Полк, который Ермолов называл десятым легионом ... и, действительно, взять хотя бы штурм Ахалциха, в который Ширванцы вошли с песней «Не буди меня родная, ранним-рано по утру» и где на площади у ограды христианского кладбища они положили большую часть своих батальонов в упорном штыковом бою. В составе этого полка Лазарев участвовал и отличался в таких боях, как, например, штурм аула Салты. Под Салтами мы потеряли 100 офицеров и 2000 нижних чинов. Он был тяжело ранен при штурме аула Мискинжи, где полегла половина участвовавших в бою Ширванцев.

Правителем в Дагестане он был назначен, как человек знакомый с языком, обычаями и нравами горцев. Сформированная им милиция из местных горцев и Дагестанский конный полк, под его командой, вместе с регулярными войсками, не только водворили порядок в крае, но и с успехом отражали все вторжения Шамиля. На набеги горцев Лазарев отвечал набегами на их гнезда.

Однажды отряд Лазарева бросился отбивать скот, уведенный жителями аула Кудух, совместно с абреками, нашедшими у них убежище. Войска подошли к Кудуху с той стороны, где кудухские высоты оканчивались перед самым аулом обрывом, — не менее шестидесяти сажен; казалось, что спуститься в эту бездну не было возможности, но две дагестанские сотни, посланные вперед, разыскали какую-то расщелину и, бросив своих лошадей, стали пробираться по ней пешком. Вдруг расщелина эта оборвалась, и передний человек, сорвавшись, слетел вниз с совершенно отвесной скалы. К счастью он не расшибся.

— Прощайте, не поминайте лихом! — крикнул он товарищам.

Не беспокойся, все будем там, — отвечали ему сверху и, действительно, один по одному, спуская друг друга на веревках, обе дагестанские сотни сползли вниз и в одно мгновение отхватили у кудухцев тысячу баранов. Поднялась тревога, — и всадникам пришлось плохо, так как выбраться из этой трущобы и вытащить баранов было невозможно. И вот, пока одни отстреливались, другие пристроили кое-как к обрыву тонкие жердочки, устлали их бурками и стали та-

щить баранов наверх; штук двести втащили, но потом жерди рухнули, и наши дагестанцы очутились опять в самом беспомощном положении. К счастью, в это время подоспела пехота. Не имея возможности спуститься вниз, она рассыпалась по гребню и открыла сверху огонь. В то же время были пущены в ход веревки, ремни, пояса и на них стали вытаскивать дагестанцев — эти последние не хотели расставаться с баранами. Каждый тащил с собой по барану, а некоторые по два. Таким образом было совершено это воздушное путешествие под огнем неприятеля.

Много лет спустя, во время войны с турками в 1877—78 гг., Дагестанцы опять были под начальством Лазарева. Они в той войне заслужили георгиевский штандарт, а командир их, кн. Чавчавадзе, — георгиевский крест.

Сам по себе генерал Лазарев был человек в высшей степени гуманный, но времена были жестокие. Нельзя без волнения читать про экспедиции, которые кончались удачно, то есть аулы были снесены с лица земли, запасы хлеба уничтожены, поля вытоптаны!..

С большим терпением разбирал Лазарев дела лезгин, заботился о развитии просвещения, торговли, проведении дорог. Горцы вначале не понимали пользы от новых дорог и были случаи отказа выходить на работу. Лазарев проявлял твердость:

— Я еду к вам и должен застать вас или на работе с инструментами, или же в завалах с винтовками в руках.

Вся его деятельность была образцом строго обдуманной и хорошо выполненной системы. В частности, он справедливо разрешил болезненный вопрос возвращения имущества эмигрантам (было две категории — бежавшие из областей занятых нами к Шамилю, и бежавшие от Шамиля к нам) и установление дружеских связей с их новыми владельцами. Тут надо отдать справедливость дагестанцам, которые признавали законные требования прежних владельцев и права новых. Лазарев считался с народными обычаями и по поводу обычая кровавой мести писал, что:

«Всякая торопливость и необдуманность в столь щекотливом деле, при глубоком убеждении народа в справедливости этого обычая, освященного религией и постановлениями шариата, могут вызвать нежелательные осложнения. Необходима постепенность во всех наших решениях».

Он старался вводить ограничения, которые уже успели привиться народу и уничтожить черты варварского харак-

тера, несообразные с духом времени. Он, например, уничтожил обычай срывать до основания дома, портить поля и вырубать сады, принадлежащие убийце.

При всяком удобном случае Лазарев старался оказать уважение религии, исповедуемой народом, посещал мечети, требовал чтобы они содержались в порядке и делал денежные вклады. Он изучил все обычаи горцев (адаты) и даже священную книгу — коран. Один случай произвел на горцев громадное впечатление. Абречество Лазарев наказывал без пощады. Первый попавшийся ему абрек был выведен на площадь и подвергнут жестокому телесному наказанию. Муллы воспользовались этим, чтобы создать протест во имя будто бы оскорбленной религии:

— Начальник, мы знаем, что гнев твой был справедлив, но телесные наказания противны нашему святому корану и возмущают религиозную совесть. Если человек виноват, прикажи отрубить ему руку или ногу, или выколоть глаза, как это делали наши старые ханы . . .

— Вы говорите вздор, — спокойно перебил их Лазарев, — коран не только разрешает, но прямо указывает на пользу телесных наказаний . . .

Он приказал читать перед изумленными слушателями те тексты, на которые сам указывал. Сконфуженный мулла едва дочитал, а Лазарев продолжал:

— Вы видите, что я не нарушаю, а исполняю ваши законы. Ног и рук я рубить не буду. На что вы, калеки, будете годны, а я хочу чтобы каждый из вас был полезным членом общества, хочу искоренить между вами преступления. Живите спокойно . . .

К сожалению не везде отличались наши правители бережным отношением к религиозным чувствам мусульман. На этой почве в Закатальском округе вспыхнуло восстание. Интересный факт: веками беспокойный элемент Дагестана являлся в Закатальский округ и был в первых рядах скопищ закатальских лезгин. На этот раз картина получилась иная: русский генерал (князь Меликов), не имея вовсе при себе регулярных войск, вел из глубины Дагестана, через снеговые горы, три тысячи конных лезгин, — и вел их для усмирения лезгин, не опасаясь за свои пути сообщения, которые сторожило одно имя — имя генерала Лазарева.

В 1865 году генерал Лазарев был назначен начальником 21-й пехотной дивизии. Прощание его с горцами Среднего Дагестана было очень трогательно. Они поднесли ему богато

оправленную азиатскую шашку и адрес, который гласил следующее:

«Да возвеличит Вас Бог, и да приумножит Ваше счастье! Прежде между нами были насилия, беспорядки, нападения, убийства, грабежи — для жизни нашей великое утеснение. С распространением же над нами владычества великого Государя и с назначением Вас нашим начальником мы попали на счастливую дорогу предков наших и вкусили сладость милостей Монарха нашего. Огонь возмутительных беспорядков между нами погас, и вредные люди поникли головами. Вы указали нам прямую дорогу, Вы научили нас порядку и мы начали жить спокойно и в совершенном довольстве. Ныне, когда мы услыхали, что Вы покидаете нас, то облились кровью сердца наши, разбились мысли наши, и мы сделались изумленными и печальными. Просим Вас, чтобы Вы показали новому начальнику те самые пути, по которым Вы вели нас, и те самые порядки, которым Вы нас научили. Мы же не перестанем молиться за Вас до конца жизни нашей. Взгляните на нас, как отец на детей своих. Мы же никогда не забудем Вашей доброты, и милостей к нам великого Государя. С печалью и воздыханиями оканчиваем».

В войне 1877—78 гг. мы видим уже генерала Лазарева героем штурма Карса, за который он получил орден св. Георгия 2-го класса, Большого креста. Кавалеров ордена св. Георгия 2-го класса было в то время только 11 человек.

О генерале Лазареве я говорю как о человеке, имя которого должно передаваться из поколения в поколение и еще потому, что отец мой был администратором именно в местности, бывшей под управлением генерала Лазарева. На видном месте в кабинете отца была книга военного историка генерала Потто (бывшего офицера Тверского драгунского полка) о Лазареве — книга являлась для отца руководством в его деятельности.

ДАГЕСТАНЦЫ

Аул Маджалис, расположенный в ущелье, мне очень понравился. Здесь я ближе познакомился с дагестанцами. Это прекрасный народ; гостеприимные, вежливые, верные данному слову — горцы умели держать себя с достоинством.

Правил вежливости было много. Едет, например, бек, навстречу ему какой-нибудь всадник. Всадник съезжает с дороги и становится лицом к проезжающему. Взаимные приветствия: «Селям-алейкюм» — «Алейкюм-селям». Всадник поворачивает коня и в знак доказательства, что он является покорным слугой проезжающего, едет несколько шагов за встречным, а затем уже продолжает свой путь. Если к отцу кто-нибудь приезжал, то ближайшие горцы наполняли двор, переднюю и даже гостиную, чтобы показать гостю, что дом отца — полная чаша, что его чтут, что все они слуги отца. И они торопятся принять коня приезжего, вносят его вещи и бросаются исполнять его поручения. Старики стоят у стенки и принимают участие в разговорах. С высокопоставленным гостем они себя держат просто, без всякого смущения. Даже у себя дома горец не сядет в присутствии своего отца. За исключением особо важных случаев, горцы имели свой суд, который руководствовался адатом, то есть обычаями, и шариатом — сводом законов, основанных на толковании корана.

Через день после моего приезда произошло событие, характеризующие нравы дагестанцев. Недалеко от Маджалиса, в сторону моря, было имение владетельного князя Амир-Чопана Уцмиева. Он сидел вечером на балконе со своими гостями. Видят они, скачет всадник и еще издали кричит, что недалеко, у ручья орошающего рисовое поле, горцы пастухи дерутся с жителями долины. Один из гостей вынимает трубку изо рта.

— Сколько горцев? — спрашивает он.

— Три.

— А жителей долин?

— Человек семь.

— А мой сын там?

— Там.

Старик горец начинает снова курить.

— Мой сын им покажет.

Как выяснилось потом, ссора произошла из-за пастбища. В разгар спора житель долины протянул руку и крикнул своим: «Бей их!» Опустил он руку уже без кисти . . . Я видел потом, как старик вез израненного сына в горы. Между двумя лошадьми были устроены носилки. Горцы лечат раны особым способом. Все раны были покрыты шкурками только что убитых барашков. Горец имел 18 ран, из них две

огнестрельных. На вопрос — выживет ли сын, старик отвечал:

— А почему бы нет?

Аул Маджалис, где было расположено управление отца, очень живописен. Расположен он в ущелье на берегу горной речки; в окно видны горы и аул Санчи; ближе к выходу из ущелья расположен аул горных евреев; дальше виднеется аул Хунгия. Все эти аулы говорят на разных языках. Наречий в Дагестане много. Общий для всех — это язык кумыкский.

В Дагестане часты землетрясения, к которым все привыкли. Иногда слышен подземный гул; в шкафу начинает звенеть посуда, гуляет под ногами пол, качаются шашки на стене и висячие лампы.

У меня был прекрасный сенбернар. На ночь его выгоняли из спальни. Однажды мне показалось, что он лежит под кроватью и толкает ее.

— Мама, — крикнул я. — Дарьял опять под кроватью.

— Это не Дарьял, это землетрясение . . . спи спокойно . . . — отвечала мне мать.

Евреи (джугуты), как и лезгины, носили черкески, папахи, кинжалы. Занимались они отчасти земледелием, отчасти торговлей. Помню, как-то раз двор управления наполнился сорока евреями, которые отправлялись на ярмарку в Дешлагар. Они просили дать им одного всадника милиции в качестве телохранителя, так как в округе были разбойники. Отец стыдил их:

— Как же так, вас много, вы вооружены и просите охрану! . .

Но евреи стояли на своем: за охрану они согласны заплатить, но зато будут спокойны, ибо только через труп лезгина стражника разбойники смогут добраться до них и вообще кровавые дела — это не их дело. Бывали, однако, случаи, когда евреи давали вооруженный отпор нападающим на их аулы шайкам разбойников. С соседями — лезгинами — евреи были в хороших отношениях. Они часто оказывали материальную помощь лезгинам. За все время управления моим отцом округом — не было среди них случая ни убийства, ни даже простого воровства.

К нам часто приезжали охотники, главным образом на фазанов и диких курочек, но иногда устраивались и большие охоты на кабанов. Из окна столовой можно было наблюдать, как кабаны, теснимые загонщиками, появляются

темными пятнами на склоне горы и мечутся в поисках выхода. Охотники лезгины, как все магометане, не ели кабанов, а везли их к нам. Нам же, за бесценок, продавали они фазанов, курочек и другую дичь. Во время продовольственных ограничений во Франции, в связи с последней войной, я часто вспоминал наш стол в Маджалисе. По берегу моря тянулись рыбные промыслы Мортовицкого, Нобеля и других. Во время хорошего улова не хватало иногда чанов, соли или вагонов, и управляющие просили разбирать рыбу, икру... Обратная почта привозила икру в баночках, красную рыбу, завернутую в рогожи (если не ошибаюсь — осетрину, севрюгу). Недалеко было имение графа Воронцова-Дашкова Геджух, дававшее до 20 тысяч ведер хорошего вина. Винодел, француз Бертрен, часто бывал у нас и привозил с собой ящик с вином. Брат его был известный спортсмен (я его помню в постоянном составе офицерской кавалерийской школы); другого его брата я встречал у моей тетки в Петербурге (он, кажется, был дипломатом).

Соорудить обед на скорую руку было не трудно: можно было подать соус из фазана, копченую ветчину, осетрину, гимринский виноград и вина — «Геджух», «Мускат-Люнел», «Кагор», «Рислинг» и другое.

Осенью и зимой жизнь замирала. В сумерки все затихало, тухли огни, лишь изредка доносился с мечети призыв муллы к молитве. Слышался хохот шакалов.

Эта жизнь иногда прерывалась тревогами. Сидит, однажды, сестра моя у рояля и разучивает «Травиату». Сумерки... Вдруг какая-то тень заслоняет свет из окна в сад. Сестра в испуге бежит за прислугой, а в доме и во дворе уже тревога: бежал из арестного помещения важный преступник — лезгин убивший лавочника.. Арестное помещение примыкало под углом к нашему дому. Взломав решетку, убийца спрыгнул на наше окно и дальше в сад. Через десять минут полусотня милиции уже понеслась за ним в погоню.

Другой случай глубоко врезался мне в память. Меня разбудила рано утром суматоха во дворе. Нукеры ведут какого-то человека, одетого не так как одеваются горцы. Выходит отец на крыльцо. Арестованный что-то говорит ему и указывает на горы. Окружающие смотрят туда и качают головами. Видно, что все чем-то очень взволнованы. Оказалось, что это беглый из Сибири каторжник. Год целый пробирался он из Сибири к родным местам и, наконец, добрался до

Маджалиса. Ему оставалось только подняться на гору, а за горой уже был его родной аул Хунгия. Наступила ночь, и он, не зная что в Маджалисе разместилось управление начальника округа, лег спать под стеной этого управления. Утром его русские сапоги заинтересовали всадников милиции. Его разбудили и арестовали. Обращаясь к отцу, он говорил:

— Я знаю, ты должен меня отправить обратно... Но позволь мне хотя бы взглянуть на родной аул, повидать своих!

Все смотрели на отца... Наступила тягостная минута молчания. Наконец отец сказал что-то уряднику, и два всадника с радостными лицами побежали седлать лошадей, чтобы отвести каторжника повидать своих. Его все окружили, расспрашивали про Сибирь, про каторгу, а кухарка наша вынесла ему поесть.

Урядник подошел ко мне и сказал:

— Твой отец — балшой чалавек!

Читая иногда в газетах заметку, вроде того, что в Англии приговорили к смерти собаку за то, что она высадилась на берег без разрешения — я задаю себе вопрос: где душа — здесь, в культурном Западе или там — в дикой Азии?

Хотя жизнь в Дагестане давно уже вошла в мирное русло, лезгины по-прежнему прибегали к оружию, иногда изза пустяков. Во время танцев, например, один из танцующих обращается к зрителю:

— А ты почему не хлопаешь в ладоши?

— Не желаю!

И оба — за кинжалы.

Наибольшее количество убитых приходилось почему-то на май месяц. В одном году их было 33 (в месяц). Обычай кровавой мести еще не был изжит. Наш повар, Осман, готовил пищу, поставив ружье в угол и не расставаясь с кинжалом. Подбегаю к окошку и кричу ему:

— Эй, Осман, я храбрее тебя: хожу без оружия и никого не боюсь.

Осман вспыхивает:

— Твоя нэт душмана (кровника), а моя есть.

Обычай кровавой мести установился в те времена, когда когда закон еще не становился на защиту обиженных, когда сильный притеснял слабого, нахальный обижал скромного. При таком положении страх мести являлся сдерживающим фактором.

Так как родственники и той, и другой стороны бывали втянуты в кровавую месть, то ими предпринимались шаги к примирению. Существовала длиннейшая процедура с визитами нейтральных лиц (в большинстве почетных стариков или мулл), с установленными подарками, и так далее.

Убийца, до момента примирения, не бреется и не стрижет волос — в знак скорби и раскаяния . . . Когда, наконец, родственники убитого соглашаются его принять — он является без папахи и оружия, предшествуемый почетными лицами, приглашенными из других селений, и духовными лицами.

Его ведет за руку мулла. Сзади идут родственники, тоже без оружия и головных уборов. Читается молитва; произносится речь . . . и убийца подводится к матери убитого . . .

Стоя на коленях, убийца молит мать о прощении и просит взять его своим сыном на место убитого. Вслед за убийцей, родственники его тоже делают глубокие поклоны матери убитого и всем его родственникам.

Дальше следует передача подарков и угощений. Убийце сбривают часть волос головы . . . Этим кончается акт примирения. И кончается навсегда.

Между родственниками убитого и убийцы образуется родство (кан-кардат) то есть «вытекающее из дела крови». И это родство не фиктивное: с момента примирения, действительно забывается все старое и убийца фактически становится сыном и вступает в семью.

О таком полном примирении мы, христиане, не можем даже помыслить!

Праздники вносили разнообразие в сонную жизнь аулов. Вообще же, если у кого-либо в ауле веселье, то в нем принимали участие все жители аула.

Такого рода праздник «Той» устроил у себя урядник милиции Ата, и пригласил всю нашу семью. Отец взял меня с собой в это путешествие. С нами поехал начальник участка, а также около десятка всадников милиции в парадных черкессках. Они скакали без всякого повода вперед, возвращались, джигитовали . . .

В ауле уже заливалась зурна и гудел барабан. Везде, на крышах, мужчины и женщины. На главной улице гарцует молодежь. При нашем приближении шум увеличивается. Отец говорил на их языке, знал все их обычаи, его знали многие из жителей, служившие при нем в Дагестанском полку.

Как везде в Азии — встреча гостей носит торжественный характер: почетные лица произносят речи — отец отвечает. Горцы большие мастера создавать красивые картины. Никто не распоряжается, а всадники уже сами выстраиваются позади отца. В известный момент, когда говорит хозяин или гость, зурна умолкает и «зурначи» встают. Жены хозяина и почетные женщины составляют одну группу, почетные старики — другую. Девушки образуют хор. В стороне от них группа танцоров.

Речи кончаются при громких криках во дворе, на улице и при стрельбе на крышах соседних домов.

Выступает хор девушек. Лукаво посматривая на нас, обращаясь то к отцу, то к начальнику участка, они поют веселые куплеты, которые кончаются словами «протоколляр язмас сен», то есть — «не составляй протоколов».

Начинается лезгинка. Все хлопают в ладоши. Выходит танцор и танцует сначала один, а затем приближается к группе девушек. Во время этого танца разыгрывается целая картина: вот кавалер преследует даму, догоняет, дама бросается назад, кавалер несется навстречу ей уже с другой стороны... Он показывает ей и публике все искусство танцора. Выходит другой танцор, и между ними идет состязание в ловкости.

Но настоящие горцы «тавлинцы» предпочитают танцевать без дам. Они не идут по кругу, а танцуют на месте и так быстро, что невозможно уследить за движением их ног. И при этом изящество, непередаваемые движения рук, воинственная поза...

Выхватив кинжал, горец укрепляет его острием кверху, становится спиной к нему и запрокидывается назад до тех пор, пока руки его не упираются в землю. Острие кинжала на какой-нибудь вершок от поясницы. Другой танцор вскакивает на его живот и танцует... а острие кинжала доходит при этом до самого тела акробата. Когда такой танцор поднялся, я заметил на его бешмете пятнышко крови.

Интересен танец стариков. Старик упирается, его вежливо, но настойчиво выталкивают. Наконец он выходит. Он не танцует: он идет в такт лезгинки... танцует он движением рук... всем своим молодецким видом.

Все встают. Хлопанье в ладоши усиливается... Появляются женщины, несущие на подносах угощенье.

Я любил эти сакли со стенами чисто выбеленными внутри и обведенными синими узорами... эти паласы и коври-

ки, низкие тахты с мутаками (тип подушек), развешанные по стенам подносы художественной работы, кувшинчики, оружие...

Я любовался ловкими движениями горцев, скользящих в мягких чувяках по ковру, их уважением к старшим.

«Той», без участия женщин, кончался иногда, к счастью редко, ссорой... Тогда щелкали курки, руки ложились на рукоятки оружия, и веселье переходило в схватку.

Если такая ссора начиналась в присутствии женщин, то самая старшая почетная женщина срывала с себя покрывало — это служило сигналом к прекращению вражды.

Я видел, какое хорошее впечатление производило на дагестанцев знание моим отцом их языка. Сам я на их языке не говорил — знал только отдельные слова и некоторые фразы.

И не только пример отца — был еще другой пример.

Когда моя мать заболела, то ухаживать за ней приехала ее мать — старая армянка, уроженка Кизляра. Горцы пришли в восторг, когда она обратилась к ним на их языке.

— Старая ханум знает наш язык! — с восхищением повторяли они. Она покорила их не только знанием языка. Муж ее, ветеран кавказских войн, был и в Дагестане, воевал с Шамилем, а она бывала с ним везде. Горцы приходили слушать ее рассказы, узнавали в рассказах свои места, слышали фамилии своих отцов и дедов.

Приехал к нам винодел француз Бертрен, и она заговорила с ним по-французски. Эта новость тоже быстро распространилась по аулу.

Но и этот пример не надоумил меня взяться за изучение языков. Родители мои тоже почему-то не обратили внимания на эту сторону воспитания. Была возможность, было время и все это было упущено.

ОМАР

Приехав из корпуса на пасхальные каникулы, я застал в доме молодого лезгина — Омара. На мой вопрос, какова его роль в доме — мать моя сказала, чот он слаб здоровьем, что пусть он делает то, что может, не надрываясь. Веселый, услужливый — Омар быстро завоевал сердца всех, и все пользовались его услугами.

«Омар, поймай курицу», «Омар, сбегай в лавочку» — сыпались поручения. Исполнял он их весьма добросовестно. Так, например, когда его посылали к жене помощника отца, поручая передать поклон и справиться о здоровье — то он, передавая поклон, кланялся, а спрашивая о здоровье — приступал к форменному допросу:

— Игде болит, разэм болит? — и давал советы.

Придерживаясь естественных методов лечения, он советовал:

— Многа гуляй, барашка кушай, много ёхлай (спи) . . .

Когда я приезжал, то всецело завладевал им. Просыпаясь утром я кричал: «Омар!» и не расставался с ним до вечера. Если мы не ехали верхом, то шли в горы или ловили мелкую рыбешку. Он всегда находил, о чем говорить. Если обсуждал чей-нибудь неблаговидный поступок, то глаза его горели и он с жаром восклицал:

— Нэт хорошо!

Чувствовалось, что сам он никогда ничего плохого не сделал бы.

Однажды он держал лошадь в поводу и разговаривал со мной. Я сделал быстрое движние, лошадь испугалась, подняла морду и затылком ударила его в нос. Пошла кровь. Он, вероятно, очень страдал, но все время пожимал мне руку, как бы давая понять, что он понимает мое смущение и хочет меня утешить.

Одно сравнение напрашивается: русских людей поражает здесь, за границей, обращение в суд по вопросам вроде нижеследующих.

Гость моет руки и ранит палец пластинкой от безопасной бритвы, прилипшей к мылу. Он привлекает к суду хозяина — за увечье.

Дачник просит у соседа лестницу, падает, так как лестница ломается — хозяин лестницы привлекается им к суду.

Если бы Омар узнал про такие факты, он сказал бы: «Нэт харашо!»

Решено было взять его с собой в Кисловодск.

В КИСЛОВОДСКЕ

Кисловодский вокзал расположен в гористой части города. При выходе из вокзала бросается в глаза гора, покрытая деревьями — на вершине которой сооружен громадный

крест. Верхняя часть этой «Крестовой горы» занята дачами сослуживца моего отца по Нижегородскому полку В. В. Дикмиза.

Из своего сада семья Дикмиз могла любоваться нарядной толпой и слушать музыку симфонического оркестра из «Курзала». Сам В. В. Дикмиз умер в России, а семья его сейчас в Париже. Вместо прекрасной дачи — две маленьких комнаты на пятом этаже. О прежней жизни говорят лишь кавказская шашка, висящая на стене и фотография курзала.

Курзал — это прекрасное здание в стиле ренессанс. По комфорту, удобству и изяществу оно не уступает лучшим учреждениям этого рода в Европе. Кроме театрального зала и нескольких великолепных зал для музыкальных и танцевальных вечеров, имеются еще многочисленные помещения, уборные и прочее.

Театральный зал роскошно отделан внутри бархатом, бронзой и лепными работами, и рассчитан на 600 зрителей. Гастролеры лучших сцен принимали участие в оперных, драматических и опереточных представлениях. При театре прекрасное фойе с красивым видом на Кисловодск. Ресторан курзала не уступал, по изысканности, столичным. При курзале парк, где первоклассный оркестр давал ежедневно симфонические концерты.

Три минуты ходьбы и вы попадаете в «Нарзанную галерею» — большое продолговатое здание, у выхода из которого, под громадным стеклянным куполом, помещается источник нарзана. Через стекла купола можно наблюдать, как со дна источника, через каждые 20—30 секунд, вырывается свободная угольная кислота. Масса нарзана начинает бурлить, выделяется клубами и пенится. Его наливают в стаканы и предлагают публике бесплатно.

Нарзан приятен на вкус, немного щиплет язык и утоляет жажду лучше воды. Как углекислый источник, он является лучшим и богатейшим в мире; а Кисловодск, по своему климату и разнообразию бальнеологических приспособлений — лучшим в России курортом для сердечных, легочных и других больных. Воздух Кисловодска поражает своей чистотой, что объясняется присутствием в его составе большого количества озона.

От Нарзанной галереи начинается прекрасный парк, идущий по обе стороны реки Ольховки, через которую в разных местах перекинуты изящные мосты. Под громадными

каштанами столики кафе и кондитерские оживляют картину.

Я помню время, когда до Кисловодска еще не доходила железная дорога и его посещали лишь люди богатые.

Столики под каштанами были заполнены изысканной публикой, среди которой можно было наблюдать белые кителя офицеров Кавказской кавалерийской дивизии.

В самую большую жару в парке прохладно. Роскошные пирамидальные тополя, липы, клены, ясеня, дубы, вязы, акации, березы, сирень — создают аллеи, рощицы. В разных углах парка находились читальни, киоски с кумысом и кефиром, площадка для тенниса, кегельбан, купальня. Липовая аллея ведет вдоль Ольховки через весь парк вверх на Царскую площадку и дальше, незаметно для гуляющих, выводит за пределы города — на Красные камни, за которыми, уже вне парка, идут Серые камни, а за ними — Синие горы.

Уже с Красных камней открывается великолепный вид на весь Кисловодск и на виднеющийся вдали Эльбрус, покрытый снегом. Легкий ветерок несет запах душистых трав и, конечно, нигде — ни в парке, ни вне парка — никакой пыли и никаких запахов большого города.

Если от Нарзана перейти через Ольховку на другую сторону парка, то, двигаясь по другой стороне мимо дачи братьев Тарасовых, можно было достичь выхода из парка. Вправо от выхода была наша дача, а влево дача Аглинцевых — родителей моей матери.

Наша дача, незадолго до описываемого мною времени, была продана баронессе де Норман. Я помню дочь баронессы, Лялю, ребенком, помню очаровательной барышней, а в Париж из Бельгии пришла ее фотография уже с мужем и сыном.

Дача Аглинцевых жила своей особой жизнью — не такой, какой жили соседи. Дед мой был в числе первых воинов, осевших в Кисловодске. Облюбовал он себе десятину земли над рекой и построил каменный дом. Впоследствии на той же земле вырастали дома без всякого плана: уехала его жена во Владикавказ к детям — построил он домик, чтобы сделать ей сюрприз. Так и назывался он «Сюрприз». Кисловодск стал заселяться. Жители стали сдавать квартиры дачникам. Были и дедом построены номера для дачников. Постарел дед — не мог выносить детского шума — построил себе беседку в кустах сирени и назвал ее „Mon repos“. Уви-

дела эту беседку француженка учительница и выпросила ее себе — тогда дед построил еще беседку для себя и назвал ее „Mon tombeau“. В довершение всего и отец мой, продав свою дачу, построил домик в 4 комнаты у самых ворот.

Все эти строения были разбросаны без всякого порядка, как горы в Дагестане. Меньше всего думали о том, что дача выходящая прямо в парк (таких было всего семь), могла давать громадный доход, если бы, вместо всех этих симпатичных уголков был построен отель для приезжающих.

И все-таки в летних жильцах недостатка не было. Умиляло петербуржцев то, что на заднем дворе была корова, и то что везде были фруктовые деревья, с которых рвали фрукты все кому не лень; умилял и сам уклад жизни многочисленной семьи Аглинцевых. Приезжий становился членом этой семьи.

К деду на дачу шли ветераны кавказских войн. Помню грузную фигуру сына Шамиля — генерала русской службы, генерала князя И. Г. Амилахвари, помню Измаила Абукова; приходили герои войны 77-го года — генералы Керим-бек-Наврузов и Инал Кусов (оба Нижегородцы, прославившиеся своей ночной конной атакой под Бегли-Ахметом).

Они беседовали о делах давно минувших — слышны были названия Ахульго, Гуниб, Салты . . .

Из комнат доносились звуки пианино — это мои тетки, ученицы консерватории по классу музыки, разучивали «Снегурочку» и плакали в трогательных местах.

Дядя мой Костя, известный уже хирург, беседует под деревьями с двумя конными карачаевцами. Они приехали взять его в горы к больному. Приехали к нему, как к сыну «старого Дауда», известного им еще со времени, когда он был начальником округа в Баталпашинске. Другой дядя, товарищ прокурора, спорит с мужем своей сестры, следователем в Кутаисской губернии, а третий — служащий банка — играет с детьми.

Но центр внимания — это Мавра, маленькая старушка — прачка.

Бабушка моя смотрит на нее печально и говорит:

— Послушай, Мавра, ты все больше и больше портишь белье и постоянно сдаешь нам чужое.

— Ну, уж, барыня, чего там больше — всегда я портила одинаково, — смеется Мавра. Смеются и все присутствующие.

— А помните, барыня, как я ей испортила блузку? —

оживляется Мавра, указывая на мою тетку. — Она, голубушка, сама шила, ниточки рядами выдергивала, а я как прижгу рукав...

У Кости много пациентов. Он ассистент профессоров Субботина и Алексинского. К нему попадают по записи, но Мавре до этого нет дела.

— Костенька, гляньте, что у меня издеся? — подымает она руку. И Костя покорно осматривает больное место.

К началу летнего сезона дедушка и бабушка намечают цены за квартиры и комнаты, но действительность опрокидывает все их предположения. Оля из Петербурга присылает телеграмму: «Еду не одна. а с подругой Надей».

Катя пишет: «Приютите студента — он очень симпатичный, но у него нет денег».

Появляется голодный студент, с ним возятся, кормят, лечат.

А брат деда прямо написал: «Еду умирать!» И действительно: приехал, слег и, проболев около года, умер.

Омару для Кисловодска сшили новую черкеску. Он быстро освоился с дачными порядками. В то лето были одновременно гастроли Собинова и Шаляпина. Собинов имел своих поклонников и поклонниц, Шаляпин — своих. Собинов писал в газетах, что преклоняется перед своими поклонницами. Мои сестры и тетки были «собинистками». Они аплодировали, носились по лестницам театра; устраивали засады. Омар тоже стал собинистом: бегал доставать билеты, аплодировал и кидал вверх папаху. Вначале он смешивал глаголы петь и кричать — и про Собинова говорил: «Вичера Собинов много кирчал...»

Он уже умел читать по-русски. По вечерам, свободная от работы прислуга окружала его и просила почитать газету. Он читал и иногда, не понимая прочитанного, спрашивал: «Это ишто?» Наблюдая его, свободно лавирующего в нарядной толпе, я думал — какая разница между его прежней жизнью в глухом ауле и теперешней.

К концу лета Омар стал интересоваться ботаникой. Он тащил меня на Царскую площадку и дальше за пределы парка. Там он собирал цветы, разные пахучие травы (чобар), делал букеты. «Кому ты готовишь эти букеты?» — спросил я. Он смутился и ничего не сказал. Я, впрочем, и сам видел, что он их преподносит хорошенькой Марише, горничной — общей любимице. Он стеснялся к ней приблизиться. Заглянет в окно кухни, положит букет на подоконник, сделает

Марише знак рукой и убегает. Прислуга добродушно над ним посмеивалась, а Мариша явно к нему благоволила.

На нашей даче, рядом с кухней, была комната выходящая на балкончик, эта комната носила название «Муравейник». Обычно дедушка восседал в плетеном кресле на балкончике, а в «муравейнике» жизнь кипела ключом.. В комнате царил полумрак, толпились многочисленные члены нашей семьи и квартиранты. На столе постоянно стоял большой медный кофейник с кофе для всех желающих. Каждый наливал себе сам. Возвращающиеся из парка не забывали захватить для «муравейника» — кто печенье, кто пирожные, сахар или булки. Все вопросы дня обсуждались в «муравейнике». Оперные певицы Сбруева и Махарина заходили обсуждать вопрос о панихиде по писателе Мордовцеве (у него была в Кисловодске мельница). На панихиде должен был петь хор любителей. Мои тетки тоже входили в этот хор. Часто обсуждался вопрос о разных теннисных состязаниях. Появлялись спортивные девицы и юноши. Спорили. Когда споры принимали бурный характер, то дедушка начинал звонить в колокольчик.

Рано утром «муравейник» пустовал. Однажды я застал в нем бабушку и дедушку. Бабушка говорила:

— Жаль мне его. Парнишка симпатичный. Я его полюбила как сына. Он все забегает ко мне и спрашивает совета, все надеется, что я ему в этом деле помогу. А что я могу сделать: он магометанин — она христианка. Ни его, ни ее родители на этот союз не согласятся. Ее заедят в его семье. От него отшатнутся все... Как он обрадовался, когда я сказала, что перед Богом все равны. «Вот этэ харашо!» — воскликнул он. Когда он приходит и говорит мне: «Бабушкя, ви ничего не придумали?» — то у меня сердце переворачивается... И все-таки с этим надо покончить. Надо ускорить его отъезд в Дагестан. Хотела я задержать его на осень, чтобы он поправил здоровье, но теперь об этом уже думать не приходится. Придется ему сопровождать детей в Дербент.

Я один как-то не замечал то, о чем уже давно кудахтали мои сестры, кузины, тетки и даже квартиранты. Да, Омар полюбил Маришу и она его. Препятствием к браку была разница в вере. До моего сознания не сразу дошла драма Омара. Меня обрадовало то, что он будет сопровождать нас в Дербент, и я поторопился объявить ему эту новость. Омар нес ведро воды, когда я его разыскал. Я радостно крикнул: «Омар, ты поедешь с нами!» Он остановился, выпустил вед-

ро из руки и посмотрел на меня взглядом затравленного зверя. Ничего не сказав, он повернулся и пошел к выходу в парк. Тут только, около брошенного ведра, я понял окончательно, что означало для него это известие.

Мы уезжали через два дня. Было решено, что Маришу отпустят домой и что она прийдет только в последнюю минуту перед нашим отъездом.

И эта минута наступила . . . Мы уже были готовы уходить с дачи, когда бабушка обняла Омара за плечи и повела его прощаться с прислугой. Все волновались. Мои сестры не стесняясь ревели. Отец хмурился и, наконец, деланно строгим голосом крикнул:

— Омар, поторопись прощаться, побеги наверх, посмотри — не забыли ли мы чего-нибудь.

Плачущую Маришу обступили бабы, а Омар поплелся исполнять поручение.

На вокзале моя мать волновалась и просила Омара следить за нами. Я ехал в Тифлис, а мои младшие брат и сестра (Боба и Витя в гимназию в Дербент. Омар успокаивал мою мать:

— Ханум, твоя дэти харашо — моя хорашо; дети пропал — моя пропал . . . — говорил он.

И все-таки мы все чуть было не «пропали» в дороге. Нарядные и легкие дачные вагончики быстро пробежали Эссентуки, Пятигорск, поднялись мимо памятника Лермонтову (на месте дуэли) и Бештау и доставили нас на ст. Минеральные воды.

Там мы пересели в поезд идущий на Баку. В вагоне 2-го класса все купе были заняты. Я занял верхнее место в коридоре против купе. Брат и сестра — тоже, в коридоре соседнего отделения, Омар — еще дальше.

Наступила ночь. Проснулся я от сильного толчка и почувствовал, что лечу вниз. Какие-то тарелки сыпались на меня. Ошеломили крики, треск и стрельба. Упал я на дверь купе, так как вагон валился на бок. Дверь купе открылась и я, вместе с дамой, повисшей на ручке двери, полетели вниз к окну. Вагон наш не скатился с насыпи, так как его подпер, упавший уже раньше, впереди идущий вагон. Стрельба усиливалась. Какие-то люди пробегали вдоль вагонов.

Как оказалось впоследствии, рельсы разобрали злоумышленники (кажется, ингуши). Они знали, что задний вагон был почтовый и вез крупную сумму во Владикавказ. Стреляя вдоль поезда, они бросились к заднему вагону, но

в этот день сзади были прицеплены два пустых вагона, идущих в ремонт. Нападающие растерялись. Тем временем стража залегла за насыпь и открыла огонь.

Тревога быстро передалась в соседние станицы. Замелькали огни . . . послышались выстрелы прибывающих станичников. Нападающие бросились к поезду. Увидели опрокинутые вагоны с пассажирами и заколебались.

В одном из вагонов ехали юнкера Тифлисского пехотного училища и кадеты Тифлисского корпуса — Осипов, Должиков, Баев и другие. С вечера они устроились очень уютно: играли в карты, пели. В вагоне оказалась баба, которая везла целую корзину яиц. Кадеты купили яйца и стали жарить яичницу на свече, воткнутой в бутылку. Вагон их, при крушении, упал на бок. Свеча потухла. Всю честную компанию швырнуло в одну кучу, туда же свалилась баба с корзиной яиц. Окно оказалось наверху. Юнкера, а за ними и кадеты, стали выбираться наверх, не забывая тащить и бабу.

Злоумышленники приняли их за воинскую команду, готовую дать залп и стали отходить к ближайшему лесу.

Немного придя в себя, я пытался открыть дверь в соседнее отделение, но она не открывалась. Когда я вылез в окно, то увидел Витю и Бобу целыми и невредимыми. Немного дальше Омар, с револьвером в руке, озабоченно заглядывал в окна вагонов. При виде нас, он бросился к нам с радостными криками. Он уже успел расстрелять все свои патроны.

Страшное зрелище представляла из себя нога одного пассажира, торчавшая из-под упавшего с насыпи вагона.

Взошло солнце и осветило толпу пассажиров, высыпавших из вагонов. Поле перед поездом являло картину громадной ярмарки.

Группа кадет, с Осиповым во главе, тащила раненого солдата (солдат был ранен в русско-японскоую войну и ехал из госпиталя домой на поправку). Вид кадет с пятнами на гимнастерках (от разбитых яиц) производил впечатление команды, выдержавшей бой с разбойниками.

Мы, то есть я, Витя, Боба и Омар оживленно болтали, бегали вдоль поезда и делились впечатлениями. Омар, впрочем, озабоченно повторял: «Надо ханум телеграмма дать . . .»

К нам присоединились дочери генерала Малама (бывшего командира Нижегородского полка) — Вера и Екатерина. Помню, что я им подарил памятку Нижегородцев по поводу их 200-летнего юбилея. Здесь, в Париже, я им подарил брошюру, написанную мною (о Николаевцах), с надписью, что,

по-видимому, каждые 45 лет я делаю подарки в виде военных брошюр.

С ближайшей станции Беслан, я послал домой телеграмму, что едем благополучно. Но опять вышло не совсем благополучно. После Дербента я ехал один. Около станции Кизил-Бурун, сильнейший толчок, и поезд останавливается. Оказывается, раздавили буйвола.

В Баку в это время была «армяно-татарская резня». Как я потом узнал, с нами в поезде ехал наш квартирант — армянин. Он был убит в Баку, при выходе из вагона.

В КОРПУСЕ

Трудно после каникул браться за книги. Кадеты «ловчатся» — притворяются больными, чтобы получить освобождение от классов. Но корпусной врач знает все уловки кадет.

— Что у тебя? — спрашивает он кадета и берет его руку в свою.

— Большой жар, лихорадка, голова болит . . . может быть холера . . .

— Так . . . так вот, постриги ногти и марш в класс!

Урок танцев. Парами, под звуки полонеза, входим в паркетный зал. Учитель, итальянец Инноченци, разбивает нас по четыре пары и объясняет как танцевать Лансье с его поклонами направо, налево и напротив. Несмотря на то, что в реальном училище не преподавали танцев и дома меня им не учили, и что кадеты уже прошли многое — я не отстаю от них. Переходим к вальсу. Инноченци напоминает пройденное. Звучит вальс и пары начинают кружиться. Пытаюс вальсировать и я, но наша пара не идет вслед за другими, и отходит все больше и больше к центру залы. Возможно, что это было по вине моего компаньона. Подбегает учитель и пытается направить в нужном направлении. Он не выясняет причины, что именно нас сбивает с направления — он только кричит не поворачивать к середине . . . Мы останавливаемся. Товарища моего подхватывает кадет не имеющий пары . . . Я сконфуженно оглядываюсь . . . и удираю с урока . . . удираю навсегда!

В часы танцев я ухожу на урок музыки. Я перешел на всю жизнь в разряд нетанцующих. На корпусные балы я не являлся. Не являлся я потом и на блестящие балы Никола-

евского кавалерийского училища. В училище присылали билеты на балы Пажеского корпуса, Морского корпуса, институтов, и т. д. Юнкера танцевали, увлекались, заводили знакомства, попадали в петербургские салоны и знакомились с Петербургом.

По иронии судьбы, я с успехом, через 20 лет, танцевал перед публикой наурскую лезгинку, и это был мой первый заработок за границей.

Еще 25 лет после этого я опять танцевал лезгинку в день отъезда княгини С. Е. Багратион-Мухранской в Америку. Танцевал я по просьбе княгини Бекович-Черкасской, считающей, что только я один танцую лезгинку по-дагестански... Я бы очень хотел протанцовать лезгинку еще через 25 лет...

Теперь я себя спрашиваю — почему же один неудачный вальс на уроке танцев, имел последствия на протяжении многих лет? Разве в зрелом возрасте человек не может перестроить всю свою жизнь по своему вкусу... не может наверстать потерянное? Оглядываясь назад, я могу сказать, что не всякий человек это делает и громадное значение имеют первые шаги, а также роль родителей и воспитателей.

Отец мой был человек светский — душа общества. Мать была домоседка. Она нигде не бывала и почти никого не принимала. Я себе ее иначе не представляю, как хлопочущей, чтобы нас накормить и одеть. Все свободное время она читала.

Водить детей туда, где есть дети, принимать чужих детей, устраивать для них игры, танцы — ей и в голову не приходило.

С другой стороны, снабженные всем необходимым, дети не знали, как необходимо в жизни именно добиваться и бороться за все.

Я никогда даже не пытался решить задачу по арифметике, раз навсегда решив, что это не для меня. Остальные предметы мне давались легко — я схватывал их «на лету» и никогда ничего не зубрил. В младших классах все шло хорошо, но в старших классах уже чувствовалось, что мои товарищи что-то в свое время выучили и имеют какой-то багаж.

В корпусе в каждом классе был офицер-воспитатель. Почему же он, присутствуя на уроке танцев и видя что у меня дело не клеится, не заинтересовался этим, почему не объяснил мне, что нельзя так легко сдаваться... что надо доби-

ваться? И еще — почему его не заинтересовал тот факт, что я вообще перестал появляться на уроках танцев?

Уже прослужив пять лет в полку, я стал подумывать, наконец, что жить изо дня в день ничем не интересуясь нельзя... Что следует поставить себе какую-то цель и добиваться упорно ее осуществления.

И много раз потом, когда я упорно чего-нибудь добивался — я имел большое удовлетворение от достигнутых результатов.

Человек или катит по тем рельсам, на которые его поставили, или слепой случай изменяет его путь, или же сам он, своей настойчивостью, пробивает себе путь к намеченной цели.

* * *

С 1904 года мирная жизнь в корпусе часто нарушалась. Началась война с японцами. Отцы и братья многих кадет были на фронте. Кадеты читали военные сообщения, волновались, обсуждали. Все мы откладывали сахар для отправки на фронт. Потом началась армяно-татарская резня. По вечерам до корпуса доносились звуки выстрелов с окраин города. Кадеты наблюдали целые караваны извозчиков, везущих армян из татарских кварталов. На подножках стояли с белыми повязками «нейтральные», то есть грузины и русские. Эти же нейтральные сопровождали татар в обратном направлении.

А затем пошли революционные вспышки, и чем дальше, тем больше. То рабочий квартал Нахаловки занят революционерами, то вокзал в руках революционеров и железнодорожное сообщение прервано... то ползут слухи, что целая область в районе Кутаиса восстала, и войска ведут там форменные бои.

В Тифлисе герой дня — полицмейстер Мартынов. Его часто можно видеть несущимся в пролетке с револьвером в руке и одной ногой опущенной на ступеньку. Рядом с ним, в такой же позе, помещался его телохранитель. В пролетку, однажды, была брошена бомба, но не разорвалась. В тот же миг Мартынов соскочил с пролетки, подбежал к бросившему бомбу и уложил его из револьвера. Рассказывали, что он по веревке спустился в подземелье, где была тайная квартира революционеров. Много невероятных вещей рассказы-

вали про него, и в конце концов нельзя уже было отличить правду от вымысла.

Однажды в корпус зашел генерал Грязнов — красивый мужчина в форме Гродненского гусарского полка. В тот же день до корпуса донесся шум от взрыва бомбы и мы узнали, что генерал Грязнов убит.

В корпусе были частые тревоги. 1-я рота, вооруженная берданками, несла охрану здания.

А однажды мы попали и в серьезную перепалку. В городе была манифестация революционеров. На другой день состоялась контрманифестация. Когда эта контрманифестация проходила мимо корпуса, то кадеты к ней присоединились и оказались в голове колонны, рядом с юнкерами Тифлисского пехотного училища. Когда голова манифестации поравнялась со зданием, в котором помещался клуб «Кружок», то из этого здания стали стрелять в толпу, стреляли со стороны 1-й мужской гимназии. Через несколько минут уже нельзя было разобрать, кто и куда стреляет. Большая часть публики ринулась вниз по Барятинскому подъему.

Посмотрел я в ту сторону и пришел в ужас: под стенами домов и вдоль ограды Александровского сада народ лежал грудами. Я не знал что люди легли спасаясь от пуль, и решил что все это убитые. А тут еще выбежала рота солдат из комендантского управления и открыла огонь через наши головы по домам. Наступил форменный ад: шум, дым, крики . . .

Что-то резануло меня по щеке. Я боялся дотронуться рукой, но потом сообразил, что это телеграфная проволока, перебитая залпом пехоты, она клубилась везде. Пронесся взвод драгун.

Ведут арестованных. Юнкера, со штыками в руках, видны повсюду: они бросаются в дома, откуда стреляют, выводят оттуда арестованных, переносят раненых.

Когда все немного успокоилось, то небольшая группа манифестантов снова собралась и двинулась к дворцу Наместника. В этой группе оказались и мы — кадеты. Кто-то громко крикнул:

— Флаги вперед!

Тогда только я заметил, что не потерял в суматохе своего флага.

В этот день был убит офицер нашего корпуса, капитан Прозоров, и ранен кадет Власов. Был также убит юнкер Тисов.

Корпусное начальство нервничало: опасались нападения на корпус. По ночам, у винтовок, выставлялся особый дневальный. Дежурный офицер, в сопровождении двух солдат, обходил все пустые помещения.

По субботам большинство кадет уходит в отпуск. Оставшиеся скучают... Хочется развлечься. И мы, человек шест из выпускного класса, не ушедшие в город, решаем послать солдата за «жратвой». Кормили нас неплохо, но всегда хотелось какого-то разнообразия.

Список лакомств составлялся долго. Халва, шпроты, колбаса, французские булки, пирожные — не вызывают возражений и вносятся в список. После некоторого колебания добавляется полбутылка водки. Относительно фруктов немного спорим, а предложение одного из нас, купить «пшаты», вызывает единодушный протест. Пшаты — фрукт коварный. Вид заманчивый; похож на кизил. Берешь его в рот, и первое впечатление — это удивление, которое затем переходит в негодование: едва раскусишь, как рот заполняется какой-то мукой, пресной, противной. Мука эта моментально впитывает в себя всю влагу во рту... Хочешь проглотить и не можешь. И... жалко истраченных денег.

Однажды на уроке естественной истории, преподаватель Козьмин долго говорил о чудесах природы.

— Одних только бабочек тысячи разных видов. Есть насекомые, цвет которых принимает окраску растений, на которые садятся эти насекомые. И все в природе имеет свое назначение! — воскликнул он.

— Василий Тимофеевич, а какое назначение имеют пшаты? — коварно спросил Гогоберидзе.

Бедный Козьмин растерялся, раскрыл рот и не знал, что ответить. К счастью раздался звонок, и Козьмин, махнув безнадежно рукой, поспешил вон из класса.

Халва, в отличие от пшаты, сулит кадету большое удовольствие. Ею начиняют французскую булку, прибавив туда кусочки смоченного в воде сахара. Зажатую между двумя учебниками (лучше всего — между физикой Краевича и географией Виноградова), булку помещают на полу под ножками парты. Булка сплющивается; халва дает сок, который ее пропитывает. Остается только обрезать края, а середину нарезать на длинные ломтики. Кадет ест, наслаждается... и его потом слегка тошнит...

Когда все продукты внесены в список, то делается под-

счет, и против фамилии каждого отмечается сумма внесенного им аванса.

Солдат отказывается идти за покупками, ссылаясь на запрещение, но, получив пять копеек «за «проход» — соглашается.

В приятном ожидании проводим мы минут пятнадцать-двадцать, потом начинаем беспокоиться . . . Чуем беду . . .

Так и есть. В класс влетает ротный командир. В его руках наш список и он выкрикивает:

— Вержбицкий, Танутров, Шах-Тахтинский, Нечволодов, Образцов . . . марш в дежурную комнату!

Как потом выяснилось, солдат честно купил все что нужно, уложил в ведро и стал подыматься по заброшенной лестнице, ведущей из подвального помещения на чердак. На нашу и его беду, дежурный офицер делал обход и услышал шаги на лестнице. Он и сопровождавшие его солдаты притаились. Шаги приближаются . . . С револьвером в одной руке и электрическим фонариком в другой, дежурный офицер мужественно выскакивает вперед.

— Стой, руки вверх! — луч света падает на человека, держащего в руках что-то блестящее.

«Бомба!» — решает офицер. Раздается стук металлического предмета, брошенного на каменную плиту . . . Человек исчезает. Теперь уже ясно видна «бомба», поблескивающая на площадке. Может быть она снабжена часовым механизмом?

Через минуту она уже в руках офицера. Мирно покоится в ведре халва, виднеются шпроты и, что хуже всего, выглядывает горлышко водки Смирнова.

«Принимая во внимание хорошее поведение в прошлом и . . .» так далее — нам только сбавили по одному балу по поведению . . .

МЕЧТЫ ШЕРИПА

По окончании корпуса я был принят в Николаевское кавалерийское училище.

Приехав на лето в Маджалис, я нашел там все по старому. Дагестанцы любят проводить время на улице. В ауле никаких скамеек или завалинок при домах нет. Присядет хозяин у стены на корточки и может сидеть так часами.

Подойдет сосед, присядет рядом — подойдут потом и другие... Сидят, беседуют, а жены в это время хозяйничают. Проходит или проезжает путник — останавливается и начинается обмен новостями. И новости в горах распространяются поразительно быстро. В Маджалисе местный клуб — это стена около управления начальника округа.

Среди постоянных посетителей клуба я заметил новое лицо. Это был всадник милиции Шерип. Он целыми днями возился со своим оружием — разбирал, чистил, показывал другим. Горцы любят рассматривать оружие, спорить об его достоинствах, покупать друг у друга, менять. Шерип занимался этим с увлечением: сегодня он отдает кинжал, приплачивает что-то и получает шашку. Завтра он уже хочет шашку менять на бурку. В этих операциях принимают участие все. Вещь переходит из рук в руки. И не только вещи. Сплошь и рядом объектом мены является лошадь. На нее садятся, гарцуют... Шерип определенно вооружался и подбирал себе коня. И в конце концов он открыл мне свою тайну. Его тянуло в разбойники. В соседнем округе оперировал его родственник — знаменитый Баба. Идти в разбойники или нет? Вот вопрос, который его мучил. После долгих колебаний он решил, что пока я дома — он будет служить в милиции, а когда я уеду, когда наступит осень и жизнь станет скучной, то он уйдет в шайку Бабá.

Уже когда я был в училище, отец написал мне, что Бабá перенес свою деятельность в наш (Кайтах-Табассаранский) округ; что энергичный начальник участка Шах-Мурзаев выследил его и вызвал по тревоге сотню милиции. После короткой погони сотня настигла Бабá. Завязалась ожесточенная перестрелка... Бабá и некоторые члены его шайки были убиты.

У меня в то время были другие заботы и я забыл справиться — был ли Шерип к тому времени в шайке, или нет.

АУЛ АХТЫ

Подружился я еще с одним всадником милиции. Это был старик Адам. Во время русско-турецкой войны 1877—78 гг. в Дагестане кое-где были волнения. И в то время, когда Дагестанский конный полк покрывал себя славой в рядах русских войск (как впоследствии в русско-японскую войну и войну 1914 года), некоторые аулы подняли восстание. Аул

Башлы, родина Адама, был разрушен нашей артиллерией и Адам сослан в Россию отбывать воинскую повинность (вообще же дагестанцы были освобождены от воинской повинности). Попал он в лейб-гвардии Кексгольмский полк. Службой в этом полку он очень гордился.

По возвращении в Дагестан он нигде не мог долго ужиться, а последнее время занимался разбоем. Незадолго до моего приезда, он дал моему отцу торжественную клятву больше не разбойничать, и сделался милиционером. Он любил путешествовать и постоянно подбивал меня на поездки в горы. Вместе с ним я иногда проводил в горах два-три дня.

Однажды мы предприняли большое путешествие в аул Ахты. В одном месте тропинка шла по карнизу отвесной скалы над пропастью. Эта тропинка была так узка, что не давала возможности разминуться со встречными и приходилось кричать и даже стрелять, чтобы выяснить — нет ли кого-нибудь впереди. Люди и лошади инстинктивно жались к скале и вся она была почерневшая, просаленная и как бы полированная.

Кое-как я освоился с таким положением, а впереди было еще большее испытание: тропинка повернула за угол и оборвалась. Она продолжалась по краю скалы, которая была напротив. Существовало нечто вроде мостика: ползучее растение было притянуто на другую сторону и укреплено. Сверху набросаны ветки — и мостик качался. Щель была неширокая: один шал на мостик и вы уже на другой стороне. Но сознание, что шагаешь над пропастью — отбивало охоту сделать этот шаг. Лошадь должна была перескочить рядом с мостиком. Там щель была еще уже.

Внизу были видны крыши домов аула, дороги, по которым ползли как черепахи, арбы, шли люди . .

Мы прошли по мостику, но наши лошади не решались сделать прыжок. На наше счастье подошел горец с козой и собакой. Когда он со своими животными перешел мостик, то лошадь Адама решилась и перескочила. Моя же топталась в нерешительности. Мы сделали вид, что оставляем ее и уходим, а горец слегка похлопывал ее плетью, как бы напоминая ей что надо решиться. Адам издали свистел и звал ее.

Наконец она перескочила через щель и бросилась к нам, заржав от радости. Мы все стали ее ласкать. Она была мокрая от волнения. Адам говорил:

— Ну, ничего, ничего — назад ты пойдешь другой дорогой.

Бедная лошадка не понимала его слов, а у меня от сердца отлегло...

Измученные путешествием мы, наконец, добрались до громадного утеса. Внизу катил свои воды Самур, а на склоне противоположной горы виднелся аул Ахты.

Мы стояли на историческом месте. Сюда в 1848 году подошел русский отряд, под командой князя Аргутинского-Долгорукого, идущий на выручку русского гарнизона крепости Ахты. Было известно, что пятнадцатитысячное скопище Шамиля обрушилось на Ахты, чтобы открыть себе путь в Закавказье. Весь округ был в восстании. После взрыва порохового погреба, Шамиль штурмовал разрушенные бастионы. Штурм был отбит, но потери гарнизона были так велики, что под ружьем оставалось не более 350 человек.

Князь Аргутинский видел крепость в клубах порохового дыма. Над серой массой аула виднелось зеленое знамя Шамиля, а кругом, насколько мог видеть глаз, стояли толпы неприятеля. Крепость гибла... Все горцы с напряженным вниманием ожидали, чем кончится грозное нашествие имама.

Но мост через Самур горел и отряд не имел возможности подойти к крепости. Князь Аргутинский решил повернуть отряд и пойти в обход — на что требовалось два дня. Нужно было перевалить два горных хребта, почти без дорог, и пробить себе с боем дорогу в долине Самура.

«Из укрепления сотни глаз наблюдали за каждым движением нашей колонны и когда увидели, что она повернула назад — безотрадное чувство охватило всех.

Смертельно раненый комендант крепости, полковник Рот, призвал к себе всех офицеров и сказал им:

— Клянитесь взорвать укрепление при последней крайности — это моя последняя воля.

Офицеры дали клятву умирающему, успокоили его и вышли, оставив при нем его дочь — только что приехавшую из института.

Шесть дней уже защищались Ахты. Несколько штурмов было отбито, но положение с каждым днем становилось все хуже. Это сознавали все и стали готовиться к смерти. 20 сентября Шамиль повел решительный приступ и были минуты, когда можно было бояться за участь укрепления.

Малиновое знамя имама, несколько раз опрокидываемое и поднимаемое, уже стояло на бастионе, а на валах кругом

пестрели значки мюридов. Но гарнизон напряг последние силы, под ружье стали больные, раненые, жены офицеров — и падение крепости еще раз было отсрочено.

Малиновое знамя свалилось в ров крепости и больше уже не показывалось. Весь следующий день мюриды готовились к новому приступу.

Из укрепления хорошо был виден большой зеленый намет, под которым сидел Шамиль, окруженный своими наибами, и его суровая фигура, казалось, говорила:

— Возьму — и никому пощады . . .

Всю ночь на 22-е число гарнизон не ложился спать, ожидая нападения, и у пороховых погребов курились зажженные фитили. Все понимали, что отстоять укрепление, обратившееся в груду развалин, уже невозможно . . .»

Отряд князя Аргутинского, после трудного перехода в горах и опасной переправы через Самур, стал выходить из узкого ущелья в долину Мискинджи, но выход был прегражден огромным завалом, уходящим далеко в горы. Над завалом развевались значки лучших наибов Шамиля.

Для штурма завала у князя Аргутинского было слишком мало войска, а обход его потребовал бы опять дня два-три. Князь Аргутинский приказал Ширванцам атаковать завал.

«Атака Ширванцев была одним из блистательнейших кавказских приступов. Они потеряли четвертую часть нижних чинов, но Мискинджи были взяты и главные силы Шамиля бежали по дороге в Ахты».

Наша конница задержалась на узкой тропе в ущелье, так как идущая впереди милиция топталась на месте, не решаясь атаковать Хаджи-Мурата. Тогда, идущий сзади под командой майора Тихоцкого дивизион Нижегородцев ринулся вперед, смял милицию и, пробившись сквозь ее ряды, вынесся из ущелья. Коннице удалось захватить арьергард уходящих мюридов. Князь Аргутинский, захватив с собой драгун, поспешил в Ахты.

Окрестные аулы были уже пусты. Шамиль снял осаду.

«Герой защиты крепости, бледный и измученный ранами, капитан Новоселов, бесстрастно рапортовал князю Аргутинскому о состоянии гарнизона.

Этот маленький и тщедушный офицер вовсе не казался героем, а между тем бессмертное дело его было налицо, и все, други и недруги, называли его виновником той холодной решимости, с которой гарнизон обрек себя на смерть . . .»

Известный уже читателю генерал И. Д. Лазарев, тогда

еще в чине поручика, командовал ротой Ширванцев. При штурме завала он бросился вперед с криком:

— Седьмая рота, за мной! — и тут же упал, рядом со смертельно раненым капитаном Добрышиным. Он неминуемо скатился бы с откоса и погиб в пучине Самура, к счастью один из унтер-офицеров вовремя его поддержал. Он был тяжело ранен: пуля прошла шею навылет.

Доктора считали его рану смертельной, находя, что задета сонная артерия. Брат его, тоже офицер Ширванского полка, решил обратиться к туземному врачу — хакиму Фитили из аула Чох и привел его к раненому. Вот что рассказывал потом Лазарев о лечении Фитили.

«Осмотрев рану, он весело улыбнулся и сказал:

— Ничего, будешь здоров, — потребовал полстакана спирта, прованского масла, горсть муки, примешал к этому какие-то травы, потом вскипятил все на огне, — и через полчаса мазь была готова. Когда он приложил ее к ранам, жар почти моментально унялся, но зато на шее стал образовываться громадный нарыв, который, видимо, радовал нашего хакима. Через несколько времени он его вскрыл и с торжеством вытащил оттуда кусок галуна . . . пуля, пробивши воротник и шею, втянула в рану оторванный кусок галуна, который и произвел воспаление. Не вызови Фитили — гаджи этого нарыва, дело неминуемо окончилось бы антоновым огнем и смертью».

АУЛ КУБАЧИ

Немного времени прошло после поездки в Ахты, а Адам уже начал строить новые планы. На этот раз разговор шел о поездке в самый отдаленный участок округа отца — в аул Кубачи, который был уже на земле аварцев. Отец давно собирался побывать там, и мы отправились.

От Маджалиса дорога сразу начинает подниматься в гору, а от аула Сулевкент она превращается в каменистую тропинку. Аул Кубачи издали похож на ласточкино гнездо, так как он лепится на отвесной скале, причем крыша одного дома является двором другого и аул доходит до самой вершины горы. Нам казалось, что мы совсем близко от него, но тропинка причудливо извивалась и было впечатление, что мы от аула удаляемся. Временами тропинка шла по карнизу скалы над глубоким обрывом, на дне которого был полу-

мрак. Изредка луч солнца проникал и туда. Осветит ручей, заиграет на воде, скользнет дальше и мы видим стадо баранов, как бы прилепленное к горе. Чистый воздух, какая-то легкость, ежеминутная смена картин природы — создают особенное радостное настроение...

Проводник заранее спрашивает, в какую часть аула мы хотим попасть и выбирает соответствующую тропинку, так как в самом ауле уже улиц нет.

Еще один поворот и Кубачи, освещенные лучами заходящего солнца, оказались прямо перед нами. Мы остановились, пораженные изумительной картиной: все скалы были покрыты живописными группами кубачинцев, которые вышли встречать отца. Солнце играло на серебряной и золотой насечке их кинжалов, шашек, пистолетов, на газырях черкесок и на галунах бешметов.

Главное занятие кубачинцев — это художественная насечка на оружии и на слоновой кости. Они выделывают также всевозможные пояса; застежки, узоры на подносах и т. д. Вот все эти украшения они и надели, встречая нас. Кубачинцы говорят на языке своих соседей, но у них есть свой язык, на котором говорят только они.

По молодости я не заинтересовался их прошлым, но, как будто бы, их предки были генуэзцы, выписанные в Дагестан арабами (по-видимому в Дербент) и ушедшие в горы, спасаясь от разных завоевателей. Один кубачинец, антиквар, показывал нам старинную посуду и изображение рыцарей в доспехах, высеченное на скале. Он многое объяснял и, по-видимому, говорил о крестовых походах. Сам он считал кубачинцев потомками французов, проходивших Кавказ во времена крестовых походов.

В соседних аулах были жители не видевшие никогда железной дороги. А кубачинцы бывали везде. Зимой они сидят дома и готовят свои изделия, а летом и осенью их можно было встретить продающими свой товар на модных курортах Кавказа, Крыма, в Турции, на юге Франции и в Италии. Многие из них знают иностранные языки. На всемирной выставке в Париже в 1937 году можно было видеть в советском павильоне изделия кубачинцев, и среди этих изделий бюст Ленина из слоновой кости.

Вечером, по случаю нашего приезда, был «той». Мы сидели на крыше и любовались, как постепенно вспыхивали огоньки в саклях где-то внизу, по соседству с нами и далеко на самой вершине горы. Аул казался каким-то волшебным

фонарем, висящим в воздухе. И временами казалось, что и мы плывем на каком-то воздушном корабле среди моря огней.

Начались танцы под звуки зурны. Танцевали не только на нашей крыше, но и на крышах соседних домов, где зажгли полукругом факелы. Перед нами по канату проходили канатные плясуны (паливан кардаши), выступали певцы и лучшие танцоры.

Отец мой подошел к краю крыши и обратился с речью к тем кого было видно, и к тем кто был где-то в темноте. И после каждой его фразы отовсюду неслись возгласы:

— Начальник сеным сауол!

Этой поездкой закончились мои путешествия по горам.

Лето кончилось — нужно было собираться в Петербург в Николаевское кавалерийское училище. От нас до железной дороги было 20 верст, но ехать было довольно опасно, так как разбойник Бабá заглядывал и в округ отца. Он даже обложил особой данью все рыбные промыслы по берегу моря. Часть добычи он уделял бедным жителям (обычный прием всех разбойников) и этим привлек их симпатии.

Почти накануне отъезда, посланный отцом разъезд каракайтахской милиции захватил одного разбойника из шайки Бабá и привел в управление отца.

На допросе разбойник, между прочим сказал отцу:

— Я много раз мог убить тебя. Один раз ты ехал на станцию. Я сидел за плетнем, окружающим дерево. (Почтовая дорога была обсажена ореховыми деревьями. Плетни ограждали их от порчи, производимой проходящей скотиной и лесными зверями.) Я готов был стрелять, но рядом с тобой сидел мальчик, — вон тот, что бегает сейчас во дворе, — указал он на меня.

Этот же разбойник наблюдал маевку, которую устроил начальник станции Мамед-Кала. Компания расположилась тогда в лесу против станции. Много пили, смеялись танцевали. Один армянин из Баку подошел к дереву и изображал разговор по телефону: он крутил воображаемую ручку (старая модель) и выкрикивал: «Компания Мехмандерова? .. Что? .. Похоронное бюро? .. Не надо! .. Отцепите скорее! ..»

Разбойник все это наблюдал и смеялся, сидя на соседнем дереве. Он поджидал своих товарищей, которые, к счастью, опоздали . . .

**
*

В конце августа мы с отцом подъезжали к станции, где я должен был сесть в поезд, отвозящий меня в Петербург. Отец советовал мне учиться хорошо:

— Ты будешь офицером. Можешь потом окончить Академию генерального штаба — сделать карьеру... А в противном случае будешь прозябать в глуши, вроде этого начаальника станции Филова...

Много лет прошло с тех пор... и как иногда потом я хотел бы «прозябать» где-нибудь на должности начальника станции, с его квартирой в 3 комнаты, с садиком и огородом!..

Омар и старый Адам тряслись верхами сзади нашей коляски — под предлогом охраны от разбойников. С ними был и будущий разбойник — Шерип.

Подошел поезд... Из вагона, занятого кадетами, замахали руками. Замелькали знакомые лица.

— Буду ждать тебя на каникулы бравым юнкером, — говорил мне отец на прощанье.

В окно уходящего поезда я видел его в черкесске, с откинутым назад алым дагестанским башлыком. Адам и Шерип махали папахами.

Отца и этих всадников я видел в последний раз. Отец умер весной, простудившись на балу в Кисловодске.

В последнюю минуту Омар вскочил в вагон и проехал со мной до станции Кая-Кент... Омара я тоже никогда больше не увидел.

Уже здесь, в эмиграции, как-то раз одна мысль поразила меня: как же могло случиться, что я никогда впоследствии не сделал попытки отыскать его? Почему мне ни разу не пришло на ум представить его себе где-нибудь в глуши, в бедном ауле? Представить себе нуждающимся, может быть больным. Как легко можно было порекомендовать его на место в том же Кисловодске, или к кому-нибудь в полку!

Он несомненно вспоминал период жизни, когда он был моим другом. Ждал от меня весточки. Тяжело вздыхал и думал: «Нэт харашо!»

Конечно, меня увлекла новая жизнь: училище, полк, война, революция..., но почему же и матери моей — женщине доброй — никогда не пришло на ум напомнить мне об Омаре?

А теперь... Как хотел бы я крикнуть ему туда на дале-

кий Кавказ, какое-нибудь слово привета... Но, увы, слишком поздно... Время прошло. Это самое время, которым мы не можем пользоваться и не делаем вовремя того, что нужно и легко сделать.

Родители, учителя, воспитатели — должны внушать молодежи, что от умения пользоваться временем многое зависит в жизни, и что на старости лет большинство людей жалеет о даром прошедшем времени.

НИКОЛАЕВСКОЕ КАВАЛЕРИЙСКОЕ УЧИЛИЩЕ

В Петербурге корпусной воспитатель, капитан Ассеев, начал развозить кадет по училищам. Училища еще были в Красносельском авангардном лагере.

Короткий переезд от Балтийского вокзала, и мы вылезаем из поезда в дачном местечке Дудергоф. Влево, над вокзалом, гора Дудергоф, о которой юнкера поют в «Звериаде»:

«Темно... Темно... Лишь на вершине Дудергофа филин жалобно кричит...»

На вокзале дачная толпа. Напротив — озеро, а по ту сторону озера Павловское военное училище; Константиновское и Михайловское артиллерийские училища. Рядом с Михайловским — Николаевское училище. Отходя от озера на Кавелахтские высоты — Офицерская кавалерийская школа. Юнкера всех училищь бороздят озеро на лодках, на лыжах и даже на небольших парусниках. Поровнявшись с нами они, с особым щегольством, командуют: «Весла» и перестают грести, подняв весла над водой. По команде нашего офицера: «На воду», юнкера продолжают грести.

Бараки юнкеров наполнены шумной загорелой молодежью. После кадет, с их брюками навыпуск, юнкера — в рейтузах и в высоких сапогах — кажутся стройнее и изящнее. Не тот дух, что в Тифлисском корпусе: в корпусе были в большинстве сыновья офицеров старых кавказских пехотных полков. В Николаевском училище чувствовалась близость гвардии, блестящего петербургского двора, петербургских салонов. Много старых традиций. Юнкера старшего курса — «корнеты»; юнкера младшего курса — «звери». Для зверя время должно остановиться: на вопрос корнета — какое сегодня число — он неизменно должен отвечать:

— Первое сентября. (Это день поступления в училище.)

Меня оглушили сигналы, команды и звон сотни шпор. Вахмистр эскадрона (по традиции — «Земной бог») граф де-Тулуз-Лотрек — шикарен.

Обращаясь ко вновь прибывшим, он объясняет, что юнкер должен быть подтянут, дисциплинирован и быть все время наготове:

— Устал, хочется поспать, хочется сладенького... все это надо забыть...

Свою речь он кончает словами:

— Тут вам не институт благородных девиц!

Не успели мы водвориться в бараке, как уже почувствовали — что значит быть все время наготове: только сядешь на койку, как в барак входит корнет и молодежь, «вся как один», должна вставать.

— Опаздываете... больше внимания! — кричат нам.

Корнеты знакомят молодежь с традициями «Славной Школы», то есть Николаевского кавалерийского училища. Традиционная песнь юнкеров «Звериада» гласит, между прочим: «А вам кадетам, гимназистам, давным-давно понять пора, что вы уже больше не мальчишки, а Славной Школы юнкера...»

Фатовство высмеивается: «И вы лишь жалкие фатишки — вот все, что можно вам сказать».

К наукам, наружно, надо показывать презрение: «Учить уроков не трудись — не выйдет толку никогда...» По секрету, однако, советуют все же подзубривать.

Особая песня высмеивает химию, как науку трудную и не нужную лихому кавалеристу: «Химия, химия... сугубая химия...» — и дальше песнь поясняет, что такое химия: «Кусок мяса посолили — солонину получили...» (Фамилия преподавателя химии была — Солонина). «Бор встречается в природе в виде борной кислоты и сгорая в водороде дает бурые пары...»

Химия — это враг не только людей, но и животных: «На заборе сидит кот, у кота болит живот — химия, химия, сугубая химия...»

Учить и знать нужно кавалерийские полки — их формы, стоянки, фамилии командиров. Внушается всякими способами любовь к коннице, уважение к славному прошлому полков и необходимость поддерживать и в будущем эту славу.

Оставшиеся на второй год на младшем курсе считаются, по традиции, майорами. Есть еще резновидность — это те, которые поступили на младший курс, не дотянули до конца

учебного года и на следующий год поступили опять. Это «пассажиры» и они имеют при себе всегда билет третьего класса железной дороги, что спасает их от цукания корнет. Майоры при переходе на старший курс считаются полковниками.

Если юнкера отчислили из училища, то он поступает вольноопределяющимся в какой-нибудь полк — это называлось — «командовать полчком». Такой юнкер при поступлении вновь в Школу считался уже полковником.

Нужно иметь особую выносливость, чтобы выдержать первые месяцы пребывания в Школе. Утром — четыре часа строевых занятий. Первое время на езде не дают стремян и даже поводья требуют положить на шею коня. Держаться в седле надо «на честном слове». Манежи крытые, на полу слой опилок, но падать всегда не интересно. Лошади идут по кругу рысью, идут галопом и прыгают через барьеры. Щелкает бич, и юнкера сыплятся с седел «как горох». Цепляться за шею или за гриву — позор. Потерял юнкер равновесие — офицер уже кричит: «Падайте, не цепляйтесь!»

Падать надо по системе Носовича (известного спортсмена — офицера Северского драгунского полка), то есть не выставляя рук вперед, ибо это грозит вывихом руки или переломом ключицы. Увечья часты: из 17 человек смены, где я был, один сломал ногу, а трое вывихнули руки.

Юнкера, оказавшиеся негодными к строю или неспособные к наукам, отчислялись к декабрю месяцу из Училища. Попадали в «декабристы».

Первый урок езды. Садимся на лошадей. Седла без стремян. Идем в манеже по кругу шагом, потом рысью.

— Руки в стороны, — командует ротмистр Непокойчицкий.

Седло скользкое, держишься «на честном слове» — а Володя Андреев уже катится на землю. Ему, по традиции, как первому «зарепившему», преподносят брелок в виде репы. Идем галопом, и Володя опять на земле — это дает ему право на серебряную репу.

— Галопом, — снова командует Непокойчицкий.

Оглядываемся на Володю — он улыбается и падать не собирается: очередь за митей Гумилевым.

После обеда четыре часа занятий в классе, а вечером приготовление репетиций. День кончен и засыпаешь едва голова коснется подушки . . . Но будит корнет, и вежливо просит пожелать ему спокойной ночи. Пожелание это, по установ-

ленной форме, длинное. Подробно, по фамилиям, надо перечислять нелюбимых начальников, с пожеланием не видеть их во сне. Эпитеты, которыми награждаются эти начальники, очень метки и не совсем вежливы. Корнет благодарит и отходит.

Белье молодежь должна складывать особым способом — квадратиком. Корнеты проверяют сложенное белье особой меркой, будят зверя и просят сложить правильнее. Но, самое плохое — это если попросят явиться «по первой трубочке». Это значит, что надо встать утром раньше чем зазвучит первый раз труба (для дежурных) и явиться при звуке трубы корнету. Корнет благодарит и снова засыпает еще на четверть часа, то есть до второй трубы.

Звук второй трубы приносит молодежи заботы без конца. Для утренней переклички эскадрон строится в «Белом зале» с колоннами. Уже за несколько минут до сигнала, более предусмотрительные юнкера становятся приблизительно против своих мест в строю. Те же, которые остались в спальне, попадают в затруднительное положение. Из спальни в коридор много выходов, но ближайший к залу — для корнетов, а звери должны бежать в самый дальний.

— Опаздываете! — кричит им корнет вдогонку.

При звуке трубы вахмистр уже командует:

— Становись ... равняйсь ... смирно ...

Ушел из училища вахмистр Лотрек и на его место назначен был мой земляк по Кисловодску Пшимурза Тамбиев. Тамбиевы имели в Кисловодске дачи, в центре города была их гостиница. Я знал об их существовании, но не был знаком. По традиции, зверь не мог быть знакомым с корнетом. Поэтому, когда Тамбиев спрашивал меня, знал ли я его — я отвечал, что не знал ... Брат его Эльмурза был одного выпуска со мной.

Некоторые юнкера умудрялись «командовать полчком» два раза. При мне таковым был юнкер князь Контакузен. По традиции он считался генералом и мы становились перед ним «во-фронт». Он признавал из наук только иппологию, гимнастику на кольцах, фехтование, езду и вольтижировку. Едет он как-то раз на извозчике. Обгоняет Великий князь Константин Константинович.

— Матвей, тебя еще не выперли из школы? — удивляется он.

— Никак нет, Ваше Императорское Высочество ... Вашими молитвами ...

Рука Великого князя делает отрицательный жест:
— За таких не молюсь.

Суббота. Юнкера торопятся в отпуск. С верхнего этажа (голубятни) сбегают юнкера сотни. Мелькают формы всех войск — красные лампасы донцов, желтые — забайкальцев, черкески терских и кубанских казаков . . .

Юнкера эскадрона облачаются во все собственное. В помещении звон шпор. В моде шпора Савельева и «карибуты». У всех заново отлакированы белые портупеи, красивые каракулевые драгунки с андреевской звездой. Многие отступают от формы и надевают рейтузы галифе или бриджи, рискуя остаться за это без отпуска. Гордость кавалерийского юнкера — это длинная, с разрезом сзади, шинель. Звон шпор должен быть особый — «малиновый». Муднир, заказанный у Каплана; сапоги — у Гозэ . . .

Уходя нужно явиться к дежурному офицеру. Малейшая неисправность в одежде, пятнышко на белых перчатках, незастегнутая пуговица, неловкий поворот — и юнкер может остаться без отпуска. А отпуск сулит столько удовольствий!

Но вот последняя преграда позади и юнкер на улице. По традиции он должен ехать на скромном извозчике. Сесть на «лихача» — плохой тон. Шататься по улицам пешком, глазеть на витрины, нести под мышкой кулек или хлеб — вещь недопустимая. Корнеты внушают молодежи: «Останавливаться против мясных, курных и зеленных лавок и выражать свои вострогн при виде всевозможных яств — строго воспрещается . . .»

Главная забота юнкера на улице — это отчетливо отдавать честь направо и налево.

ЮНКЕР ЭЙМЕЛЕУС

Училище опустело . . . Я — дневальный и брожу между рядами коек . . .

— Примите новичка Эймелеуса и покажите ему все, — обращается ко мне дежурный офицер, ротмистр Добродеев (Тверского драгунского полка), указывая на вновь прибывшего в штатском.

Молодой человек «с вокзала» — как говорят юнкера про новичков не из кадет, кажется неуклюжим, мешковатым. «Гроб мужчина», — думаю я. Так называют юнкера плохих

строевиков, в отличие от лихих, которых называют «пистолет мужчина», или «красавец корнет», «майор» и т. д.

Я показал Эймелеусу классы, дортуары, конюшни. В гимнастическом зале я остановился перед лестницей.

— Каждый юнкер должен уметь лазить по этой лестнице на руках, — сказал я и пролез несколько ступенек. Сделал я это не без труда.

Эймелеус смотрел внимательно. Ни один мускул не дрогнул на его лице, — а между тем это был, как я впоследствии узнал, выдающийся спортсмен.

Случайно его кровать оказалась рядом с моей и я стал к нему присматриваться. Он был финн и плохо владел русским языком. Лекции он переводил сначала с русского на шведский язык, а потом уже учил их. Все еще спят, а он уже встает и отправляется в классный флигель. «Учить уроки не трудитесь», — гласит «Звериада», юнкера посмеиваются — его это не смущает. В нем чувствуется какая-то внутренняя сила. Делает он все без шума, но постоянно чем-то занят.

Через несколько месяцев он уже обходился без словаря, и часто можно было слышать:

— Послушай, Карла, ты наверно знаешь эту лекцию — объясни мне.

И Карл объяснял.

Как-то раз пришли на его имя длинные тяжелые ящики. По поводу их он вел долгие переговоры с командиром эскадрона — после чего рабочие стали распаковывать ящики и устанавливать на площадке, в конце дортуара, великолепный турник и под ним ковер. Когда все было готово, юнкера полезли на турник, дрыгая ногами, падая и стараясь показать какой-нибудь номер. Вспомнили, наконец, об Эймелеусе.

— Карла, а ты что же не принимаешь участия? — Попробуй!

Карл стал раздеваться и все ахнули при виде его прекрасной мускулатуры. Надев трико, он натер ладони канифолью, проверил натяжение турника, стал под ним и на минуту замер. Все почувствовали, что сейчас увидят что-то особенное . . . И . . . действительно . . .

Эймелеус поднял голову — одно легкое движение, красивый взлет, размах без всякого видимого усилия и он уже стоит на руках . . . Круг в воздухе, еще и еще . . . Ноги проходят между руками . . . Размах — и Карл на земле.

— Браво, браво... Ай да Карлуша... Салазки ему, салазки!.. — кричат юнкера и бросаются его душить.

Он организовал в училище команду «соколов», которая блеснула на знаменитой Лермонтовской карусели в громадном Михайловском манеже. В тот день в ложах манежа был «весь Петербург».

Постоянный состав Офицерской кавалерийской школы показывал высшую школу езды. Под звуки матчиша выступила смена, в составе которой были «боги езды» — Химец, Мерчуле, Абелов, Бертрен, Губин, Панаевы и др. В такт музыки лошади высоко поднимают ноги — как бы танцуя матчиш. Идут затем рысью, выбрасывая прямые ноги вперед, идут галопом и берут барьеры.

Проходят офицеры всех полков гвардии в исторических костюмах. Дамская езда. Юнкера сотни Николаевского кавалерийского училища приводят публику в восторг своей джигитовкой.

Один за другим несутся они, выделывая самые головоломные номера. Вот скачет кубанец Бабиев, проделывая трудный и опасный номер, прозванный юнкерами «мертвецом». Маленький изящный терец Гажеев проделывает на задней луке «вертушку». Несутся, стоя вверх ногами, забайкальцы — братья Куклины. Не отстают в ловкости Лисевицкий, Лосев, Грибановский, Агоев... Задолго до карусели донец Лосев тренировался в падении с лошади. Это эффектный номер. Перед публикой разыгрывается сцена погони. За Лосевым гонятся и стреляют на ходу. Знали мы, что он мастер падать... но, когда он, на полном ходу, взмахнул руками, откинулся назад и покатился «кубарем» по земле, то мы заволновались, а о публике и говорить нечего... А к нему уже подскакивают спасители, валят рядом коней, кладут его поперек седла и, отстреливаясь, скрываются.

А на арену уже выводят шесть лошадей. Через них прыгают, делая сальто-мортале юнкера эскадрона гр. Николаша Зарнекау, Кузьмин-Караваев, Агапов, Жигалин, Агоев, Коваленский, В. фон Рихтер...

Юнкера эскадрона изображают средневековый турнир. Сокола Эймелеуса, в белых костюмах, производят фурор — публика без конца просит повторения. Восторг публики понятен, ибо в команде, не считая самого Эймелеуса, были такие спортсмены, как, например, В. Данич, который впоследствии брал призы на V Олимпиаде в Стокгольме, а так же

предназначался в инструкторы при Дворце спорта, который предполагалось открыть в Стрельне.

И опять Эймелеус. Стоя на двух лошадях и управляя шестеркой, он идет рысью, галопом и преодолевает барьеры.

На другой день в Школе только и разговоров, что о карусели. Виновник блестящих номеров, Эймелеус, скромно сидит на своем месте и что-то пишет.

— Что ты там строчишь, Карл? — спрашиваю я его.

— Пишу корреспонденцию в газеты и журналы Швеции и Финляндии. Это мой заработок и это, вообще, интересно. Деньги мне нужны на книги, на посещение театров, балов, музеев.

Из разговоров с ним я выяснил, что он был основателем многих спортивных обществ в Финляндии. Участвовал он во всевозможных состязаниях в разных странах. В его чемодане целая гора всевозможных афиш, а также шкатулка со значками и медалями за разные виды спорта.

— Почему ты так легко проделываешь самые трудные номера? У нас есть юнкера сильные, отважные и ловкие, но у них видно усилие, а ты все делаешь шутя. В чем секрет? — задаю я вопрос Карлу.

— Дай твою руку и приложи сюда, — вместо ответа предлагает Эймелеус и показывает на свой бок. Я прикладываю руку и чувствую что под рукой появляется громадный, твердый как камень мускул.

— Вот видишь — упорной и систематической работой я развивал не одни только мускулы на руках, а развил их везде. И теперь один мускул помогает другому. Система и упорная работа делают чудеса. И, кроме того, во всем должно быть равновесие: вчера я выступал на карусели, сегодня пишу статьи, завтра буду зубрить, а в воскресенье — развлекаться.

Он, действительно, успел проделать многое: еще до поступления в нашу Школу, он уже служил в линейной кавалерии в Техасе, служил на плантациях в Бразилии, исполнял должность капитана на пароходе, был гаучосом. Окончил он наше училище портупей-юнкером и вышел в Киевский гусарский полк. Из полка он прислал мне на Кавказ мерку ступни с просьбой заказать ему сафьяновые сапоги — он собирался ехать в Персию охотиться на львов. Впоследствии он был офицером-инструктором в Николаевском кавалерийском училище. После войны 1914 года он был военным представителем Финляндии в Берлине и всегда ока-

зывал содействие русским эмигрантам, прибегавшим к нему за помощью.

Вспоминаю его часто, как человека знавшего что такое время и умевшего им пользоваться. Вспоминаю его слова:

— Система и упорная работа делают чудеса.

А откуда-то издали в это же время смотрит на меня незабвенный Митхат Казаналипов, не устававший повторять:

— Порядок бьет класс . . .

КНЯЖНА СОФОЧКА

Я ехал на летние каникулы уже «корнетом Славной Школы», но ехал в тяжелом настроении: отец мой мечтал увидеть меня в юнкерской форме, но зимой простудился, проболел несколько месяцев и умер за два месяца до моего приезда. Все в Кисловодске напоминало мне о нем и я был даже рад, когда кончились каникулы и можно было ехать в Школу.

В дороге, где-то около Тихорецкой, я заболел и не знал как быть. Соседи приняли во мне участие, уступили мне «лежачее» место, напоили каким-то лекарством и я заснул. Около Ростова почувствовал себя лучше. За мной ухаживала старушка, которая сопровождала двух девиц в Петербург. Старшая, голубоглазая блондинка с ямочками на щеках, — княжна Софочка, ехала в выпускной класс Смольного Николаевского института. Сестра ее, брюнетка Тамара, была моложе года на два.

За Ростовом я уже окончательно поправился. Мы весело болтали, уничтожали сласти, которыми были снабжены юные путешественницы и пили прекрасное вино из их имения Карданахи в Грузии.

В Петербурге мы расставались уже друзьями. Софочка говорила:

— Мы обязательно должны встречаться. Летом, иногда, мы бываем в Кисловодске. Приходите на наш бал в институт и я, может быть, буду на балу у Николаевцев.

Нянька добавляла:

— Приезжайте к нам в Карданахи. А еще лучше выходите в тот полк, что стоит недалеко от Карданах.

Она говорила про Тверский драгунский полк, в который я впоследствии и вышел.

Они уже исчезли в толпе, а я все еще стоял растерянный и думал: «Приходите на бал... Но, ведь, я не посещаю балов... Значит мы не увидимся?..» От одной мысли о такой возможности, я почувствовал какую-то тоску.

Переступая порог Школы я забыл про свое настроение. Меня обступили товарищи по курсу... А вот и молодежь... Отыскиваю кавказцев, формирую из них «Кавказскую кавалерийскую дивизию» и передаю им все то, что должен знать «отчетливый молодой». Дальше жизнь опять потекла обычным, раз на всегда установленным, порядком. Чем ближе к выпускным экзаменам, тем все больше и больше юнкера начинают подзубривать и поговаривать о том, в какой полк попадут. Для гвардии нужны высокие баллы; вообще же при выборе вакансии преимущество имеют те, у кого баллы выше. Мало кому безразлично, куда выйти. Большинство хочет в свой «родной полк», то есть полк, где служит отец, а иногда, — где служили и дед и прадед.

В конце зимы начались выпускные балы в учебных заведениях. Мой товарищ мечтал вслух о том, как он встретится в Смольном с той, о которой вздыхал всю зиму. Кто она? Он скрывал и ждал приглашение. Однажды он влетел веселый в класс, схватил меня и стал кружить по комнате, держа в руке пригласительный билет. Когда он выпустил меня из своих объятий, то я с удивлением подумал: «А ведь мы с ним танцевали вальс и, кажется, вышло не плохо. Если это так, то почему же я считаю себя не танцующим?» Вывода я никакого не сделал, остановившись перед чем-то прочно установившимся. «Интересно, кому пошлет Софочка свой билет? Наверно тому правоведу, о котором рассказывала в поезде... А, может быть, за зиму познакомилась еще с кем-нибудь?..»

Дня за три до бала в Смольном, я получил очень милое письмо от Софочки и пригласительный билет. Идти, или не идти?.. Нет, пусть веселится, танцует — со мной ей будет скучно. Я знаю, она бойкая — сама схватит меня, будет кружить, показывать па... но это не то... Нет, не пойду!»

Сажусь и пишу, что не могу быть, что я в трауре после смерти отца... желаю ей приятно провести время и т. д. Бросив письмо в ящик, я пошел на конюшню кормить лошадей хлебом.

Я думал, что написал письмо и кончено... Но день бала (суббота) приближался и у меня явилась тайная надежда, что она еще что-нибудь напишет в ответ на мое письмо...

Пришла суббота. В обеденное время получаю от дяди Кости (Аглинцева) письмо, приглашающее меня к себе. Он заведовал хирургической лечебницей на Сергиевской улице, а на Шпалерной жил с женой в очень уютной квартире. Тетя моя, молодая и интересная женщина, была помешана на обстановке и нарядах... И, все-таки, я у нее в гостиной скучал и бывал редко. Позвонив, что выезжаю, я вспомнил, что жду письмо. «Эх, наверно не будет!.. — махнул я рукой и поехал.

Мне прилось сопровождать тетку в универсальный магазин Эсдерса и Схефальса, где она долго перебирала какие-то ширмочки для цветов... На другой день училищный швейцар передал мне письмо от Софочки, которое пришло накануне. Письмо было полно упреков.

«Умер отец? Когда? Ведь Вы в прошлом году рассказывали об его смерти... прошло больше года... Я хочу вас видеть — мы посидим, поболтаем, вспомним наше путешествие... или вы его, может быть, уже забыли?.. Мой отец будет командовать бригадой в Тамбове... а вы куда думаете выйти?»

Письмо кончалось кляксой и приветом от сестры Тамары.

ПОСЛЕДНИЕ ДНИ В ШКОЛЕ

Скоро и выпускные экзамены... а там новая жизнь... Но и эту жизнь жалко покидать. Оглядываюсь кругом. Послеобеденный отдых. Ряд кроватей, между которыми тумбочки. Электрические лампочки над каждой тумбочкой. Мало кто пользуется этим часом чтобы отдохнуть. Володя Рихтер, живой шумный, затеял возню с Агаповым. Агапов сибиряк — небольшой крепко сшитый сорванец. После каждой вольтижировка, на которой он выкидывает головоломные номера, ему смазывают иодом ушибы, а старик лакей Семен штопает порваные рейтузы.

Сменный офицер, ротмистр Непокойчицкий, глядя на него только качает головой: «Не сносить вам своей головы...»

Во время войны 1914 года, Агапов, при безумно смелой атаке в рядах Приморских драгун, напоролся на проволочные заграждения и был взят в плен. В плену, в ответ на какое-то оскорбление, он ударил немца и был расстрелян. Сами немцы потом признали в нем героя.

Володю Андреева я себе иначе и не представляю, как в

сапогах с непомерно широкими голенищами (кот в сапогах) и прожженной сзади куртке. Встретился я с ним уже в Париже. Здесь ему не повезло: будучи шофером такси, он потерпел крушение — сам уцелел, но пострадало двое прохожих. Представляю его себе юношей и вижу знакомые черты у очаровательной Мариночки, его дочери — уже замужней...

Вот юнкер Балашов мирно беседует с бароном Кеппен... Весь русский Париж теперь знает прекрасный баритон Балашова, а Кеппен имел конский завод на севере Франции, продал его и купил в Африке плантацию бананов, но война сорвала это предприятие и он оказался в Бельгии. Оба они смены ротмистра Добродеева (Тверского драгунского полка).

У ротмистра Добродеева одна страсть: барьеры. У него в манеже юнкера несутся на барьер бросив поводья и стремена, подняв руки вверх или в стороны. Щелкает бич, слышатся одобрительные возгласы...

Юнкер Корнилович рассказывает о своей поездке в Одессу на конкурс фехтования. Он взял там первый приз, побив какую-то знаменитость, прозванную за гибкость «змейкой». Вот этой «змейке» он, по юнкерскому выражению «наклепал по первое число».

Училище наше привиллегированное. На 10—15 юнкеров — особый служитель, который получает от юнкеров добавочное содержание. Он готовит юнкерам одежду, так как юнкерам приходится часто переодеваться: особая одежда для езды, для фехтования, в классах. К нужному моменту одежда уже разложена на кровати, починенная и почищенная. Они же чистят и готовят к субботе белые перчатки. Вестовые, которые ухаживают за лошадьми, лакируют белые портупеи юнкеров и тоже получают добавочные. По окончании училища юнкера эскадрона дарят вестовому свою собственную шинель, а служителю — мундир.

У Ермолова и Коваленского своя забота. Им нужен выход их удали. После короткого обсуждения, достают деревянный ящик из-под сора и привязывают к нему веревку. Силач Коваленский, с крестиком за русско-японскую войну, берет конец веревки и крутит по воздуху ящик. Задача Ермолова проскочить этот заколдованный круг...

Коваленский убит на войне. Ермолов на экзаменах сорвался и попал вольноопределяющимся в 147 пехотный Самарский полк. Из полка он выбрался, имея приз за стрель-

бу, и попал вольноопределяющимся в Тверский драгунский полк.

Помню его прибытие в полк, который стоял в то время лагерем на берегу реки Иоры. Вечером, во время водопоя, слышу взрывы хохота со стороны реки. Пошел посмотреть. Ермолов, стоя на лошади, скакал в реку. В реке лошадь останавливалась, а Ермолов летел «тигром» через ее морду в воду. Во время войны, уже офицером Северского драгунского полка, он показал себя прекрасным офицером.

Во Франции он жил где-то на юге. Задумав жениться, он написал своему однополчанину ротмистру Харитову письмо, в котором просил найти ему невесту такую, чтобы она имела талию тонкую «как у осы». Харитов нашел. Для знакомства встретились в ресторане. Было условлено, что он толкнет ногой Харитова — если девица ему понравится. В самом начале обеда, он наступил на ногу Харитова и, чтобы было вернее, наступил также и на ногу девицы...

Сыновья Великого князя Константина Константиновича, Иоанн и Гавриил — были юнкерами Школы (мои корнеты). На Рождество, не поехавшие в отпуск, юнкера эскадрона были приглашены Великим князем в Павловский дворец. Великий князь лично водил нас и показывал достопримечательности дворца.

— Обратите внимание на роспись этого потолка, на его перспективу. Перейдите сюда и взгляните снова — говорил он.

Вмешался юнкер — казак Некрасов:

— У нас в Новочеркасске то же самое: ты идешь, а тебя портреты на стенах провожают глазами.

— Вот интересные гобелены...

Некрасов щупает и говорит:

— У нас на Дону монашки ткут парчу не хуже этой...

Великий князь подводит к окну, где на стекле нацарапаны имена:

— Это дети забавлялись. Вот имя Ники — это теперешний Государь.

Некрасов находит, что в его родном городе стекольщик пишет алмазом по стеклу так, что все диву даются...

По окончании осмотра мы благодарим Великого князя.

— Поблагодарите и его, моего помощника, — указывает он на Некрасова.

Перед разборкой вакансий я должен был разрешить трудную задачу: Нижегородский полк прислал одну вакан-

сию — она была мне обеспечена, как сыну Нижегородца, воспитанному на стипендию полка. Но, полк стоял в Тифлисе — жизнь была дорогая и мне не по средствам. В конце концов решил уступить свою вакансию Коваленскому, а сам взял Тверского драгунского полка (той же бригады) — где до меня уже служил мой дядя — Аглинцев.

Узнав, что я взял вакансию на Кавказ, мои «звери» — кавказцы — пришли в восторг, и с криком «ура» понесли меня на руках в буфет.

Каждый юнкер уже заранее заказал себе «фуражечку» того «полчка», куда выходит. Юнкер Поспелов, благодаря своим скромным успехам в науках — выбирал вакансию последним, то есть брал то, что останется. Не зная, куда выйдет, он заказал себе «фуражечку всех полчков», то есть составленную из лоскутков материи цветов всех полков кавалерии.

С выбором вакансий было связано еще одно торжество. Приглашался хор трубачей Лейб-гвардии конного полка. Юнкер, в фуражке своего полка, становится перед трубачами и спрашивает:

— Кто виноват?

Трубачи (обязательно в белых колетах) хором отвечают:

— Паулина . . .

Барабан ударяет . . . бум . . . И трубачи играют марш его полка. Юнкер стоит держа руку «под козырек». Все присутствующие тоже отдают честь. Это первое отдание чести полку, который станет его «родным полком», а сам он — «коренным офицером этого полка. И куда бы потом судьба его не занесла, на какую бы высокую ступень его не подняли военные будут говорить про него:

— Кто такой этот губернатор?

— Это — коренной Кавалергард.

Трубачи кончают.

— Спасибо, ребята!

— Рады стараться, ваше благородие . . .

Трехрублевка переходит в руки трубачей . . . И так все выпускные, по очереди.

А потом, конечно, гурьбой в буфет, где корнеты «ставят скрипку» (угощают) своим зверям, но — это уже не звери, а друзья на всю жизнь. И десятки лет потом, вспоминая прошлое, кавалеристы будут говорить: «Как же, как же — я его хорошо знаю, ведь я был его зверем . . . в доброе старое время!»

День производства. Перед строем пажей и юнкеров Государь Император говорит о том, что офицер должен честно служить России и особенно подчеркивает, что надо любить солдата. Государыня, Наследник и Великие княжны в коляске.

Мы все еще юнкера ... Но, вот Государь делает маленькую паузу, ласково смотрит на нас и говорит:

— Поздравляю вас офицерами!

Ура ... мы офицеры ... и уже без строя бросаемся к коляске, а затем, верхами, во дворец, где нас ждет завтрак — тоже в Высочайшем присутствии.

Прощальный обед у «Альбера» и мы разъезжаемся по полкам.

ТИФЛИС

Проездом в полк я останавливаюсь в Тифлисе. Тороплюсь навестить знакомые места. Самая парадная часть — это Головинский проспект. Прохожу мимо корпуса. Сколько воспоминаний! Бросаю взгляд и на окно в верхнем этаже — это окно я и теперь не могу вспомнить без содрогания.

Однажды ночью мы, кадеты, решили вывесить в окно флаг. Сказано — сделано. Кадета, изображающего флаг, вывешивают в окно вниз головой, держа его за ступни. Кадет кричит, размахивает руками ... Прохожие приходят в ужас, бросаются к подъезду, звонят ... но нижний этаж пуст. Очередь дошла до меня. Когда я уже висел головой вниз, то почувствовал, что держат-то меня — держат, но я вылезаю из моих широких сапог. Кричу, что падаю, а мне не верят и еще щекочат под коленями. Еще момент ... и сапоги остались бы в руках товарищей, а я нырнул бы, как рыбка, вниз ....

Рядом с корпусом Казенный театр — грандиозное и роскошное здание в мавританском стиле. Это шедевр архитектуры. Вообще же, благодаря интеллигентному составу городского самоуправления (до 80 процентов гласных с высшим образованием), европейская часть города благоустроена и имеет привлекательный вид, являясь в то же время и культурным центром Кавказа. Достаточно сказать, что в городе было до 22 средних учебных заведений, не считая частных,

министерских и церковноприходских школ. Театр Артистического общества помещается в прекрасном белом доме хана Сагнахского. Там же первоклассный ресторан Анонна.

Кроме указанных двух театров, есть еще театр Грузинского дворянства и Народный дом Зубалова. В Народном доме идут спектакли и читаются лекции на русском, армянском, грузинском, татарском, еврейском и осетинском языках. У населения «народка» пользуется большой популярностью.

С Головинского проспекта открывается хороший вид на церковь св. Давида, расположенную на горе, на уединенном уступе отвесной скалы Мта-Цминда, где в дремучих лесах скрывался один из тех сирийских отцов, которые пришли в VI веке в Грузию. Церковь основана в VI веке, перестроена в XVI и опять перестроена уже русскими.

Предание о церкви говорит, что дочь одного знатного человека, жившего недалеко от горы, забеременела и оклеветала отшельника. Святой Давид, потребовавший ее на суд, всенародно обличил клеветницу: он дотронулся посохом до ее чрева и на его вопрос, он ли отец, ребенок из чрева назвал имя человека, обольстившего девушку, (кузнец). Внезапно она почувствовала тяжкие боли и, по молитве святого отца, родила камень, который и послужил основанием Квашвецкой (ква — камень, шва — родила) церкви; находящейся около Головинского проспекта. Позади церкви имеется источник ключевой воды, испрошенный св. Давидом у Бога и имеющий силу, тоже по просьбе св. Давида, оплодотворять бесплодность. По четвергам к источнику стекается много народа, по преимуществу женщин, пить воду и служить молебны св. Давиду Гореджальскому. Приложившись к иконе Богоматери, грузинки три раза обходят церковь, обвивая ее в знак благоговения ниткой. Они приносят из-под горы маленькие камни и прикладывают их к двери церкви, если камень пристанет, то значит молитва услышана, то есть девушка будет иметь жениха или бездетная женщина родит ребенка.

Церковь св. Давида дорога русскому сердцу, потому что под ней похоронен А. С. Грибоедов, убитый чернью в Тегеране 30 января 1829 года.

В ограде монастыря похоронен также известный поэт князь Илья Чавчавадзе (член Государственного Совета), трагически убитый в 1907 году, 31 августа, в Цицамури.

На гору св. Давида ведет фуникулер. В жару жители Тифлиса наслаждаются прохладой на вершине горы, откуда открывается прекрасный вид на Тифлис и его окрестности. Есть ресторанчик, где царит веселье. Грузины поют:

На давидовской гора пили кахетинский,
Целый день кричал «ура» наш народ грузинский...

От древнего Квашветского храма остались развалины, но рядом, князем Гиви Амилахвари, была построена в 1754 году церковь во имя св. Георгия, и название Квашветской перешло к ней.

Недалеко от Квашветской церкви, на Головинском проспекте находится Военно-исторический музей «Храм Славы». Вот что говорит о нем путеводитель по Кавказу Григория Москвича:

«Кавказская война не могла быть войной обыкновенной, кавказское войско не могло быть войском, делающим только кампанию. Это был скорее воинственный народ, созданный Россией и противопоставленный ею воинственным народам Кавказа. Отсюда — упорство войны- которую не могло покончить одно поколение. Если мы с детства удивлялись подвигам римских легионов, разносивших свои победоносные 'орлы' до отдаленнейших пределов тогдашнего образованного мира, то пройдут века, и наши потомки будут не менее удивляться героям столетней кавказской войны, через которую прошли их отцы. деды и прадеды. Военный музей, этот обширный 'Храм Славы' создан именно с тем, чтобы собрать в нем все, что еще уцелело и что еще можно собрать от славных минувших времен кавказской войны».

Здание музея довольно обширное, имеет стеклянную крышу. На фасаде здания находится 10 больших металлических досок, на которых золотыми буквами отмечены важнейшие события кавказской войны. На двух же меньших досках красуется: на одной выпись из ноты грузинского посольства 1800 года:

Царь Георгий Грузинский и Кахетинский и пр., наш Государь, вельможи, духовенство и народ его желают навсегда принять подданство Всероссийским Императорам, обязуются свято исполнять все то, что исполняемо российскими подданными, не отрешаясь ни от каких законов и повелений и признавая Всероссийского Императора за своего природного Государя и Самодержца.»;
на другой — вышись из манифеста Александра I (1801 г.):

«Не для приращения сил, не для корысти и распространения обширнейшей в свете Империи Нашей приемлем Мы бремя управления Царством Грузинским. Единое достоинство, честь и человечество налагает на Нас священный долг учредить в Грузии правление, которое могло бы утвердить правосудие, безопасность и дать каждому защиту законов...»

Старейшая надпись на досках доходит до 1567 года, а новейшая относится к 1885 году. Фасад музея украшен военной арматурой Решетка палисадника перед фасадом здания состоит из турецких, персидских и шамильских пушек, увенчанных сверху двуглавыми золоченными орлами. В музее собраны коллекции трофеев, портреты последних царей Грузии — Ираклия и Георгия — и выдающихся героев кавказской войны, и картины: Рубо, Айвазовского, Самокиша и других художников, изображающие выдающиеся моменты борьбы и пленения Шамиля.

Особое внимание обращает на себя рельефная карта всего Кавказа.

На Головинском проспекте, против дворца Наместника, расположен Кавказский естественно-исторический музей, открытый в 1867 году и заключающий в себе массу интересных коллекций. При входе стоят два больших сосуда для вина — называемые кевры. В изобилии расставлены в двух залах — одежда, утварь, музыкальные инструменты, предметы роскоши и прочее.

Следующие два зала посвящены антропологии, древности и нумизматике. Тут же знаменитый камень императора Веспасиана с надписью о постройке крепости Матридатом, царем иверийским. В трех залах — зоологический, ботанический и геологический отделы. Во втором этаже — модели развалин. Во дворе клетки с дикими зверями и хищными птицами...

При музее публичная библиотека — бесплатная.

Против Храма славы помещается чудное здание 1-й Тифлисской гимназии, считающейся первой на Кавказе по постановке приватных занятий и пособиям, которыми она располагает.

Интересна история возникновения этой гимназии.

«Во дни присоединения Грузии, Царь не мог ответить Императору на письмо его, потому что писарь уехал в Тиф-

лис, а между приближенными Царя не было никого грамотного (по-русски), и сам он был также неграмотный.

Когда русские пришли в Тифлис, в крае не было нигде никаких школ и первая попытка открыть школу, в 1802 году, окончилась очень комично: все учащиеся этого 'Тифлисского благородного училища для грузинских благородных юношей', — как гласило его название, разбежались почти сейчас же после его открытия, так что, когда главнокомандующий в Грузии кн. Цицианов приехал в Тифлис в 1803 году, он не нашел ни учителей, ни учеников, ни самого училища. Много труда надо было приложить, чтобы ввести в Грузии первые школы — «буде не вообще народного, то хотя здешнего дворянского», — как писал князь Цицианов в донесении императору Александру I.

В 1830 году училище это было переименовано в 1-ю Тифлисскую гимназию.

Рядом с дворцом Наместника расположен Военный собор, заложенный императором Александром II в память кавказской войны. Собор отличается обилием света (81 окно), художественной живописью работы Колчина и Лонго и имеет три престола.

Внутри храма щиты с перечнем полков, участвовавших в покорении Кавказа.

В храме хранятся знамена наиболее заслуженных частей войск, участвовавших в покорении Кавказа, а также дары императора Александра III (ковчег из яшмы) и цесаревича Александра Николаевича в память посещения им Закавказья в 1850 году (сосуд серебро-позлащенный и св. Евангелие). Главное паникадило обращает на себя внимание своими размерами и изяществом.

Вокруг собора расставлены красивыми группами пушки, отбитые у персиан, турок и Шамиля.

В старинной части города, на берегу Куры расположен старинный армяно-григорианский — Ванский собор, построенный в XV—XVI веках.

Из старинных достопримечательностей Тифлиса первое место принадлежит Сионскому собору, план которого был намечен еще Вахтангом Горгосланом в конце V века. Постройка собора была закончена только в VII веке, при царе Арданасе. Храм подвергался бесчисленным разрушениям. Последний раз реставрирован князем Гагариным — его кис-

ти принадлежит последняя живопись храма (византийского характера).

В середине храма находится могила князя Цицианова, вероломно убитого в Баку.

Среди редких и драгоценных предметов особого внимания заслуживает величайшая святыня Грузии — крест св. Нины; он состоит из двух кусков виноградной лозы и перевит собственными волосами просветительницы Грузии. По кончине св. Нины, крест этот находился в Мцхетском соборе, но, когда в 1720 году Грузия подверглась нападению персов, его перенесли в ананурский храм, откуда митрополит Тимофей увез его в Москву к царевичу Бакару Вахтанговичу. Внук Бакара, царевич Георгий, в 1801 году, поднес крест императору Александру I, который и препроводил эту драгоценную святыню обратно в Грузию.

Крест был торжественно встречен около Казбека в 150 верстах от Тифлиса духовенством в полном облачении и доставлен в собор.

В соборе находится редкая историческая икона Богоматери. В ризнице — редкая рукописная книга «Литургия Иакова» на грузинском языке. Написана она в 787 году на пергаменте заглавными буквами «асомтаврули».

В храме похоронены строители его — цари Гурам и Арданас, генерал Лазарев, много лиц из дома кн. Орбелиани, а также князь Цицианов, о котором сказано выше.

Выходящий на Головинский проспект дворец Наместника, имеет свыше 70 комнат, богато обставленных.

Продолжением Головинского проспекта служит нарядная Дворцовая улица, выходящая на Эриванскую площадь. На Эриванской площади — известный всему кутящему Тифлису азиатский кабачок «Тилипучури» и недалеко от него, также известный всем, прекрасный персидский фруктовый магазин.

От площади вправо вверх — самая красивая и аристократическая часть города — «Сололаки».

С Эриванской площади можно попасть в азиатскую часть города — на Майдан, с его пестрой суетящейся толпой.

В этом человеческом муравейнике копошатся жители чуть ли не всего Востока. Вся жизнь на улице, даже кузни, слесарни и кухни выходят прямо на мостовую, так как нет передних стен. Портные, поджав ноги, с нитками в зубах, шьют черкески, снимают мерки, утюжат, стегают; а заказ-

чики деловито снимают с себя черкески, бешметы и даже шаровары — при всей честной публике. Цирюльник мылит голову мусульманина и бреет ее, перебрасываясь шутками с соседями и прохожими. Двери лудильщиков лезгин обвешаны медными тазами и другой посудой. Из открытых дверей духанчиков доносится запах вина, прохлада и веселые звуки шарманки или зурны. На улицу доносятся запахи азиатских блюд: шашлыка, люлю-кябаба, сациви и других.

В толпе снуют «кинто» в мягких чувяках, широчайших шароварах с серебряными поясами — ловко лавирующие среди покупателей и несущие на голове громадные подносы со своими товарами. Вот медленно пробирается «тулухчи», он ведет катера (помесь лошади и осла) с двумя мехами, наполненными водой, по бокам. Он продает воду и кричит:

«Вода, вода — кому надо
Сам бы выпил — деньги надо . . .»

В маленьких фруктовых и зеленных лавках важно сидят персы с крашеными в красный цвет бородами и ногтями. Они курят кальян, ничего не выкрикивают и как будто бы совсем не заинтересованы в том, чтобы что-нибудь продать.

Вообще же вся публика шумная, крикливая и веселая. Слышна грузинская, армянская, персидская, татарская речь, и все, богатые и бедные, чувствуют себя равноправными. Грузины говорят: «Кура вода пил — наш будешь». Это даже меньше того, что требовалось от поступающего в Сечь: «Перекрестись . . .»

Улицы узкие и «муши» (носильщики) с трудом проталкиваются в толпе, неся на спине невероятные тяжести: комоды с домашним скарбом и даже пианино . . .

Местные франты и кутилы «чоха-носцы». (чоха — род черкески), то есть те, которые бездельничают (носят чоху — это все их занятие) вертятся на резвых иноходцах, но им тесно в толпе, они вырываются на простор и несутся через весь Головинский и дальше, за город. Предел счастья — это пройти такой иноходью, за которой не угнался бы и всадник скачущий во весь опор. Иногда по главным улицам проносится извозчик, везущий целую компанию кутил с бутылками в руках и со своей музыкой — шарманкой, зурной или сазандари. И на их веселые крики публика с тротуаров отвечает доброжелательными возгласами.

По соседству с Головинским проспектом — большой и те-

нистый Александровский сад. Посещает его средняя публика. Остроумные грузины на все имеют свои куплеты, и компания кутил, проезжая мимо сада, поет:

«В Александровски саду музыка игралси,
Разным сортом барышня — туды-сюды шлялси.
Одна барышня курнос во рту держит папирос,
Дым пускает через нос — харашо, что через нос . . .»

Недалеко от Майдана — знаменитые бани с горячей серно-минеральной водой, доходящей до 32 градусов по Реомюру, грузины, как древние римляне, проводят там по несколько часов. Без банщика (обычно перса) купанье не имеет смысла. Вот как Е. Марков (путеводитель Г. Москвича) описывает свое посещение бани:

«Что только не делал со мной этот азиатский мучитель! Он мял меня, бил меня, всячески щипал и трепал; он тряс и дергал руки и ноги, словно хотел их вытянуть из суставов, он крутил их назад, как разбойнику пойманному с поличным; вспрыгнув в каком-то гимнастическом упоении мне на плечи, выделывал на моей грешной спине и на моих ребрах такие отчаянные антраша, которым позавидовал бы любой балетчик.

Я переносил все дикие упражнения этого азиата в немом ужасе, согнув под ним шею и терпеливо неся его на своем хребте . . . И, все-таки, выходя из бани, чувствуешь себя обновленно!»

Из многочисленных достопримечательностей Тифлиса можно указать на Метехский замок — на берегу Куры. Он приспособлен для тюрьмы. Замок — величественный, мрачный, дышет средневековьем, застенками.

Еще до основания Тифлиса, на месте теперешнего замка стояла крепостца (в скале) грузинских царей, приезжавших сюда из Мцхета брать серные ванны — «гогило», — потом уже, благодаря теплому климату и теплым водам образовывается город Тепли (Теплиц) — Тифлис.

После разрушения города мусульманами на месте грузинской небольшой крепости — был построен большой замок-крепость. Одна стена этого замка возведена на отвесной скале над Курой.

В ПОЛК

Перекладные везут меня в урочище Царские Колодцы, расположенные в 130 верстах от Тифлиса — в стоянку Тверского драгунского полка. В Навтлуге (предместье Тифлиса) проезжаю мимо нарядного здания Офицерского собрания Нижегородцев.

С этим полком связаны самые ранние воспоминания моего детства — тех времен, когда отец мой командовал 4-м эскадроном этого полка.

Эскадрон был расквартирован в Кисловодской станице — там я и родился в 1888 году.

В девяностых годах прошлого столетия публика, посещающая минеральные воды, была самая изысканная. Железная дорога еще не доходила до Кисловодска, и на «воды» приезжали люди состоятельные. Помню первый поезд, пришедший из Пятигорска. Он не мог одолеть подъем от реки Подкумок, гудел, пыхтел и даже пятился назад, к великому удовольствию мальчишек, бегущих рядом с паровозом.

В парке площадка перед Нарзаном и столики под каштанами были излюбленным местом Нижегородцев, офицеров других полков Кавказской кавалерийской дивизии, Дагестанцев и многих ветеранов русско-турецкой войны 1877—78 годов.

Белые кителя драгун, туалеты дам, нарядные черкески — создавали особое настроение. Царило веселье: все знали друг друга. Извозчики щеголяли лошадью и упряжью. Много было русских троек с бубенчиками. Большинство извозчиков, бывшие солдаты Кавказской армии, знало всех офицеров. Проходя мимо них, кидая свое пальто на сиденье, офицер говорил:

— Здравствуй Климов, — завези пальто домой и скажи, чтобы меня не ждали. Увидишь тройку Шкаденко, пошли сюда: повезет в Замок Коварства . . .

В эскадроне отца младшими офицерами были принц Луи Наполеон (впоследствии начальник дивизии), братья Борис и Алексей Шереметевы (сыновья Главнокомандующего), Глонти, Бульмеринг, Ковальский. Вахмистром эскадрона был Иван Евстафьевич Клюшников, уроженец слободы Березовки, Богучаровского уезда, Воронежской губернии. Участник турецкой войны 1877 года, он имел все четыре степени знаков отличия военного ордена: за Магараджик, Бегли-Ахмет, Авлиар и Карс. Нужно знать картину кровавых схва-

ток в указанных боях, чтобы понять все значение этих четырех крестов. Имел он также три серебряных, две золотых медали и знак св. Анны. Из иностранных медалей имел — Вюртембергскую — бронзовую, серебряную и золотую; персидскую и бухарские золотые; болгарскую, итальянскую и китайскую серебряные.

Из рук Наследника Цесаревича Николая Александровича им были получены серебряные часы, после смотра на станции Минеральные Воды.

Клюшников пользовался большим уважением не только драгун, но и всех офицеров. Я его очень любил и всегда поджидал его приход по вечерам с докладом к отцу. Я уже имел наготове словарь. Он читал по складам, а я повторял. Умел он внушить уважение к себе. Когда он входил — прислуга вскакивала и в его присутствии говорила вполголоса. Помню, раз горничная влетела со смехом, он только взглянул на нее и спросил:

— Чего это ты? — но так спросил, что она сразу притихла.

При входе отца я, как-то, остался сидеть. Клюшников был уже на ногах, но, вставая он одной рукой поднял меня на воздух, встряхнул и поставил на ноги.

Он был большой любитель охоты с борзыми. В Пятигорске мы жили на бульваре. Недалеко от нас жил князь Н. Л. Меликов (Коля). Его двор был полон борзыми. Отец смеялся и говорил, что в разгар охоты Клюшников обращался к Меликову на ты и за промахи просто ругал.

У него был обычай, каждое утро, помолившись Богу, выпивать чарку, говоря:

— За здравие Державного Шефа полка Государя Императора Николая Александровича, — в то время, как подававший чарку вестовой громко кричал «ура».

Умер он, уже будучи в отставке, в 1899 году у себя на родине — в Воронежской губернии. На сороковой день его кончины в полковой церкви была отслужена по нем панихида, на которой присутствовали все офицеры полка, четвертый эскадрон в полном составе, а от остальных эскадронов команды по 10 человек. В его память офицерами была сооружена икона св. Иоанна Крестителя. Его портрет имеется в истории полка, в альбоме и отдельно, а также в группе вахмистров.

В полках чтут память таких солдат героев.

Хранитель боевой старины, Нижегородец кн. Н, С. Тру-

бецкой, дополняя биографии старых Нижегородцев, просил, в числе других кн. М. А. Куракина прислать свои воспоминания. Умирающий от туберкулеза кн. Куракин написал длинное воспоминание о своей службе вольноопределяющимся в 4-м эскадроне при Клюшникове. Ровно через две недели после этого кн. Куракин скончался.

История полков русской армии — это не простое перечисление побед и поражений. Она рисует быт, отражает эпохи и повествует о бесчисленных подвигах и случаях самопожертвования простых русских людей. Приходится пожалеть о том, что сыновья и внуки вот таких Клюшниковых, по неграмотности, не имели даже понятия о заслугах их отцов и дедов перед Россией.

Если бы в этих безвестных Березовках велась летопись деятельности их сынов, имелись бы мраморные доски и памятники, то, может быть, русский народ узнал бы, что не только сам Клюшников, но и его отцы и деды проливали свою кровь под Полтавой, Лесной, на Перекопе, под Аустерлицем, Плевной, Бородино . . .

Выяснилось бы, что наряду с родовитыми фамилиями Меньшиковых, Салтыковых, Оболенских, Милославских — существуют фамилии родовых крестьян, на протяжении веков состоящих на службе России.

Тифлис остался позади, и мысли мои обратились к новой жизни, которая должна была начаться там, впереди — на Царских Колодцах в полку.

Тверской драгунский полк — полк Петра Великого . . . Полк, которым лично, для практики, командовал Суворов . . . Полк, видавший Лесную, Полтаву, Очаков, Аустерлиц, Плевну, Березину, Дрезден . . . дважды побывавший во Франции, имевший стоянку в Венсенском замке под Парижем . . . а на Кавказе видавший Карс, Ардаган; Эрзерум . . . эскадроны которого видали знойные пески во время Ахал-Текинской экспедиции . . . вот уже полстолетия несет службу на Кавказе.

С 1828 года полк был расположен в одном из городков средней России — Белгороде, Курской губернии. Дружелюбное отношение к жителям сроднило полк с гостеприимными гражданами, а потому, когда стало известно о назначении Тверцев на Кавказ (в декабре 1853 года), прощание их с жителями отличалось тем теплым радушием, которое свойственно вообще русскому человеку. Белгородцы, желая, по

русскому обычаю, проводить драгун хлебом-солью, пригласили 4 декабря нижних чинов полка на обед. Собравшись в доме купца Мичулина, драгуны за дружеской трапезой выражали жителям Белгорода благодарность за то сердечное расположение, которое они всегда оказывали им. Офицеров полка белгородцы чествовали роскошным обедом в доме купца Чумичева.

6 декабря полк выстроился на площади, которую покрывали многочисленные толпы жителей. После молебна, предводитель дворянства и горожане благословили Тверцев иконой св чудотворца Николая. Еще через минуту раздалась команда:

— На коней.

И Тверцы стройными рядами двинулись в путь.

Кроме Тверцев на Кавказ выступил Новороссийский драгунский полк под командой полковника Е. Танутрова (по всем данным — моего деда).

Командир Тверцев полковник И. М. Куколевский почти всю свою службу провел в полку. Он не был новичком в военном деле. Он участвовал в борьбе с конфедератами в Польше и в усмирении мятежа в Венгрии и Трансильвании.

Была зима и полку предстояло пройти более тысячи верст из Курской губернии в Грузию и далее на театр военных действий. Временами мороз доходил до 30° и драгунам приходилось при вьюгах вести лошадей в поводу по обледенелым дорогам. Повсюду драгуны встречали радушный прием, повсюду находили приют, чарку водки, кусок мяса и гостеприимного хозяина. Пройдя около тысячи верст Тверцы прибыли в Пятигорск на Северном Кавказе. Здесь полк простоял несколько дней. Пятигорское общество дало бал в честь прибывших гостей. Тверцы, на прощанье, дали также бал пятигорцам.

Впереди предстояло самое трудное: переход через Кавказский хребет. От Владикавказа полк двинулся по Военно-грузинской дороге. Величие и грандиозность кавказских гор, дикая природа, отвесные скалы, с вершин которых грозили обвалом снежные глыбы — все это неотразимо действовало на воображение драгун, привыкших к беспредельным равнинам России. Дорога идет, извиваясь среди угрюмых скал, по левому берегу Терека, а от Ларса переходит на правый и вступает в знаменитое Дарьяльское ущелье. Здесь самая узкая теснина Терека, сдавленная голыми отвесными громадами. Терек здесь действительно «косматый». Его грязная

буро-серая пена всплескивает, мечется, кружится, завиваясь в громадные кудри. Стон, вопли и глухой гул сталкивающихся волн, не находящих выхода, не смолкая стоит в воздухе. А посмотришь вниз на бушующий Терек — голова кружится: все мрачно, небо представляется в виде узкой полосы, далекой, недосягаемой... Посреди Дарьяльского ущелья по настоящее время сохранился один из замечательных исторических памятников, так называемый Дарьяльский замок. Основание его приписывают грузинскому царю Мириану, жившему за 150 лет до Р. Х. Обновлен он был царем Давидом в XII веке. Легенды приписывают основание его царике Тамаре (не имеющей ничего общего с Тамарой, знаменитой царицей Грузии, жившей в конце XII и начале XII в.). По словам легенды, Тамара завлекала к себе путников, но на утро, после ночи проведенной в блаженстве, бросала их в Терек. Лермонтов обессмертил эту легенду в своем известном стихотворении.

Бешеные горные речки вливаются в Терек из ведущих в ущелье долин и виднеются иногда вдали горные аулы. Мрачными совиными гнездами глядят эти аулы, сложенные из камня и прикрепленные на головокружительной высоте к голым утесам. Ни одного зеленого кустика, ни одного цветного или белого пятна не видно в этом безотрадном логовище хищников. Там нет домов — там только башни — одни пониже, другие повыше...

От замка Тамары дорога начинает круто подниматься до самой станции Казбек, приютившейся под сенью горы Казбек (16 546 ф.), покрытой вечными снегами. Местные жители (грузины) занимаются главным образом скотоводством, а также охотой на туров, горных баранов. Охота очень трудная, так как туры очень чутки и скрываются при малейшем шорохе или даже запахе человека. Пропасть их не останавливает — они бросаются головой вниз и ударившись лбом о камень, становятся на ноги.

От станции Казбек начинается перевал через главный кавказский хребет; дорога здесь разделяется на две: одна, собственно Военно-грузинская, идет через Крестовую и Гут горы; другая — Военно-осетинская — идет левее и выше.

Тверской полк свернул на Военно-осетинскую дорогу, так как на Военно-грузинской дороге были завалы. Труден был переход через хребет: снега и метели, заносившие дорогу, заставляли полк двигаться медленно, ощупью; каждый шаг вперед доставался борьбой с суровой стихией. Темною, бес-

конечной лентой тянулся по горам полк. Дорога была так узка, что люди шли по одному, ведя лошадей в поводу. Один из рядовых сорвался в кругу вместе с лошадью, отделался ушибами, а лошадь пришлось пристрелить. Тремя днями позже по той же дороге шли Новороссийцы. Упавший завал засыпал пять офицеров и двадцать пять драгун. У станции Пассанаур полк вышел опять на Военно-грузинскую дорогу.

Станция Пассанаур лежит в самой живописной местности долины реки Арагвы. В этом районе живут три племени, выделяющиеся среди кавказских племен своей резкой оригинальностью. Племена эти :хевсуры, тушины и пшавы. Есть предположение, что это потомки крестоносцев, которых они напоминают своими обычаями и особенно вооружением. На мирном костюме их нашиты белые кресты, а боевой наряд состоит из железного шлема с сеткой, проволочной рубахи или лат, железных наколенников и рукавиц; этот наряд дополняется щитом и палашом которые украшены надписями вроде нижеследующих: Vivat Stephan Batory, Vivat Husar, и рисунки — изображение корон, орлов, всадников в ментиках. Хевсуры, тушины и пшавы очень храбры и гостеприимны, живут бедно и в грязи . . .

В Хевсурии трудно встретить человека, который не ранил кого-нибудь и в свою очередь не был ранен. Гость неприкосновенен. Даже родной брат, осмелившийся оскорбить гостя в доме своего брата, рискует жизнью. Хевсур, стоя, прислуживает гостю. Подавая ему водку или пиво, хозяин обнажает голову и преклоняет колено. Брак в Хевсурии заключается очень просто. Понравившуюся девушку хевсур берет к себе домой и держит ее целый год для испытания. Обряд венчания не обязателен. По истечении года совместной жизни (к слову сказать, безусловно целомудренной), хевсур или бракует девушку и отправляет ее обратно к родным, или оставляет у себя. Но и потом хевсур может развестись с женой и взять себе другую. Хевсур очень гуманно обращается с детьми. Бить дитя, как бы оно не провинилось, считается величайшим позором. Отец с самого детства приучает сына владеть оружием и старается развить в нем отвагу.

Итак, дикие хевсуры считают величайшим позором бить детей, а в цивилизованных странах? — В Англии существуют телесные наказания для школьников; в Германии учителя дают ученикам пощечины. По лицу бьют детей и родители в Европе. И, если б этим только ограничивалось . . .

Я пользуюсь гостеприимством Франции и не намерен кри-

чать об ее недостатках (где их нет?). Пишу я для тех европейцев, которые на вопрос о том, что они знают о России, отвечают не задумываясь: «Сибирь, кнут, медведь, водка . . .»

Тверцы шли по Военно-грузинской дороге в то время, когда уже шла война с Турцией, и до них доходили слухи о блистательных делах в Закавказье под Баяндуром, Башкадык-Ларом Ацхуром и Ахалкалаками. Произносились имена героев побед — князя Бебутова, князя Андронникова, князя Орбелиани, князя Чавчавадзе и других. Назывались полки, которые были соратниками Тверцев еще во времена Петра Великого (Нижегородский драгунский и гренадерский Эриванский) и тех полков, которые стали потом кунаками Тверцев (пехотные полки — Грузинский, Мингрельский, Тифлисский). Но и в горах Кавказа продолжала литься кровь. В Чечне и Дагестане уже давно вел борьбу с русскими имам Шамиль, одна из замечательнейших личностей XIX века.

ДВИЖЕНИЕ РУСИ НА КАВКАЗ

Кавказ был в продолжении тысячелетия предметом спора, передвигавшихся из глубины Азии на запад, монголо-тюрко-татарских масс» (Д. Вачнадзе. Грузия между Севером и Югом). Гунны в IV веке, авары в VI, угры (прошедшие в нынешнюю Венгрию); хазары, основавшие обширное государство от Кавказских гор до Волги и Среднего Днепра. С начала IX века появляются печенеги, торки, половцы и, наконец, татары, создавшие в XIII веке Золотую Орду.

Одно из варварских племен — аланы, поселившиеся в Испании, осело также и на Северном Кавказе, имея свою столицу на месте теперешнего Дербента. Эти аланы впоследствии назывались яссами или оссами (нынешние осетины). Кроме яссов в Предкавказье были также кассоги (нынешние черкесы). Горцы Северного Кавказа нередко призывались грузинами в их борьбе то с Византией, то с Персией. (Лавров. «Яссы и Русь». Очерки «Покоренный Кавказ», изд. журнала «Родина»).

Неугомонный киевский великий князь Святослав Игорьевич — «Наполеон древнего славянства», доходит до земель яссов и коссогов и облагает их данью. Он же основывает по берегам Азовского моря Тьмутараканское княжество (Таманский полуостров Кубанской области), Мстислав Удалой имеет уже в своей дружине яссов и коссогов.

«Монгольское иго разрывает Русь с Кавказом. Русь молча и терпеливо сносит бедствия, накапливая силы, дабы свергнуть невыносимый гнет, а кавказские племена, под давлением турок и персов, меняют свою внешность, быт, религию, нравы» . . . (Лавров, «Русь в Предкавказье»).

В это печальное время, кавказские яссы, бывшие уже христианами, отказались повиноваться татарскому хану. Справиться с ними хану оказалось не под силу и он послал на них русские дружины. Эти последние проникли в южный Дагестан, взяли и сожгли столицу яссов (близ нынешнего города Дербента).

Наконец, сбросив татарское иго, при царе Иоанне III, Россия начинает крепнуть, и имя царя Иоанна III (Собирателя) становится популярным даже за пределами России (в частности — в Персии).

Рука у царя- Собирателя была тяжелая, и рязанские казаки, жившие по Черленному яру, прогневавшие царя своим озорством, решили убраться куда-нибудь «подобру-поздорову». И двинулись они всей станицей к «Каспицкому» морю, «где нет хозяина, всякий гуляй по нему и делай, что хочешь» . . . Добрались они до устья Терека на Каспийском море и пошли вверх по тереку и дальше к черкесам Пятигорья, сумели подружиться с ними и поселились в предгорьях Кавказского хребта там, где Аргунь впадает в Сунжу. Впоследствии они прославили себя в войнах с горцами под именем гребенских казаков.

В 1395 году «бич народов» Тамерлан, во главе огромных сил, прорывается через железные ворота Дербента на Северный Кавказ и у берегов Терека разбивает наголову кипчагского хана Тахтамыша, доходит до границ Рязанского княжества, нанося везде сокрушительные удары Золотой орде. На обратном пути в Азию, сметает аланов, черкесов и кабардинцев . . . От этих ударов Золотая орда уже не смогла оправиться, начался ее распад, который в XV веке завершился созданием царств: Казанского, Астраханского и Крымского.

Сметенные монгольскими стихиями аланы, черкесы, кабардинцы и другие северо-кавказские народы укрываются в предгорьях и горах северного склона Кавказского хребта, а на их местах разливаются волны кочевых племен ногайских татар. (Д. Вачнадзе — «Грузия между Севером и Югом.)

В XV веке на мировую сцену выходят турки. В 1475 году, со взятием ими Константинополя, падает Византия, а в

1475 году турки уже в Крыму. В XVI веке они прочно оседают на побережье западного Кавказа и утвердившись близ устьев реки Кубани — в крепостях Анапа и Сунджук-Кале (Новороссийск) — стремятся распространить свое влияние на народы Северного Кавказа и приступают к их покорению и омусульманению. Черкесы и кабардинцы обратились за помощью к царю Иоанну IV, который послал им на помощь войско под командой князя Вышневецкого.

При Иоанне IV, с покорением Астрахани, Русь уже выходит на Каспийское море. При нем же три донских атамана решили уйти с Дона. Совещались они у устья Волги. Один из атаманов, Ермак, ушел в Сибирь, другой — на Яик, а третий на Терек. У устьев Терека он построил укрепленный городок Терки (или Тюмень). Но Иоанн IV, не желая ссоры с султаном турецким, велел Терки снести, а людей из него увести в Астрахань.

Не забыл Кавказ и Стеньки Разина, который разрушил шамхальство Тарковское во время своего путешествия в Персию.

Увидя около себя могучего соседа, кавказские народы потянулись к Москве с просьбой о союзе, о покровительстве и о свободной торговле с Астраханью. Черкесские князья просили помощи против турок и крымских ханов, а также против шамхала Тарковского, а этот последний просил помощи против черкесских князей.

Были неудачные походы на Кавказ при царе Феодоре Иоанновиче (Хворостина) и при царе Борисе Феодоровиче (Бутурлина).

Петр I, занятый труднейшими Прутскими походами, все же послал на Кавказ Апраксина для наказания хана Кубы, татары которого разорили почти все казачьи городки и поселки на Тереке. Апраксин пожег все татарские селения на Кубани, а также разгромил огромное татарское скопище, возвращавшееся после грабежа в пределы Саратовской и Пензенкой губерний. Он же организовал на Тереке, поселив там гребенских казаков, первую терскую кордонную линию, которая впоследствии развернулесь от моря до моря (знаменитая Кавказская линия).

У Петра Великого были замыслы широкие: он мечтал проложить себе через Приморский Дагестан путь на Баку, Персию и далее в Индию. В 1723 году он, уже во владениях шамхала Тарковского, закладывает город Петровск и торжественно вступает в город Дербент, основанный Александ-

ром Великим. Город Баку изъявляет готовность покориться. В том же году жители персидской провинции Гилян, угрожаемые мятежниками, прибегают к покровительству России и просят о помощи. Петр посылает туда два батальона полковника Шипова. Шипов выражает сомнение, что можно со столь малыми силами защитить целую провинцию от мятежников.

«Стенька Разин, — ответил Петр, — с пятьюстами казаков их не боялся, а у тебя два батальона регулярного войска».

Горсть шиповцев блесяще выполнила свою задачу, хотя, временами, против трех рот Шипова действовало до 15 000 персов.

Петр овладевает Ширванским ханством и персидскими областями Гилянской, Мазандеранской и Астрабадской. Но, после смерти Петра, дело его разваливается: при Анне Иоанновне в 1732 году Персии были возвращены все завоеванные области, кроме Дербента и Баку. А по договору 1735 года русская граница была отодвинута на Терек. Возврат Прикаспийской области, завоеванной Петром, объясняется тем, что Анна Иоанновна в это время вела войну с Турцией и хотела привлечь на свою сторону Персию — тоже ведущую войну с Турцией. Кроме того, эти области были слишком отдалены от России, их трудно было охранять, а войска гибли от вредного климата.

Русь вернулась на прежние свои допетровские границы! Напрасными оказались трудные походы и беспримерные подвиги русских войск. Вот, например, один из них. Двадцатитысячное скопище лезгин и казикумуков обрушилось на Аграганский редут у реки Сулак. Гарнизон редута — 50 иехотинцев и 100 казаков — отбил штурм и своими вылазками заставил горцев уйти ни с чем . . .

Петербургские стратеги, своими неумелыми распоряжениями, посылкой на Кавказ главнокомандующим принца Людвига Гессен Гомбургского (имевшего способность заболевать, когда предполагалась решительная битва) довели кавказские войска, не знавшие ничего кроме побед, до такого состояния, что, по донесению князя Долгорукого, «Офицеры пришли в крайнюю нищету несносную, что уже один майор и три капитана с ума обрели; уже многие знаки свои и шарфы закладывают».

Возможно что нет на свете другой такой страны, как Кав-

каз, где было бы пролито столько крови, Вот, например, один из эпизодов.

В Прикубанье, где не было покоя от набегов и грабежей ногайцев, явился союзник России, калмыцкий хан Дундук-Омбо со своими страшными воинами. Вырезав поголовно в верховьях Урупа все мужское население в становищах ногайцев, Омбо, усиленный казаками с Дона и Терека, двинулся на Зеленчук. Страх перед калмыцким нашествием был так велик, что ногайцы, 10 000 кибиток которых стояли в верховьях Зеленчука, поспешили передаться в русское подданство. Верная добыча ускользнула от Омбо, но он нашел другую. Он прошел по всей Кубани, от истоков до устья. В две недели богатый, густо населенный край был обращен в пустыню. Огонь истребил все города, становища и аулы. Турецкая крепость Копыл была разрушена до основания. Станицы некрасовцев (казаки старообрядцы, выселившиеся под предводительством Некрасова после Булавинского бунта в 1708 году в Турцию и входящие в турецкую армию) были разорены и сожжены. Разорение края было таково, что после ухода Омбо, некому было прибирать валявшиеся трупы. На следующий год он опять побывал в Закубанье. Янычары, лучшее турецкое войско, некрасовцы — храбрецы каких немного, бежали в ужасе перед калмыками в плавни Кубанского края. Богатейшая турецкая крепость Темрюк, снабженная превосходной артиллерией, была снесена с лица земли, а гарнизон крепости, состоявший из янычар, был весь вырезан. Черкесские племена спаслись тем, что ушли в неприступные горы. (А. И. Лавров — «На Кубани и на Тереке». Очерки «Покоренный Кавказ», изд. журнала «Родина»).

Как всякие горцы вообще, народы Северного Кавказа отличались любовью к своим горным гнездам и воинственностью. Черкесы представляли из себя один из наиблагороднейших народов Кавказа. Храбрость, удальство, рыцарство в отношении к врагам... великодушие и гостеприимство. Мужчины и женщины славились своей красотой и грацией, но быт их грубее быта кабардинцев. Временами свирепые и даже жестокие — они никогда не были коварны или вероломны.

Кабардинцы — это аристократия Кавказа. Они храбры, честны и совсем не склонны к вероломству. Красивые собой, они очень внимательно относятся к своей внешности. «Он одет, как кабардинец...» — говорят на Кавказе. Кабардинец

изящен в движениях и отличается изысканной деликатностью.

От этих двух народов резко отличаются чеченцы. Это хищники, каких немало среди горных рыцарей Кавказа. Наружностью — народ красивый. Проворный в движениях, ловкий, чеченец весел и остроумен — «француз Кавказа», но, в то же время он подозрителен, вспыльчив, вероломен, коварен, мстителен.

АБРЕКИ

Хищные инстинкты породили среди чеченцев абречество. Абрек — это нечто дико-безумное... это человек, принявший на себя обет долгой кровавой мести и отчуждение от общества под влиянием какого-либо сильного горя, обиды, потери или несчастия. Что такое абрек видно лучше всего из клятвы, которую давал чеченец, вступая в число абреков. «Я, сын такого-то, сын честного и славного джигита, клянусь святым, почитаемым мною местом, на котором стою, принять столько-то летний подвиг абречества, — и во дни этих годов не щадить ни своей крови, ни крови всех людей, истребляя их, как зверя хищного. Клянусь отнимать у людей все, что дорого их сердцу, их совести, их храбрости. Отниму грудного младенца у матери, сожгу дом бедняка и там где радость, принесу горе. Если же я не исполню клятвы моей, если сердце мое забьется для кого-либо любовью или жалостью, пусть не увижу гробов моих предков, пусть родная земля не примет меня, пусть вода не утолит моей жажды, хлеб не накормит меня, а на прах мой, брошенный на распутьи, пусть прольется кровь нечистого животного». (А. И. Лабинцев. Очерк «Покоренный Кавказ»).

Встреча с абреком — несчастие, и вот как описывает ее один из путешественников:

«Если вы завидели в горах кабардинку, опушенную белым шелком шерсти горного козла и из этих прядей шелка, раскинутых ветром едва ли не по плечам наездника, мутный, окровавленный и безумно блуждающий взор, — бегите от него — это абрек. Дитя ли, женщина, дряхлый ли старик — ему все равно: была бы жертва, была бы жизнь, которую он может отнять, хотя бы с опасностью потерять свою. Жизнь, которою наслаждаются — для него смертельная оби-

да. Любимое дело и удаль абрека — надвинувши на глаза кабардинку, проскакать под сотней ружейных стволов и врезаться в самую середину врага».

Слово «абрек» значит — заклятый. Отказавшись от всех чувств, которые могут отличать человека от зверя — абрек поистине есть самый страшный зверь гор, опасный для своих и чужих: кровь — его стихия, кинжал — неразлучный спутник, сам он — верный слуга шайтана.

«Абреки нередко составляют небольшие партии или идут во главе партии, перенося всю силу своей ненависти на русских. Абреков можно перебить, но не взять живыми».

ГОЛОВЫ ВРАГОВ

Русский человек сам по себе не кровожаден. Все военные историки отмечают тот факт, что ворвавшись в упорно защищаемую позицию врага, разгоряченные битвой, разрушая все на своем пути, русские солдаты все же не убивали ни стариков, ни женщин, ни детей . . . А о милосердном отношении к пленным и говорить не приходится. И уж во всяком случае в русской армии не практиковался обычай водить или возить пленных с поднятыми руками или с руками на затылке, как это мы видим теперь у других . . .

Но у русских есть черты, непревзойденные никаким другим народом: это способность приспосабливаться к местным условиям. В Азии говорить о своих подвигах — это пустая болтовня: нужны доказательства. Если убил, то покажи голову убитого. Персы, турки, черкесы — рубили головы. Все избы в Хевсурии и даже в Кахетии были увешаны трофеями — если не черепами, то хотя бы кистями рук. И русские стали тоже рубить головы. Никакие строгие приказы не делать этого — не достигали цели.

Историк Нижегородских драгун, генерал Потто, описывает одну из бесчисленных стычек в лесах Чечни на реке Мартан. Картина — обычная. Лес кишит чеченцами. Колонна русских выходит на поляну, на которой гарцуют джигиты чеченцы, приглашая желающих на поединок. Из русских рядов выскакивает бойкий казачок и несется на чеченца, выхватывая на ходу винтовку. Из леса выскакивают толпы чеченцев. Вот уже пехота рассыпает цепь и открывает огонь. Раздается команда: «Орудия в левую цепь . . .»

Обычно, одновременно с этим казачьи сотни бросаются на чеченцев и отгоняют их в лес, не преследуя в лесу, так как лес таит опасные неожиданности. На этот раз, картина получилась иная. Резко прозвучала труба «поход» и дивизион Нижегородцев под командой капитана Золотухина, пошел в атаку на чеченцев, погнав их в лес и скрылся в лесу, вместе с ними. В отряде заволновались. Случайно главнокомандующий, князь Воронцов, наблюдал этот бой. Обеспокоенный, он поехал к голове колонны. Нижегородцы в это время уже возвращались из леса. Лицо главнокомандующего было очень серьезное.

— Почему вы не выслали драгунам подкрепление? — спросил он строгим голосом начальника колонны.

— Я боялся оскорбить этим драгун, — находчиво ответил начальник колонны.

Главнокомандующий смягчился.

— Правда, правда — они очень самолюбивы...

Проезжая мимо рядов драгун, князь Воронцов заметил какие-то шарообразные узлы в окровавленных платках, болтавшиеся на седельных луках у драгун. Князь Воронцов нахмурился и отвернул голову. Он не спрашивал — что это такое. Он знал заранее, что ему ответят: «Головы — Ваше сиятельство...»

Сам человек гуманный, князь Воронцов неоднократно отдавал приказы, запрещающие этот обычай, но ничего не мог сделать. Это явление было вызвано всеми условиями кавказской войны. Интересно, что дивизион Золотухина только недавно прибыл из России на пополнение полка.

«Сегодня ты, а завтра я...» говорили условия той войны. А условия были таковы, что, например, уничтожить абрека, как бешеную собаку, даже сами горцы считали нужным и хорошим делом. Немного времени прошло после описанного события, а уже после знаменитого дела Золотухина в Дагестане, была найдена торба с головой красавца и джигита корнета Ратиева, убитого в этом деле.

Коснувшись вопроса об отрубленных головах, считаю уместным привести один исторический факт. Грузинский царь Теймураз I, в отместку Шах-Абассу за разгром Кахетии в 1614 году, перебивает с помощью черкесских войск, 15-тысячную шахскую оккупационную армию и «отправляет в Стамбул злейшему врагу Шах-Абасса, султану Ахмеду в подарок 2 500 отрубленных персидских голов. (М. Броссе — «Переписка грузинских царей с российскими государями

от 1659 г. по 1770 г.». Изд. Акедемии наук. С. Петербург 1861 г.)

Все это было в прошлом. Вспомнил я об этих былых ужасах, читая в июле 1949 года в газете „Liberation" о том, что Mr. Chegary видел на столе одного adjudant'a на маленьком посту в Chalon пепельницу из человеческого черепа. Adjudant объяснил, что это череп индокитайца, что он сам отрезал индокитайцу голову... что этот последний кричал... Он добавил, что трудно было отделить мясо от черепа и пришлось варить 4 часа...

Как будто бы эпоха уж не та...

В описываемую эпоху (конец XVII, начало XVIII века) непрерывная война шла в течение 60 лет на Кавказе. Кабардинцы вначале были друзьями русских — потом врагами. За спиной горцев были турки, которые снабжали их оружием, были англичане и французы. Горцы делали набеги на русские селения и предавали все огню и мечу. С богатой добычей уходили они в горы. Большие караваны пленных тянулись к берегу Черного моря, где (в Анапе) пленные продавались туркам. В ответ на эти налеты русские снаряжали карательные экспедиции и шли в самые дебри чеченских лесов или забирались в горные страны Дагестана. И с той, и с другой стороны оказывались чудеса храбрости. Женщины и те принимали участие в битвах.

СТАНИЦА НАУРСКАЯ

Когда вспыхнула первая турецкая война, то кабардинцы, соединившись с турками, силою в 8 000 человек, под предводительством родственника крымского султана, обрушились на беззащитную станицу Наурскую на Тереке. Каково же было удивление диких воинов, когда они увидели, что большинство защитников Наура — женщины. Казачки в красных сарафанах пестрели всюду, куда только не кидались нападавшие. Ни жужжание кабардинских и турецких пуль, ни свист татарских стрел, ни отчаянное гиканье диких наездников, не пугали этих героинь. Они дрались серпами, косами, перевозили на своих плечах пушки с одного станичного вала на другой, где особенно сильно напирали осаждавшие; они лили с валов кипящую смолу, кипяток и даже, за

неимением другого материала, опрокидывали котлы со щами, которые готовили для бойцов.

Все приступы были отбиты, а эти приступы продолжались весь день 10 июня 1774 года.

За это дело казачки получили медали.

Такие же женщины были и у горцев Дагестана. Знаменитый Шах-Надир, покоривший Великого Могола в Индостане (в столице Могола — Дели, погибло тогда 200 000 человек) обрушился на Дагестан в 1745 году, но у аула Чох был наголову разбит лезгинами. Участь боя решили андяляльские женщины, в решительную минуту явившиеся на помощь бойцам.

Эпилог этого нашествия полон драматизма: персов привел в Дагестан один из богатых аварских владельцев, Шах-Ман (тоже дагестанец). Он был крупной величины общественный деятель и задумал провести благодетельные для Дагестана реформы: объединить все племена и смягчить нравы; но, видно, время тогда еще не пришло для задуманных Шах-Маном реформ. Отчасти ему удалось сделать кое-что, но горцы никак не могли примириться с невозможностью прибегать к грабежу и насилию. Они изгнали Шах-Мана, и во главе подготовивших это изгнание были его сыновья. В одной битве дагестанцы захватили Курбана, брата Надира и сожгли его живьем. Шах-Надир, в свою очередь, на том месте, где был сожжен его брат, сделал холм из голов дагестанцев.

Шах-Ман кончил благородно. После изгнания персов он сам явился в родной аул в полном вооружении и объявил собравшемуся народу, что он был оскорблен несправедливостью и привел персов ради отмщения. Теперь, удовлетворив мстительное чувство, он не находит в себе цели жизни, просит своих земляков убить его, но, вместе с тем требует, чтобы были казнены и его сыновья, осмелившиеся пойти против родителя.

И просьба, и требование Шах-Мана были удовлетворены.

Черкесы, кабардинцы и осетины с IV века после Р. Х. были христианами (христианство шло из Византии и Грузии). В XIII веке, через посредство генуэзцев и венецианцев, начинает распространяться среди них католичество. Но потом, под давлением турок, кабардинцы и особенно черкесы, стали переходить в мусульманство и все больше и больше подпадать под политическое влияние турок.

В начале царствования Екатерины II, кабардинский

князь Коргоко-Кончокин перешел в православие и за ним был утвержден титул князя Черкасского-Кончокина. Он переселился с частью кабардинцев на Терек и основал в урочище Моздок крепость. Построение крепости на кабардинской земле всполошило кабардинцев. Они протестовали как только умели, но ничего поделать не могли, и крепость эта стала как бы краеугольным камнем завоевания Кавказа.

От Моздока по кавказской линии стали селиться крещеные горцы, донские и волжские казаки.

Екатерина II не думала о покорении Кавказа, но предстояла серьезная и продолжительная война с Турцией, и появление русских войск в Предкавказье должно было отвлечь турок и крымцев от действий на европейском театре. Понимала также императрица, что Кавказ являлся страной-буфером между Россией и враждебными ей Персией и Турцией, и что он будет служить интересам этих стран, особенно Турции, под влияние которой подпали наиболее значительные горские племена.

Война с Турцией вспыхнула в 1768 году. На Днестре и в Крыму загремели русские пушки . . . Порта стала посылать на Кавказ войска, Крым — свои. Зашевелились черкесы, чеченцы, кабардинцы.

С закубанцами управлялся генерал Медем, человек безусловно храбрый, но как администратор не обладавший необходимым тактом и умением ладить с людьми, что и привело к печальным последствиям. В 1769 году два крымских султана с отборной конницей двинулись к русской границе, но на реке Калаус их совершенно неожиданно встретил союзник русских, предводитель калмыков Убаша. Дикие орды калмыков столкнулись с полудикими татарами и черкесами. Калмыки с такой свирепой яростью кинулись на своих врагов, что те обратились в бегство. Из 6 000 неприятельского войска Убаша взял очень мало пленных: почти все полегли на берегу Калауса и в прибрежных болотах.

В дальнейшем генерал Медем повел себя чересчур высокомерно с Убашой, в отношении которого он имел Высочайшее повеление действовать так, чтобы Убаша даже и не замечал своей подчиненности русским. Он стал делать хану резкие замечания, даже выговоры и разобидевшийся Убаша, считавший себя владетельным лицом, а Медема простым генералом, оставил Предкавказье, а в 1771 году перебрался с 28 тысячами кибиток через зауральские степи в Китай.

Последствия ухода Убаши сказались на общем положении дел немедленно.

СУВОРОВ НА КАВКАЗЕ

Увидел Кавказ и знаменитого Суворова, который организовал Кубанскую линию: строил крепости и редуты, завершая, вместе с генералом Якоби, образование знаменитой Кавказской линии, которая протянулась от Каспийского моря по Тереку до Моздока и далее через Владикавказ, потом по Кубани до Черного моря.

Горцы прекрасно понимали, какое значение имеет для них основание этих линий. Особенно ясно соображали это черкесы и кабардинцы — сплоченнейшие и разумнейшие из племен Кавказа. С весны 1799 года они сами, на свой страх и риск, начали войну с Россией. Опять обильно полилась кровь и опять историки поветствуют о том, как пылали станицы и аулы, как отчаянно отбивались крепости, и как иногда, после последней стремительной атаки, на поле битвы оставались тысячи трупов . . .

Когда с Крымом было покончено, на Кавказ снова был прислан Суворов, распутывать сложный вопрос о ногайцах (остатках Золотой Орды). Часть из них была сторонницей России, часть тянулась к туркам. Когда же среди них начала свирепствовать чума, занесенная из Турции, то обезумевшие от бедствий несчастные кочевники, стали врываться в степи донцов, в поисках пропитания. Донцы гнали их со своих степей. Черкесы стали пользоваться ими для набегов на русских.

Суворов хотел разрешить вопрос мирным путем и пригласил 3 000 ногайцев на праздник по случаю своего прибытия. Ногайцы знали его еще с 1778 года. Суворов принял их как своих старых знакомых и угостил на славу.

В 1782 году Екатерина II издала манифест о присоединении к России Крыма, Тамани и всей Кубанской стороны.

Присяга ногайцев России была обставлена очень торжественно. После богослужения и присяги на коране начался пир, во время которого 6 000 человек съели 100 быков, 800 баранов и выпили 500 ведер водки! Старшины обедали вместе с Суворовым. Здравицы следовали одна за другой, при грохоте орудий, при криках «ура» и «Алла». Потом были

скачки. Пировали до вечера, и многие ногайцы за излишество поплатились жизнью.

Впоследствии, однако, дела приняли плохой оборот. Шло переселение покорившихся ногайцев (для сохранения спокойствия в крае) в Уральскую степь. Ногайцы предпочитали степь Манычскую. Часть ногайцев неожиданно повернула назад и бросилась на своих же ногайцев, верных России. Увещания друга русских, ногайца Муса-Бея не имели успеха и сам он был ранен. Произошел бой . . . Видя свою неудачу, ногайцы пришли в исступление не знавшее пределов: они истребляли свое имущество, резали жен, бросали в реку младенцев. Погибло 3 000 человек, в плен попало всего 611 человек — стариков, женщин и детей. После этого мятеж запылал почти общий и кончился лишь с поражением ногайцев на Кубани близ урочища Керменчик. Только после этого разгрома присмирели ногайцы, а крымские татары стали тысячами переселяться в Турцию.

Суворов посетил аулы окрестных покоренных ногайцев и свиделся там со многими старыми знакомыми; в числе их первое место занимал столетний Муса-Бей, давний враг русских, а потом один из вернейших приверженцев. Он был человек хорошего сердца, помогал бедным, отличался верностью и постоянством, ненавидел роскошь, соблюдал в своем быту замечательную чистоту и европейскую опрятность. Несмотря на свой возраст, он был лихой наездник и веселый собеседник, любил хорошо покушать и порядочно выпить. Он оказывал Суворову расположение, похожее на отеческую любовь.

Узнав, по возвращении из экспедиции, что бодрый и крепкий старик собирается обзавестись женой, Суворов купил у казаков молодую красивую черкешенку и подарил ее Муса-Бею . . .

ЧЕРНОМОРЦЫ

Опустевшие после ухода ногайцев степи Прикубанья были впоследствии заселены запорожцами, ушедшими сначала в Турцию (после разгрома Сечи), а потом просившими позволения вернуться на службу России (Сечь была уничтожена в 1775 году; из 13 000 сечевиков — в Турцию ушло 12 000). На Кавказе они образовали Черноморское казачье войско,

давшее России воинов «которых равных не было ни у одного из государств на земном шаре». Историк А. И. Лавров так говорит об их «пластунах»:

«Переселившись на Кавказ — эти люди ухитрились по внешности приспособиться к окружающей их обстановке и в то же время по сущности своей остаться чисто русскими людьми, и в Бога верующими и царя чтущими. В праздничный день казак-черноморец — картина. На плечах червонный кунтуш, на ногах шаровары, шириною с «Черное море», кушак — настоящая парча и расшит он так, что весь блестит драгоценными украшениями; сапоги красные с выгнутыми вверх узкими носками; шапка высокая 'смушковая», с с красной тульей; за кушаком пара пистолетов, да разукрашенный серебром кинжал. Все блестит, все горит... Легкая винтовка, сабля, непременно отбитая у турка-янычара или черкеса, легкий конь, добытый из-за кубанских табунов. Это были 'рыцари', которые жили войной. Смерть была всегда около казака и он был к ней совершенно равнодушен. Надо сказать, что и враги у черноморцев — шапсуги, бжедухи, абадзехи тоже были рыцарями...»

Шестьдесят лет вели черноморцы войну с врагами России. Чтобы иметь представление, какова эта война, беру наугад описание одной из стычек.

«...дрались грудь с грудью. И черкесов и казаков уже не манила цель битвы, а просто охватила ярость, ослепление борьбы, жажда убийства. Бились кинжалами, душили друг друга; бились не только люди, но даже кони, в особенности черкесские, грызли, лягали друг друга. Пушки переставали стрелять из боязни бить по своим».

«ЧУДЕСА В РЕШЕТЕ...»

В 1878 году началась вторая турецкая война. Наступило грозное время: надвигался враг во много раз сильнее черкесов, кабардинцев, лезгин, — шла регулярная турецкая армия в изобилии снабженная всеми боевыми средствами, опирающаяся на сильнейшие крепости Сунджук и Анапу, выходящая из страны единоверной с горцами, страны с воинственным населением, всегда готовым биться с русскими не на жизнь, а на смерть. Вел их Батал-паша, уверенный в своей победе. Его 50-тысячная армия рассчитывала на поддер-

жку кабардинцев. Ожидалось нашествие на Закавказье персидского шаха Ага-Магомета.

Батал-паше мерещилось уже восстание татар на Урале и на Волге. Его армия подготовлялась к походу два года. В тылу накопилось много провианта и боевых запасов.

Однако действительность превзошла даже пылкую фантазию восточного человека.

Историк А. И. Лавров, описывая то что произошло дальше, оставляет сухой официальный язык и говорит, что произошли «чудеса в решете». Иначе как «чудеса в решете» нельзя и назвать тот факт, что пятидесятитысячная армия Батал-паши была обращена в неистовое бегство тремя тысячами русских храбрецов. Сам Батал-паша был взят в плен; весь лагерь, обозы и артиллерия достались победителю. На месте боя была основана казачья станица, названная Баталпашинской. (В 1918 году, во время гражданской войны, я проходил с сотней дагестанцев через Баталпашинск, не зная исторического прошлого этого места. Зайдя в станичное правление, я показал моим товарищам фотографию одного военного и сказал:

— Удивительно, этот дядя — вылитый портрет моего деда, Аглинцева, и случайно, через двадцать лет, узнал, что мой дед был начальником Баталпашинского округа.)

ПОД СТЕНАМИ ДЕРБЕНТА

К концу царствования Екатерины II, приостановившееся движение Руси на Кавказ, возобновилось.

В 1795 году Тифлис, столица Грузии, был взят и разграблен персами. Грузинский царь Ираклий II просил о помощи и в 1796 году был сформирован и отправлен на Кавказ «отдельный Каспийский корпус» графа Зубова. Корпус этот двинулся по стопам Петра Великого и, после труднейшего похода и ожесточенных боев у стен крепости, взял Дербент.

Посмотрим теперь, как вели себя наши предки под стенами Дербента в те далекие времена.

Дербент, столица Дагестана, считался неприступным. Он был обнесен каменной стеной шириной в три сажени и вышиной в семь. 80 каменных башен были снабжены артиллерией. Горы дополняли укрепление Дербента.

Вот что пишет историк А. И. Красницкий в своем очерке «К порогу Индии» — в книге «Покоренный Кавказ».

«Перед крепостью высилась башня, не взяв которой штурмом, нечего было и думать о приступе к Дербенту... Граф Зубов решил начать штурм, не ожидая прибытия отряда Булгакова.

— Сколько может быть защитников в этой передовой башне? — спросил Зубов, скорее разговаривая с самим собой, чем обращаясь к ген. Римскому-Корсакову.

— Точно неизвестно, Ваше сиятельство, — отвечал тот.

— Я думаю, что их не больше семидесяти человек.

— Очень может быть, но башня в четыре яруса и стены ее столь прочной кладки...

— Все это так, — перебил главнокомандующий генерала, — но эта башня должна быть взята нами...

— Но у нас нет в обозе лестниц достаточной высоты.

— Зато в нашем распоряжении без числа удальцы. Какой полк, по вашему мнению, наиболее готов к штурму?

— Воронежского пехотного полка батальон, ваше сиятельство...

— Кто командует?

— Полковник Кравцов, ваше сиятельство.

— А, знаю... Храбрый солдат! Усильте его двумя гренадерскими ротами и завтра с Богом...

— Слушаю, ваше сиятельство! — отвечал Римский-Корсаков, но таким тоном, что, не будь Зубов увлечен своими мыслями, он понял бы, что боевой кавказский генерал совсем не уверен в успехе дела.

Он откланялся Зубову и, возвратившись к своей бригаде, приказал позвать к себе Кравцова.

— Голубчик, не к добру тебя зову, — встретил он Кравцова, — завтра, чуть свет, тебе и твоим воронежцам придется на расстрел идти... Граф-то наш приказал штурмовать эту проклятую башню, нелегкая ее побери!

Лицо полковника на мгновение потемнело, но он сейчас же справился с чувством своего невольного смущения.

— Что же, ваше превосходительство, — отвечал он, — авось, как-нибудь, с Божьей помощью...

— Только на это надежда... Нет лестниц, нет никакого прикрытия... Идти придется по ровному месту... из башни-то на выбор бить будут...

— Ослушаться, ваше превосходительство, невозможно...

До палатки, где происходил этот разговор, доносились удары пушечных выстрелов. Римский-Корсаков прислушался, улыбнулся и покачал головой.

— Из полевых орудий крепость со стенами в две сажени толщиной бомбардируется, — произнес он, — как бы азиаты не стали хохотать, видя наши тщетные усилия... Но, что бы то ни было, а приказание должно быть исполнено! — и он начал передавать Кравцову план штурма...»

«Едва только появилось солнце, воронежцы под командой Кравцова двинулись к башне, которую им было приказано взять в это утро. Готовясь к штурму, который для многих должен был иметь роковой исход, солдаты переоделись в чистые рубахи. Они видели, что идут на верную смерть...

— Отступления быть не может! — сказал накануне их командир.

Много вздохов из русских грудей вырвалось тогда, когда было приказано идти на штурм. Вряд ли кто не думал о том, что вот-вот придется умереть, что не для одного, а для многих близок смертный час. О близости смерти вообще кавказские орлы мало когда думали, но здесь было не то: неизбежное кровопролитие всем казалось напрасным. Так и вышло.

Воронежцы окружили со всех сторон башню. Но что они могли поделать, когда у них не было лестниц, чтобы подняться хотя бы на высоту первого ее этажа? Прикладами, да захваченными с собой бревнами стены из дикого камня не удалось разбить. Беспомощно топтались у стены крепости бедняки солдаты, стреляя безо всякой цели вверх по хорошо укрытому врагу. А дербентцы так и сыпали свинец на беззащитного неприятеля».

Уже 25 солдат полегло под стенами башни, семьдесят два ранено...

«Но никто из солдат не сделал шага назад. Кравцов и все офицеры были переранены, а штурмующая колонна оставалась на месте, предпочитая верную смерть позору отступления... Наконец пришел приказ отступить...»

Прошло четыре дня и в русском лагере опять заговорили о штурме.

«Большинство солдат чувствовало, что вся слава кавказского корпуса висит в воздухе. Уже больше полусотни ядер было выпущено из русских орудий, а на дербентской стене оказывался сбитым один только зубец. Наибы Шейха-Али-Хана вывели на стены всех своих людей, и было видно, что они глумятся над бесполезностью пальбы по крепости.

— Эх, кабы теперь на штурм послали! — переговаривались те самые воронежские гренадеры, которые за три дня до этого так неудачно штурмовали передовую башню, — по-

легли бы все, а своего добились бы! Не раз кавказские егеря и гренадеры схватывались грудь с грудью с противником. Они знали, что здесь, в этих местах, смелость — это все, и сами рвались теперь на штурм, не будучи в силах перенести глумление над собой таких противников, побеждать которых они привыкли.

Вдруг по лагерю пронеслась весть:

— Приказано штурмовать защитную башню!

И сразу почувствовали богатыри, как будто какая-то тяжесть спала с их сердец: легко вздохнули, встрепенулись — предстояла славная работа, а не удручающее дух топтание на одном месте. В состав штурмующих назначены были те же две гренадерские роты воронежцев и батальон кавказских егерей.

— Счастливцы! — пронеслось по рядам солдат.

— Теперь-то они маху не дадут: выбьют бритоголовых.

— Как не взять? В прошлый раз осрамились, теперь поправиться надо...

— Возьмут, возьмут! Полковник Кравцов головную колонну ведет...

— Да, ведь, он в первом штурме ранен!

— Оправился, на ноги встал... Что, не кавказец разве?

— Ему поручика Чекрыжева в товарищи дали!

— С этим возьмут! Орлы они!

Воронежцы и егеря серьезно готовились к штурму. Молодцы знали на какое дело они идут. Этот раз отступления быть не могло — довольно и одной неудачи, — стало быть, или они возьмут башню, или все погибнут под ее стенами. Люди совершенно хладнокровно готовились к близкому смертному часу. Среди русского лагеря вдруг воцарилась мертвая тишина... Притихли и засевшие в башни дербентцы...»

Сигналом к наступлению был одинокий пушечный выстрел.

Путь воронежцев и егерей лежал как раз мимо холма, где был со свой свитой Зубов. Воронежские гренадеры шли, выдерживая шаг, как на параде. Зубов снял шляпу и размахивая ею кричал:

— Не посрамите, ребята, русской славы!

— Ты увидишь нас! — кричали в ответ гренадеры и, уже не держа фронта, с криком« ура», кинулись к башне. Огонь с башни и со стен Дербента усилился. С тяжелым стоном то здесь, то там падали гренадеры. Остальные, без выстрела

бежали к окутанной дымом башне. Эти, казалось, обреченные на смерть люди даже не кричали. Они берегли свое «ура» для решительного момента.

Наконец, у башни вдруг вспыхнуло громкое русское «ура». Это гренадеры, не обращая внимания на дождь пуль, сыпавшихся на них, окружили башню.

Поручик Чекрыжев с десятком нижних чинов совершили подвиг, достойный русского солдата. Поднявшись на стены до той высоты, до которой хватали лестницы, герои начали карабкаться далее втыкая штыки в расщелины между камнями и подымаясь на руках все выше и выше. В несколько минут они достигли верхнего этажа и очутились на крыше. Началось горячее дело. Одни из удальцов работали штыками, другие ломали кровлю, чтобы проникнуть через пролом в средний этаж. Все шло в дело, что попадалось под руку. Ломали до тех пор, пока не рухнула вниз кровля, увлекая с собой и трупы павших, и продолжавших бой живых. Все это — трупы, камни доски — упало на головы защитников средней башни. Это была неожиданность для последних. Они растерялись, и прежде чем успели прийти в себя, все были переколоты... Перебраться из среднего этажа в нижний и кинуться там на ошалевших от страха врагов было уже совсем легко...»

Тем временем егеря вели бой с прикрытием:

Русские кололи врагов штыками, те кидались на них со своими кривыми саблями. Бой длился беззвучно. Слышались только стоны раненых, хрип умиравших, лязг оружия. Вдруг вспыхнуло, как вспыхивает огонь, «ура». В то же время раздается отчаянное «Алла».

Дербентцы не выдержали натиска и отступили к стенам города. Через три дня Дербент сдался.

Сдача происходила торжественно 10 мая. Ключи города поднес графу Зубову дряхлый старик, которому было 120 лет и который семьдесят четыре года тому назад подносил эти же ключи Петру Великому. Интересно что еще через четыре года этот же самый старик поднес опять ключи русским — уже в последний раз...

Почти одновременно с Дербентом были заняты Баку и Кубинское ханство, затем Шемеха, Карабах, Ширвань и весь берег Каспия от Терека до устья Куры. Русская кавалерия перешла Куру и вошла в провинцию Гилян. Дорога на Тегеран оставалась незащищенной...

Но вдруг все изменилось. 6 ноября 1796 года скончалась

императрица Екатерина II. Вступивший на престол император Павел I круто изменил всю внешнюю политику. Командиры полков, помимо своего главнокомандующего, получили приказание вернуться на прежние границы.

Ничего не было приготовлено для поспешного отступления. Оборванные, голодные, удрученные — возвращались недавние победители,, страдая по пути от не преминувшими воспользоваться благоприятными обстоятельствами горцев.

Повторилась, знакомая уже, картина возвращения русских после смерти Петра Великого.

«Баловень судьбы» — граф Зубов, назначенный Екатериной наместником Кавказа, с предоставлением полной свободы действий в Персии — был поселен в Курляндии и жил под присмотром полиции. И не он один . . . Должен был уйти в отставку и князь Цицианов, герой турецкой, польской и персидской войн — «грозный князь», как звали его горцы. Должен был уйти в отставку и будущий главнокомандующий, герой Праги и участник похода Зубова — А. П. Ермолов.

ЕРМОЛОВ

Уже в царствование императора Александра I 10 октября 1816 года, въехал в Тифлис, в простой рогожной кибитке, Алексей Петрович Ермолов — один из крупнейших полководцев того времени.

Явился он в качестве главнокомандующего с большими полномочиями.

— Кавказ — это огромная крепость, защищаемая полумиллионным гарнизоном. Штурм ее стоит слишком дорого, поведем же осаду, — заявил он, и вел эту осаду с величайшим успехом в течение девяти лет. Он стал прорубать в чеченских лесах обширные просеки, в конце которых ставил крепости, связанные и между собой и с Владикавказом рядом укреплений.

Покончив с Чечней, Ермолов занялся Дагестаном. Одним из самых выдающихся его помощников был легендарно храбрый генерал-майор князь Мадатов. На стороне Дагестана была построена крепость Внезапная. В то время, когда Мадатов воевал на юге Дагестана с табас-саранцами и каракайтахцами, Ермолов двигался с севера и проник в самые недра гор — в вольный даргинский союз, где собрались на-

иболее упорные вражеские племена — акушинцы, аварцы, казикумыки и другие. У горного аула Леваши произошло кровопролитное сражение (19 октября 1819 г.), окончившееся разгромом горцев. После покорения могущественного племени кубачинцев и присоединения шамхальства Тарковского, Ермолов занялся Кабардой, а в 1825 году все силы его должны были быть употреблены на подавление мятежа, вспыхнувшего в Чечне и распространившегося на Кабарду и Дагестан. Мятеж этот был поднят муллой Магома, объявившим себя имамом, и знаменитым наездником Бей-Булатом.

А между тем поднимался новый враг: в июле 1826 года, совершенно неожиданно, в Закавказье вторгнулись персидские полчища Аббаса-Мирзы, и почти одновременно началась война с турками. Ермолов отправился на персидский театр. Его сподвижник князь Мадатов выгнал персов из пределов Закавказья и даже вступил в пределы Эриванского ханства.

На русском престоле в это время был император Николай Павлович. Враги Ермолова воспользовались новым царствованием и добились отозвания Ермолова. На Кавказ мчался, с обширными полномочиями, новый главнокомандующий, генерал Паскевич. В русском народе, однако, память об Ермолове осталась такою же священной, как память о Суворове.

Ушел Ермолов, Паскевич увлекся победами над персами, а между тем на Чечне, в Дагестане и у казикумыков уже гремело имя Шамиля . . . Появились полные фанатического воодушевления мюриды, громко произносилось слово «газават», то есть священная война. Кавказ пылал, а пламя нового пожара тушить было не кому . . . Не было грозного «Ермула».

Шамиль родился в Дагестане в ауле Гимры. С ранней молодости он отличался силой, ростом и умом. Не было случая, чтобы он был кем-нибудь обижен, но сам он постоянно заступался за обиженных. С 15 лет он страстно увлекался джигитовкой, фехтованием и вообще всяким спортом, где можно было выказать силу, ловкость, отвагу. В Гимрах показывают камень, который только он один мог перепрыгивать. Во время джигитовки он выделывал самые головоломные упражнения и был отличным стрелком. Наряду с физическим развитием шло развитие умственное. Одним из любимых занятий 15-летнего Шамиля было чтение священных книг. Часто, забрав пять-шесть человек товарищей, он

уходил с ними в горы, читал им священные книги, делая выписки, толковал тексты прочитанного. Учился он в школе при мечети и первым учителем его был, знаменитый впоследствии, имам Кази-Мулла. В школе он с успехом прошел курс мукаддамата, то есть грамматики, логики и риторики арабского языка, и в 20 лет приступил к изучению высшего курса: философии, толкования Корана, преданий, законоведения. Духовная жажда Шамиля была так велика, что он постоянно искал ученых (иногда далеко за пределами своего округа), чтобы в беседах с ними расширить свое миросозерцание и укрепить выработанные догматы. Кроме того, он вел постоянные беседы с Кази-Муллой.

В то время ученые мусульманские богословы страстно искали выхода из области сухого догматизма и старались разрешить спор между поклонниками шариата и поклонниками нового учения — тариката, основанного багдадским ученым Халил-Сулейманом. Шариат — это учение, по которому Коран является не только священной книгой, но и судебным кодексом. Он говорит также об обязанностях мусульман в отношении неверных. В основе шариата — нетерпимость. Доведенная до крайности, она ведет к идеее газавата, то есть священной войны.

Основа тариката — гуманность, в самом широком смысле слова. Идея тариката дошла и до Дагестана. Ее воспринял Курали-Магома, человек ученый, с юношества искавший нечто новое, высшее, стоящее вне сухого догматизма. Тарикат показался ему возвышенным, достойным благоговения, учением. И он отдался ему со всем пылом человека, обрадованного достижением истины. Его ревностным помощником явился Джамалэддин — нукер хана Казикумыкского.

Джамалэддин долго убеждал Кази-Муллу, ревностного поборника шариата, воспринять идеи тариката. На доводы Джамалэддина Кази-Мулла отвечал, что он «не считает себя способным к восприятию таких высоких истин, как истина тариката». Однако он продолжал изучать новое учение и являлся к Джамалэддину в сопровождении ученого Баганта, скептика, желавшего испытать его в ученом диспуте. И, наконец, после долгой борьбы, он из проповедника шариата превратился в проповедника тариката.

Серьезный, вдумчивый и любознательный Шамиль, узнав от своего учителя Кази-Муллы о тарикате — сразу же принял новое учение. Им обоим казалось все же мало наставлений Джамалэддина и они поехали к Курали-Магома.

С первого взгляда на Кази-Муллу, прозорливый Курали увидел, что перед ним не монах готовый подставить ближнему свою ланиту, а изувер, готовый пожалеть, что у его противника одна, а не две головы, которые можно было бы отсечь разом. Во время бесед его с Курали, какое-то неосторожное слово последнего, зародило зерно сомнения. Два противоположных вывода получались при толковании корана. Значит есть две истины? Значит можно выбрать то, к чему чувствуешь больше стремления? . .

Сердцем он признавал тарикат выше, но душой, рассудком, всем своим существом отважного горца — стремился к догматам шариата. Вернулся в Гимры он задумчивым, в мрачном настроении. И вот, однажды, при чтении книг с Шамилем, он вдруг заговорил:

— Что бы ни говорили Курали и Джамалэддин о тарикате, как бы усердно мы с тобой ни молились ,а одним тарикатом не угодить Богу: без газавата не будет нам спасения! . . Давай, Шамиль, делать газават!

Шамиль был сначала ошеломлен . . . Но потом был найден выход из создавшегося тупика:

— Да, тарикат воспрещает войну, но, ведь сам Магомет распространял религию огнем и мечом. Кроме того, было какое-то деление на противника бесспорно сильнейшего и на противника слабейшего. Джамалэддин, правда, писал, что поборнику тариката вести войну «неприлично» . . . Значит другие вести войну могут? Может, значит, и он, если снимет с себя титул муршида.

Был еще ряд рассуждений о разнице между человеком посвятившим себя исключительно Богу и просто правоверным мусульманином. Что неприлично первому, то естественно второму.

Люди — везде люди: гуманнейшие догматы Христа истолковывались так, что вели к казням, насилиям и войнам. Надо еще заметить, что в Европе резали, мучили, жгли и грабили люди цивилизованные; на Кавказе же, в основе священной войны лежала любовь к родине, защита своих веками насиженных гнезд и ненависть к русским, добирающимся до этих гнезд.

Дольше всех боролся за тарикат Джамалэддин. Избитый своим ханом, он все еще сопротивлялся. Хан решил забить его на смерть. От верной смерти спасла его жена хана, которая набросила на истязуемого свою чадру, а это служило всегда сигналом к прекращению насилий.

Новое учение Кази-Муллы все с большей и большей силой охватывало Дагестан. В 1829 году только столица Аварии (аул Хунзах) оставалась верной русским. Аварцы даже разбили Кази-Муллу, когда он явился к ним. Император Николай Павлович пожаловал за это аварцам георгиевское знамя. Провозглашенный имамом, народным вождем, Кази-Мулла объявил газават и собрал огромное скопище мюридов. Поднялась Чечня. Скопища Кази-Муллы доходили до Дербента, и даже овладели Кизляром на Тереке. Против Кази-Муллы в 1832 году был отправлен отряд старого кавказского воина полковника Клюке фон Клюгенау. 60 аулов разорил этот отряд на своем пути и вышел на реку Сулак. Отсюда войска двинулись к аулу Гимры, в котором укрепился Кази-Мулла. Гимры были укреплены горцами и сами по себе представляли неприступную крепость. Недаром горцы говорили, что «русские могут попасть в Гимры только в виде дождя». Таким «дождем» в этом бою оказался батальон бутырцев (впоследствии Эриванцев), который, вскарабкавшись на гору, оказался над головами горцев. С трех сторон штурмовые колонны русских продвигались к аулу . . . кипела отчаянная рукопашная битва. Мюриды не сдавались и не уходили. Они гибли под русскими штыками, но бились до последнего издыхания . . .

— Чувствую, что приближается мой конец, — сказал Кази-Мулла, — умираю, где родился, умираю за истины тариката. Кто хочет также умереть, тот пусть останется со мной.

16 мюридов заперлись со своим имамом в башне. Русские сейчас же окружили последнее убежище Кази-Муллы.

Чтобы не подвергать солдат опасности, решено было ограничиться осадой башни. Башня была окружена плотным кольцом солдат у самого ее фундамента. Двум солдатам было приказано стоять направив ружья на дверь башни. Они должны были стрелять как только откроется дверь. Настало утро, а затем и полдень. Кази-Мулла напрасно ожидал помощи . . .

— Если мы останемся здесь, то как собаки околеем с голода. Аллах не простит нам такой позорной смерти. Так лучше попробуем пробиться через ряды гяуров . . . — увещевал своих друзей Кази-Мулла.

Надвинув на глаза папаху, он быстрым движением распахнул дверь и бросился вперед — навстречу смерти . . .

В то же мгновение из черной пасти двери вынырнул Шамиль. Двумя ловкими ударами шашки он почти обезглавил

двух солдат и бросился бежать. Другие солдаты были так ошеломлены, что несколько секунд оставались неподвижными. Шамиль воспользовался этим, бросился в сторону и побежал к обрыву. Но ему наперерез бросились три солдата. Шамиль нанес одному из них глубокую рану в плечо так, что ему понадобилось усилие, чтобы вытащить клинок. Этим воспользовался другой солдат . . . он с разбега воткнул Шамилю в грудь штык, с такой силой что конец его вышел в спину. Шамиль правой рукой ухватился за дуло ружья и вытащил штык, а левой рукой (он был левша) начал рубить направо и налево. Солдаты, пораженные таким геройством, отбежали в сторону, но трое из них остались на месте, изрубленные буквально в куски. Зажав рану рукой, Шамиль сделал большой скачок к обрыву, но был настигнут пущенными вдогонку пулями и упал без чувств. Одна пуля попала ему в плечо, другая — в затылок, третья — в одно из ребер. Солдаты подбежали к нему. Он лежал неподвижно. Это его спасло. С наступлением темноты он был подобран своими и отправлен в ближайший аул Унцукуль, где жил отец его жены Абдул-Азис, слывший самым искусным лекарем Дагестана.

После Кази-Муллы имамство захватил Гамзат-Бек почти силой. Шамиль несмотря на свое честолюбие, искренно любил родину и свои интересы ставил ниже интересов родины. Опасаясь внутренних раздоров, он выпустил ко всем горцам воззвание, призывая всех поддержать Гамзата.

— Да не будут наши горцы подобны собакам: да не грызутся они из-за кости властолюбия, — писал он им.

Гамзат-Бек, став имамом, совершил темное кровавое дело: перебил аварских ханов. Простой народ, однако, увидел в нем борца не только с русскими, но и со всесильной аристократией. Это совпало с новыми идеями о равенстве, с идеями освобождения из-под власти владетелей, которые часто держали сторону русских.

Когда Гамзат-Бек был убит в мечети, то Шамиль очень заботился о том, чтобы его избрали и не хотел сам провозгласить себя имамом. Избранный имамом, он провозгласил равенство всех в смысле подчинения религии, и в смысле подчинения всех своей воле. Как администратор он был одной из замечательнейших личностей XIX века. Ввести законность там, где издавна царило лишь право силы и заставить уважать закон, мог только человек с исключительной энергией — а таковым и был Шамиль.

В Дагестане случилось нечто неслыханное и небывалое в истории человечества: создался чудовищный союз — монашеский воинствующий орден, устав которого порабощал отдельных лиц и сливал их в одно могучее грозное целое. Под водительством Шамиля было 60 тысяч отчаянно храбрых воинов при 100 орудиях. Население готовило запасы, строило мосты, крепости, прокладывало дороги, работало на пороховых и литейных заводах... Шамиль стал повелителем Кавказа и вел войну с русскими как равный с ними противник, вырывая из их рук все плоды прошлых побед; заставляя Россию напрягать все свои усилия, чтобы удержать за собой край, приобретенный десятками лет кровавой борьбы. После Ермолова и вплоть до Воронцова, не было человека, который мог бы понять истинное положение дел. Были храбрые солдаты, вожди, полководцы, но не было руководителя. Все это привело к тому, что власть русских на Кавказе стала призрачной. Забыв заветы Ермолова, который завоевал Кавказ как крепость... хотели взять его штурмом... И брали — тридцать шесть лет!..

А между тем отдельные подвиги представляются теперь сказкой.

К таким сказкам следует отнести взятие русскими в 1839 году горной твердыни Шамиля — аула Ахульго. Ахульгинская медаль на груди старых ветеранов апшеронцев, куринцев, кабардинцев, ширванцев, эриванцев и других говорила о многом, а истории этих старых полков кавказской армии говорят о том, как с 12 июня по 22 августа шли бои за каждую саклю, за каждый утес скалы, за каждую пещеру. Женщины с детьми на руках преграждали путь подающимся назад бойцам. Когда бой кончался и часть гарнизона уже положила оружие, то 600 фанатиков горцев решили умереть с оружием в руках и погибли все до последнего. С трудом мирились пленные горцы (большей частью раненые, старики, женщины и дети) со своим положением. Некоторые раненые бросались на штыки часовых, предпочитая смерть позору плена...

Шамиль потерял Ахульго, но приобрел Аварию. Аварию, из-за которой лили кровь его предшественники, Шамиль приобрел без выстрела благодаря недальновидности русского главного командования в лице генерала Головина. Авария, еще со времен Ермолова, была верна русским. Во времена Шамиля аварским ханом был юный Хаджи-Мурат. Он соединял в себе все, что должен был иметь народный герой:

высокий рост, громадную физическую силу, красоту лица и беззаветную храбрость. Он был самолюбив, горд и мстителен. Жизнь этого человека была полна самых удивительных приключений, а смерть — высокого трагизма...

По непроверенному доносу генерал Головин приказал схватить Хаджи-Мурата, заковать в кандалы и под конвоем отправить в Темир-Хан- Шуру. По дороге, при переходе по горной тропинке, Хаджи-Мурат бросился в пропасть, увлекая за собой и одного из конвойных (по одной из версий он увлек с собой арестанта, к которому был привязан). Уверенные, что Хаджи-Мурат разбился на смерть, конвойные не стали даже искать его труп. Однако Хаджи-Мурат чудом спасся, хотя потом слегка хромал. Явившись к Шамилю, Хаджи-Мурат предложил ему свои услуги. Это было в 1840 году. Таким образом, Авария была потеряна для русских. Вскоре за тем отложилась и Чечня. Одновременно, на побережье Черного моря, турки и англичане подстрекали черкесов к войне против русских.

В 1842 году совершенно прекращаются военные действия в Дагестане. 1843 год — это зенит могущества Шамиля.

Усилились нападения на русские укрепления. Слабые русские гарнизоны иногда гибли, покрывая себя неувядаемой славой. Вот, например, история гибели гарнизона укрепления Михайловского.

АРХИП ОСИПОВ

В гарнизоне было 500 человек под командой капитана Лико. Двенадцатитысячное скопище черкесов обрушилось на него в ночь на 22 марта 1840 года. Гарнизон, состоящий из испытанных в боях тенгинцев, навагинцев и солдат черноморского линейного батальона, отчаянно сопротивлялся. После первых приступов, отбитые черкесы подались назад, но расположенная сзади них конница стала без милосердия рубить малодушных. С ужасным гиком новые толпы нападающих обрушились на укрепление. Подавляя численностью, черкесы стали теснить слабый гарнизон, силы которого быстро таяли. Все офицеры были перебиты, начальство перешло в руки нижних чинов из дворян. Капитан Лико был ранен в бровь и кровь заливала ему глаза, кость правой ноги была разбита, но он продолжал отдавать приказания. Сознавая неизбежность падения крепости, он объявил гар-

низону, что русские не сдаются. Ответом ему было единодушное «ура». Тогда он объявил, что пороховой погреб будет взорван в последнюю минуту. Новое «ура» подтвердило общее согласие. Были вызваны охотники для исполнения этого решения. Вышло 10 человек, из которых капитан Лико выбрал Архипа Осипова, рядового Тенгинского полка. Наступил последний момент . . . укрепление пылало. В пламени пожара погибло до 100 человек в больнице. На всех бастионах уже развевались значки горцев. Последняя схватка шла уже у порохового погреба. Архип Осипов схватил горящую головню и со словами: — Пора, братцы! Кто останется живым, помни мое дело! — побежал в погреб.

Раздался страшный треск, все содрогнулось и целый столб дыма с пламенем, с человеческими трупами, с камнями, взвился в воздух.

Имя Архипа Осипова навсегда сохранилось в списках 1-й роты Тенгинского полка, и на всех перекличках, при опросе его имени, давался ответ: «Погиб во славу русского оружия в Михайловском укреплении.

Помню, с экскурсией кадет Тифлисского корпуса я был в Боржоме у Тенгинцев. Все мы очень жалели, что не смогли остаться до вечера и услышать на перекличке эти простые, полные величия, слова.

До самого прибытия (в апреле 1845 года) на Кавказ нового главнокомандующего князя М. С. Воронцова, его предшественники делали попытки брать кавказскую твердыню «в лоб» и только даром губили наши превосходные войска. И даже Воронцов вначале последовал этой тактике, совершив труднейшую экспедицию в знаменитый Ичкерийский лес и далее в аул Дарго, тогдашнюю резиденцию Шамиля. Обошлась эта неудачная экспедиция русским войскам очень дорого: они лишились четырех генералов, ста восьмидесяти шести офицеров и четырех тысяч нижних чинов.

Среди убитых генералов был и генерал Пассек. Он один бросился на неприятельский завал, видя что солдаты замялись. Смертельно раненый, он успел сказать подбежавшим к нему людям:

— Прощай, моя бригада!

После этой экспедиции началась медленная наступательная война на всех фронтах. Со взятием аула Салты в 1847 году военное счастье заметно перешло на сторону русских. В Салтах упорство горцев превзошло все, что в европейской войне могло быть известно. Дрались на земле, дрались в

подземных лабиринтах, в темноте и дыму. В последний день рукопашный бой продолжался непрерывно 7 часов! В том же году был взят аул Гергебиль.

ГУНИБ

Наступила Севастопольская кампания (1853—1856 годы) и опять масса войск была отозвана из Дагестана. Бог знает, что случилось бы с Кавказом, если бы французы и англичане устремились бы на черноморское побережье... К счастью этого не случилось.

А между тем был момент в начале 1854 года, когда мы хотели добровольно отказаться от всех завоеваний на Северном Кавказе и передать его в руки Шамиля. Если этого не случилось, если наша граница не была отодвинута, как во времена Анны Иоанновны, обратно на Терек, то этим обязаны мы двум кавказским генералам — кн. Г. Д. Орбелиани (начальнику лезгинской кордонной линии) и И. Д. Лазареву (правителю в Дагестане), которые с мужеством, достойным всякой похвалы, восстали против тревог и сомнений, овладевших Тифлисом.

Генерал Реед, исправлявший временно, за отъездом князя Воронцова, должность наместника, приказал снять гарнизоны с передовых укреплений и отправить их на русско-турецкую границу. Князь Орбелиани протестовал, и писал по этому поводу:

«При первом крике, который раздастся в горах, что русские бегут — какой же горец не возьмется за оружие? Гарнизоны, оставившие свои укрепления будут уничтожены в пути. И как потом защищать Темир-Хан-Шуру, Петровск, Дербент, Кубу? Или бросить все это и уйти за Терек?! Убейте меня прежде, чем я увижу потерю славы наших войск и торжество неприятеля».

Но Реед уже разработал проект о совершенном оставлении Дагестана. Он приказал держать в полной готовности к отступлению по первому приказу все войска, так как в Тифлисе решили бросить весь Прикаспийский край...

Реед проектировал купить спокойствие денежными подарками правителям Кюры и Казикумуха. Когда князь Орбелиани показал этот приказ генералу Лазареву, тот воскликнул:

— Отдать Шамилю добытый край, залитый нашей кро-

вью, бросить все и идти на позорную сделку с подвластными нам ханами, — да это такое преступление, которое никогда не простит нам русский народ! Не нам с вами, князь, учиться умирать и мы умрем на развалинах нашей славы, но сохраним наши имена незапятнанными! . .

В своем ответе Рееду, князь Орбелиани писал, что, владея Дагестаном, Шамиль будет располагать громадными средствами и все подпадет под его власть. Не удержится лезгинская линия, Кахетия будет растерзана, а там два шага и до Тифлиса. Что мы предпримем, когда с одной стороны появятся союзники, а с другой — 100 000 горцев? Отступление по Военно-грузинской дороге будет отрезано осетинами, занявшими все ущелья. Подымутся Кабарда и Чечня. Напрасно думать, что, удержав за собой главные опорные пункты, мы сможем потом опять войти в прежние пределы. На каждом шагу встретим новые Салты и Гергебиль. Допустит ли Европа это?

К счастью, император Николай Павлович не разделил тревог Рееда, и мнение кавказских генералов восторжествовало.

В 1856 году был заключен мир. В августе 1856 года на Кавказ был назначен главнокомандующим старый кавказский герой князь Барятинский, который выработал план покорения Дагестана и стал выполнять его с пунктуальной точностью. Горцы были уже не те, что в начале газавата. Первый взрыв фанатизма прошел. Лучшие мюриды пали в боях. Шамилю было под шестьдесят лет и в нем не могло быть той энергии, которая охватывала его в 1834 году. В Чечне русские разбили войско сына Шамиля, — Кази-Магомы. После взятия громадных укреплений аулов Шатоя и Веденя (резиденций Шамиля), все больше и больше горных обществ стало изъявлять покорность. Шамиль ушел в дикую и неприступную Андию. Дагестан уже был охвачен плотным кольцом русских войск. Наступил решительный 1859 год. Против русских были последние, самые отчаянные, мюриды. Испытанные в боях старые кавказские полки преодолевали последние препятствия. На батальоны русских, ползущие по отвесным скалам, обрушились груды камней, обломки скал, бревна . . . Из-за каждого дерева посылались пули горцев, каждая складка местности таила засаду. Как затравленный зверь ушел Шамиль вглубь Аварии, в горный аул Гуниб. С ним была его семья и 300 верных мюридов, решивших биться до последней капли крови.

Гуниб высится на 4 000 футов над поверхностью моря и расположен на вершине горы с чрезвычайно крутыми скатами. Мюриды укрепили и без того неприступную гору, выставили на ней 4 пушки и приготовились дорого продать свою жизнь.

С помощью веревок и лестниц карабкались русские по отвесным скалам. Когда не хватало лестниц, то втыкали штыки в каждую расщелину, цепляясь за каждый выступ в скале. На головы ползущих сыпались камни, обломки скал; передние шли на верную смерть, но недостатка в охотниках не было.

На предложение сдаться Шамиль ответил: «Гуниб гора высокая; я сижу на ней. Надо мною еще выше Бог. Русские стоят внизу — пусть штурмуют!»

После дерзкого ответа упрямого старика, начался последний штурм. В атаку первыми двинулись апшеронцы. Рядовой Молодых первый установил лестницу и полез. За ним, цепляясь как кошки, полезли юнкера Сресули и Териев, начальник команды охотников Скворцов и другие. Почти одновременно с апшеронцами выбрались на вершину грузинцы, ширванцы, дагестанцы (пехотный полк) и батальон стрелков. Войска с барабанным боем стали окружать аул.

В полуразрушенной сакле, опустив седую голову на руки, сидел Шамиль, бывший владыка Дагестана, державший в своих руках в течение 20 лет полчища горцев. Угрюмо теснились вокруг своего вождя верные мюриды, решившие разделить с ним судьбу, какова бы она ни была. В углу сакли рыдали женщины. Сын Шамиля, Кази-Магома, как затравленный зверь, судорожно сжимал рукоятку кинжала и сверкал глазами. Он ждал от отца приказа заколоть женщин, а самому броситься на русские штыки и выпить до дна кровавую чашу.

Но сердце имама болело за свою многочисленную семью. Взгляд его особенно долго оставался на любимой дочери — Патимат. Смерть не страшила его, имеющего на своем теле штыковые и огнестрельные раны. В последнюю минуту, он ринется, как правоверный мюрид, на штыки русских. Но до этого должны погибнуть от рук своих все члены его семьи. Погибнуть, чтобы избежать позорного плена и издевательств. Но, есть еще выход... Сдаться, при условии что будет пощажена семья. Сдаться, это означало, в его понятии — быть схваченным и, после долгих мучений, казненным. Умирать с оружием в руках — это одно... А быть казнен-

ным, как простой преступник, — это совсем другое. Два часа он просидел молча, переживая мучительную борьбу и, наконец, встал. Все окружающие впились в него взглядами и ждали. Печально оглядел Шамиль своих приближенных и тихим голосом сказал, обращаясь к сыну:

— Оставь кинжал. Сдаюсь.

Слеза покатилась по седым усам и бороде имама. Все головы опустились, но никто не возражал.

Переговоры о сдаче тянулись долго. Доблестный генерал Лазарев, известный Шамилю по многим боям, явился один для переговоров. В толпе мюридов раздавался громкий ропот, толпа надвигалась на Лазарева . . . Шамиль требовал ручательства, что его не разлучат с семьей. Требовал он, чтобы на его пути не было дагестанской милиции, бывшей на службе у русских, так как он не хотел видеть «изменников».

И вот, наконец, высокая фигура Шамиля на коне и при оружии, сопровождаемая Лазаревым и 40 мюридами, державшими ружья на изготовку, показалась перед русскими войсками. Едва он показался, как раздались крики «ура». Этот победный крик оглушил его, надрывал его сердце. Генерал Лазарев понял его состояние и объяснил ему, что крики «ура» — это свидетельство уважения к нему бывшего противника.

Князь Барятинский, страдающий подагрой, принял Шамиля, сидя на камне, на опушке березовой рощи. Ожидая, что его встретят упреками, насмешками и отберут у него оружие — Шамиль готов был зарезать себя и рука его легла на кинжал. Последовало короткое молчание. Барятинский, сделав шаг вперед, громко сказал:

— Шамиль, ты не принял условий, которые я тебе предлагал, и не захотел приехать ко мне в лагерь. Теперь я приехал за тобой. Ты сам захотел предоставить войне решить дело, и она решила его в нашу пользу.

Когда с Шамилем заговорили ласково, он сначала не поверил ушам своим, побледнел и приготовился было сказать речь, но слова замерли у него на губах, а язык не повиновался. Наконец, овладев собой, знаменитый пленник ответил:

— Сердарь! Я не внял твоим советам — прости и не осуждай меня. Я простой уздень, тридцать лет дравшийся за родину; но теперь народ мой мне изменил, наибы мои разбежались, да и сам я утомился борьбой. Я стар, мне 63 года. Поздравляю вас с владычеством над Дагестаном и от души

желаю Государю успеха в управлении горцами для их собственного блага.

После этих слов Шамиль как бы потух и из грозного величественного воина превратился в убитого горем старика.

Не только Шамиль не был обезоружен, но и его мюридам было разрешено разойтись при оружии по домам. На таком решении особенно настаивал генерал Лазарев.

Сдача Шамиля состоялась 25 августа 1859 года. Пленный Шамиль со своим семейством был отправлен через Харьков в Петербург. В Чугуеве Шамиль был милостиво принят императором Александром II, пожаловавшим ему и всем его приближенным подарки. Шамиль был растроган до слез и впоследствии с восторгом вспоминал о милостях русского царя.

Шамиль был поселен на жительство в Калуге. В 1870 году он был переведен в Киев, а в 1871 году, со всем своим семейством, отпущен в Мекку. Умер он в 1871 году в Медине.

Замолкли пушки, Дагестан зажил мирной жизнью. Управителем его был назначен генерал Иван Давидович Лазарев, начавший свою боевую службу в рядах, известного своими подвигами, Ширванского полка. Горцы хорошо знали его как воина. Как администратор, Лазарев проявил себя с самой лучшей стороны. Прошло 12 лет со времени сдачи Шамиля. Во время проезда императора Александра II через Дагестан, Лазарев представлялся ему в г. Дешлагар.

— Знаешь ли, — сказал ему государь, — кто познакомил меня с тобой? Шамиль: он так много и восторженно говорил мне о тебе.

Много воевали русские с горцами Кавказа и с турками, но никто из нас, живущих на Кавказе, не замечал и тени неприязни между этими народами. В этом отношении интересен случай, описанный графом Бенкендорфом в его «Воспоминаниях».

«Апшеронский полк был расположен против лезгин, а Куринский полк против чеченцев. Как-то, во время перемирия, на одной ярмарке чеченцы подрались с апшеронцами, Причем куринцы приняли также участие в драке, но в защиту чеченцев. Когда граф поставил это в вину куринцам, последние ответили:

— Как нам не защищать чеченцев, они наши братья, вот уже двадцать лет, как мы с ними деремся». (Кн. В. Н. Гад-

жимуков «Краткий очерк истории черкесского народа», номер 12 газеты «Казачий Союз» 1952 год.)

Вот что писал о Шамиле впоследствии историк Д. А. Пахомов.

«Как человек, это был один из гуманнейших, насколько ему позволяло его положение имама. Казнить он казнил и даже, по обычаю, допускал побивание камнями в преступлениях о нарушении супружеской верности, но никогда никого не мучил. О последнем, то есть об умышленной жестокости, вообще среди горцев почти что ничего не было слышно. Большинство пленных отзывалось впоследствии с похвалой о своих хозяевах. Были, конечно, и изверги, но таких было немного, да и то, если до Шамиля доходили вести о жестоком обращении с пленными, то он не только отбирал пленного, но и наказывал его хозяина. Русским же дезертирам жилось в Дагестане даже очень хорошо, особенно, если они знали какое-нибудь ремесло. Шамиль предоставлял им всякие льготы, превосходившие иногда даже привилегии мюридов. Разумеется, люди интеллигентные, избалованные, несли тяжкий крест, попадая в дикую обстановку. Зачастую им приходилось голодать, но это не было умышленным делом горцев, ибо последние сами голодали иногда по целым неделям.

Когда Шамиль был в Калуге, то в местном гарнизоне было несколько солдат, побывавших у него в плену и пожелавших повидать своего бывшего «хозяина». Все они единогласно отзывались с похвалой о бывшем имаме, а один из них даже когда-то нянчил его детей, которые полюбили пленного солдата. Шамиль был тронут вниманием и доброй памятью бывших пленных и звал «няньку» приходить, когда приедет в Калугу с Кавказа все его семейство. Этот солдат, между прочим, при встрече с Шамилем, поцеловал его руку и, когда его спросили, почему он это сделал, он ответил, что сделал это так, «по душе».

— Как это, по душе? — спрашивали его.

— Да так, что человек он стоющий: только тем пленным было совсем хорошо, где Шамиль жил или где проезжал он. Забижать нас не приказывал нашим хозяевам; а чуть, бывало, дойдет до него жалоба, сейчас отнимет пленного и возьмет к себе, да еще, как ни на есть, и накажет обидчика. Это я сам видел сколько раз. Хорош был, одно слово — душа. И дармо, что в Христа не верует, одначе, стоющий человек.

Уже в Калуге Шамиль интересовался христианскими догматами и хвалил то, что было достойно похвалы. Нравилось ему правило давать милостыню так, чтобы левая рука не знала, что делает правая. Один из его мюридов стал это выполнять буквально: при встрече с нищим прятал левую руку в карман и с большим трудом доставал кошелек и деньги, действуя одной правой.

Уже глубоким старцем, проезжая через Киев, Шамиль подарил свою шашку князю Барятинскому, который в свое время мог ее отобрать при сдаче, но этого не сделал.

ГРУЗИЯ

Грузия — это страна с великим прошлым, насчитывающая 3000 лет своего существования, с народом, считающим себя прямым потомком Ноя. Страна, высшего духовного раз вития и могучей цивилизации. Родоначальник грузин, Картлос (2100 лет до Р. Х.), жил при слиянии Куры и Арагвы — отсюда название Грузия — «Картвелия». По преданию Картлос был правнуком Иафета, сына Ноя. По имени сына Картлоса — Мцхетоса и была названа Мцхетом — первая столица Грузии. Историки называют Грузию «многострадальной», ибо за 15 веков своей исторической жизни она претерпела 34 нашествия: 1 раз ее разорили византийцы, 2 раза хазары, 7 раз монголы, 4 раза арабы, 5 раз лезгины, 5 раз турки и 15 раз персы... Россия принесла Грузии мир и спокойствие... Кровь лилась и потом, но это была кровь русского солдата, изгонявшего из пределов Грузии ее врагов.

За время своего долгого существования, Грузия бывала и на вершине могущества, и на пороге окончательной гибели. Первоначально грузины веровали в невидимого Творца неба и земли, но потом стали, под давлением персов переходить в язычество. Наместник Александра Македонского (покорившего Грузию в IV веке до Р. Х) уже заставлял грузин поклоняться идолам. В первом веке до Р. Х. на иберов (грузин) обратил внимание Рим. Под влиянием Рима Грузия находилась первые три века по Р. Х. Христианство в Грузии распространила св. Нина. Она прибыла в Грузию в поисках хитона Христа, купленного благочестивым Елизаром у римского воина и отвезенного им в Мцхет. Двигаясь вверх по Куре и проповедуя христианство, она дошла до Мцхета в день языческого праздника в честь бога Армаза. На высо-

кой горе стояли исполинские идолы, горевшие золотом. Гремели трубы, курился фимиам, текла кровь жертв. Царь Мириан со всем народом распростирался ниц перед идолами и только одна св. Нина не преклонила колен. Предание говорит, что в этот момент разразилась буря с молниями и громом. Рухнуло капище с кумиром. В ужасе бежал народ, одна только Нина осталась и спокойно смотрела на утихающую бурю. Она исцелила жену царя Мириана и одного из родственников персидского царя. Оба они приняли христианство, но царь Мириан колебался. Однажды, на охоте в горах, его настигла страшная буря и он ослеп. Пораженный, он пал на колени, восклицая:

— Ты Бог над богами, Господь над властителями, Бог Нины! — и в тот же миг прозрел.

После этого Мириан и весь народ приняли христианство. Один из потомков Елиазара указал место хранения хитона Господня под кедром. Кедр был срублен и на его месте построен храм, в котором и поместили святую одежду. Скончалась св. Нина близ нынешнего города Сигнаха. Там же впоследствии был основан Бодбийский монастырь, в котором и покоится прах св. Нины.

С 586 года на грузинском престоле начинается династия Багратидов, потомки которых (Багратионы) существовали до наших дней. Любимый и чтимый грузинами царь — это Давид II, «Возобновитель» (1089—1125). Он освободил Грузию от греков, персов, турок и арабов — конечно, ценою моря крови. К концу своего царствования он освободил и Тифлис от сарацинов. До последнего времени в Гелатском монастыре (близ Кутаиса) на гробнице царя можно было прочесть надпись:

«Было время, когда семь королей являлись гостями моих пиров. Таково было мое могущество, что я прогнал персов, турок и арабов от моих границ; я рыб одного моря пустил в другое и я, столь могучий, лежу теперь со сложенными на груди руками . . .»

При нем грузинские войска принимали участие в крестовых походах и были при взятии Иерусалима. Золотым веком Грузии было и царствование Тамары (1184—1212). Это был расцвет науки, искусства, литературы. Поэт того времени Шота Руставели обессмертил себя поэмой «Вепхвис Ткаосани», то есть «Носящий барсову шкуру». По форме и по содержанию она занимает место наряду с выдающимися произведениями изящной литературы всего света. Безнадежно

влюбленный в Тамару, Руставели в его поэме говорит о своей любви и под именами героев произведения — Тариэль и Нестан Дареджан — скрывает себя и царицу Тамару. Эта безнадежная любовь была причиной того, что, закончив поэму в 25-летнем возрасте, Руставели удалился в монастырь св. Креста в Иерусалиме, где он и окончил свою жизнь. На одной из колонн монастыря сохранился портрет Руставели во власянице подвижника и надпись: «Да простит Бог Шота, живописавшего сие. Аминь. Руставели».

Полководцы Тамары сокрушили знаменитых полководцев того времени, но . . . умерла Тамара и закатилась на долго счастливая звезда Грузии. Пришли монголы, затем персы, турки . . . Персидский шах Джемал-Эдин разорил Тифлис и уничтожил 100 000 жителей! Грузинский народ может гордится царями — мучениками за свой народ. Так, например, царь Дмитрий II сам предложил свою жизнь шаху Аргуну, чтобы спасти свой народ, и был казнен. Завоеватели умерщвляют царей и заставляют их принимать магометанство. При грузинском царе Александре I (1492—1511) Грузия, как Феникс, снова возродилась из собственного пепла, доказав этим свою необыкновенную живучесть. Это было время, когда Россия, покончив с татарским игом, стала свободной и могучей. С этого именно времени и начались непрерывные просьбы царей Грузии перед Москвой, а позже перед Петербургом, о защите от ее врагов; и длились эти ходатайства в течение 300 лет. Грузинский царь Александр I отправлял посольство к Иоанну III с грамотой, в которой он называл себя «меньшим холопом московского царя», а царя Иоанна — «светом земного неба, звездою темных . . надеждою христиан, управою всех государей . . .» Он просил о военной и духовной помощи. Он писал, что под влиянием утеснения варваров народ коснеет в невежестве, вера православная падает, храмы разорены и христиане подвергаются невыразимым мучениям. Посольство не добилось ощутительных результатов, так как в то время Литва грозила долгой и кровопролитной войной, а с Крымом велись переговоры . . . В начале XVI века Грузия была раздроблена на две части. Восточная часть вошла в сферу господства персов, а западная часть — в сферу турок. Персы казнят сторонников Турции, турки рубят головы приверженцев Персии. Грузинский царь Александр II отправляет в 1586 году посольство к царю Феодору Иоанновичу, через которое «бьет челом со всем народом своим, чтобы единственный право-

славный государь принял их в свое подданство... спас жизнь и душу...»

Царь Феодор принял Александра II (Кахетинского) в подданство. К титулу московских царей было прибавлено: «Государь земли иверской, грузинских царей и кабардинские земли, черкесских и горских князей...» На этот раз, по просьбе Грузии, в Кахетию были посланы священники, но Россия не могла вступить в борьбу с Турцией и только согласилась сделать шамхалу Тарковскому «великое утеснение». Посланный на Кавказ отряд Хворостина разбил тарковцев, кумыков, ногайцев и занял Тарки (на берегу Каспийского моря), но удержаться не мог и должен был уйти, неся громадные потери. Между прочим было условлено, что одновременно с русскими в Дагестан пойдут и кахетинские войска, но эти последние, по выражению историка, «и глаз не казали».

Много горя принес Грузии и шах Аббас, вступивший на престол в 1585 году. По его приказу был отравлен карталинский царь Георгий X. Позже, сын Георгия, Луарсаб, был задушен в Персии.

Выдвигала Грузия и народных героев вроде нашего Сусанина. Священник Федор, из Квельты, завел в горные дебри отряд турок, посланный для поимки царя Луарсаба. Кончил жизнь свою он в страшных мучениях, заявляя: «Не пожертвую вечною жизнью для временной — не буду предателем царя!»

Когда Русь вышла из периода лихолетия, то грузинский царь Теймураз I не замедлил обратиться (в 1619 году) к царю Михаилу Феодоровичу с просьбой о помощи, повторяя почти дословно то, что писали русским царям его предшественники. Не только защиты родины, но и защиты своей семьи, особенно своей матери, томящейся в персидской тюрьме, просил Теймураз. Но прежде чем ходатайство русского царя дошло до Персии, Кетевань (народная героиня) уже была зверски замучена в Гандже. Испугавшийся Аббас, чтобы задобрить русского царя, послал ему в подарок хитон Господень, вывезенный персами при разграблении Мцхета.

Надо отметить, что при Борисе Годунове была сделана опять попытка военной помощи Грузии. Опять была взята штурмом столица Шамхала — Тарки. Ожидалась сильная военная помощь грузин, но они не пришли, повинуясь запрещению шаха. В результате переговоров с владетелями Дагестана, отряду предоставлялась возможность уйти обратно, но на обратном пути дагестанцы споили русских и ночью

вероломно напали на их лагерь. Воеводы Бутурлин и Плещеев, а также 7000 русских солдат легли на месте.

Шах Аббас делал нашествия на Кахетию в 1614—1616 годах и на Восточную Грузию в 1623—1624 годах, повлекшие за собой разгром Кахетии и выселение в Персию до 100 000 грузин.

Чтобы иметь понятие о нашествиях войск Аббаса, привожу слова историка Потто:

«Они шли, все попирая на своем пути, грабя монастыри, раздирая иконы и кресты, обращая священные предметы на украшение своих гаремов. Христиане, вместо защиты и отпора, только и делали, что собирались в церквах — каялись, молились и, вместе с церквами, были сжигаемы персами. В ночь на Пасху, в одном из монастырей Гареджийской пустыни, по личному повелению шаха, были перебиты 6 000 иноков. Над развалинами монастыря и поныне стоит престол, на котором вместо утвари — связанные крестообразно человеческие кости. Эти кости и дали название целой лавре, именуемой Мцамети, то есть лавры мучеников. Монастырь Мцамети расположен в окрестностях Кутаиса, древнейшего города не только Закавказья, но и всей Европы — ему насчитывают более 3 000 лет. Дорога от Кутаиса идет все время в гору по живописной местности, а самый монастырь расположен на скале над бездной, и кажется висящим в воздухе над целым морем леса.

Во время своего царствования царь Теймураз I не раз отправлял посольства и к царю Михаилу Феодоровичу и к царю Алексею Михайловичу. Целовал он крест, то есть присягал московскому царю на верность и вел долгие переговоры, прося военной помощи не только против персов и турок, но и против владетелей Мингрелии, которые «поддались турецкому султану, берут себе на помощь бусурманскую рать, меня разоряют и воюют. Дадьяне крадут христиан из моей земли и отсылают к персидскому шаху...» (Надо сказать, что не только Мингрелия занималась торговлей рабами. Угнетаемая турками Имеретия так обеднела, что для пополнения своей казны князья Имеретии прибегали в широких размерах к торговле рабами. Все побережье Черного моря вело эту торговлю с турками. С давних пор Багдад был центром торговли рабами. В 1834 году, предпринимая устройство «Черноморской береговой линии» от Абхазии до Анапы, русское правительство имело целью не толь-

ко пресечь сношения горцев с турками и англичанами, но также пресечь и торговлю рабами.)

Просил также Теймураз прислать митрополитов и писал: «Государство грузинское Божье да твое...» Побывал Теймураз и лично в Москве. Он откровенно заявлял московскому правительству:

«с тех пор, как его страна вступила под покровительство Москвы, шах Аббас разрушил его царство и погубил его семью, замучив и убив царицу Кетевану и с ней его сыновей...»

Россия, однако, не хотела портить свои отношения с Персией и ограничивалась только ходатайствами о Грузии перед шахом.

Кончил свою жизнь царь Теймураз пленником в Персии. Отказавшись принять магометанство, он умер в тюрьме в Астрабаде. О печальной участи Грузии, изнывавшей под владычеством Персии, можно иметь представление хотя бы по участи семьи Теймураза. Мать его, Кетевань, зверски замучена. Двух его сыновей оскопили — следствием чего была смерть одного из них и сумасшествие другого. Третий его сын был убит в магарайском бою. Одна его дочь, выданная замуж в Иране, была замучена по приказу шаха; двенадцатилетнюю сестру его, Елену, шах взял к себе в гарем. Вторую дочь его, вместе с ее мужем, убили заговорщики. Ее первого мужа тоже убили заговорщики.

Отдельные попытки русских удальцов войти в сношения с Грузией бывали, однако, помимо правительства. Так, когда шах Аббас уже вторгнулся со своими ордами в Грузию, то на помощь грузинам явились казаки с Днепра и стрельцы с Терека. Явились добровольно, на свой страх и риск. Об этом говорят даже грузинские легенды. Они пришли к последней позиции грузин у Мцхета и участвовали в решительной битве. Вот слова, с которыми обратились к своим воинам стрелецкий и казацкий начальники:

«Ребята, — говорил стрелецкий воевода, — ляжем костьми на месте и не положим бесславия на русское имя, по заветному слову наших отцов: 'Мертвия бо срама не имут'».

Казацкий же атаман объявлял «товариществу»:

«Утекать, братцы, некуда — сами то видите, до Днепра далеко, да там у нас ни жен, ни детей нет, плакать будет некому. Так уж коли не то, так сложим головы добрым порядком и не покажем бусурманам прорех и заплат на спинах казацких».

Битва облегчила участь Грузии, воевода отошел на Терек с честью великой, казаки же не удовольствовались и отправились «пошарпать» приморские области Персии.

Страшные внутренние раздоры не прекращались в Грузии. Наступило XVII столетие. В России царствовал Петр Великий, а Грузии небо дало хорошего правителя в лице царя Вахтанга VI (1711—1724). Несмотря на то, что туркам удалось почти окончательно подчинить себе Имеретию, Мингрелию, Гурию, Сванетию, Абхазию (не говоря уже о Кабарде), ядром Грузии все-таки оставались Кахетия и Карталиния. Русь продолжала энергично продвигаться на юг. В августе 1722 года Петр был уже на Кавказе, заняв город Дербент. Не только проложить торговый путь на Баку, Бухару, Персию и Индию мечтал Петр — предполагал он также подняться вверх по Куре до Тифлиса и восстановить христианскую религию в Грузии. По тайному договору, царь Вахтанг должен был соединиться с ним между Дербентом и Баку. Во исполнение этого договора Вахтанг собрал 40 000 войско и расположился лагерем у Ганджи (Елизаветполь). Город Баку изъявлял готовность покориться, войска Петра вступали уже в персидские провинции . . ., но, как известно, поход Петра сорвался из-за гибели от бури на Каспийском море его флота с запасами снаряжения и провианта. Жестоко мстили персы и турки Вахтангу за его попытку сблизиться с Россией. Его царство стало жертвой их войск, к которым присоединились и лезгины.

В 1724 году турки, при содействии лезгин, взяли и разгромили Тифлис. Измученный войнами и междоусобицами, царь Вахтанг вынужден был бежать в Россию с 2000 выдающихся грузин, надеясь найти помощь у Петра, но Петр уже болел и вскоре умер. Царь Вахтанг прибыл в Москву в сопровождении царицы Русуданы; наследника престола, царевича Бакара, 6 епископов, 14 архимандритов, князей, дворян, монахов и слуг. В Первопрестольной царю и его свите был отведен целый квартал на Пресне, который с тех пор получил название Грузины. Потомство царя навсегда осталось в России, образовав собой старшую линию светлейших князей Грузинских. Сам царь умер в России и был похоронен в Астрахани. Сын его, Бакар, одно время, от имени отца, управлял Грузией, а затем состоял, в чине лейтенанта, начальником русской артиллерии. После смерти мужа, царица Русудана просила императрицу Анну Иоанновну о принятии в русское подданство и об определении на службу гру-

зинских князей, дворян и служителей. Просьба ее была уважена. Все представленные царицей грузины были определены на службу и «одарены пропитанием». А в 1738 году, по просьбе той же царицы, была учреждена из грузинских князей и дворян особая Грузинская гусарская рота. Всем ее чинам были пожалованы на Украине 5 000 дворов в Полтавском, Миргородском и Прилуцком «полках». В войне с Турцией Грузинская рота показала себя с самой лучшей стороны, а 11 августа 1739 года генерал-фельдмаршал граф Миних донес Сенату о блестящем поведении грузин и свидетельствовал об «их храбрости и стойкости» . . . Впоследствии Грузинская гусарская рота была развернута в Грузинский гусарский полк, который был затем переименован в Белорусский гусарский полк.

Несмотря на победы турок, истинным хозяином Грузии был персидский шах Надир. В 1744 году он назначил царем Карталинии багратида Теймураза II, а Кахетии — его сына Ираклия II. Более чем столетие Грузией правили цари мусульмане или шахские ставленники, поэтому понятна радость грузин при назначении православных Теймураза и Ираклия.

Когда в Тифлис въезжал Теймураз, все улицы и площади были украшены цветами и коврами, а крепость салютовала пушечными выстрелами. Коронация царей по старинному обычаю превратилась во всенародный праздник. Древний собор был освещен тысячами ламп и свечей. Грузинское войско было разделено на 4 колонны. Царю предшествовали отряды стрельцов и лучников. Процессию замыкали отряды знатной молодежи, закованной в доспехи. Царя Ираклия, выехавшего со свитой из Телава, по дороге атаковали лезгины. Он разбил их и въехал в Тифлис на гнедом жеребце во главе сомкнутых рядов грузинской конницы, на пиках которой были насажены головы убитых лезгин. После смерти Теймураза, Ираклий соединил в одно целое Кахетию и Карталинию.

ЦАРЬ ИРАКЛИЙ II

Императрица Екатерина II писала Вольтеру: «Ираклий могущественнейший владелец, человек с головой и храбрый . . .», а Фридрих Великий говорил: «В Европе царствую я, а в Азии непобедимый Ираклий, царь Грузии . . .»

Царь Ираклий был одной из замечательнейших личностей XVIII столетия. Пятьдесят три года он был царем. Главная его заслуга перед Грузией была в том, что он твердостью и решительностью сломил и укротил своеволие мелких владельцев и князей Грузии. Он стремился пересоздать Грузию на европейский лад и сделал многое для развития просвещения, торговли и промышленности. Половину своей жизни он провел на полях сражений. Показывая себя талантливым стратегом, он личным примером заражал своих воинов. Впереди всех бросился он в бурную Арагву и переплыл ее в бою у Сагурели. Энергия его поразительна: на отдых он тратил 5—6 часов. Зачастую, на походе, изголовьем служило ему седло.

КНЯЗЬЯ АМИЛАХВАРИ

Чтобы иметь понятие о политической и моральной анархии, которая царила в Кахетии и Карталинии во времена владычества шаха Надира, можно привести пример борьбы Гиви Амилахвари с Шаншэ Эристави и с царем Теймуразом.

В 1735 году шах Надир, с помощью грузинских войск царя Теймураза, разбил турок и отобрал у них тифлисскую крепость. Но против него и царя Теймураза восстал сторонник Турции ксанский Эристави Шаншэ. Шах разгромил владения Шаншэ. Шаншэ бежал в Россию. Младший брат Шаншэ, ожидая помощь России, продолжал борьбу, но потом и он со своей семьей бежал в Кахетию. Но по дороге арагвский Эристави — Утрути перехватил жену Шаншэ и выдал ее персам. Вернувшись из России Шаншэ осадил крепость, где укрылся арагвский Эристави Утрути, приказал обложить хворостом и поджечь башню, где укрывался Утрути с защитниками крепости. Утрути с семьей и защитники крепости погибли в огне. Но потом против Шаншэ восстал его сын а также феодалы во главе с Гиви Амилахвари. Шах Надир поставил Гиви Амилахвари во главе индусских и афганских воинов. Отряд этот прошел огнем и мечом владения Шаншэ. Борьба кончилась пленением Шаншэ. Его ослепили в Персии. Впоследствии сам Гиви перешел в стан врагов Надира, когда Надир арестовал его и заставил выдать за себя его дочь. Дочь Гиви была обручена с племянником царя Вахтанга. Жених и невеста играли в нарди (игра, напоминающая трик-трак) во дворце Гиви в селении Чалы, когда туда

явились стражники Надира и увели молодую девушку в гарем. Это насилие потрясло молодых людей. Жених удалился в пустыню Давид-Гареджи и постригся в монахи. Впоследствии он играл большую роль при царе Ираклие II, как общественный деятель и писатель, под именем каталикоса Антона I. Гиви Амилахвари решил поднять восстание еще и потому, что Надир обложил непосильными налогами страну. Налоги брали силой и люди умирали под ударами палок. В стране был голод. За хлеб родители отдавали детей. Ели семена сушеных и перемолотых трав. Население разделилось на две партии — сторонников Гиви и сторонников царей Теймураза II и Ираклия II. Гиви прибегал к помощи турок, дагестанцев, лезгин. Войска враждующих сторон грабили, выжигали и разрушали все на своем пути... Долгая борьба окончилась капитуляцией Гиви. Шах Надир приказал или выколоть ему глаза, или отправить его в Иран. Тут уже на защиту Гиви становятся царь Теймураз и царица Тамара. Гиви предпочитает потерять глаза, но остаться живым на родине..., но потом все-таки едет к шаху. (Надо сказать, что это было не первое путешествие его к шаху. Был и раньше случай, когда его, а также Теймураза II, закованных в цепи, доставляли в Персию. Тогда, по собственному желанию, некоторые дворяне и крестьяне добровольно сопровождали Гиви и Теймураза, рискуя быть ослепленными или убитыми.) По дороге в Персию Гиви встретил своего бывшего противника Шаншэ, уже ослепленного. Шаншэ и Гиви выразили друг другу соболезнование и пожаловались на превратность судьбы. Шах Надир был мнительным и подозрительным. Из-за простого подозрения он велел выколоть глаза своему сыну, а затем, убедившись в неосновательности подозрения, ослепил своих придворных за то, что они не помешали ему наказать принца. Можно было опасаться, что и Гиви постигнет та же участь, но Гиви произвел впечатление на шаха своей богатырской фигурой, благородными манерами и дипломатическим умом. Он избежал наказания, а при одном из последующих шахов приобрел колоссальное богатство и был начальником шахской гвардии. В старости Гиви, уже вернувшийся в свое родовое имение — Чалы — много занимался благотворительностью и восстановлением разрушенных храмов. Умер он в 1754 году. Гражданское мужество и военные доблести были вообще присущи роду Амилахвари. Один из его предков, Иотам Зедгинидзе, узнав о заговоре против царя Георгия VIII, убедил

царя тайно покинуть дворец ,а сам лег в его постель и был убит заговорщиками. Признательный царь возвел детей Иотама в сан амилахори (обер -штальмейстер). Отсюда и произошла фамилия — Амилахвари. Был случай когда, в 1559 году, в первый день Пасхи девять братьев Амилахвари геройски пали в бою у деревни Мухат-Гверди. В другой раз 4 князя Амилахвари погибли в известном бою 20 сентября 1723 года при овладении Тифлисом. Тридцать дворян, подвластных Амилахвари, видя гибель в бою своих князей, бросились к ним на выручку и все погибли . . . Внук Гиви, Бардзим, дожил до того времени, когда Карталиния ограждалась от врагов русскими войсками. Но он не раз садился на коня для отражения разбойничьих шаек и отличался уже на службе в русских войсках. Сын Бардзима участвовал в походах Паскевича и в знаменитой Даргиской экспедиции. Все Амилахвари отличались богатырским сложением.

КНЯЗЬ ИВАН ГИВИЧ АМИЛАХВАРИ

Прошло почти 100 лет после смерти Гиви Амилахвари. В 7-м эскадроне Нижегородского драгунского полка, можно было видеть скромного юношу в черной папахе, в полушубке, крытом темно-синим сукном, и в сапогах с высокими голеницами. Это был унтер-офицер князь Иван Гивич Амилахвари, внук Бардзима, уже имеющий солдатский георгиевский крест за недавние бои. Смуглое лицо с красивым профилем и высокий рост изобличали в нем типичного представителя старой Иверии. Думал ли тогда кто-нибудь, что через семь лет этот юноша уже в чине штабс-капитана, будет иметь одно из самых блестящих кавалерийских дел на Кавказе.

Это было в Чечне в 1858 году. В русском отряде стало известно, что крупные силы горцев двигаются в направлении к аулу Ачхой. Амилахвари получил приказание выдвинуться вперед с двумя эскадронами Нижегородцев и сотней казаков Моздокцев, и войти в соприкосновение с противником. Скоро выяснилось, что горцев против Амилахвари было гораздо больше, чем предполагалось. Число их росло в ужасающей прогрессии и стало ясно, что вся грозная сила Шамиля выдвинулась на поле битвы. Впереди виднелись значки белые и красные, а на однородном фоне черных и коричневых черкесок выделялись белые чалмы мюридов, верных

слуг Аллаха, для которых гибель в бою открывала путь к вечному блаженству. И вся эта масса с гиком ринулась на русских. Что произойдет от этой встречи — об этом страшно было подумать... Уходить? Могучий дух князей Амилахвари не допускал такого решения. А у него под командой были Нижегородцы, не знающие отступления и были храбрые терские казаки — Моздокцы. Об этом деле историк Потто пишет:

«Драгуны врезались в самую середину скопища и буквально в нем затонули. Их белые кителя только кое-где мелькали в темной массе их обступившей.

— Драгуны погибли! — подумал бы зритель, если бы мог только находиться такой зритель в стороне от побоища... Но они не погибли. Ударами рослых массивных коней драгуны, как сказочные богатыри, сбивали маленьких коней дагестанцев и прокладывали себе дорогу... Боевые клики смолкли. Слышно было только, как шашки, звеня, ударялись о шашки, как гремели то здесь, то там пистолетные выстрелы... Вот падает командир 3-го эскадрона, поручик Вахвахов, раненый пулей в плечо. Падает вахмистр Порожниченко, сраженный пулей в сердце. Убит Пантелеев, буквально перерубленный пополам ударом какого-нибудь «волчка» или «Гурды» (знаменитые клинки). С четверть часа длится общая свалка... но, вот горцы начинают в этом месте подаваться назад... Но это только передышка. Поле между стоящими один против другого противниками залито кровью, усеяно трупами.

— Вон лежит Порожниченко, — слышится шепот в рядах драгун, и они порываются его взять, но князь Амилахвари их останавливает. А через минуту он сам падает вместе с конем. Белый кабардинский конь его бьется на земле в предсмертных судорогах. На белом кителе вахмистра Мирошниченко показывается маленькое кровавое пятно — это рана в грудь и безусловно смертельная. Князь Амилахвари приказывает снять его с седла.

— Я сам выеду из строя, — говорит раненый, — теперь каждый человек дорог. Он сходит с коня, тихо опускается на землю и, не выпуская повода из рук, тут же умирает...»

А еще через 6 лет мы видим князя Амилахвари командиром Нижегородцев. Во время войны 1877—78 годов он командует уже 3-й Сводной кавалерийской дивизией и получает Георгиевский крест 4-й степени. Командует он потом

Кавказской кавалерийской дивизией и кончает свою службу командиром Кавказского армейского корпуса.

Сын его, всеми нами любимый и уважаемый князь Гиви Иванович, шел по стопам своего отца. Он тоже был коренным Нижегородцем. Во время войны 14-го года он командовал 2-м Дагестанским конным полком и получил Георгиевский крест за атаку 10 сентября 1915 года при Доброполе. (Тогда же получил Георгиевский крест и князь Бекович-Черкасский — коренной Северец.) Высоким ростом, благородной осанкой, необыкновенной скромностью и военным мужеством он напоминал своего отца.

Здесь, в Париже, он зарабатывал себе кусок хлеба как шофер такси. Как-то раз, во время продовольственных ограничений при немцах, он указал мне на продавщицу в булочной и сказал:

— Эта девица мне портит кровь тем, что недовешивает хлеб.

В то время порции хлеба были мизерные, недовешивала она 10—15 грамм, но для Гиви это было ощутительно, так как он не умел и не хотел добывать хлеб нелегальным путем. Я подумал тогда, что он — потомок того Гиви, который на свой счет вербовал по 10 000 дагестанцев и лезгин во время борьбы с царями Теймуразом и Ираклием, а потом, в старости, строил и реставрировал храмы и занимался благотворительностью. Осенью 1943 года князь Гиви стал прихварывать. Встретившись однажды со мной (мы были соседями), он просил зайти к нему:

— Хочу передать тебе старые фотографии, представляющие интерес для Тверцев.

— Почему ты с ними расстаешься, уж не собираешься ли умирать? — пошутил я.

Гиви посмотрел на меня каким-то странным взглядом и тихим голосом сказал:

— Все может быть...

Недели через три он умер...

ЦАРСТВОВАНИЕ ИРАКЛИЯ II

Царь Ираклий II был убежденным сторонником России и, по примеру своих предшественников, неоднократно просил покровительства России. Уже в 1769 году, во время русско-турецкой войны, по его просьбе и по просьбе царя Име-

ретии Соломона I, в Грузию был послан экспедиционный корпус под командой графа Тотлебена. В Имеретии Тотлебен нанес туркам несколько поражений и помог царю Соломону взять Кутаисскую крепость. Отличаясь бестактностью, грубый и спесивый Тотлебен вооружил против себя и русских, и грузин. С царем Ираклием он не поладил и бросил его на походе, чем поставил грузинские войска в тяжелое положение. Внимая жалобам и доносам, петербургское правительство, после произведенного расследования, отозвало свой корпус обратно (в 1772 году).

Царь Ираклий, как опытный политик, понимал, что покровительство России вызовет недовольство в Иране и Турции, но, взвешивая все обстоятельства за и против, он все-таки стал на этот путь и трактат между Россией и Грузией был подписан 24 июля 1783 года. По этому трактату картл-кахетинский царь навсегда отрекался от вассальства Ирану или иной державе и становился под покровительство России. Екатерина II обещала «светлейшего царя Ираклия Теймуразовича и его дома наследников и потомков сохранить беспременно на царстве...» Екатерина обязывалась иметь в Грузии 2 полных батальона с 4-мя пушками, каковые и прибыли в ноябре того же года в Тифлис. В сражении с турками и лезгинами начали участвовать русские. Но в 1787 году русский отряд был неожиданно отозван в Россию. Отозвание своего войска русское правительство оправдывало двумя соображениями: во-первых тем, что начиная 2-ю турецкую войну, оно не могло разбрасывать свои силы, а, во-вторых тем, что оно, якобы, было уверено, что Ираклию во время этой войны легче будет восстановить прежний союз с соседями, враждовавшими с ним из-за вступления русских войск в его царство. Недовольные Ираклием феодалы начали подстрекать персов и лезгин вторгнуться в Грузию. Супруга Ираклия Дария (Дареджан) явно упрекала его в заключении союза с Россией. В числе недоводьных были и ее сыновья — царевичи Александр, Юлон и Парнаоз.

АГА МАГОМЕТ-ХАН

С восшествием на персидский престол Ага-Магомет-Хана над Грузией нависла новая гроза. «Ужас Ирана», как звали Ага-Магомета поднял свои орды, заранее обрекая Грузию на гибель и обещая воскресить в ее памяти ужасы нашест-

вия шаха Аббаса (1724 год). Просьбы Ираклия о присылке на помощь войска Екатерина отклоняла, а между тем персидские орды уже шли к Тифлису. 9 сентября 1795 года авангард персов уже появился под Тифлисом у Саганлуга. В эту трагическую для Грузии минуту Ираклий не мог собрать достаточно войск для защиты столицы. Чуть ли не слезно просил он своих сыновей прислать ему из своих уделов войска. Один только царевич Георгий принялся было формировать дружины и отправлять их в Тифлис, но дружинники по дороге разбегались. Если сам царь, несмотря на свой преклонный возраст, оставался все тем же борцом и воином, каковым был в юности, если у него были доблестные воины — внуки — царевичи Иоанн и Давид, со своими отборными дружинами, то народ в целом не думал об отчаянной обороне, а надеялся, как писал сам Ираклий, «на одни руки российские». Грузинский народ перестал быть народом-воином, тысячелетиями отстаивавшим, с оружием в руках, свою страну.

На рассвете 12 сентября бой начался наступлением иранцев. С отчаянным мужеством бросились первыми отряды царевичей Иоанна и Давида на врага. Закипел рукопашный бой . . . Но персы вводили все новые и новые резервы и продолжали наступать. В 7 часов утра отряды царевичей дрогнули и стали подаваться назад. Царь Ираклий, лично командовавший главными силами, вспомнив молодость, дрался как простой солдат. Однако он видел, что персы уже обошли отряды царевичей, что они уже у него в тылу. Гибель была близко от знаменитого старика. Когда дрогнули и побежали последние ряды воинов, царь Ираклий застонал и кинулся один на наступавших врагов, со словами:

— Грузия гибнет и мне жить незачем.

В одно мгновение персы охватили его живым кольцом. Доблестный царевич Иоанн, сам израненный, заметил это и один бросился выручать своего деда. Последние 300 воинов последовали примеру царевича, и произошла опять короткая схватка . . . последняя схватка . . . Царевич Иоанн врубился в толпу врагов и вырвал у них Ираклия, лошадь под которым пала и сам он, пеший, отбивался из последних сил. Подхватить старика к себе на седло, повернуть коня и помчаться назад с дорогой ношей, было для царевича делом одной минуты.

Дело грузин было проиграно. В Тифлисе начались ужасы, не поддающиеся описанию.

В полуразрушенном старинном грузинском монастыре Ананура, в одной ветхой келье, можно было видеть в дни всенародного горя, закрытого простым овчинным тулупом старика, сидевшего лицом к стене. Этот старик еще так недавно был грозой всего Закавказья, имя его было — Ираклий, царь Грузии.

ПОКРОВИТЕЛЬСТВО РОССИИ

Не в натуре Ираклия было предаваться долго отчаянию. Он нашел в себе силы снова заняться делами. Переписка его с Петербургом о помощи войсками наконец закончилась, и в начале декабря 1795 года, то есть через три месяца после разгрома Тифлиса, в Грузию прибыло 1500 солдат с 5-ю орудиями, под командой Сырохнева. К тому времени Ага-Магомет-Хан уже увел свои орды обратно в Персию. Не только канцелярщина была причиной задержки помощи Грузии. У Екатерины были заботы в связи с восстанием в Польше и подготовкой корпуса Суворова для действий против Наполеона.

Ужасы персидского нашествия обратили на себя внимание петербургского правительства. Весной 1796 года Россия объявила войну Персии. Екатерина II решила, воспользовавшись обстоятельствами, привести в исполнение проект Потемкина об образовании «греческого королевства». Предполагалось, покончив с персами, захватить Анатолию и продвинуться к Константинополю со стороны Малой Азии. В это время Суворов должен был перейти Балканы, взять Адрианополь и появиться перед столицей Турции на европейском берегу Босфора, а русский черноморский флот должен был осадить Константинополь с моря.

Поход Зубова на Дербент, Баку, Кубу — был как бы точной копией похода Петра. Русские предполагали основать у слияния Куры и Аракса новый город, заселив его русскими солдатами. Невест этим колонистам должны были дать грузины и армяне. Особый корпус Римского-Корсакова был направлен для взятия Ганджи — к нему присоединился отряд Сырохнева, а также и отряд грузин. Смерть Екатерины II остановила все военные операции. Император Павел I отозвал все войска обратно в Россию. Лишь незначительные отряды, имевшие дела с лезгинами, остались в Грузии до осени 1797 года. К счастью для Грузии, Ага-Магомет-Хан

был убит у себя в спальне заговорщиками. Его преемнику, Баба-хану, император Павел внушил через посла, что Персия должна отказаться от всяких притязаний в отношении Грузии, Дербента, Баку и Ширвана.

Последние годы своей жизни царь Ираклий тяжело болел водянкой. Достигнув почти 80 лет, он все еще готов был вооружиться и идти в поход против лезгин Омар-хана, но ему уже не было суждено сесть на коня. 11 января 1798 года он умер в Телаве, в той же комнате и на той же кровати, где был рожден. Вся Грузия погрузилась в траур. Народ не хотел верить в его смерть. Всем казалось, что Патара-Кахи (маленький кахетинец) только вздремнул и опять проснется, чтобы еще раз броситься на врага.

Вступивший на престол, после смерти Ираклия, сын его Георгий XII был человек больной и малоодаренный способностями правителя. Как и его великий отец, он был искренно предан России. Только в ней видел он спасение от неминуемой гибели страны. В царской семье были раздоры. Вдова Ираклия, Дария, стремилась посадить на престол своего сына Юлона (Георгий был ее пасынок). Жена Георгия, не считаясь с ним, самостоятельно вела борьбу с мачехой и братьями мужа. Царевич Александр ушел к персам и побуждал их к выступлению против Грузии. В стране своевольничали наемные войска из лезгин. Персы и турки угрожали нашествиями. Для спасения Грузии нужна была скорая помощь и царь Георгий возобновил ходатайство о покровительстве России. Император Павел I согласился принять Грузию под свое покровительство. Он утвердил Георгия XII преемником грузинского царства, а сына его Давида, — наследником престола. Статский советник Коваленский был назначен полномочным министром при грузинском дворе. В Грузию был назначен, для постоянного пребывания, Егерский Лазарева полк (впоследствии Эриванский), а через год прибыли в Тифлис и Мушкетерский г. м. Гулякова (Кабардинский) полк.

И вот, наконец, наступил момент, когда русские войска стали поперек дороги идущего на Грузию ее многовекового врага и приняли на себя его удар. На Тифлис шли полчища Омар-Хана-Аварского, к которым присоединился царевич Александр, и к которым должны были присоединиться отряды царевичей Вахтанга, Юлона и Парнаоза. 7 ноября 1800 года у Кагабета, на реке Иоре, произошла решительная битва. Русский малочисленный отряд, в состав которого

входили и грузинские дружины царевичей Иоанна и Баграта, нанес лезгинам решительное поражение. Лазарев с егерями и Гуляков с мушкетерами явились теми двумя доблестными генералами, которые победой на реке Иоре положили начало небывалой в истории шестидесятилетней битвы. Битвы, которая закончилась пленением Шамиля в 1859 году и покорением Западного Кавказа в 1864 году. Оба эти генерала сложили впоследствии головы на своем посту.

В ноябре 1800 года болезнь царя Георгия приняла угрожающее его жизни развитие. Желая примирить его с братьями, полномочный министр Коваленский получил от них на то письменное доверие, но переговоры не дали никаких результатов. Коваленский пытался склонить к примирению и Александра, ведущего в Персии интриги против царя Георгия, но и тут он не имел успеха.

Царь умирал, ясно понимая что страшное междоусобие между его наследниками и его братьями разразится немедленно после его смерти. С одра болезни он писал императору Павлу:

«Грузия так или иначе должна покончить свое самобытное политическое существование, и грузинский народ желает вступить единожды и навсегда в подданство Российской империи с признанием всероссийского императора за своего природного государя и самодержца».

Посланным царя было отвечено, что император Павел принимает во всегдашнее подданство царя и весь его народ, но не иначе, как тогда, «когда один из посланных отправится обратно в Грузию, объявит там царю и народу о согласии русского императора и когда грузины вторично заявят грамотою о своем желании вступить в подданство России». Царю обещано оставить титул государя до смерти. Его сыну, Давиду, присвоить звание генерал-губернатора с титулом царя. Страну же причислить к числу русских губерний, под названием «Царство Грузинское».

Близость кончины царя Георгия побудила, однако, императора Павла поторопиться решением вопроса о Грузии. Государственный Совет находил присоединение ее необходимым и склонил императора Павла к немедленному изданию соответствующего манифеста. 18 декабря 1800 года манифест о присоединении Грузии был подписан. Вскоре после этого царь Георгий умер. С его смертью упразднился грузинский престол и перестала существовать династия Багра-

тидов. Обнародование манифеста в Тифлисе произвело на жителей отрадное впечатление и успокоило волнения.

К сожалению, главнокомандующий на Кавказе генерал Кнорринг и полномочный министр статский советник Ковалевский не понимали своего положения в добровольно принявшем подданство крае. Они действовали на самолюбие грузин и посылали в Петербург донесения, искажающие истину. Жалобы грузинского народа на Коваленского были доведены до императора Александра I, который немедленно отозвал генерала Кнорринга, а Коваленского отдал под суд. Главнокомандующим на Кавказе был назначен князь П. Д. Цицианов. «Грозный князь», как прозвали его горцы, был грозой только для врагов. С любовью и доброжелательством приступил он к управлению и устройству, дорогой ему, родной страны.

После смерти Павла I, император Александр I долго колебался, прежде чем подписал 12 сентября 1801 года манифест о полном присоединении Грузии к России. В своем манифесте Александр I указывал, между прочим, на ошибки допущенные его предшественниками — Екатериной II и Павлом I — в отношении Грузии:

«Оставалось токмо внутренним благоустройством благоденствие ваше утвердить навеки. Но внезапное и скоропостижное отступление войск российских из Персии, Армении и из пределов ваших. испровергло справедливое ожидание ваше . . .»

Александром I была также ясно намечена миролюбивая его программа:

«Единое достоинство, единая честь и человечность налагают на Нас священный долг, вняв молению страждущих, в отвращении их скорбей, учредить в Грузии правление, которое могло бы утвердить правосудие, личную и имущественную безопасность, и дать каждому защиту закона . . .»

У Государственного Совета несомненно были веские причины склонить императора Павла к решению окончательно присоединить Грузию к России. Сам грузинский царь Георгий XII видел в этом единственный выход из создавшегося положения . . . Чувствуя приближение смерти, он даже, тайно от Коваленского, послал к Павлу послов с просьбой ускорить принятие Грузии в подданство. Нельзя, однако, не пожалеть, что трактат 1783 года, признававший право грузинских царей на престол, уступил место манифесту 18 декабря 1800 года, лишившему их этого права. Обидно и за Багра-

тионов, более тысячи лет управлявших страной, дававших царей мучеников (царь Дмитрий II, царь Луарсеаб, царь Теймураз I), а также таких достойных царей как Давид II, Георгий VII, Александр I, Ираклий II и царица Тамара.

В прошении на Высочайшее имя, в 1802 году, жители Кахетии писали:

«Все кахетинские жители, духовные и светские, просим у В. И. В. всемилостивейшего покровительства. Всемилостивейший Государь! когда мы присягали на верность В. И. В-ву, тогда был объявлен нам Высочайший манифест, в котором, между прочим, изображено якобы мы донесли Высочайшему Двору, что царя не желаем иметь и что будто без царя поступили бы под покровительство и верховное управление В. И. В-ва. Сие бы уподобилось французской республике! Наши цари перед нами никакой вины не сотворили и нам от них не для чего отрекаться. Более 1000 лет, как род Багратионов есть царственный, многие из них за Христа и за нас мученичество восприяли и кровь свою проливали и мы при них умирали. Итак, отрицание от них не есть наше дело, а выдумки обманщиков. Наше желание и просьба в том состоит, чтобы духовное завещание, ознаменовавшего себя великими подвигами, покойного царя Ираклия было утверждено и по силе оного дан бы был нам царь, с которым оставались бы мы под Высочайшим покровительством Вашим и по мере сил наших употребляли бы себя на службу В. И. В-ву». (Д. Вачнадзе, «Грузия между Севером и Югом».)

Но, кроме печальной стороны вопроса о присоединении Грузии, есть и другая сторона — отрадная. Грузия освободилась от постоянного гнета со стороны персов и турок. Перестала платить дань лезгинам. Начали отходить в область преданий набеги, разрушения сел и городов, увод пленных. Перестали выкалывать глаза лицам провинившимся перед шахом, Перестала Грузия посылать дань не только деньгами, но и молодыми девушками и юношами для гаремов (Имеретия, например, должна была ежегодно доставлять туркам 80 пар девушек и юношей). Разрозненным и зачастую враждующим между собой грузинским государствам грозило полное порабощение соседями. В XVII и XVIII веках персы так поработили восточную Грузию, что трудно было отличить ее от остальных провинций шаха. Тегеран сделался местом жительства грузинской аристократии. Персия требовала, чтобы грузинские цари и князья принимали магометанство. Целый народ в области Лазика перешел в мусульманство.

в одно грузинское тело отдельные грузинские царства и княжества (Кахетия, Карталиния, Имеретия, Мингрелия, Гурия Абхазия, Сванетия) объединились только под русской властью, чего не было со времени царствования Тамары (в XII веке). После 1801 года Тифлис стал как бы столицей Кавказа.

РУСКИЕ В ЗАКАВКАЗЬЕ

Император Александр I, в своем рескрипте на имя князя Цицианова, говорил:

«Не расширение власти Моей и не приумножение собственных польз России Я в сем искал, но единственно желал успокоить народ, мятежами внутренними и внешними обуреваемый, издавна России преданный и древнею своей приверженностью особенное ее участие заслуживающий...

В лице генерала Ивана Петровича Лазарева, командира Эриванцев, главнокомандующий князь Цицианов нашел прекрасного помощника. В короткий срок генерал Лазарев завоевал уважение к себе и симпатии грузин. Тем не менее положение дел в Грузии было в постоянной опасности. Центром интриг был Тифлис. Лазарев писал, что царская фамилия «есть первая пружина всем волнениям». Имелись сведения о заговоре кахетинских князей с целью «ниспровержения существующего правительства». Царевич Вахтанг сносился с царевичами Юлоном и Александром, укрывавшимися у лезгин. Он имел намерение, находясь в Душете, разрушить мосты по Военно-грузинской дороге и тем самым пресечь сообщение с Россией. Генерал Лазарев вынужден был приказать арестовать Вахтанга и препроводить в Тифлис, со всеми почестями приличными его званию.

В Тифлисе ширились слухи о приготовлении царевичей к походу с лезгинами на Тифлис. При таких обстоятельствах князь Цицианов, получивший сведения, что царица Мария, вдова Георгия XII собирается бежать из Тифлиса, пришел к заключению о необходимости арестовать ее и отправить в Россию. И это несмотря на то, что царица Мария была его двоюродной сестрой.

Царица Мария объявила себя больной и наотрез отказалась выехать из Тифлиса.

Когда генерал Лазарев явился во дворец для объявления решения главнокомандующего, царица лежала в своей по-

стели. Объявив царице повеление главнокомандующего, генерал Лазарев вышел из спальни, оставив при царице одного офицера. Однако, едва он вышел, как до него донеслись крики и шум борьбы. Поспешно вернувшись он увидел, что дети царицы — царевич Лжабраил и царевна Тамара с кинжалами в руках, нападают на оставленного офицера. Тот, не осмеливаясь поднять на царских детей оружие, оборонялся, как мог, голыми руками.

— Ваше весочество! уймите их, иначе я позову солдат! — кинулся к царице Лазарев.

— Так, дети, так! — завопила царица и, выхватив кинжал из-под одеяла, нанесла генералу удар в бок. Весь залитый кровью, Лазарев сделал несколько шагов к двери, застонал и рухнул в предсмертных конвульсиях.

Царица Мария и ее дети, с кинжалами в руках, готовились оказать отчаянное сопротивление. Нужно было применить силу, помня их высокое положение. Полицмейстер Сургунов решился. Обмотав руку папахой, он выхватил кинжал из рук царицы. Царевна Тамара хотела его ударить, но промахнулась. Обе женщины и юноша были обезоружены. После высылки из Грузии царица Мария была водворена в воронежский Белогорский монастырь, затем была отпущена в Москву, где и умерла в 1850 году на 81-м году жизни. Прах ее был перевезен в Грузию и предан земле в мцхетском соборе. Генерал И. П. Лазарев погребен в Тифлисе в Сионском соборе.

Грузины ожидали репрессий вроде истребления города и казни жителей, но князь Цицианов их успокоил, и они толпами собрались на похороны Лазарева, который пользовался расположением и любовью народа.

Первые, на кого обратил внимание князь Цицианов, вступая в управление делами края, были старинные враги грузин — лезгины, которые на границе Кахетии имели три гнезда: Джары, Белоканы и Кахети. У них нашли приют и беглые царевичи. Генерал Гуляков быстро навел там порядок, разбив лезгин у Белокан. Но после лезгин вырос новый дерзкий враг в лице аварцев Дагестана, к которым присоединились и казикумыки. Генерал Гуляков разбил их на реке Алазань.

Дабы держать новоприобретенный край в повиновении, немедленно были поставлены три укрепления: одно у брода Урдо, другое в местности, названной Царские Колодцы (над

Алазанской долиной), и третье вблизи Царских Колодцев, в Караагаче.

Желея наказать дагестанцев, генерал Гуляков неосторожно втянул отряд в лесистое ущелье в предгорьях Дагестана. Лес угрюмо молчал, пока в ущелье втягивался отряд, но, вдруг, зашевелились запорошенные снегом деревья; со всех сторон — и справа, и слева, и с земли, и с высоты — загремели выстрелы, завыли пули; в то же мгновение в голову отряда с неистовым криком кинулись лезгины. Какой-то лезгин выстрелил в Гулякова в упор, и генерал упал, пораженный насмерть.

Гибель доблестного генерала Гулякова была большой потерей для России. Похоронен он был вблизи мощей св. Нины в Бодбийском монастыре, в окрестностях города Сигнах. Грузия была обязана генералу Гулякову уничтожением приюта свирепых хищников, веками причинявших ужасные бедствия стране.

Пока Гуляков усмирял врагов Кахетии, в Карталинии действовал генерал Симанович. Под его командой был Кавказский гренадерский полк (гренадерский Тучкова), уже прославившийся в боях на Северном Кавказе и при штурме Анапы, и в битве с Батал-пашой.

Расправившись с ахалцихскими лезгинами, Симонович обратил свое оружие против непокорных осетин. Симонович со своими войсками появлялся в таких неприступных местах, куда даже горцы не всегда осмеливались заходить. Те, которые были в альпийском походе Суворова, прямо сознавались что Альпы давались им легче, чем горы Кавказа.

У персидского шаха Баба-хана оказался весьма энергичный помощник в лице наследника престола Аббаса-Мирзы. Были у него и советники англичане, которые очень интересовались Ганджой — этим постоянным нарывом на юге Грузии. В Гандже сидел энергичный Джават-хан, любимец изверга Аги-Магомета, участвовавший с ним в разорении Тифлиса. Он дерзко писал князю Цицианову: «Где это видано, чтобы вы были храбрее персиан?» — «Я возьму твою крепость и предам тебя смерти!» — писал ему Цицианов. — «Ты найдешь меня мертвым на крепостной стене, если это случится», — приказал передать Джават.

«Ганджа со времен царицы Тамары принадлежала Грузии. Всероссийская империя, приняв Грузию в свое высокомощное покровительство и подданство не может взирать с

равнодушием на расторжение Грузии», — писал Джавату князь Цицианов.

4 января 1804 года русские штурмом взяли Ганджу. Не было генералов Лазарева и Гулякова, но на их место стали «храбрейшие из храбрых» генерал Портнягин — шеф Нарвского гусарского полка, высоко стоявшего по своим боевым качествам, и Карягин (Эриванец) ««храбрец, каких мало». Это они повели колонны на штурм Ганджи. В этом бою прославился также Лесаневич. Лесаневич обратил на себя внимание уже в битве на реке Иоре. Имена этих героев еще не раз будут встречаться в последующих боях.

Храбрый Джават-хан сдержал слово: сев верхом на самую большую пушку, с саблей в руках защищался он до тех пор, пока не был зарублен капитаном Эриванского полка Каловским, который и сам в том же месте нашел славную смерть.

«Грозный князь» (Цицианов) решил воспользоваться плодами победы и двинул свои войска в пределы «Леса львов» (Персии). Россия шла сразиться с врагом, столетиями наводившим ужас на Грузию. Русские войска доходили до Эривани, взят был Эчмиадзин, заняты были Шуша и Нуха, а Карягин, после ряда беспримерных подвигов, разбил армию Аббаса-Мирзы у Шамхора. К этому времени относится добровольное присоединение к России Мингрелии и Гурии.

Поход князя Цицианова к берегам Каспия оказался для него роковым. Владелец Баку, Гуссейн-Али-хан дал знать, что добровольно присоединяется к России, и день 8 февраля 1806 года был назначен для встречи князя Цицианова с ханом. Во время этой встречи один из спутников хана неожиданно бросился вперед и убил князя. Был убит также адъютант Цицианова, князь Эристов. Жители Баку, стоявшие на крепостных стенах, радостными криками приветствовали это злодеяние. Оставшийся старшим Завалишин так растерялся, что поспешил отвести от крепости войска и даже увел их на линию.

Обезглавленное тело «грозного князя» было зарыто у ворот бакинской крепости с тем расчетом, чтобы прах его могли попирать своими ногами все проходящие через ворота.

Голову Цицианова Гуссейн-Али-хан послан к шаху Баба-хану в Тегеран.

Отомстить за гибель князя Цицианова шел с Кавказской линии решительный генерал Глазенап, имя которого еще со времени командования им Нижегородцами было известно

всему Северному Кавказу. Он взял Дербент, причем ключи от города вынес все тот же столетний старец, который выносил их Петру I и графу Зубову. После Дербента были взяты Баку и Кубинское ханство.

Наступил 1806 год. Началась турецкая война, затянувшаяся на пять с лишним лет. Император Александр Павлович повел русские войска спасать чужие престолы от Наполеона, над Европой собирались уже грозы Иены, Аустерлица и Прейсишь-Эйлау.

А Кавказ был предоставлен исключительно одним своим собственным силам. Были успехи, были и неудачи. Во всем своем блеске показали себя кавказские войска у местечка Гумри на реке Арпа-чай 18 июня 1806 года, где с ничтожными силами была разбита двадцатитысячная турецкая армия. Имена генералов Несветаева и Портнягина еще раз заняли почетные места в победных реляциях.

В 1809 году главнокомандующим на Кавказе был назначен генерал Тормасов. Он ясно видел, что для обеспечения за Россией Имеретии надо взять турецкую крепость на берегу Черного моря — Поти. Командующий войсками в Имеретии генерал-майор князь Орбелиани, наголову разбил турок сераскира Шерифа-паши, после чего крепость Поти сдалась. Честь этой победы в одинаковой степени принадлежит как русским, так и мингрельцам с гурийцами, участвовавшими в бою на стороне русских.

После возвращения Орбелиани в Грузию, командующим войсками в Имеретии был назначен полковник Симанович. Прибыв в Кутаис он объявил царя Соломона низложенным с престола (10 февраля 1810 года), — со всем его потомством.

«Соломон, из-за которого покоя не было имеритинам то от турок, то от русских, так надоел своим подданным, что кутаиссцы совершенно спокойно приняли это событие и даже не прервали из-за него обычных масленичных увеселений. Вслед за столицей, также спокойно приняла присягу на верность русскому царю и вся Имеретия, вошедшая в состав русской империи под наименованием Кутаисской губернии» (А. И. Красницкий. Очерк VI в книге «Покоренный Кавказ».)

В том же году, абхазские князья, теснимые турками, построившими на берегу Черного моря ряд крепостей: Сухум-кале, Редут-кале и другие, искали подданства России. Русские войска взяли у турок Сухум.

Избранник абхазского народа Сефер-Али был назначен

правителем Абхазии, под именем князя Георгия Шервашидзе.

Еще раньше, в 1803 году, была присоединена Мингрелия.

Имена новых героев все чаще и чаще стали звучать на Кавказе — Лисаневича и Котляревского, коренных офицеров 17-го Егерского (Эриванского) полка.

Лисаневич с двумя ротами усмирил Кубинцев и Табасаринцев, а Котляревский нанес персам поражение при Мигри и на Араксе. Он же в 1811 году взял почти неприступную турецкую крепость Ахалкалаки. В 1812 году Котляревский уже крупный вождь, который останавливает победоносное шествие персов Аббаса Мирзы, разбивает их под Асландузом и наносит им окончательное поражение под Ленкаранью. Штурм Ленкарани беспримерен в истории по ожесточению и неравенству сил (русских было гораздо меньше, чем персов). Сам Котляревский, тяжело раненый, остался калекой-инвалидом на всю жизнь.

Результатом этой победы был Гюлистанский мир (1811 год). По этому миру Персия навсегда отказывалась от всяких претензий на Дагестан, Грузию, Мингрелию, Имеретию и Абхазию, а также признавала принадлежащими России ряд мусульманских ханств.

В 1812 году начался ряд восстаний в Кахетии. Вызваны они были сложной обстановкой того времени, но то, что придало им особенно острый характер, заключалось в несовершенстве русского управления Закавказьем. Народ много терпел от своеволия чиновников, и со всех сторон сыпались на них жалобы. Таким положением искусно пользовались беглые грузинские царевичи. Восстание началось с бунта на экономической почве. Кахетинцы платили все налоги и повинности хлебом, а хлеба у них почти не было, ибо главное занятие населения страны было виноделие. Накоплялись недоимки, которые взыскивались с чрезмерной строгостью, что и вызвало волнения, перешедшие в бунт. Телавский и Сигнахский уезд были охвачены мятежом. Началось повсеместное избиение русских команд, расквартированных по деревням. Нарвский драгунский полк был почти весь уничтожен по частям. В Сигнахе мятежники вырезали 39 солдат Нижегородцев. Часть офицеров успела пробиться и запереться в церкви. Грузинский парламентер Давид-Картвли-Швили гарантировал им свободный выход, но, как только они вышли, то были немедленно подвергнуты истязаниям и убиты. Предатель Картвли-Швили, собственоручно заре-

завший двух офицеров был впоследствии освобожден от наказания — по амнистии! Одна грузинская девушка, с опасностью для жизни, провела незаметно одного офицера и девять драгун через разъяренную толпу и спрятала их в больших глиняных кувшинах (в которых грузины сохраняют вино) в маране отца. До последнего времени несколько грузинских дворов в Сигнахе было освобождено от податей за спасение драгун от гибели. В районе Сигнаха в Бодбисхеви батальон Кабардинского пехотного полка целый день сражался в деревне объятой пожаром, потерял несколько офицеров, более двухсот солдат и, наконец, отступил к Караагачу.

Вызванный из Карталинии подполковник Ушаков с батальоном Грузинского полка взял штурмом Душет, главное гнездо мятежников, и овладел их опорным пунктом — аулом Ананур.

Окончательно сломить восстание удалось только тогда, когда был взят штурмом Телав, где скопились последние силы восставших. Бежавший из Кахетии царевич Александр нашел приют у хевсуров, что и привело к походу на Хевсурию.

Не стало Котляревского, но ермоловские герои продолжали покрывать славой русское оружие. Легендарно храбрый Мадатов наносит персам решительное поражение у Шамхора под Елизаветполем (1826 год) и вступает в пределы Эриванского ханства. В своих подвигах состязаются гренадеры, Грузинцы, Эриванцы, Тифлисцы.

Началась новая война с Персией и, почти одновременно, с Турцией. Тем временем судьба главнокомандующего Ермолова была в Петербурге уже решена: на Кавказ прибыл будущий заместитель Ермолова — генерал-адъютант Паскевич.

ПАСКЕВИЧ НА КАВКАЗЕ

Паскевич явился на Кавказ с предвзятым намерением видеть одно лишь дурное. Он знал еще в Петербурге, что судьба Ермолова предрешена, и явился как бы собирать улики против «Петровича».

Явившись на Кавказ, он немедленно произвел смотр знаменитому Ширванскому полку, сплошь состоявшему из героев Дагестана, Чечни и Кабарды. И что же? Последовал страшный разнос за то, что полк маршировал неумело, был

обмундирован не с иголочки. Полк этот, «легион героев», как его называли тогда, Паскевич прогнал с глаз долой. К счастью, Ширванцы не уяснили себе это распоряжение Паскевича. О кавказских войсках Паскевич говорил:

«Выучки нельзя от них требовать, ибо они ничего не знают . . . Сохрани Бог быть с такими войсками в деле!»

В своем донесении он писал:

«Я заметил, что войска не привыкли драться в горах».

Это Ширванцы-то!

Немного времени спустя эти самые войска покрыли его самого славой. Спокойно взирали они на предстоящий бой с сорокатысячной армией Аббаса-Мирзы, идущей на Елизаветполь.

Уже 13 сентября 1826 года против русского отряда, приготовившегося встретить персов в семи верстах от Елизаветполя, появилась армия АббасМирзы. Целый час ни та ни другая сторона не решалась начать сражение. Сравнивая свои и неприятельские силы Паскевич колебался. Граф Симонич, командир гренадеров Грузинцев, обратился к нему со следующими словами:

— Позвольте нам атаковать неприятеля, — наши кавказские солдаты не привыкли обороняться.

— Уверены ли вы в победе? — спросил Паскевич.

— Да, уверен, и мой товарищ Греков (командир Ширванцев) тоже.

— Ну, так идите, с Богом! — объявил Паскевич.

Граф Симонич поскакал к своим Грузинцам. Обращаясь к Ширванцам он крикнул:

— Братцы Ширванцы, ступайте смело — Грузинцы за вами, вас не выдадут!

И русская линия с криком «ура» зашевелилась. Боя я не описываю, но все же не могу удержаться, чтобы не сказать несколько слов о близких моему сердцу Нижегородцах. Видя густые массы персидской пехоты, Паскевич указал на них рукой командиру Нижегородцев, генералу Шабельскому, и сказал — «Истребите их!» Раздалась команда «Марш-марш» и 3-й дивизион Нижегородцев врубился в ряды неприятеля. Под Шабельским убита лошадь, персы стоптаны и гибнут под ударами шашек драгун. Неприятельская конница бросается на выручку своих. Тогда уже 2-й дивизион бросается в схватку с флангов и с тыла. Короткая беспощадная свалка, и персы бегут. Выбивают драгуны и персов засевших в канавах и кустарнике. Пылкий прапорщик князь

Язон Чавчавадзе, вырвавшийся далеко вперед, ранен штыком. Персидское знамя переходит в руки драгун. В центре пехота борется против восемнадцати неприятельских батальонов. Наступление персов и здесь сломлено. Драгуны врываются в ряды дрогнувшей неприятельской пехоты и преследуют ее на протяжении двенадцати верст. Победа полная.

Следующей крупной победой Паскевича было взятие неприступной Эривани. За взятие этой крепости Паскевич получил титул «Эриванский», а 7-й карабинерный полк был наименован Эриванским карабинерным.

СОЛДАТСКИЙ «БАТУШКА»

Взятие Эривани обеспечивало Паскевичу завоевание Тавриза, столицы Азербайджана. Паскевич не торопился брать Тавриз, желая отделить славу его взятия, от славы взятия Эривани. В Петербург шли реляции о штурме Эривани. Петербург отвечал наградами. Взяв Нахичевань, Паскевич оставил там старого кавказского воина — сподвижника князя Цицианова — князя Эристова. Оставил его там для того, чтобы отвлечь от Эривани Аббаса-Мирзу и его армию. Аббас, напуганный взятием Эривани, стал отходить внутрь страны. Князь Эристов не был великим стратегом. Это был простой воин, умевший побеждать горцев, персов, лезгин. Он любил кавказского солдата, в котором видел героя. Солдаты его обожали и звали открыто в глаза «батушкой», копируя его кавказский акцент. Они смеялись, когда он перед фронтом, вместо «Здорово, ребята!», выкрикивал: «Как ваше здоровье . . .» Смеяться-то солдаты смеялись, но уважали его и готовы были идти за ним куда угодно. А он, забытый Паскевичем, шел себе, да шел — пока не дошел до Тавриза — великолепного города сказочного Востока, родину Зороастра, города Гарун-Аль-Рашида . . . «Батушка» не был ни историком, ни политиком. Он не знал, что азербайджанцы ненавидят Аббаса и готовы сдаться русским. Жители Тавриза с восторгом встретили «батушку» и поднесли ему ключи города. Гнев Паскевича, получившего известие о занятии Тавриза, не имел пределов. Он все же устроил себе триумфальный въезд в Тавриз и двинул войска дальше на Тегеран — столицу Персии. До Тегерана он не дошел, так как 10 февраля 1828 года был подписан Туркманчайский мир. По этому

миру Эриванское и Нахичеванское ханства остались за Россией. Таким образом окончилось многовековое владычество Персии над Грузией. Но оставался другой враг — Турция.

Едва был подписан мир с Персией, как началась война с Турцией. Поводом к этой войне было покровительство, которое оказывал император Павел I грекам, восставшим против турецкого ига. Новые победы Паскевича — Карс, Ахалцих, Эрзерум. В 1829 году, по взятии Адрианополя, был заключен мир, в силу которого Греция получила независимость. Получили внутреннюю самостоятельность Молдавия, Валлахия и Сербия. Россия получила Анапу и Поти на Черном море и Ахалцих, а также право свободного прохода торговых судов через Дарданеллы.

Кончилась война. Паскевич был вызван в Польшу для действий против поляков, а в это время на Кавказе мюридизм уже принял вполне определенную и грозную для русских форму.

ЭКСПЕДИЦИЯ В ХЕВСУРИЮ

В то время как Тверцы воевали с Наполеоном, воевали в Венгрии и Польше боевые их соратники Эриванцы, Тифлисцы, Нижегородцы и прибывшие позже Мигрельцы и Грузинцы — действовали на Кавказе, где картина боев, а особенно экспедиций в горы, резко отличалась от картины боев в Европе. Вот, например, экспедиция в Хевсурию. После восстания в Кахетии в 1812 году, душа восстания, царевич Александр, укрылся в Хевсурии, в надежде получить там поддержку своих прав на престол Кахетии и Карталинии. Это обстоятельство и привело к походу на Хевсурию.

Хевсуры — это племя грузинского происхождения, одичавшее и удалившееся в неприступные склоны центрального Кавказского хребта — в верховьях Арагвы и Аргуни. Они отличаются крайней худощавостью, очень ловки, подвижны и неутомимы. По складу характера хевсуры храбрецы каких мало, но храбрость их честная. Они предпочитают честный бой. Вероломство почти отсутствует в их характере. Как все горцы они очень гостеприимны. Они любят повеселиться. В то же время они очень горды, преисполнены самоуважения и вспыльчивы. Под влиянием минутной вспышки гнева они не останавливаются перед массовым кровопролитием. Они христиане, но наряду с христианством у них сохранились

обряды с жертвоприношениями. Жертвоприношения эти, однако, приурочиваются к христианским праздникам. Празднование, кроме воскресения, еще пятницы (как у магометан) и субботы (у евреев) показывает на очень пеструю религиозную смесь.

Загнанные в неприступные трущобы всевозможными завоевателями, они замкнулись в своем первобытном состоянии и даже в XX столетии вооружение хевсур состояло из лат. кольчуг и панцирей. Ружье в чехле из косматого медвежьего меха придавало еще больше дикости и без того дикому хевсуру, с его орлиным лицом, побуревшим от солнца и ветра.

На майских парадах, при императоре Алексанре II, внимание толпы всегда привлекали гиганты, закованные в свои доспехи, с наполненными стрелами колчанами и с тугими луками — это были хевсуры из конвоя государя. Горы и скалы не дают богатств, и в Хевсурии установлен ряд обычаев, имеющих целью уменьшить деторождение. Так, например, девушки не выходят замуж ранее двадцати лет. Семья не должна иметь более трех детей. Глава семьи спит отдельно от жены и непременно на верхнем этаже сакли.

О Хевсурии говорили, что послать туда войска — это значит заживо их похоронить. Гранитные уходящие в небо скалы, дремучие сосновые леса, бездонные пропасти и безвыходные ущелья, до которых не достигает даже луч солнца, вот поразительно величественная и дикая картина этой страны. Забравшись под самые карнизы вечных снегов, оградившись ими, как неприступной гранью, они жили, не меняя ничего, столетия, если не тысячелетия.

Экспедиция в Хевсурию все-таки состоялась в мае 1813 года. Четыре спешенных эскадрона Нижегородцев, утопая в снегу, едва переводя дыхание от резкого ветра, взбирались все выше и выше в заоблачные пространства. На одном из утесов, там, где вечные снега лежали грудами, стояли хевсуры, и солнце яркими лучами искрилось на их щитах, кольчугах и шлемах. Картина поражала своей дикой воинственностью — и перед этим утесом войска остановились в нерешительности. Три эскадрона Нижегородцев открыли огонь, но видя бесполезность траты патронов — опустили ружья. Два эскадрона, под командой поручика Грабовского, пошли в обход, по обледенелым скалам, тропинкой которая терялась на вершине в каких-то странных зигзагах. Они исчезли из вида . . . Нижегородцы стояли перед утесом в некото-

ром колебании... Вдруг из их рядов вышли два солдата — это были вахмистр Дивин и рядовой Иванов. Они подошли к гранитному гиганту, молча измерили его глазами... и полезли на него, подсаживая друг друга. Этот пример был красноречивее слов, — и весь утес мгновенно покрылся ползущими драгунами, как муравьями. На белом снегу серые солдатские шинели вырисовывались рельефными пятнами и служили отличной мишенью. Но самая крутизна утеса и ледяные глыбы, образовавшие целые гроты, под которыми скрывались солдаты, мешали меткости неприятельских выстрелов. Пули, делая рикошеты, летели мимо, и драгуны, почти без потерь, добрались до вершины. За ними поднялся батальон пехоты, а с фланга появился Грабовский. Озадаченные, но все еще полные веры в себя, хевсуры бросились в шашки. Они напали с дикой храбростью но устоять не могли: удары шашек пробивали их брони, приклады дробили шишаки, щиты разлетались вдребезги. Хевсуры увидели впервые перед собой врага, такого страшного в атаке, и дрогнули. Отряд гнал неприятеля до самого вечера и ночевал уже в хевсурских пределах.

В той же Хевсурии, через полтора месяца, драгуны оказались в ущельи быстрой Аргуни. Стесненная отвесными скалами, Аргунь с ревом низвергалась по каменным ступеням целой массой пены. Все горы были заняты хевсурами. Даже такой отважный начальник как капитан Саликов, не решался атаковать ближайший утес, висевший над спуском к реке: он сомневался — хватит ли у его драгун физических сил преодолеть эту преграду. Но, как прежде Дивин и Иванов, так и теперь унтер-офицеры Грошев, Аденков и рядовой Савельев первые кинулись на этот утес и своим примером, своей беззаветной готовностью первыми сложить головы, увлекли за собой всех.

Чтобы показать, как много в рядах солдат скрывается до времени никому не известных героев, нельзя не остановиться еще на одном случае. Драгуны столпились на берегу быстрой Аргуни. На другом берегу стояли толпы хевсур, открывших сильный огонь. И опять нашлись смельчаки: два унтер-офицера, Иванов и Корниенко, вдруг кинулись в страшный поток и поплыли. Плыть под неприятельскими пулями было опасно, но еще опаснее было выйти на берег, занятый разъяренным врагом. Все это разом сообразили драгуны и, не думая больше о самих себе, пустились плыть вперегонку, чтобы спасти товарищей. Многих вода сбивала с ног и их

уносило течением, других ушибали камни и обломки скал, с ужасной быстротой катившиеся по дну потока. Но все, и ушибленные, и здоровые, поглощены были одной мыслью — добраться до берега...

ГРУЗИНСКОЕ ДВОРЯНСТВО

С переходом Грузии под покровительство России и даже раньше, благородное грузинское дворянство широкой волной вливается в русскую армию и вписывает золотые страницы в боевую летопись полков. Сын царя Ираклия II, Давид, командовал русским полком. Сын полномочного представителя Грузии, князя Герсевана Чавчавадзе, Александр, окончил Пажеский корпус и был выдающимся генералом. Вся Россия знала героя войны 1812 года генерала князя Багратиона. Перелистывая историю Нижегородского драгунского полка, я насчитал одних только князей Чавчавадзе — 16, в разное время отличившихся в боях. Не имею под рукой истории других полков, но знаю, что везде боевые страницы пестрят фамилиями грузинскими, армянскими и фамилиями представителей других народов Кавказа. Вот, например, Нижегородец князь Язон Чавчавадзе: бой под Елизаветполем в 1826 году —

«Унтер-офицер Жилин схватил неприятельское знамя. Пуля поразила его наповал. Он упал вместе со знаменем. Над знаменем кровавая свалка. Здесь ранен штыком штабс-капитан Шаншиев, прапорщик князь Язон Чавчавадзе и поручик Зарембский (две штыковых и одна сабельная). Персиане подхватывают знамя, но прапорщик Боровитинов, вольноопределяющиеся братья Долинские и рядовой из разжалованных Грачов пробиваются до него вторично и знамя, среди общей сумятицы, опять достается драгунам».

В том же бою убит брат князя Язона, юнкер Дмитрий Чавчавадзе. Бой под Джеван-Булахом в 1827 году. В числе награжденных прапорщик Язон Чавчавадзе, нижний чин князь Спиридон Чавчавадзе 2-й, вольноопределяющийся князь Роман Чавчавадзе 3-й. Бой у Ахалциха (1828 год). Прапорщик князь Чавчавадзе вырывает из рук курдов драгуна, раненого пиками Под Романом Чавчавадзе убита тошадь и он дерется пеший один, среди кучи врагов.

Битва на Саганлугских горах (1829 год).

«Унтер-офицер Капкин, опередив всех на своей быстрой

лошади, один врывается в ряды неприятеля. Его окружили турки. К нему на помощь бросился князь Чавчавадзе. Он был, по обыкновению, с плетью в руке, но тут ему пришлось уже обнажить и свою родовую шашку. Отрезанный от эскадрона, отважный князь пошел напролом и вместе с Капкиным выбился из толпы неприятеля...»

В глубине Анатолии (1829 год). Описывается подвиг князя Зураба Чавчавадзе в бою с лазами. (В этом бою лазы, не желая сдаваться в плен, выхватывали кинжалы и резели друг друга).

Вейбурт (1829 год). «Конные массы противников остановились и, в безмолвном созерцании, как бы измеряли силы друг друга. Но, вот турецкий офицер, отделившись от цепи фланкеров, подскочил в упор к драгунскому фронту и выстрелил из пистолета. Князь Язон Чавчавадзе, стоявший перед 1-м взводом 1-го эскадрона, немедленно кинулся на него с поднятой плетью. Офицер стал уходить, князь Чавчавадзе насел на него вплотную. Видя, что оба они подскакивают к турецким линиям и что князь Чавчавадзе не остановился, весь 1-й взвод, без приказания, ринулся за своим командиром. За взводом пустился 1-й эскадрон, а через мгновение все шесть эскадронов бешено неслись на турецкие окопы. Конница, стоявшая перед ними была смята, и драгуны мчались прямо на шанцы. Между тем, князь Чавчавадзе и его противник доскакали уже до линии батарей и редутов. Турецкий офицер вскочил в укрепление. Чавчавадзе приостановился только на миг — дал шпоры и белый кабардинский конь, отделившись от земли и распластавшись в воздухе, как птица перелетел окоп и скрылся за бруствером. Чавчавадзе очутился один среди тысячи турок. Турки еще не пришли в себя от изумления при виде неожиданного гостя, как принеслись и драгуны. Еще мгновение и 1-й дивизион уже сидел на пушках, влево от него 2-й дивизион захватил другую батарею, а 3-й дивизион пронесся через весь укрепленный лагерь и вырвал его из рук неприятеля вместе с двумя редутами. Таким образом в течение десяти минут вся линия городских укреплений, с редутами и батареями, пала под ударами шести эскадронов драгун.

Главнокомандующий Паскевич видел с высокого холма эту атаку. Он казался смущенным.

— Куда, зачем они скачут? — он опасался, что вот-вот они попадут под картечный огонь укреплений, но ему и в

голову не приходило, что они скакали именно на эти укрепления.

По взятии города, командир полка князь Андронников пустился преследовать турок, приказав князю Язону Чавчавадзе собрать рассыпавшихся в городе драгун и присоединиться к полку. В это время в город вступила гренадерская бригада. Командир бригады генерал Муравьев, встретив Чавчавадзе приказал ему остаться при пехоте. Чавчавадзе доложил, что имеет категорическое приказание своего непосредственного начальника спешить к полку, который нуждается в помощи. Муравьев, не отличавшийся мягкостью в выражениях, принялся распекать Чавчавадзе и стал грозить ему пальцем. Князь осадил коня и молча положил руку на шашку. Это движение заставило Муравьева опомниться, но он тут же на клочке бумаги сообщил Паскевичу о происшедшем. На другой день после боя Паскевич встал рано и в сопровождении адъютанта отправился на бивак Нижегородцев. Он обходил эскадроны и горячо благодарил их за вчерашнюю атаку.

— Такой атаки, — говорил он, — я не видал в течение всей своей боевой службы. Покажите мне того офицера, который на белом коне первый вскочил в укрепление.

Ему представили князя Язона Чавчавадзе. Узнав, что именно на него жаловался Муравьев, Паскевич нахмурился.

— Молодой человек, — сказал он князю, — знаете ли вы, что подвергались расстрелу за ваш неуместный жест перед генералом. Вы заслужили сто георгиевских крестов и не получите ни одного!

В 1849 году князь Язон Чавчавадзе уже командует Нижегородским полком, а за действия в знаменитом бою под Баш-Кадыкляком 19 ноября 1853 года, когда русский отряд численностью в 10 тысяч человек разгромил 36-тысячный корпус турок, он получил орден св. Георгия 3-й степени, а Нижегородцы — серебряные трубы на георгиевской ленте. В этом бою князь Чавчавадзе боролся с противником в 8 раз сильнее его. Повторными атаками он разметал и обратил в бегство 6 турецких батальонов и захватил 2 неприятельских орудия. С таким же успехом действовал он и в описанном выше бою у Кюрюк-Дара в 1854 году.

Война 14-го года. Опыт русско-японской войны показал, что оглашать названия частей и места их пребывания не следовало, так как противник от нас самих получал нужные сведения о расположении и численности войск. Помню, во

время русско-японской войны, газеты пестрели сообщениями — «Перевалив Урал, офицеры такого-то полка шлют привет родным и знакомым».

Барабанный бой, распущенные знамена, музыка впереди наступающих, генералы на белых конях — все это уступило место защитной форме, окопам и молчанию о том, что творится на фронте. И это молчание было неожиданно нарушено телеграммой Верховного Главнокомандующего на имя Его Императорского Величества о деле 5-го эскадрона Нижегородцев под командой ротмистра князя Давида Чавчавадзе 8 августа 1914 года у города Скерневице. Телеграмма гласила:

«Не смел бы беспокоить донесением о мелком деле, но решаюсь это сделать как Державному Шефу Нижегородцев: 70 отборных германских разведчиков с офицером были встречены эскадроном Нижегородцев. Результат — кроме шести взятых в плен, все порублены. Нижегородцы — 4 ранено пулями, двое тяжело. Холодным оружием ни одной царапины . . .»

Поддержали славу князей Чавчавадзе и Тверцы — князь Нико и князь Спиридон (командовавший Владимирским уланским полком), получившие георгиевские кресты во время войны 14-го года.

Сближение русского общества с грузинским многим обязано блестящему представителю грузинской аристократии князю Александру Герсевановичу Чавчавадзе. Сын известного полномочного представителя царя Ираклия II при русском правительстве, князь Александр четырнадцатилетним мальчиком принимал участие в восстании грузин. В одной из стычек в Кахетии с партией Фарнаоза, русские взяли Александра в плен. По приказанию императора Александра I мальчика отправили в Петербург и определили в Пажеский кадетский корпус. Окончив Пажеский корпус и получив прекрасное образование он служил в русской гвардии, был участником наполеоновских войн, командовал на Кавказе Нижегородцами, и в чине генерала руководил многими военными экспедициями. В родной ему Кахетии он был личностью далеко превосходившей общий уровень своих соотечественников. Грузия почитала его не только как представителя знатного рода, как доблестного воина но и как великого поэта, не имеющего и поныне соперников в родной литературе. В его гостеприимном доме в Цинондалах всегда можно было видеть толпу веселых гостей — грузин и рус-

ских. С балкона его дома открывался вид на всю долину Алазани, с ее бесчисленными садами и селами. Вдали белели домики Телава, виднелся величавый своей древностью Аллавердинский монастырь, а на самом горизонте бесконечной линией тянулись снеговые горы.

Грузины того времени еще носили свои национальные костюмы. Живописную картину представляли грузины с энергичными и красивыми чертами лица, в заломленной на затылок папахе, в чохе, с загнутыми назад рукавами, в шелковом бешмете и таких же шароварах, в мягких сафьяновых сапогах — молодецки держащийся одной рукой за кинжал, покручивая другой рукой черный ус. Никакие политические бури не изменили доброго и веселого характера картвела. Он умел наслаждаться жизнью без лишних затей: лоскут зеленого лужка, край голубого неба, кусочек сыра и пучок тархуна (эстрагона), азарпеша с натуральным кахетинским вином — вот все, что нужно было сыну Иверии. Поэтическая песнь сазандара, приправленная веселой шуткой, сопровождается веселым смехом, хлопаньем ладош и изящной лезгинкой.

Обстановка грузинского жилища проста. Вдоль стен тянутся непрерывные тахты, убранные пестрыми коврами и длинными, туго набитыми, подушками — ястаками. На полу узорчатые войлоки, несколько низеньких столиков, развешанные по стенам оружие, турьи рога, кулы, азарпеши и другая причудливая и оригинальная посуда. Просто, но сколько радушия и гостеприимства! Самое веселое время в Грузии — это сбор винограда. После сбора винограда, достаточные грузины целыми семьями гостят друг у друга. На широком дворе цинондальского дома гости и хозяева щеголяли друг перед другом красивым убором своих лошадей и их породой. Скачки сменялись джигитовкой, стрельбой из винтовок и пистолетов. Ученики знаменитых кабардинских наездников, Нижегородцы, на чистокровных кабардинцах, не уступали грузинам, гарцующим на кровных карабахах. После состязаний наступало пиршество. Сначала ходила по рукам азарпеша — серебряная чаша с длинной ручкой (ее можно было носить на поясе, рядом с пистолетом). Азарпешу сменяла кула — круглый, наглухо закрытый жбанчик. Подняв кулу высоко, грузин пускает струю в рот, не боясь поперхнуться или даже замочить усы. А Кула, между тем, издает мелодичный звук, точно воркующая горленка. Турий рог вмещает в себе от трех до пяти бутылок вина. Только

старые богатыри могли выпивать такой рог до дна. Пир, однако, никогда не переходил в безобразную попойку. За столом царил тулумбаш. Восклицания «алла-верды» и «якши-иол» сменялись пением «мравалжамиер», «мадло-бели-вар» и другими песнями.

КАВКАЗСКИЕ ВОЙСКА

Постоянные бои с горцами, общение с грузинами и отдаленность Кавказа от чиновничьего Петербурга, выработали в кавказских войсках особый быт, отличный от быта войск в России. При Петре Великом был установлен стройный, приноровленный к народному характеру, внутренний порядок. Во всех уставах и распоряжениях Петра были черты постоянной заботливости о солдате, о справедливом к нему отношении. На прапорщиков, например, была возложена обязанность «ходатайствовать за нижних чинов, егда они в наказание впадут», чего не было ни в одной из армий других стран. После его смерти начались в армии немецкие реформы, лишенные национальных русских основ. Началась ломка всех русских обычаев и привычек. Суровая и бездушная дисциплина заменила добрые и сердечные отношения. Во главе армии при Екатерине I, а особенно при Анне Иоанновне, становятся иностранцы, не знающие ни духа, ни бытовых условий жизни русского человека. Только при Екатерине II прусские порядки стали отходить в область преданий. Румянцев начал, Потемкин продолжал, а Суворов завершил переход русских войск на путь, завещанный Петром. К сожалению, после смерти Екатерины II, прусские идеи снова водворились в русской армии. Император Павел I был убежденным поклонником этих идей и противником всего екатерининского. Все екатерининские герои, Суворов и его ученики, оказались не у дел. Солдат опять затянули в узкие мундиры, напялили на их головы косы с пудрой!.. Восстановились суровые наказания, давно уже выведенные Потемкиным. Много понадобилось времени, чтобы армия избавилась от этого зла: только при Александре II немецкие порядки стали уходить из нее.

Кавказские войска удивляли прибывающих из России начальников своим независимым видом и незнанием тонкостей немецкой муштровки. На ученьях команды «курц-га-

лоп», «траверс», «деплояда-анэшикье» — оставались без исполнения, при гробовом молчании фронта.

Геройский Кабардинский пехотный полк проходил мимо Ермолова без сапог, в лаптях и опорках, что не мешало ему с честью носить имя «десятого легиона». В полках сложились дружеские отношения, создалась своеобразная семейная атмосфера. Ряд замечательных личностей, проходивших службу один за другим, оставлял неизгладимый след: подвиги и обычаи передавались из уст в уста, делались предметом полковых преданий, создавали особый дух, передаваемый из поколения в поколение. Переменялись люди, а быт, нравы, воинская честь оставались неизменными.

Вот пример трогательного отношения между солдатами и офицерами. У командира Нижегородцев Доброва был старый денщик, который служил ему с корнетского чина. Заведовал этот денщик всем скудным имуществом Доброва. Иногда денщик запивал. Добров его журил. Денщик напоминал ему о своей долгой службе и наступало примирение. Умирая, денщик «отказал» своему «барину» 200 рублей, зная что барин всегда нуждался в деньгах (он раздавал свои деньги нуждающимся). Растроганный Добров пожертвовал эти деньги на церковь. Почти каждый день навещал он могилу своего слуги.

О легендарных подвигах старых кавказских войск можно было бы писать до бесконечности, но и молодые войска прибывавшие на Кавказ, если и не знали особенностей кавказских войск, то в геройстве зачастую не уступали старым и умели умирать, но не сдаваться сильнейшему противнику. В июне 1803 года на левом берегу Куры в деревне Корели стояла рота 9-го Егерского полка (молодого полка, пришедшего на смену кавказских гренадер) под командой капитана Секирина, с двумя офицерами, братьями Рогульскими. В роте было всего 40 человек. Кругом было спокойно и соладты скучали, не зная что гибель их была не за горами, а за плечами. Действительно, совершенно неожиданно на деревню обрушился отряд ахалцихских лезгин, силою в 800 человек. Отряд этот успел уже изрубить русский рабочий отряд Енохина. Секирин со своими солдатами храбро кинулся на лезгин, которые стали отходить в лес. По неопытности, Секирин последовал за ними, не соображая, что противник заманивал его в западню. В лесу рота была окружена плотным кольцом лезгин. Трижды егеря отбрасывали лезгин, но в конце концов слабая цепь егерей была разорвана. Секирин, тяжело ра-

ненный в ногу, был окружен лезгинами, егеря рванулись было на помощь своему командиру, но их отделяла живая стена лезгин.

— Помни, русские не сдаются! — успел только крикнуть Секирин и пал изрубленный шашками.

Старший из братьев Рогульских тоже был изрублен и умирая сказал младшему брату:

— Помни слова Секирина — русские не сдаются!

— Ребята, — воодушевленно крикнул юноша Рогульский, — отомстим за них и . . . . — но лезгинская пуля не дала ему договорить фразу.

Оставшимся без офицеров солдатам лезгины кричали: «Сдавайтесь!», но решившие умереть храбрецы до последнего патрона продолжали стрелять, а потом кинулись на врага, Недолог был бой. Смолкло «ура», смолкли стоны . . . Все секиринские егеря легли на месте. Четырех умирающих от ран егерей нашли на месте боя прибывшие на выручку русские войска.

ТВЕРЦЫ В ГРУЗИИ

Кавказский хребет остался позади и от Душета Тверцы шли по Карталинии уже при совершенно изменившейся обстановке. Солнце грело по-летнему. Грузинское духовенство встречало с хоругвями, и жители присоединялись к общим молитвам о даровании победы русскому воинству.

15 марта 1854 года полк вступил, наконец, в Тифлис. В этот день Тифлис представлял небывалое оживление. У жителей города еще хранились предания о последнем разрушении столицы Грузии персами, когда в 1795 году Ага-Магомет-Хан совершенно разрушил Тифлис, расхитил все богатство страны и увел в плен 30 000 человек. На пороге новой войны с Турцией грузины видели, в лице прибывающих Тверцев, защитников от своих давних врагов — турок. Головинский проспект на всем протяжении своем, от дома Наместника до Московской заставы и далеко за заставу, представлял живую непрерывную стену жителей. Взоры всех были устремлены в одну сторону. Наконец, на равнине за Верой, показался чудный длинный строй, величественно подвигавшийся вперед. Бесконечной живой лентой, блестящей сталью и медью, расстилались перед глазами зрителей ряды драгун Тверцев.

Тифлисцы встретили полк с исключительным радушием.. Развлечения сменялись обедами, на которых лилось кахетинское вино, произносились речи и по рукам ходила азарпеша, а драгуны удивляли лихими русскими песнями. Все слои общества принимали участие в чествовании Тверцев: высшее общество, купечество, макалаки и амкары (рабочие цехи). Для встречи гостей собирались пожертвования, и каждый драгун получил по 20 копеек серебром.

На одном из обедов поэт Зураб Антонашвили прочел написанное им стихотворение, которое начиналось словами:

«Поборники веры и наши хранители
Пришли к нам каратели вражеских сил . . .»

Из Тифлиса полк выступил на театр военных действий против врага, который стоял у порога Грузии.

ТВЕРЦЫ В РЯДАХ КАВКАЗСКИХ ВОЙСК

В манифесте, выпущенном Николаем I, между прочим говорилось:

«Наконец, сбросив ныне всякую личину, Англия и Франция объявили, что несогласие наше с Турцией есть дело в глазах их второстепенное, но что общая их цель — обессилить Россию, отторгнуть от нее часть областей и низвести с той степени могущества, на которую оно возведено Всевышнею десницею».

Соединенный англо-французский флот получил приказание приблизиться к Дарданеллам. Тогда и наш корпус занял княжества Молдавию и Валахию, но «не для военных действий, а чтобы приобрести материальный залог до получения от Турции ручательства в исполнении требований Государя . . .»

Австрия и Прусия уклонились от предложенного Николаем I соблюдения строгого нейтралитета. Не так поступила Россия в 1813 году, когда отстояв славно свою независимость и имея возможность заключить мир на выгодных для себя условиях, она продолжала борьбу для освобождения Германии. На так поступила Россия в 1848 году, когда могла предоставить Австрию ее участи — распадению на части, не представлявшему для нас никакой опасности. Но Австрии суждено было «удивить свет своей неблагодарностью», а России

еще раз убедиться, что в минуту опасности она должна рассчитывать только на свои силы.

Престарелый Наместник Кавказа, князь Воронцов, обратился к патриотизму населения Кавказа. Грузинам он напомнил пример, когда доблестный царь Ираклий II с шестью тысячами грузинского войска разбил пятнадцатитысячный отряд турок и лезгин под Ацхуром. На этот призыв откликнулось грузинское дворянство сформированием конных дружин — Тифлисской и Горийской.

12 мая Тверцы прибыли в Александрополь, перешли реку Арпачай и стали лагерем рядом с Нижегородцами. На Кавказе с давних пор установился обычай гостеприимства. Не только офицеры, но и солдаты следовали ему. Прибывающую новую часть как офицеры, так и солдаты старались приютить и угостить. Это врожденное качество русского человека еще более окрепло на Кавказе от примера горцев, отличавшихся гостеприимством. Нижегородцы и Эриванцы задушевно встретили своих соратников по прежним войнам. Они, также как гренадеры Грузинцы «куначились» с Тверцами и куначество это свято поддерживалось и поддерживается по сей день . . .

Русский отряд, под командой князя Бебутова, выступил в направлении на Карс.

КЮРЮК-ДАРА

23 июля 1854 года в лагере под Кюрюк-Дара жизнь походная шла своим обычным чередом. Был жаркий день и только к вечеру потянуло прохладой. Ожила линия офицерских палаток. Никто не хотел ложиться спать. Расложив бурки, офицеры лежали небольшими группами, слышался смех и оживленный разговор. Никто не подозревал, что завтра будет одно из величайших и кровопролитнейших сражений. Ночью к нашим передовым цепям охранения осторожно приблизились два армянина, которые сообщили сведения настолько важные что их посадили на крупы коней и марш-марш доставили в ставку корпусного командира. Выяснилось, что на русский отряд силою в 18 тысяч человек двинут отряд турок силою в 65 тысяч воинов.

Уже поздно вечером к группе офицеров, лежащей на бурках, подбежал вестовой от начальника отряда.

— Ваше благородие, — крикнул он, обращаясь к адъютанту, — пожалуйте скорее к их сиятельству, очень требуют!

— Что такое? Зачем? — посыпались вопросы.

— Не могу знать.

Четверть часа прошло в томительном ожидании.

— Лагерь велено снимать. Идем в поход. Будет сражение, — объявил адъютант, и эти короткие фразы привели все в движение. Палатки снимались. Вьюки и оружие приводились в порядок. Темная немая ночь смотрела таинственно. В ожидании дальнейших распоряжений, офицеры продолжали лежать кучками на бурках. Настроение у всех было приподнятое. Спорили о планах турок, веселый смех продолжался. Послышалась военная песнь. Было не до сна. Некоторые старые солдаты подходили к коновязям и с особой нежностью ласкали своих коней, кормили их хлебом, сознавая что конь по-братски разделит с ним труд и опасность, и что его быстроте, может быть, будет он обязан своей жизнью.

Было замечено, что большая часть лошадей в ту ночь отдыхала лежа (обычно лошади дремлют стоя, лишь на короткий срок ложась перед рассветом). Это считалось верным признаком близкого сражения.

Старый Эриванец, военный юрист, полковник Брюнелли в своей брошюре «Душа армии» пишет:

«История полка —это ценность и ценность безграничная, непревзойденная, единая. Это проявление Величия Духа во внешних событиях: войнах, сражениях, победах и поражениях, удачах и несчастиях, страданиях и торжестве. Все это запечатлеть как драгоценное моральное богатство народа, костью от кости, плотью от плоти которого является полк — вот великая и благодарная задача истории полка . . .»

Если это так, то читать историю полков должны не только лица служащие в этих полках, но и все граждане необъятной России. Имена «безвестных» героев должны стать известными. Полвека тому назад профессор Ключевский говорил:

«Европа продолжает видеть в нас представителей монгольской косности, каких-то навязанных приемышей культурного мира».

Так Европа и продолжала смотреть на Россию и в позднейшее время. Слова «кнут, рабство, варварство» — применялись и применяются в суждениях о России писателями, журналистами и политиками.

1854 год — это время крепостного права в России. Посмотрим, как же вели себя «рабовладельцы и рабы» в мину-

ту тяжелого испытания во, взятом наугад, бою под Кюрюк-Дара. Не буду утруждать читателя подробным описанием этого боя.

Первые лучи восходящего солнца застали наш отряд в движении по направлении к противнику. На высотах Караяла уже виднелись значки башибузуков, а в долине — густые колонны пехоты и конницы турок. Донесения поступали непрерывно и указывали, что вся 65-тысячная масса турок находится в состоянии полного наступления. Наш левый фланг опустошала неприятельская артиллерия, и командующий конницей генерал Барговут приказал Тверцам атаковать двенадцатиорудийную батарею. Для Тверцев наступила решительная минута. На виду всей армии, на глазах старых кавказских полков им надлежало показать пример храбрости и занять достойное место среди этих полков. Драгуны, под командой командира полка полковника Куколевского, кинулись вперед молча, равняясь как на параде, под картечью 40 орудий двух батарей, бивших с фронта и сбоку. Только строй медных касок сверкал в пыли. Во главе атакующих шел на белом карабахском коне командир бригады, доблестный граф Нирод. Турки не выдержали этой безмолвной атаки. Батальоны, прикрывавшие батареи, были отброшены, и Тверцы завладели орудиями. Дальше атаки Тверцев шли непрерывно — одна за другой. Упорный бой длился несколько часов. Белый конь графа Нирода покрылся кровью, но продолжал носить своего доблестного седока. Тверцами командовал раненный полковник Куколевский. Атаки Тверцев сменялись атаками Нижегородцев. Овеянные боевой славой турецкие «арабистанские» батальоны держались стойко. Падали передние ряды аскеров — их заменяли другие. Этими повторными атаками батальоны правого фланга турок были остановлены, разметаны, и угроза обхода наших войск слева была устранена.

В это время против нашего правого фланга нависла угроза обхода со стороны колонны Измаила-паши. Тысячи баши-бузуков и регулярная конница, поддерживаемая пехотой, начинала обходить наш правый фланг. Видя эту угрозу, начальник конницы, генерал Богговут, подхватил дивизион Тверцев, три сотни донцов и 2 конно-ракетные команды, с которыми, пройдя 4 версты полевым галопом мимо всей боевой линии, бросился на турок. К тому времени напор их был уже так силен, что казаки и наши мусульманские полки стали подаваться назад. Атаки Тверцев чередовались с

атаками Новороссийцев. Под генералом Богговутом убиты две лошади. Убита лошадь и под командиром дивизиона Тверцев, бароном Корфом. В этот день лошади оставались без водопоя 10 часов, сделали карьером и рысью до 29 верст, и утомление их было так велико, что в последние атаки эскадроны ходили рысью.

Тем временем участь всего боя уже решалась в центре: наша пехота подходила вплотную к главной массе неприятельской пехоты. Доблестные кунаки Тверцев — Эриванцы и Грузинцы вступали в рукопашную. Против них было 20 турецких батальонов! В эти торжественные минуты тысячи снарядов бороздили пространство и землю, сопровождая свой полет визгом, свистом, шипением — всеми звуками ада. И смерть летала по рядам бойцов. Эриванцы состязались с Грузинцами в подвигах, и трудно описать их все.

В то время, когда командир дивизиона Терцев, барон Корф, своими атаками опрокинул турецких улан и выручил 6 рот Ряжцев, когда увлекшись преследованием не заметил, что сам оказался совершенно отрезанным от своих войск несколькими батальонами и кавалерийским полком — громкое «ура» из центра возвестило о победе нашей гренадерской бригады. Но этого «ура» не довелось уже услышать барону Корфу, павшему на поле брани... С честью пробились Тверцы сквозь толпы неприятеля и достигли своей линии, чтобы участвовать в последних атаках.

Бой на правом фланге завершился совместной атакой Тверцев и Новороссийцев. В турецких колоннах произошло полное замешательство и они хлынули назад. После этого были смяты и обращены в бегство баши-бузуки, курды и регулярная кавалерия.

В самом начале боя, при взятии батареи, поручик Иевлев, пораженный смертельно пулей в грудь, упал с коня, когда к нему подскочили рядовые Яковлев и Мордвинов, чтобы поднять и доставить на перевязочный пункт, он сказал:

— Спасибо вам, ребята! Ступайте во фронт — вы там нужнее, — это были последние слова героя.

Тогда же командир полка, полковник Куколевский, был окружен неприятелем, ранен в руку и неминуемо погиб бы, но его выручили унтер-офицер Шабанов, рядовые Чернов и Иванчихин. Под полковником Спицыным была убита лошадь. Унтер-офицер Николаевский подвел своего коня Спицину.

— Садитесь, ваше высокоблагородие, а я себе раздобуду турецкую лошадь.

В это время поле боя переходило из рук в руки. Оставаясь пешим, Николаевский знал, что рисковал быть изрубленным или взятым в плен. Прикрывая собой поручика Арцишевского, которого окружили три турка, вахмистр Путинцев был ранен штыком в бок, но остался в строю. Полковник Спицын был заколот штыком. Его вырвал из рук турок рядовой Адрианов и вынес из боя. Адрианов же в начале боя отвел от Спицына сабельный удар.

Я не перечисляю все случаи выручки солдатами своих офицеров. Прочтите описание боя любого полка и вы увидите одну и ту же картину — в бою солдаты гибнут, выручая своих офицеров. Это не есть требование начальства — это вложено глубоко в душу простого русского человека. Интересно, что на разных участках фронта умирающие офицеры, почти в одних и тех же выражениях, отказывались от помощи солдат. Пораженный двумя пулями в грудь барон Корф сказал подбежавшим к нему солдатам:

— Ребята, ваше место впереди. Я уже умираю. Ступайте помогать товарищам!

То есть сказал почти то же самое, что сказал убитый раньше поручик Иевлев.

В той же атаке был убит прапорщик Хоецкий и смертельно ранен поручик Войнаховский.

Грозная числом, но сокрушенная нашими войсками турецкая армия отступала к Карсу, по следам ее, с барабанным боем, шла наша пехота.

Бой окончился. Медленно потянулись эскадроны к сборному пункту. Прошли поле, недавно покрытое роскошной зеленью, теперь заваленное ранеными и убитыми; повсюду разбросаны окровавленные, изуродованые и растоптанные тела.

«Мы, — говорит участник боя, — двигались молча, под впечатлением тяжелого ошеломляющего запаха свежей крови и пороха; в ушах продолжала отдаваться страшная канонада, смутно чувствовало сердце минувшую опасность. Сама природа смотрела невесело. Полуденное солнце тускло светило из-за порохового тумана, затянувшего серо-синеватой пеленой всю окрестность».

Дорого обошелся Тверцам «кровавый бой» при Кюрюк-Дара: полк потерял одними только убитыми 6 офицеров, 78 нижних чинов и 188 лошадей.

Три георгиевских штандарта (по одному на дивизион) были наградой и памятником на вечные времена о деле, которое отвело почетное место среди кавказских войск старому и заслуженному полку.

В далеком Белгороде, последней стоянке Тверцев в России, горожане с интересом следили за действиями «своего полка». Получив известия о первом бое на Кавказе, белгородцы изъявляли друг другу радость по поводу успехов полка, горесть о потере своих знакомых и о потере 78 нижних чинов. Целый год, по добровольному обету жителей, производились панихиды и заздравные молебны.

Геройские подвиги русских войск вызвали в многомиллионном населении России сильное патриотическое воодушевление. Между прочим, д. с. с. Пятницкий в особом письме на имя князя Бебутова выразил желание предоставить пожизненно одну десятую получаемой им пенсии наиболее отличившемуся из числа всей кавалерии. Таковым оказался рядовой Тверского драгунского полка Родион Мирошниченко. Будучи ранен в лоб он шел на перевязочный пункт и был вторично ранен пулей в грудь, отчего упал. Подскочивший турок ранил его в третий раз, но, с удивительным присутствием духа, Мирошниченко ухитрился вырвать у турка пику и сбить его самого с коня.

Умерший от огнестрельной раны в александропольском военном госпитале поручик Войнаховский, перед кончиной своей, написал командиру полка собственноручно письмо, содержание которого привожу полностью:

«Милостивый государь, Иосиф Михайлович. Вы получите это письмо тогда, когда меня уже не будет на свете; я имею только Вас, кому я могу поручить мою последнюю волю для исполнения. Будучи вполне уверен в исполнении ее, мне бы не хотелось, чтобы моих лошадей и вещи продавали с аукционного торга, то прошу Вас просьбой уже покойника, все, что принадлежит мне, все вещи без разбора и лошадей моих отдать находившемуся при мне казенному денщику Якову Лужному; это награда за его честность, преданность, за все спокойствие, доставляемое мне его службою. Долгу же у меня почти нет и кому я должен, то прошу уплатить по распискам из выслуженного уже мною жалованья, а остальные отдать на полковую церковь; об этой воле и о долгах можете узнать у поручика Ефремова. Никто из родных моих не имеет нужды и не вправе быть недовольным моим распоряжением. Верьте в искренность чувств моих; я был

обласкан Вами, имея счастье служить в Вашем полку. О смерти же моей прошу уведомить только по следующему адресу: его высокоблагородию Ивану Григорьевичу Сомову, Курской губ., того же уезда, село Спасское. В полной надежде на исполнение остаюсь уважающий Вас и за гробом Петр Войнаховский». (Рапорт полковника Куколевского графу Нироду, 13 сентября 1854 года, № 2033.)

Ровно через год, под Карсом, был смертельно ранен доблестный командир полка полковник Куколевский. Неприятельское ядро пробило коня насквозь и разорвало в куски левую ногу Куколевского. Многие из офицеров, горячо его любивших, оставив свои места в строю, подъехали к раненому, который довольно строго приказал им стать во фронт. Лазаретная фура, подъехавшая взять раненого, была разбита в щепы, причем был ранен в плечо берейтор Кейзер. Обоих раненых переложили в телегу и отправили в тыл. В дороге Куколевский все время заботился об удобстве берейтора, подкладывая под его раненое плечо траву, лежавшую в телеге.

Строгий к своим подчиненным, он был вместе с тем и любящим наставником. Сохранились его приказы по полку, в которых он требовал «миролюбивое обхождение с жителями». В одном из приказов он писал:

«Порядок службы есть всегда вещь важная, в настоящее же время есть вещь святая — в нем сила нашего оружия... Каждый азиатец в одиночку едва ли не лучше многих из нас, но наши молодые солдаты, соединенные в одно порядком, будут страшны для них».

Интересно, во всех отношениях, длинное завещание, составленное Куколевским задолго до смерти и подписанное им уже после ранения. В нем перечисляются подробно суммы, которые жертвуются полку: на украшение полковой церкви 500 рублей серебром, по 200 рублей серебром на каждый эскадрон для обзаведения лошадьми и сбруей; которые были бы собственностью эскадронов, и так далее; унтер-офицеру Федотову 100 рублей серебром, лошадь (у Куколевского было 59 собственных лошадей, поставленных им в строй и в обоз) и седло. Перечисляются по фамилиям унтер-офицеры и рядовые, — с указанием сумм от 25 до 100 рублей, завещанных им. Есть статья: «мальчикам моим денег лишних в руки не давать, а обеспечить их всем нужным».

Историк Мишле (1798—1875), враг национальной России, писал:

«В России нет нации, есть канцелярия и кнут. Канцелярия — это Германия, кнут — казаки». Души у русского народа он не заметил, а о существовании Войнаховских и Куколевских он не знал. Канцелярщина, бюрократизм — явления, с которыми надо бороться. Наблюдаются эти явления и в других странах. Вот пример сухого и бездушного формализма.

Национальный герой Франции — Альберт Рош — проделал всю мировую войну (14-го года) в 27-м батальоне альпийских стрелков, и был награжден званием «Первого солдата Франции». Военных подвигов его не перечислить; 9 раз раненный, он 12 раз упоминался в приказах по армии, имел орден Почетного Легиона; военный крест украшенный четырьмя пальмами и восемью звездами; русский Георгиевский крест; сербские и итальянские военные награды. Один из подвигов Роша едва не стоил ему жизни. Командир батальона был ранен осколком снаряда. С разрешения унтер-офицера Рош отправился к нему на помощь. После шестичасовых поисков, ежеминутно рискуя жизнью, Рош нашел раненного капитана и донес его до санитарного автомобиля, но когда вернулся к своему посту, лейтенант ему сказал:

— Рош, вы дезертировали с вашего поста на виду у врага. Вы будете расстреляны через двадцать четыре часа.

Тщетно Рош пытался объяснить, в чем дело. Доказательств у него не было. Спасенный им капитан лежал в госпитале в бессознательном состоянии. Унтер-офицер, разрешивший Рошу покинуть траншею, был тем временем убит. Перед казнью Рош писал отцу:

«Через час я буду расстрелян, но уверяю тебя, что — я невиновен». Спасло Роша чудо, какое бывает только в романах. Когда он стоял уже перед взводом солдат, которые должны были его расстрелять, пришла эстафета из госпиталя: капитан пришел в сознание, собрал все свои силы и написал бумагу по начальству, требуя чтобы Роша наградили военной медалью и дали ему 10 дней отпуска.

В ПОЛКУ

Вот уже месяц, как я в полку — и сколько впечатлений! Все не так, как рисовалось издали. Служба идет как-то сама собой. Нет заметной разницы между начальством и подчиненными, большинство на ты . . . Все веселы, и у всех спо-

койная уверенность что, когда понадобится, то, как поют солдаты — «в грязь не вдаримся лицом . . .» На всем кавказский отпечаток: на вахмистрах в бурках, на независимом виде солдат, на щегольстве оружием людей, умеющих красиво жить и красиво проливать кровь, когда понадобится. Командир эскадрона, красавец имеретин, ротмистр князь Мхеидзе, участник русско-японской войны, выдающийся спортсмен . . . но, почему же он появляется в эскадроне в калошах, и вместо стэка держит в руках вырванную из плетня хворостинку? . . Знает ли он уставы? Сомнительно . . .

На залитой солнцем площадке учу солдат рубке.

— Вниз направо руби — по подразделениям . . . делай раз . . . делай два! — с увлечением командую я. — Пелипенко, разверни плечи и не горбись.

Пелипенко старательный солдат, но все ему дается плохо. На валу манежа неожиданно появляются две девочки в красных беретах — дочери командира эскадрона.

«Не место здесь девчонкам», — хмурюсь я.

— Катюша, Ниночка, не лезьте под лошадей. Ващенко, прогоните их! — издали кричит княгиня.

— Хэть отселева . . . вот я вас! — кричит унтер-офицер Ващенко и гонится за будущими красавицами, которым предстояло блистать в салонах Тифлиса.

К эскадрону приближается полковник Яхонтов. Плохая посадка, — замечаю я. И почему не подойти галопом? Полковник Яхонтов всю свою жизнь провел в полку. Участник турецкой и японской войн, поэт и страстный охотьник, «дядя Ростя», как его зовут в полку. Вот, сейчас я должен блеснуть отчетливой работой. Должен увидеть полковник, что ни одна неисправность не ускользает от моего глаза. Два года в стенах «Славной школы» где юнкер днем и ночью должен быть начеку — непроходят даром.

— Здравствуйте, ребята . . . продолжайте, корнет, — говорит полковник, не торопясь слезая с коня.

— Налево, коли. По разделениям. Делай раз . . . Донченко, выше шашку. Пелипенко, не горбись . . . —«Кажется, все хорошо, — думаю я, — только вот Пелипенко портит всю картину».

— Ну, довольно, спасибо вам, ребята: работаете хорошо. А ты, вот, подойди ко мне, — подзывает полковник Пелипенко.

«Подвел-таки», — думаю я с досадой. Полковник испытующе смотрит на смущенного Пелипенко.

— Что тебе, хлеба или каши не хватает, или болит что у тебя?

— Так точно, болит . . . грудь болит, Ваше Высокоблагородие, — отвечает Пелипенко и голос его дрожит.

— Ну, ничего, мы тебя подлечим. Корнет, вы его, вот этого Кукубенко, отправьте в лазарет: не нравится мне его вид. И почему таких присылают? Сразу видно, что не годится он в строй, только даром здесь его будут мучить, и погибнет парнишка. Надо поговорить с командиром полка. А вы его проведайте в лазарете. Ты, Кукубенко, не унывай, лопай побольше. Я тебе меду пришлю, хороший мед . . . достал я его на охоте, вон там, внизу в алазанской долине. Ну, помогай вам Бог, — говорит полковник Яхонтов, садясь на коня. — А хорошо здесь у вас в нижнкх эскадронах. Вон у Гриши Нечволодова в огороде и капуста уже какая большая. А ты, вахмистр, перенес бы куда-нибудь подальше эту кучу навозу: от нее несет так, как от неубранных убитых, помнишь там, под Ардаганом?

Уехал полковник, и новыми глазами посмотрел я на Пелипенко. Это был уже не тот Пелипенко, недостатки которого в течение месяца я пытался искоренить. Указал умудренный житейским опытом старик на нечто другое, более важное, чего я не замечал. В лазарете Пелипенко угасал, и ничто его не могло спасти. Слишком поздно попал он на глаза старого воина, незабвенного дяди Рости.

На Царских Колодцах доживали свой век старые Тверцы. Про одного из них, князя Ираклия Чавчавадзе, героя войны 1877 года, рассказывали, что однажды к нему в эскадрон назначили молодого корнета.

— Вы, молодой человек, будете давать уроки арифметики моей дочери.

Другого корнета он усадил за Закон Божий.

— Послушай, Ираклий, — удивлялись его товарищи, — почему твоих корнетов не видно в эскадроне? Говорят, они дают уроки твоей дочке.

— Это, чтобы они мне эскадрон не портили . . .

Он не любил новшеств.

— Наши деды и отцы били врага на всех войнах, и вы будете его бить, когда придет время. Надо знать только одно — увидел врага, шашки вон и в атаку. Лучше ничего не придумаете, — с убеждением повторял он.

Вскоре после моего прибытия полк торжественно справлял свой праздник — в день св. апостолов Петра и Павла.

Утром молебен, парад, а затем обед в полковом Собрании. Полковое Собрание — это красивое здание в саду. Громадный, в два света, паркетный зал, хоры для трубачей, музей, библиотека, бильярдная комната, парикмахерская и зал для банкетов. Это — кусочек Европы. А позади Собрания начинается Азия. Тянется на десятки верст Ширакская степь, по которой бродят со своими стадами тушины в бурках и косматых папахах. И уклад жизни их не меняется со времен Адама и Евы.

Красивую картину представляет стол в Собрании, уставленный закусками. В центре возвышается громадная серебряная, художественной работы, братина — окруженная чарочками. Вот серебряная чаша с длинной ручкой — полковая «священная» азарпеша. Чаша из медалей, полученных Тверцами во время Ахал-Текинской экспедиции в 1881 году. На серебряных приборах фамилии тех, кто служил в полку, и тех кто служит. Хозяин Собрания, поручик Сулуханов, руководит прислугой, однообразно одетой в синие куртки, и в белых перчатках. Официальных тостов много. Целые горы поздравительных телеграмм и писем. Государыня императрица благодарит за поздравление от имени шефа полка Наследника Цесаревича. Поздравляют кунаки Тверцев — Нижегородцы, Северцы, Дагестанцы, Эриванцы, Грузинцы, Тифлисцы, Мингрельцы. Поздравляют казаки Хоперцы. Из всех концов России шлют поздравления те, кто когда-то служил в полку или дружил с Тверцами. Звучат марши тех полков, которые поздравляют. По окончании официальной части, командир полка предлагает избрать тулумбаша. Избирается ротмистр Мамацев. С момента выбора, тулумбаш — это царь и бог. Он руководит весельем, следит за соблюдением старых кавказских обычаев и традиций, он говорит речи и заставляет говорить других, штрафует за малейшую оплошность, и без его разрешения никто не может сказать слово. Он первый запевает «мравал-джамиер» и другие застольные песни. Традиций много. Вот, по знаку тулумбаша, трубачи начинают играть марш Дагестанского конного полка. Солдат, подающий индейку командиру полка, поворачивается и начинает маршировать вокруг стола. Другой солдат марширует с графином вина. Смотрю, уже все офицеры, схватив что попало, начинают маршировать. Марширует и командир полка с салфеткой в руке, а за ним повар Васо в белом переднике с барашком на вертеле. Откуда этот обычай? Я так и не удосужился узнать. Марш сменяет лезгин-

ка... Все хлопают в ладоши. Маленький живой командир эскадрона, князь Нико Чавчавадзе, уже несется, приглашая других следовать его примеру. Не успел я положить в рот кусок индейки, как слышу возглас тулумбаша:

— Крестить молодежь!

Молодежь — это вышедшие в полк Жданко, Нечволодов, Дударов и я. Нам торжественно подносят наполненную до верха полковую азарпешу. Она вмещает чуть ли не целую бутылку вина. Ее надо выпить до дна и сказать слово. После этого крещения все начинает плыть перед глазами. Надо сказать, что крестят азарпешей не только молодых офицеров, но и вообще всех «молодых» кавказцев, например, вновь назначенного на Кавказ командира корпуса генерала Мышлаевского. А Нижегородцы крестили министра Столыпина.

Новая команда тулумбаша:

— Ахали-супра.

Это есть обновление стола уже после того, как съедено сладкое и прошло некоторое количество времени. Подается чистая скатерть, появляется шашлык и, конечно, разные кахетинские вина — дзмоба, гуржани, напареули, цинондалы и другие. Появляются песенники. Царит веселье. Молодецкий запевало начинает: «Вспомянем, братцы, бой великий, кровавый бой Кюрюк-Дара». Песенники подхватывают: «Орудий гром, команды клики — победоносное ура...» Поются и другие боевые песни. Корнеты и поручики сговариваются «разыграть» строгого полковника Амашукели.

— А ну, ребята, спойте любимую песнь полковника, — обращаются они к песенникам.

Песенники затягивают: «Сама садик я сажала...»

Полковник Амашукели удивлен:

— Что за гадость они поют и откуда взяли, что это моя любимая песнь?!

А солдаты стараются: «И цветы я поливала...»

Тулумбаш дает стакан вина запевале и говорит ему:

— Скажи, брат, хорошее солдатское слово!

Я любил слушать солдатские тосты. Тулумбаш предлагает сказать тост в честь начальника дивизии генерала Шарпантье. Обычно, по какому бы поводу не должен говорить солдат, он кончает тостом за своего корнета, то есть за своего ближайшего начальника. Вот и теперь запевало выступает вперед. Вид у него торжественный.

— Братцы, — начинает он свою речь, обращаясь ко всем, в том числе и к начальнику дивизии — потому, как издеся,

промеж нас, изволит быть их превосходительство генерал Шарпантаев, я пью за здравие моего заучающего корнета Туганова. Ен, братцы, заучал и ен нам показал, кака така служба есть в славном драгуньском Тверском полку. Вра ему, братцы!

Начальник дивизии сконфужен и пьет за здоровье корнета Туганова. Из ближайших эскадронов начинают доноситься песни и крики «ура». Мы идем в гости к солдатам. Помещения и столы в эскадронах разукрашены гирляндами из веток и цветов. На столах горы мяса и, гордость эскадронов, поросята со сметаной и хреном. Поросята от своих, эскадронных свиней. Эскадронная аристократия — вахмистр, унтер-офицеры и фельдшер — радушно принимает нас. Произносятся речи. Заливается гармошка. Один за другим выскакивают танцоры. Какой-то доморощенный артист выкрикивает куплеты на злобу дня. Узнаем и себя в этих куплетах. После того как меня, в числе других, подбросили чуть не до потолка «на ура» я чувствую, что начинаю куда-то уплывать и незаметно удираю. На мое несчастье натыкаюсь на целую процессию: корнеты Берг, Градганд и Туганов, со своими песенниками, окружают меня и наливают мне стакан вина. Тут уже наступил мой конец. К счастью, проезжающая мимо моя тетушка, княгиня Мхеидзе, усадила меня в свою коляску и привезла домой.

Царские Колодцы, расположенные в 130 верстах от железной дороги, казались краем света. Не было там, конечно, ни театра, ни кино, ни даже простого кафе. Жизнь протекала однообразно. Свободного времени у офицеров было много. Холостые шли «на огонек» к семейным. А «огоньков» этих было много. Вот группа офицеров во главе со штаб-ротмистром Хржанстовским (товарищи зали его паном) направляется к двухэтажному домику стоящему на пригорке — к ротмистру Ратиеву. Пан, отличающийся слабым здоровьем, не поднимается наверх, а долго совещается с поваром Пиррусом о том, что он будет есть. Наверху, радушная София Евстафиевна угощает гостей и с беспокойством спрашивет пана:

— Вам нельзя острого, что бы такое приготовить?

Пан успокаивает Софию Евстафиевну, заявляя, что он уже заказал себе суп. И казалось в порядке вещей ежедневно являться к семейным и пользоваться их гостеприимством часов до 12 ночи.

У князя Алеши Амилахвари две очаровательные девоч-

ки — Марта и Ира — и мальчик — Ника. С детьми возни много, но и у княгини Нины Ивановны видны гости, раздаются звуки граммофона и готовится ужин на всех. Много лет спустя, уже в эмиграции, я зашел к Амилахвари, живущим под Парижем. Марта и Ира — взрослые барышни, Ника (мой крестник) юноша — шофер такси. Сам Алеша — рабочий на заводе. Но гостеприимство все то же, и за столом я насчитал 15 человек. Уже при немцах был сформирован грузинский отряд. Пылкая грузинская молодеж шла на фронт, мечтая о создании свободной Грузии. Грузию им увидеть не пришлось. Дрались они где-то в Румынии, и потом на Перекопе, совершали геройские подвиги . . . Из этой экспедиции бедняга Ника не вернулся . . .

В полку было много страстных охотников, офицеров и солдат. В одну сторону от стоянки полка начиналась Ширакская степь, изобилующая джейранами, волками, лисами, куропатками, дрофами, зайцами. Если спуститься вниз, в Алазанскую долину, то за Алазанью, в лесах, была охота на кабанов, оленей, коз, медведей, волков, лис, шакалов и зайцев.

Коренное население Царских Колодцев — это зажиточные крестьяне, в большинстве из старых кавказских солдат. Среди них много опытных охотников. Я жил в доме корнета Нечволодова, страстного охотника. У него собирались охотники для обсуждения предстоящей охоты. Приходил полковник Яхонтов (дядя Ростя), приходили Мамацев, Градганд, Горчаков, Туганов, Дударов и другие. Сидят они в клубах дыма, попивая вино и закусывая сыром с тархуном (эстрагон). Прислушиваются к голосу старых охотников, знатоков местности, из крестьян: Точилина, Кузьмы и других.

— Возьмем с собой Султана? — спрашивает Нечволодов.

Точилин вынимает трубку изо рта, пускает клуб дыма и изрекает:

— Ни к чему.

И участь Султана решена: он остается дома.

Если офицеры уступали первое время местным охотникам в знании местности, то всему остальному позавидовал бы любой охотник: это были прекрасные стрелки, находчивые и неутомимые, а такие силачи как Грандганд, Горчаков, Нечволодов и Дударов не побоялись бы пойти один на один с рогатиной на медведя. Общаясь постоянно с местными охотниками из крестьян, наши офицеры, незаметно для себя, перенимали их обычаи, суеверия и язык. Ахмед Дударов уже не говорил «Я выстрелил», а говорил «Я вдарил».

Страстными охотниками были и вольноопределяющиеся немцы. По установившейся давно традиции прибалтийские бароны шли отбывать воинскую повинность к Тверцам. По духу большие традиционеры, они шли по стопам какого-то своего прапрадеда к нам на Кавказ. В полку не переводились Пистелькорсы, Миллены, Цур-Мюллены, Бремены, Пиляры фон Пильхау, Гогемейстеры, фон Курсели... Их тянула к нам не только охота. Их тянул особый уклад жизни в полку, кавказские традиции и то, что вне службы они были приняты, как равные, в офицерскую среду. Окончив службу они поддерживали связь с полком. Собирались в день полкового праздника в своих клубах и посылали поздравительные телеграммы.

Я не помню, чтобы кто-нибудь на Царских Колодцах болел. Как-то раз Нечволодову показалось, что он серьезно заболел. Вызвали врача. Доктор Ахведедиани, войдя в комнату, обратился к денщику:

— У твоего корнета вино есть?

— Так точно, есть.

— Так что же ты смотришь? Дела своего не знаешь? Давай его сюда, и сыр не забудь!

Сидит Ахведедиани, попивает вино и нас угощает. Потом встает и начинает прощаться.

— Что же ты меня не осматриваешь и не прописываешь лекарства? — забеспокоился Нечволодов.

Ахведедиани удивлен:

— Мало того, что меня потревожил, еще ему лекарства выписывай. Некогда мне этим заниматься. Пей вино, и все пройдет...

Услышав предписание врача, денщик Григоров бросился на кухню и притащил все вино, которое было в доме.

— Поправляйся, Ваше Благородие!..

В жизни холостых офицеров денщик играл большую роль. Денщик — это слуга, друг и нянька в одно и то же время. Как-то раз, пришли к Нечволодову товарищи и мы решили заняться спиритизмом. Уменьшили свет, сели вокруг стола и положили руки на блюдце. Денщик Григоров ходил на цыпочках вокруг стола и с опаской поглядывал на блюдце. Когда блюдце стало двигаться, то Григоров удрал. Сижу я на другой день и пью чай. Появляется Григоров, протягивает руку над моим стаканом и делает какие-то пассы. Это меня заинтересовало: неужели Григоров спирит?

Оказалось, что нет. Прилипший к ладони Григорова кусочек сахара отлип и плюхнулся в мой чай.

— Пей, Ваше Благородие, а ежели не скусно, то принесу еще — сахару у нас довольно . . . — с гордостью заявил Григоров.

С наступлением весны начинались эскадронные и полковые учения. С утра эскадроны выходят в поле. Вот ротмистр Натиев ведет свой образцовый 2-й эскадрон. Горячий, вспыльчивый, он что-то кричит, и скачет вдоль эскадрона; командир 4-го эскадрона, флегматичный перс, принц Фазула-Мирза (Фази) важно покуривает трубку, делая приветливый знак ротмистру Мелешкевичу, который ведет беседу о хозяйственных делах со своим вахмистром. Князь Нико Чавчавадзе весело перекликивается на грузинском языке с командиром 5-го эскадрона, ротмистром Ратиевым.

Фази не признает ученья в пешем строю и не любит слезать с коня. В русско-японскую войну он был тяжело ранен в рядах кавказских туземных частей — во время атаки японской батареи. Вернулся он в полк с укороченной ногой и ходил на высоком каблуке.

— Смотрите, смотрите — Фази спешил свой эскадрон и рассыпал его в цепь! — удивились как-то раз офицеры.

Они незаметно приблизились, чтобы послушать, чему он учит солдат. Фази молча прогуливается вдоль цепи лежащих солдат, останавливается и спрашивает:

— Видали вы, братцы, моего Боджико (недавно родившийся сын)? А, как вы думаете, хороший выйдет из него солдат?

— Так точно, хороший, ваша светлость . . .

— Ну, вставайте, довольно валяться . . . к коням . . . садись . . . — командует Фази.

Полковое ученье. По сигналу командира полка, полк двигается то шагом, то рысью, то галопом. Эскадроны то собираются в резервную колонну, то вытягиваются в одну линию, то делают захождение плечом. Упражнений много. Молодых офицеров, конечно, больше всего интересует команда: «Шашки к бою . . . марш-марш», когда весь полк бросается в атаку. Или, когда на полном ходу раздается команда: «К пешему строю . . . слезай . . .» По этой команде все соскакивают на землю, не задерживая заранее коней и, не теряя ни минуты, бегут с винтовками в руках, рассыпаясь на ходу в цепь. К концу ученья над полком клубы пыли, слышится

тяжелое фырканье коней, звон сталкивающихся стремян. В разгар ученья то здесь, то там повиснет в воздухе крепкое русское словцо. Словцо это уносится попутным ветерком не оставляя ни на душе, ни на сердце никакого осадка. Такого рода брань «на вороту не виснет». Солдаты понимают, что «заучающие» стараются, чтобы все выходило хорошо, что через месяц соберутся все четыре полка дивизии, и что Тверцы не должны быть хуже других.

Полк спешивается, чтобы передохнуть. Солдаты ложатся у самых ног лошадей и закуривают махорку. Офицеры со всего полка собираются вместе и тоже ложатся на траву. Подходит старик трубач Скворцов. Его держат в полку за его прежние заслуги. Он даже и не играет, а только для вида сосет трубу. Для него командир 6-го эскадрона, князь Чавчавадзе, просто Коленька, которого он знал мальчиком, также как и княгиню Катюшу — девочкой. Принято считать, что деревня дает необразованных и неумеющих держать себя парней в полк. Это далеко не так. В деревне свои правила вежливости, свои традиции, свои понятия о том, что можно, а чего нельзя. Офицеры перед полком громко говорят, хохочут, а солдаты держат себя сдержано и говорят вполголоса. Бывает, конечно, что лошадь наступит на повод, и солдат выругается. Услышав ругань «дядя Ростя» подымает голову.

— Что за паршивая привычка ругаться. Неужели вы, сукины дети, не можете двух слов сказать без ругани?

Офицеры смеются.

— Ростя, а ты сам почему же ругаешься?

— А, ведь, верно, — смеется дядя Ростя.

Кончилось ученье. Эскадроны возвращаются по казармам.

— Песенники вперед, — оборачивается князь Мхеидзе к эскадрону.

— Песенники упиред, — передают солдаты по рядам.

Запевало начинает песнь про Ахал-Текинскую экспедицию.

— Смирно! — слышится команда, и навстречу марш гремит. «Командир полка Тверского ясным соколом летит». Хор подхватывает:

«Богу слава, Тверцам браво, бой кипит, блестят клинки.

Пусть гремит драгунская слава во степях Ахал-Теке . . .»

Эскадроны идут вольно. От эскадрона несется запах ма-

хорки, конского пота, ваксы. Запах, который для старых кавалеристов дороже запаха лучших духов...

Летом Царские Колодцы — земной рай. Близость снеговых гор дает прохладу. Воздух чист и прозрачен, климат здоровый, а красивые окрестности предрасполагают к прогулкам. Царские Колодцы расположены на возвышенном плато, от которого вниз, в долину Алазани, ведут живописные ущелья. При спуске в долину высятся развалины замка царицы Тамары, а дальше у деревни Караагач — развалины дворца персидского сатрапа Бежана и города Кизики, существовавшего в XV столетии. Местность по ту сторону Алазани, при оформлении Кахетинского царства была заселена грузинами. Эта местность (нынешнее Саингило) составляла часть средневековой Херетии. В XVI веке, сперва с разрешения грузинских царей, а затем вопреки их желанию, началось заселение этой провинции лезгинами, которые явились постоянной угрозой мирной жизни Кахетии. В продолжение всего своего долгого царствования Ираклий II боролся с ними, нанося иногда им весьма чувствительные удары, но все-таки до самого перехода Грузии под покровительство России, он должен был платить им дань в размере около 60 000 рублей, что составляло почти восьмую часть всего государственного бюджета... Гнездом лезгин были Белоканы, Джары и Катехи у подножия Кавказского хребта на границе Дагестана. При главнокомандующем князе Цицианове, доблестный командир Кабардинцев генерал Гуляков разбил лезгин у Белокан, покорил Джары и Катехи, а также султанство Елисуйское. Тогда же, создавая оборонительную линию, которая тянулась от обвеянного исторической славой Телава, через Сигнах и Караагач, он основал и Царские Колодцы (по грузински — Дедоплис-Цкаро) на том месте, где еще со времен Давида Возобновителя (Давид II, Багратион, разбивший в 1121 году мусульманские полчища и освободивший Грузию от владычества арабов) — грузинские цари занимали оборонительные позиции против лезгин Дагестана.

Царские Колодцы с 1813 года стали штаб-квартирой Кабардинского пехотного полка. По соседству, в Караагаче, стояли Нижегородцы, и в течение 30 лет несли полную тревог службу охраны границ Грузии, а по ту сторону Алазани, забравшись в заоблачную гору Кодор, сидели доблестные гренадеры Грузинцы, которые, как горные орлы, налетали и

уничтожали партии лезгин, прорывавшиеся в наши пределы. Стояли потом в Царских Колодцах и Нижегородцы, а также Ширванцы, Тифлисцы и другие полки.

УНИЧТОЖЕНИЕ ШАЙКИ РАЗБОЙНИКА МИХО

В описываемое мною время полк жил мирной жизнью, и боевые дела отходили в область преданий. Гордые делами своих предков, были ли Тверцы достойными их наследниками? Один случай показал, что старый полк все тот же. Однажды, до моего выхода в полк, Тверцы мирно справляли праздник одного из своих эскадронов. Все шло обычным порядком: обед, речи, песенники. Но, в известный момент началось что-то неладное. Проскакали милиционеры, появился местный пристав, около почты стали собираться жители и что-то обсуждать. Выяснилось, что на Сигнах напал знаменитый разбойник Михо. Поползли слухи, что бои с разбойниками идут где-то не то на реке Иоре, не то на Алазани. Офицеры еще сидели за столом, когда получено было приказание 5-му эскадрону седлать коней. Через несколько минут он уже выстроился перед казармой. От него отделились разъезды и на рысях пошли в Орлиное ущелье. Вслед за ними двинулся и эскадрон. Настали минуты томительного ожидания. Молодые офицеры начали перешептываться и один за другим, незаметно, покидать стол. Командир полка это заметил

— Дежурный офицер, попросите всех к столу, и чтобы никто не смел отлучаться из штаб-квартиры: могут потребовать еще эскадрон.

«Разбойники успели уйти!»— разнеслось по Царским Колодцам.

«Нет, не ушли . . . бой идет на переправе» — передавали другие. Чем дальше, тем сведения становились точнее. «Шайка окружена, идет ожесточенная перестрелка. Немного спустя: «Возвращаются, и везут на арбе убитых . . .»

Все в тревоге: каких убитых везут? И вот, наконец, последняя радостная весть, доставленная драгуном на раненом коне: убиты — сам Михо, его помощник, свирепый Шакро, и молодой, отличавшийся особой отвагой, Ладо. После бешеной гонки драгуны успели перехватить шайку у переправы. В завязавшейся перестрелке солдаты вели себя выше всякой похвалы. Они лезли вперед, пытаясь «пымать» разбой-

ников живьем. Чудом никто из них не был убит: один драгун, например, показывал свою винтовку, в дуло которой вошла пуля разбойника. Героем дня был поручик Гуцунаев, заработавший на этом деле орден Св. Станислава.

КУНАКИ ЭРИВАНЦЫ

Летом полк выступил в лагерный сбор под Тифлисом. Пройдя с музыкой и пением по Михайловскому проспекту, мы стали биваком около скакового круга в Дидубэ. Туда же стали стягиваться и другие полки нашей дивизии. Начались горячие кавалерийские учения и маневры. После обеда, обычно, занятий не было. Стояла жара, и лагерь до вечера замирал. Офицеры ложаться отдохнуть, в солдатских палатках тихая беседа, пофыркивают кони на коновязях, копошатся денщики у офицерских палаток. Едва доносится до бивака шум большого города, а с той стороны Куры слышны звуки шарманок из бесчисленных духанчиков на шоссе, ведущем к Мцхету, Душету и далее, по Военно-грузинской дороге, к Владикавказу.

«Не уезжай голубчик мой!» — читает путник на вывеске духанчика, останавливается и выпивает еще раз, на прощанье, стакан доброго кахетинского вина.

Солнце начинает нестерпимо палить. В палатках душно. И вдруг кромкий крик будит бивак «Все на линию!» Бивак разом оживает. «Все на линию!» — раздаются уже десятки, сотни голосов. Слышен гул и топот бегущих, звон шпор. Надевая на ходу шашку бегу и я на край бивака. Взоры всех устремлены налево, туда, в сторону Тифлиса, откуда, в облаках пыли, быстро приближается стройная колонна пехоты, и откуда доносятся звуки нашего полкового марша.

Это идет богатырь земли русской — царя Михаила Феодоровича 13-й лейб-гренадерский Эриванский Его Величества полк.

— Ура Эриванцам! — раздаются восторженные крики Тверцев. С нашей стороны гремит марш Эриванцев. Под несмолкаемые крики «ура» проходят перед нами наши кунаки гренадеры. Драгуны с восторгом смотрят на этих великанов, легко, как перышко, несущих тяжелый солдатский груз и винтовку, добродушно ухмыляющихся и идущих таким шагом, что лошади командиров перед их рядами переходят в рысь. Старики офицеры оборачиваются к фронту:

— Ура, братцы, нашим кунакам Тверцам!

Да разве это старики? Седые волосы ничего не значат. Посмотрите на их движения, посмотрите на их глаза... Не раз потом я ими восхищался: мы, молодежь, уставали, а они, после трудных маневров в горах в жару, сидят себе на бурках, попивают вино и ведут нескончаемую беседу.

Среди них есть герои турецкой войны, Ахал-Текинской экспедиции и войны с Японией. Многолетняя служба и встречи на полях битвы связывают их с нашими офицерами.

— Здорово, дядя Ростя... Здорово, Датико... Здорово Фази... — кричат старики Эриванцы...

А в ответ им несется:

— Здорово Ардишвили... Виссарион... Гелактион... Приходите к нам...

В этот день я не представлял себе все величие этого полка; я не знал, какой долгий и славный путь прошел он и как его трудами и кровью строилась великая российская империя. Всех славных дел полка не перечесть. Как-то раз здесь, в Париже, я обратился к старому Эриванцу — хану Сагнахскому, с просьбой дать мне почитать историю полка. Обычно добродушные и мягкие черты Богдана сразу стали резкими и суровыми.

— Почитать? Да знаешь ли ты, что история полка — это многотомный труд?!..

Капитан этого полка Константин Попов проделал в полку всю войну 14-го года. В одном из боев потерял руку, но продолжал командовать до потери сознания; проделал он всю гражданскую войну и оказался во Франции на положении эмигранта инвалида. Службу свою России он, однако, не считал оконченной. Он взялся за перо, чтобы поведать всему миру о деяниях своего полка. Трудна была его задача: ему нужно было описать то, что до войны 14-го года уже составляло содержание семи больших томов истории и, кроме того, описать войны Великую и Гражданскую. Начав читать его книгу «Храм славы», невозможно остановиться, ибо картины, одна величественнее другой, проходят перед очарованным духовным взором читателя.

Детище Москвы, названный вначале Бутырским, полк основан в 1642 году. Крымские походы под начальством Гордона; походы Петра Великого; Лесная, Полтава, где Петр лично ведет Бутырцев в атаку... Там уже Бутырцы встречаются на полях битвы с Нижегородцами и Тверцами. Встречаются с ними и во время войны с Фридрихом II. А с 1783

года Эриванцы уже на Кавказе в корпусе Суворова. Участвуют они и в походе Зубова на Дербент и дальше — на Баку.

Показали себя Эриванцы в корпусе Суворова во время битвы с ногайцами, во время боев под Дербентом, при взятии башни Нарым-Кале, участвовали они и при разгроме полчищ Батал-Паши. Показали Эриванцы (в то время егеря Кубанского корпуса) как надо умирать, если невозможно победить. Историк А. И. Красницкий в своем очерке «К порогу Индии» описывает такой случай. На кубинском направлении у с. Алпаны небольшой отряд русских (400 егерей, под командой подполковника Бакунина и капитана Семенова, сотня казаков и 2 орудия), был окружен 15 000 скопищем лезгин. Окончив «намаз», горцы с криком «Алла» устремились на русских. Из оврагов, с утесов и гор спускались все новые и новые толпы, тысячи шашек сверкали на солнце.

— Братцы, — крикнул своим Семенов, — татары ружья побросали, в рукопашную идут, все равно умирать — перекреститесь и встретьте их так, чтобы памятно было им это утро!

— Умрем, все умрем, отец наш, а не посрамим русской славы! — раздались крики.

Было что-то ужасное, стихийное в массовом движении тысяч людей, предвкушавших полное уничтожение врага. Русские встретили их залпом, но заряжать ружья снова уже не было времени. Бухнули две пушченки и тоже смолкли . . . Начался отчаянный рукопашный бой, перешедший в избиение русских. Шашки горцев, сверкнув на солнце, опускались на серую массу солдат. Кровь текла по лезвиям шашек. Пали Бакунин и Семенов; один за другим падали солдаты. Солнце подымалось все выше и выше. Видя, что добыча не уйдет от них, лезгины старались брать в плен солдат живыми. Всадники подскакивали к уцелевшей кучке, издали накидывали аркан то на одного, то на другого солдата и уволакивали его за собой. Случайно, на выстрелы подоспел Углицкий полк и выручил уцелевшую горсточку людей. Среди уцелевших был и семнадцатилетний сержант Лисаневич, будущий герой Кавказской войны. Много лет спустя, уже будучи заслуженным генералом, погиб он в Дагестане от руки фанатика лезгина.

Одним из первых прибывает полк в Грузию под командой генерала Лазарева, в 1799 году. Это Эриванцы Лазарева и Кабардинцы Гулякова стали на Иоре поперек дороги лезгин, идущих на Тифлис, и разбили их. Оба генерала пали

впоследствии на своем посту, но на смену им пришли другие. Выдвигается своими подвигами Карягин. Это он «храбрый и поседевший под ружьем» ведет свою колонну на неприступную башню Кафер-Бек при штурме Ганджи в 1804 году.

Читается, как сказка, борьба батальона Карягина с двадцатитысячной армией Аббас-Мирзы. Борьба длилась три недели. Во время трудного перехода в горах произошло событие, незабываемое русской армией и по сей день. Отряд наткнулся на промоину, через которую орудия перевезти было невозможно. Не было ни времени, ни возможности построить мост. По предложению рядового Гавриила Сидорова, пушки перетащили по живому мосту из солдат, положивших себе на плечи ружья, изображающие настилку. Операция была отважная и рискованная. Первое орудие удалось перекатить по этому мосту, но второе орудие не попало на ружье и с размаху ударило колесом в висок Гавриила Сидорова, убив его на месте. Подвиг егеря Гавриила Сидорова увековечен редчайшим в России образом: в день 250-летия полка, в урочище Маглис (штаб-квартире полка) ему был заложен памятник. В честь его бессмертного подвига была сложена песнь, производившая на слушателей неотразимое впечатление.

Умирает Карягин, но в полку остаются карягинской школы Лисаневич, Ладинский, князь Абхазов, Терешкевич, Вербицкий, Клябко, Котляревский. Читаешь описание боев, читаешь о ранениях уже знакомых по прежним боям героев и болью в сердце отзывается сообщение о гибели то того, то другого... Карягинской школы Котляревский вырастает в крупного вождя. Командуя Эриванцами, он разбивает персов у Мигри, а затем получает в командование Грузинский гренадерский полк. Грузинцы и Эриванцы — вот два полка одной и той же бригады, которые состязаются в подвигах во всех сражениях с персами и турками в течение всего XIX века и в войне 14-го года. Молодому русскому полководцу Котляревскому приходилось решать трудную задачу. Наполеон уже вступал в Россию. Некем было комплектовать войска в Закавказье. За Араксом стояла 30-тысячная армия персов, снабженная английским оружием, боевыми припасами, деньгами и даже сукном, обученная английскими инструкторами. У Котляревского было всего 2 221 человек. Главнокомандующий советовал Котляревскому осторожность, так как в случае неудачи «край погибнет». Котлярев-

ский, на свой страх и риск, решил все-таки напасть на персов. С донесением о выступлении к Араксу был отправлен в Тифлис каптенармус, которому приказано было не очень торопиться... Переправившись через реку Аракс, Котляревский нанес персам решительное поражение при Асландузе. Эта блестящая победа доставила русским, в числе других трофеев, 11 орудий английского литья с надписями: От короля над королями, шаху над шахами — в дар». После Асландуза, штурм Ленкорани — этого ключа Персии. Вот отрывок из описания штурма крепости.

«Офицеры и егеря, взбираясь на стены, хватались за дула ружей, из которых осажденные стреляли в упор. Многие падали со стен в ров, пораженные пулями и саблями. В самом начале штурма убит храбрый капитан Вербицкий; поручики Зарубин, Шуваев, Бажанов и Прядка — ранены. Однако уцелевшие — отважный Швецов, фельдфебель Алексей Булгаков, десятка два егерей — взошли на неприятельскую батарею, вступили в отчаянный рукопашный бой и овладели батареей, причем тяжело ранен штабс-капитан Швецов, а рядовой Григорий Матвеев отразил смертельный удар, направленный на подпоручика Пестрякова. Сам Котляревский ранен в колено. Стоя над телом павшего командира Грузинцев, полковника Ушакова, он ободряет солдат. Над крепостью красное зарево от неумолкающей пальбы. Две пули вновь поражают Котляревского. Одна из них раздробляет ему челюсть. Без чувств падает Котляревский на груду тел, лежащих во рву. В этот момент над головами осаждающих раздается крик победы и громкое «ура!» Изувеченный и обезображенный Котляревский найден под грудой тел, со слабыми признаками жизни. Прийдя в сознание, он продолжает распоряжаться до самого окончания экспедиции. Штурмом Ленкорани закончилась блистательная боевая служба Котляревского. Кроме троекратных ранений в предыдущих боях, он был ранен под Ленкоранью в колено, глаз и челюсть. Персидская война 1826—1828 гг. Период громких побед Паскевича. Нет уже старых знакомых школы Карягина, но выдвигаются новые герои школы Котляревского — Музейко, Литвинов, Кашутин, Долин, Потебня, Клюке-фон-Клугенау. Позже находим мы их, как старых знакомых., в боях с лезгинами у Закатал в 1830 году. Находим, чтобы с ними расстаться, ибо читаем:

«Храбрый Потебня 2-й пал одним из первых под удара-

ми шашек... Литвинов пал под ударами кинжалов... Отважный Кошутин замертво вынесен из боя...»

О штурме Карса, во время турецкой войны, нельзя сказать два-три слова. Девять неприятельских знамен, взятых Эриванцами, могли бы рассказать многое. Когда солдаты, помогая друг другу, влезали на стену крепости, то первый поднявшийся был смертельно ранен. Он успел только сказать своим товарищам:

— Братцы, умираю! Только крепость возьмите!

И тотчас умер.

С 1830 года началась борьба с мюридизмом. Старым кавказцам многое говорят названия аулов — Гимры, Елису, Салты, бой на Гехинских завалах...

В 1854 году Тверцы, после долгой разлуки, опять встречаются с Эриванцами и Нижегородцами в бою у Кюрюк-Дара. В совместных боях крепнет дружба кавказских драгун с кавказскими гренадерами — Грузинцами, Эриванцами, Тифлисцами и Мингрельцами. Меняются люди, но дух полков остается все тот же. Братство между полками и взаимная выручка поразительны. Вот, полковник князь Тархан-Моуравов при штурме Карса хватает знамя 2-го батальона Грузинского полка (командир батальона был убит) и бросается с Грузинцами и Эриванцами на редут. Многие падают, а знамя, изломанное, уже бывшее во рву, вынесено. В другом месте, штабс-капитан Менделеев хватает знамя 4-го батальона Ряжцев, бросается на редут и ранен. Будучи уже раненым, он, вместе с князем Тархан-Моуравовым, выстраивает людей и снова ведет их на редут. Не перечисляю всех героев войны 1853—1856 гг.

Есть картина, изображающая князя Тархан-Моуравова в сражении при Кюрюк-Дара, верхом ведущего 3-й батальон Эриванцев в самую гущу аравийского турецкого полка и рубящего шашкой их знаменщика. Можно было бы написать картину и о подвиге Кавтарадзе 2-го, схватившего расщепленное гранатой и пронзенное пулями знамя из рук раненого знаменщика и прокладывающего, со своим 2-м батальоном, себе путь штыками. Нельзя было бы умолчать о князе Шаликове, братьях баронах Врангель, Витковском, Антонове, Штоквиче, Кантурове, Штиттер, фон-дер-Нонне, Визирове... Кончилась война 1853—1856 гг.

Кончалась борьба с Шамилем. В 1858 году Эриванцы участвуют в кровопролитном штурме аула Китури, где выделились своей храбростью поручик С. Шереметев (отец не-

давно умершего в Париже Нижегородца Бориса Шереметева) и поручик Шлиттер, а в следующем году являются свидетелями сдачи Шамиля в Гунибе.

Война 1877—1878 гг. Распущенные знамена Эриванцев и Грузинцев развеваются на главных фортах Эрзерума. Полк возвращается на свою стоянку — с именами героев Мисевича, Ардишвили, Мирзоева, Шкабича, Вольского, Кикнадзе.

Много раз Эриванский полк выступал из своей скромной стоянки в Манглисе на разные войны и возвращался после громких дел, овеянный боевой славой. 14 августа 1914 года полк снова выступил на войну . . . и не вернулся . . .

Могущественный враг . . . новые условия войны . . . но старый полк все тот же. И это доказал в первом же бою доблестный командир 3-й роты капитан Кузнецов, взявший у немцев деревню Чернаковизны. А потом . . . немцы сравнивают с землей окопы 5-й роты у деревни Тацево; там 54 человека одними только убитыми, но капитан Сабель удерживает за собой занятый участок. 24 сентября 1914 года. Бешеные атаки немцев на 2-й Кавказский корпус. В этот критический момент генерал-адъютант Мищенко пускает в ход последний свой резерв — Лейб-Эриванский полк. Вот что пишет об этом деле генерал Флуг.

«Никогда в жизни я не испытывал того, что пришлось испытать вчера, когда была получена телеграмма Мищенко, что противник направил удар от деревни Тацево и что противопоставить этому удару он может только Эриванский полк, 'единственный' оставшийся в его распоряжении. Минуты казались вечностью — пока не получилась, наконец, депеша: Эриванцы отбили все атаки . . .»

Геройские подвиги офицеров и гренедер следуют один за другим. Я их не описываю, ибо сказав об одном — нельзя умолчать о другом. Но я уже сказал о капитане Кузнецове и капитане Сабель. В начале войны эти фамилии встречаются часто . . . Встречаются до тех пор, пока не приходится с ними расстаться. Расстаемся с капитаном Кузнецовым: на участке 2-го Кавказского корпуса образуются зияющие, ничем не заполняемые за отсутствием резервов, прорывы во всех полках.

Утро 29-го ноября. У нашей артиллерии недостаток снарядов. Со стороны немцев — ураган снарядов. Три роты батальона Кузнецова почти целиком уничтожены. Все офицеры ранены. Известный своим мужеством и непоколебимой

твердостью капитан Кузнецов, будучи прострелен в грудь навылет, остается на поле сражения...

Короткая заметка гласит: «Бой 14, 15 и 16 числа в лесу у старых Трок. Геройская смерть капитана Сабеля...»

Офицерский состав тает. На усиление его добровольно прикомандировываются офицеры Кавалергарды. Один из них, флигель-адъютант штаб-ротмистр князь Багратион-Мухранский убит в ближайшие дни во время ночной атаки немцев у села Загроды, и посмертно награжден орденом св. Георгия 4-й степени.

Автор «Храма славы», капитан Попов, получает орден св Георгия 4-й степени «за то, что 5 июля 1915 года в бою у деревень Генрикувка-Берестье, несмотря на неоднократные атаки противника, отбил таковые и удержал за собой важный участок позиции, потеря которого повлекла бы отход всей дивизии. Будучи тяжело ранен осколком снаряда, коим ему оторвало руку, и сильно контужен, остался в строю до конца боя».

Наступает российская смута. Летом 1918 года в Туле полк кончает свое официальное существование. Началась гражданская война. Бессмертная душа полка переселилась в тех Эриванцев, которые отовсюду стали стекаться к боевому знамени Мингрельского полка, привезенному в Добровольческую армию из Тифлиса. Боевой офицер Эриванского полка, полковник Пильберг, сформировал из Кавказских гренадер полк, названный 2-м гренадерским.

В непрерывных боях полк тает, и к февралю 1920 года в нем остается всего 60 человек. Дальше — эвакуация в Крым, где гренадеры влиты в Алексеевский полк.

Если книга Попова читается с большим интересом всеми русскими эмигрантами, то с особым интересом читают ее участники событий в ней описанных. Эриванец Арчил Гогоберидзе, читая книгу, делал на ее страницах заметки. Там, где сказано было, что шел сильный дождь, Арчил добавил — «лил, как из ведра».

Здесь, в Париже, вспоминая убитых, тоскуя о полке, не вернувшемся из последнего похода в свою мирную стоянку под Тифлисом, капитан Попов восклицает:

Где-то теперь геройский капитан Кузнецов? Жив ли он, этот железный человек? На него моя последняя надежда!»

Против этой фразы на полях страницы есть заметка Арчила Гогоберидзе: »Жив! Ура!» Да, он жив. В настоящее время полковник А. Г. Кузнецов является председателем

Союза Эриванцев. Ежегодно, в день нашего полкового праздника присылеет он поздравление от Эриванцев, которое неизменно кончается словами «Ура, кунакам Тверцам!»

МИРНАЯ ПОЛКОВАЯ ЖИЗНЬ

В конце лета происходили маневры в направлении на Карс. Полк прибыл в город Александрополь и стал биваком на реке Арпачей. С этим местом связано столько воспоминаний... Здесь стал полк, когда прибыл из России. Здесь же были первые бои в начале войны 1877 года. Тогда, перейдя Арпачай, Тверцы взяли в плен сотню турецкой милиции с ее значком. Александрополь стал штаб-квартирой Северского драгунского полка. Полк этот был сформирован по окончании войны 1853—1856 гг., причем на его сформирование были выделены солдаты и офицеры из Нижегородского полка. Тогда же Тверский полк дал офицеров и солдат на сформирование Переяславского драгунского полка.

Дух Тверцев и Нижегородцев передался вновь сформированным полкам. Вот что пишет о Северцах капитан К. Попов в книге «Храм славы».

Дело под Араватаном 3 июня 1877 года.

«Северский полк был послан в атаку. Встреченный артиллерийским огнем всех ближайших фортов крепости, а также полевой артиллерией и страшным ружейным огнем пехоты, имея впереди своего лихого полкового командира полковника Батиевского, на дистанции по уставу, в 10 минут прошел пять неприятельских линий. Генерал князь Чавчавадзе свидетельствует, что — прослужив 30 лет, подобной атаки никогда не видел.

Радушно встретили нас Северцы. На обрывистом берегу Арпачая они устроили конный праздник, на котором, под руководством старого спортсмена ротмистра князя Бековича-Черкасского, показали чудеса езды. Они скакали и брали барьеры, сидя лицом к хвосту; стреляли в тот момент, когда лошадь брала барьер, вольтижировали, рубили чучела и так далее. Начальник дивизии, офицеры всей дивизии, дамы и приглашенные любовались этими упражнениями, сидя под навесами из палаток на высоком берегу Арпачая. Командир 1-го эскадрона Тверцев, ротмистр князь Мхеидзе, с интересом следил за упражнениями Северцев и повторял:

— Молодцы, чисто работают... Нам, с нашими дикими

лошадьми, за ними не угоняться . . . А, все-таки, надо что-нибудь придумать . . .

Пошептавшись с Тугановым и Грекуловым, он куда-то исчез. Исчезли и оба корнета. Прошло полчаса. По ту сторону Аракса, из кустарьников, стали раздаваться выстрелы. Все всполошились, так как в программу праздника это не входило. Кто стреляет? Не разбойники ли? На Кавказе все возможно . . . В это время раздались звуки трубы и со стороны казарм Северцев показался идущий галопом эскадрон. Он шел прямо на Арпачай.

— Куда они? Там обрыв . . . Остановить . . . Они сорвутся и погибнут! — раздались крики.

Но Тверцы уже на обрыве. Еще момент и громадный гунтер князя Мхеидзе красиво распластался в воздухе и бухнул в реку — за ним махнул весь эскадрон. Вода вспенилась, видны упавшие люди. Далеко впереди виден корнет Туганов, ухватившийся за стремя плывущей лошади. Эскадрон выбивается на другой берег и, вынув шашки, несется туда, откуда стреляют уже залпами. Словно сговорившись, трубачи всех полков дивизии играют марш Тверцев. Товарищи князя Мхеидзе звали его Хохо-Нико, после японской войны звали Тунтунда Ямайло, а после Александрополя дали еще кличку — Зарбазан Арпачайский. Он вообще имел обыкновение предпринимать неожиданно самые рискованные операции.

Через два дня, ночью, наш эскадрон буквально скатился с отвесной горы на станцию Кизил-Чахчах. В абсолютной темноте неслись мы потом по узким кривым улицам армянской деревни, натыкались на арбы, на лежащих буйволов, под кудахтание каких-то встревоженных кур. Переваливали мы с полком и через живописный горный хребет Безобдал, где царил разбойник Астан-Ага.

Интересную встречу устроил нам Черноморский казачий полк, расположенный в Джалал-Оглы. На одном из поворотов дороги, верстах в двух от города, стояла громадная бочка с вином и около нее два казака, с видом запорожцев, с громадными черпаками в руках. Комментарии были излишни. Полк наш подошел к окраине города. Командующий полком подполковник Мамацев остановился, давая возможность подтянуться отставшим эскадронам. Он посмотрел на группу гимназистов, стоящих у дороги и участливо обратился к одному из них:

— Срезались на переэкзаменовке по русскому языку?

Гимназисты пришли в восторг — именно так и было. Нам подполковник Мамацев объяснял потом:

— Здоровый балбес среди малышей — ясно, что остался на второй год. Армянин по виду. Армяне хорошие математики, а насчет русского языка слабоваты.

Полк входил с музыкой и песнями в Джалал-Оглы. Оглянувшись назад я увидел, что гимназисты карабкаются на лошадей эскадрона ротмистра Натиева.

Побывал полк и в Кюрюк-Дара, где в 1854 году прославился своей атакой на турецкую батарею.

Лето кончилось, ночи становились холодными и в палатках было неуютно. Все мечтали о зимних квартирах.

ПОТОП

Возвращались мы в Тифлис другим путем. Тогда же я получил приказание выбрать бивак на ночлег у селения Коды. Отправившись с квартирьерами вперед, я нашел на берегу ручейка достаточно большую площадку у подножия горы, покрытой виноградниками. На бивак полк прибыл поздно вечером. Мы не долго сидели в палатке полкового собрания за ужином: начинал накрапывать дождь, и все торопились добрести в темноте до своих палаток. Дождь усиливался. Издали доносились раскаты грома. Потянуло холодком. Большие капли дождя застучали по палатке. Обычно денщики располагались снаружи палатки под навесом, который выступал от палатки шага на два. Денщик Григоров бросил свое убежище и переселился к нам со всем имуществом, то есть с самоваром и разной хозяйственной мелочью. И, внезапно, как это быват только в горах, разразилась гроза. Я, Нечволодов и пришедший к нам Дударов, стали поспешно одеваться: надо было быть в эскадроне . . . Но было уже поздно. При свете молнии видно было, что между линией офицерских палаток и эскадронами несется поток. Черная масса воды несла деревья, какие-то громадные бочки прыгали по воде как мячики, плыли целые плетни . . . Дальше видны были морды плывущих лошадей и сидящие на них, в одном белье, солдаты. Старые вахмистры не растерялись. До нас доносились их крики:

— К коням, хватай седла, спасай винтовки, руби коновязь . . . выбивайся в гору . . . ундерцери подбадривай своих. Держись друг за друга . . .

Выше нас была палатка князя Мхеидзе и князя Амилахвари — ее сорвала вода и она проплыла мимо нас. С трудом высвободились из нее Мхеидзе и Амилахвари и выбрались на возвышенность. Туда же стали выбиваться и другие офицеры. Став на походные кровати, мы изо всех сил старались удержать деревянные устои палатки, не дать им уступить напору воды. Григоров усердно вылавливал из-под кровати то сапоги, то кителя, то фуражки. Вода шла уже по верху кроватей. Ветер рвал полотнища. Молодость брала свое и мы пели:

Ах, зачем эта ночь так была хороша . . .

Впрочем Ахмед Дударов спохватился и остановил нас:

— Не надо веселиться, может быть Жданко утонул . . .

— Почему же именно Жданко?

— Он маленький и крепко спит . . .

К счастью, и это форменное чудо, утонувших не было, но целый фургон солдат в одном нижнем белье нужно было отправить в Тифлис обмундировываться. Выяснилось, что выше бивака тянулись плетни. Потоки воды с гор, зедерживаемые плетнями, поднялись и своим напором снесли их. Вот этот первый вал и снес наш бивак. Утром, мокрые и продрогшие, бродили солдаты отыскивая в грязи свое имущество, которое унесло водой за пределы бивака на протяжении двух верст . . . В самую трудную минуту драгуны не теряли хладнокровия хватали седла, винтовки, карабкались на лошадей, помогая друг другу.

Собравшись в кучку, голодные, в сырой одежде, стояли офицеры и обменивались впечатлениями. Прикомандированный к полку капитан генерального штаба Корганов рассказывал:

— Бросив палатку мы полезли на стоящее недалеко дерево. Я думал о том, что удовольствия вымокнуть и испортить одежду мало, но слова Полумордвинова «Не бойся, Гаврюша, мы, может быть, спасемся» — навели меня на грустные размышления.

Я обратил внимание на Григорова, стоящего недалеко от нас и отдающего почему-то честь. Я подошел к нему.

— Послушай, Григоров, ты, как будто, и не утонул, а вид у тебя совсем обалделый.

Но Григоров молча стал отступать, продолжая держать руку у козырька, причем я заметил, что большой палец его как-то странно шевелился, точно указывая назад. Оказывается, он заманивал меня таким образом подальше от груп-

пы офицеров, ибо за кустиком ему удалось развести костер, на котором в котелке грелась, спасенная им котлета:

— Ешь, Ваше Блегородие!

К нам приближалась группа офицеров Нижегородцев и Северцев. При виде их мы повалили на землю Гуцунаева и стали делать ему искусственное дыхание.

— Кто это? — спросили наши кунаки.

— Гуцунаев.

Кунаки сняли фуражки . . . Но тут кто-то пощекотал под коленями Гуцунаева и он вскочил как ошпаренный.

ДАВИД ГАБАЕВ

К Тифлису полк подходил горами. Узкая дорога извивалась между домиками грузинской деревушки. Трубачи играли что-то веселое. Против одного домика штаб-трубач старик Скворцов всплеснул руками, слез с коня и бросился в объятия человека сидящего в кресле на балконе. За ним, с радостным криком последовал и полковой адъютант поручик Нацвалов. Это был Габаев, за несколько лет до моего выхода в полк ушедший по болезни в отставку. Корнет Габаев был весельчак и душа общества. Он и князь Нижерадзе были неразлучными друзьями и об их проделках вспоминали в полку и после их ухода. Прикованный к креслу в деревушке расположенной вдали от больших дорог, он не ожидал, что его родной полк окажется здесь, перед его домом. В большом волнении, со слезами на глазах, простирал он руки к офицерам, которые с криком «Давид!» бросались к нему. Трубачи заиграли полковой марш. Появилось вино. Габаев жадно смотрел на проходящие эскадроны. Вот и его 5-й эскадрон и вахмистр Морозов. Эскадрон остановили. Габаев узнавал людей, лошадей . . . Женщины в окно делали знаки, что волнение больному вредно. Эскадрон стал удаляться . . . Глубоко потрясенные этой встречей, мы продолжали наш путь.

ГРИГОРОВ — ПОБЕДИТЕЛЬ

Лагерный сбор кончился и полки потянулись на свои стоянки. Во время скучного четырехдневного перехода из Тифлиса на Царские Колодцы предстояло лишь одно развлечение. На реке Иоре было устроено состязание денщиков. Все

они были выстроены в один ряд. Каждый имел в руке самовар. По данному сигналу они побежали к реке. Нужно было набрать воды, прибежать обратно и развести огонь. На это зрелище собрались солдаты всего полка. При общих криках одобрения состязающиеся добежали до реки почти одновременно, но на обратном пути некоторые стали выделяться.

— Шестой берет! — кричали солдаты 6-го эскадрона.

— Второй обходит! — раздавались голоса.

— Ура второму! .. и крик смолкл, — денщик 2-го споткнулся и упал.

«Где же Григоров?» — думал я. Кто-то обогнал упавшего. Но, кто? Снова крики, уже в нашем эскадроне:

— Гляди, — Григоров! Ура, первому эскадрону!

Все-таки Григоров и денщик 6-го добежали до линии почти одновременно и стали чиркать спичками, боязливо оглядываясь друг на друга. Спичечная коробка Григорова откатилась в сторону. Один солдат бросился ее поднимать, но другие его остановили:

— Не трож!

И вот уже по всей линии денщики раздувают огонь.

— Скинь сапог . . . сапогом! — советуют им.

— Кипить! — крикнули солдаты 6-го.

Оказалось, что это шутка. Теперь уже весь 1-й эскадрон подбадривал Григорова:

— А ну, Григоров, шахтер славяносербский, не подгадь!

И, наконец, все в один голос заорали:

— Кипить в первом. Ура Григорову!

Денщик 6-го эскадрона бросил раздувать огонь и в досаде швырнул свою фуражку на землю. Солдаты громко выражали свое одобрение Григорову.

— Ну и Григоров . . . вот сукин сын! — выражались они, и еще сильнее Григоров сиял . . .

В Царские Колодцы 1-й эскадрон вступал покрытый лаврами. Впереди эскадрона красовался Зарбазан-Арпачайский — князь Мхеидзе, а в обозе трясся на фургоне, держа в руках самовар, чтобы не сбился кран, Григоров — «победитель на Иоре».

По возвращении из похода полк отдыхал. Против казарм развешивается амуниция, чистится и смазывается оружие, проветриваются тюфяки . . . Солдаты, кончающие службу осенью, считают дни, когда поедут к себе, и изредка то на конюшне, то в казарме раздается радостный крик «домой!»

Взяв отпуск я поехал в Кисловодск. Путь от Тифлиса до

Баку не интересны. Все эти станции — Кера-Тапа, Ак-Тагля, Акстафа — пустынны. При приближении к Баку усиливается жара. Не доезжая до Баку, на станции Баладжары, пересадка на поезд идущий из Баку на Северный Кавказ. Асфальт на перроне этой станции размякает от жары. В баках теплая вода, и все покрыто копотью. Проезжая эту станцию всегда вспоминал, как группа кадет, едущих в отпуск, решила закусить. Мы не придумали ничего лучшего, как есть колбасу, болгарский перец, халву и кильки. Невероятная жажда стала мучить нас. Бросались к воде — она оказалась теплой и неприятной на вкус. Я обратился к Осипову:

— У тебя глаза, как у дохлой рыбы.

— У тебя не лучше, посмотри в зеркало, — ответил Осипов.

Мы, действительно, имели вид рыбы выброшенной на берег.

ТАНУТРОВЫ

Чем ближе к Дагестану, тем картина становится веселее, видны горы, больше зелени, свежее воздух. Вот и станция Мамед-Кала. Естественно было бы сделать на этой станции остановку, взять перекладные и через каких-нибудь полтора часа оказаться в Маджалисе, повидать места, где провел детство, навестить своих друзей — Омара, Адама, Шерипа и других, или узнать об их судьбе. Пять лет подряд я проезжал эту станцию и никогда подобная мысль не приходила мне в голову. А дальше . . . Уже в Терской области — станция Прохладная. Я мог тоже сделать остановку и съездить в Моздок, родной город моего отца. Там мог я (и должен был) познакомиться с семьей сестры отца, княгиней Чхеидзе, познакомиться с родственниками Танутровыми и другими, так как Моздок был город, куда переселились из Грузии, еще в царствование царя Ираклия II, грузины католики — Чхеидзе, Танутровы и другие. В Моздоке, на католическом кладбище целый участок был занят могилами моих предков. Поклониться их праху, ознакомиться с их прошлым — вот что нужно было сделать. И никогда, никто мне этого не посоветовал.

Случаю угодно было, чтобы спустя 40 лет, это упущение было, до некоторой степени, исправлено. И вот как. Бал лейб-казаков в Нью-Йорке. За одним из столиков сидят кав-

казцы, в числе которых княгиня София Евстафиевна Багратион-Мухранская, дочь ее Кетуня с мужем Васо (князь Накашидзе) — смотрят на танцующего в черкеске лезгинку. Узнав что за столиком кавказцы, танцор подходит и представляется:

— Танутров.

— Очень приятно, — говорит ему князь Васо. — Вот адрес вашего кузена, который в Париже.

Я получаю письмо:

«Судьбе угодно было, чтобы только в Нью-Йорке мне представилась возможность познакомиться заочно с тобой . . . Как жаль, что мы раньше не встречались . . . Так вот, разреши представиться, — Петр Станиславович Танутров, супруга моя — Надежда Павловна, — прошу любить и жаловать . . .»

Дальше шли сведения о своих . . . Много печального: тот убит, тот пропал без вести . . . Убитый на австрийском фронте один из братьев Пети, Николай, был после первого ранения в Кисловодстке. О нем восторженно рассказывали мне потом мои сестры. Это был бравый поручик, гимнаст, окончивший первым офицерскую фехтовальную школу в Петербурге, живой сердечный и восторженный. Из писем Пети узнал, что и он такой же: недавно прибывший в Америку после пятилетнего сидения в германском лагере для Ди-Пи (лица, которых война заставила уйти из мест постоянного жительства), еще не ставший на ноги, он уже спрашивает меня, не нуждаюсь ли я в чем-нибудь. Сам он перепробовал ряд профессий — джигитовал, выступал как футболист, давал концерты на гитаре, окончил агрономический институт в Праге, служил химиком и так далее.

Вопросы борьбы за существование меня всегда интересовали. Стали мы с женой следить за «достижениями» найденных родственников в Америке. Вот они, прибывшие в Нью-Йорк «без гроша в кармане», устраиваются на работу в ресторане. Ему трудно, у него болит спина (последствие падения в цирке на джигитовке); вот он устраивается лучше, по своей специальности в лаборатории крупнейшего химического предприятия, имеющего даже свою железную дорогу. Он совершенствуется в знании английского языка и слушает, там же на предприятии, особые курсы. Присылает он нам газету "The New London Day", описывающие эти курсы. В газете помещена фотография группы слушателей курсов. Наш Петя впереди всех — он внимательно смотрит на доску, где

приведены какие-то формулы. Газета выделяет его из числа слушателей и поясняет, что Peter Tanutrow с Кавказа, что он уже работал в Чехословакии как специалист химик и выступал как солист на гитаре в радио в Праге. Стал выступать он и в Нью-Йорке. Его игра записана на граммофонных пластинках. Вот у них уже квартира из четырех комнат. Начали мы обмениваться сведениями и о наших предках. К сожалению, мы многого не знали. Оба мы в юности рассматривали нашу родословную, написанную на грузинском и на русском языках, и запомнили только, что прадед наш был придворным церемониймейстером при грузинском царе Ираклие II, а дед мой командовал Новороссийским драгунским полком на Кавказе во время войны 1853—1856 года. Начали мы обмениваться фотографиями. Я всегда скептически относился к заочным знакомствам, к бракам по объявлению и так далее. Но, тут мне свое мнение пришлось изменить: сегодня фотография, завтра какая-нибудь подробность из жизни и, смотришь, те, которых никогда не встречал, становятся тебе близкими, начинаешь интересоваться их жизнью.

Петя с женой идут от «завоевания к завоеванию», в их действиях видна планомерность: став твердой ногой на землю в Америке, они протягивают руку через океан своим родным, все еще сидящим в Германии. Знакомят они нас заочно с сестрой Пети, Елизаветой Станиславовной, с ее мужем инвалидом, полковником Солнышкиным и двумя взрослыми сыновьями от первого брака, Толей и Виктором. Теперь уже и мы переживаем вместе с ними все трудности переезда в Америку. Наконец все трудности побеждены и переезд через океан совершается благополучно. Мало-помалу и их жизнь налаживается. То, чего не договорили письма и фотографии, то дополнил племяник Толя. Он поэт и писатель. Из-под его пера выплывают, как живые, образы всей семьи. Двумя-тремя штрихами описывеет он и тетю Надю, вечно хлопочущую, пилящую его за беспорядок, экономящую задолго до Рождества деньги на рождественские подарки родным и знакомым. Вот она их уже раскладывает по всей комнате, любуется ими и бережно упаковывает. Вот дядя Петя входит в комнату Толи, комнату поэта, где беспорядок, табачный дым и недописанный лист бумаги.

— Выдавливаешь? .. Лучше бы занялся изучением английского языка.

Толя — натура мятущаяся. Он откладывает стихи и пи-

шет нам, что откладывает их надолго и занят прозой. Он стоит на перепутье. Чувствует в себе большие силы, но пока что не нашел своего пути. А силы и способности у него, действительно, большие: на интернациональном шахматном турнире в Вене в 1942 году он побивает чемпиона Чехии, играет в ничью с чемпионом Германии, а мировой чемпион Алехин (его родственник) оказывается в проигранном положении и выигрывает случайно.

Описывает нам Толя и казачий праздник в Нью-Йорке. Задолго до праздника полковник Солнышкин суетится, налаживает лубок, который должен изображать казачью сотню на фоне Кавказа. Жена ворчит, что он устает, что ему надо поберечь здоровье, но он хочет устроить все так, как было в России. Лубок удался. Полковник Солнышкин, впереди сотни в белой папахе импозантен. Неподражаемым жестом огревает он коня нагайкой «лубочный конь гнется). Брат Толи, Виктор, должен в последнюю минуту заменить в лубке отсутствующего казака. Отверстие для головы Виктора слишком высоко, он стоит вытянувши шею «как гусенок», его папаха лихо надвинута на бровь и выражение лица зверское . . . но в публике свои . . . Видя что они покатываются от хохота, Виктор улыбается и все лицо его «расплывается» — публика в восторге и хлопает в ладоши.

А дальше балетный номер. Партнерша Виктора, Лидия Васильевна, перед выходом заявила, что она все фигуры забыла. Виктор смутился, забил свою партнершу в угол, где она что-то выбарахтывала ногами, а сам, не глядя ни на нее, ни на публику, начал выделывать свои фигуры. Толя и Петя танцевали настоящую лезгинку, стильную — не позволяя себе эмигрантской отсебятины, вроде криков «Алла, Алла . . . Давай, давай!» (Давай доллары).

Толя не знает России, он родился в Константинополе, но всюду, вне России, чувствует себя бездомным — ни Югославия, ни Германия, ни Америка ничего не говорят его сердцу.

А четырехлетний сынишка его, Мирка, не хочет знакомиться с приехавшей из Гермении бабушкой («бабой», как он ее называет) и говорит:

— Я не хочу, чтоб она узнала, что я стал теперь индейцем . . .

Он же протестует против желания знакомых остаться у них ночевать:

— Я не пущу! У каждого человека должен быть свой дом, пусть в нем и ночует.

Исключение делается только для родных.

— Ну, а если у знакомых в доме пожар? — спрашивают Мирку.

— Тогда ... (пауза), ну, тогда другое дело ... тогда пусть ночуют.

На последних фотографиях, присланных из Америки, мы видим Петю и Надю с их знакомыми, образующих живописную группу на пляже. А вот они же уютно восседают в автомобиле друзей их Фроман, имеющих свою балетную студию в Нью-Лондоне. Братья М. П. и В. П. Фроман известны в балетном мире по своим выступлениям в Европе, когда они были партнерами Карсавиной, Павловой, Блиновой, Князева ... выступали в фильмах и имели свои балетные студии. Ольга Фроман была постоянной партнершей Пети по радио в Чехословакии (цыганские романсы — контральто). Чувствуется, что Петя уже мечтает о своей собственной машине. В добрый час! ..

КНЯЖНА СОФОЧКА

После путешествия в душных вагонах Кисловодск кажется земным раем. Чистый воздух, тенистый парк, звуки прекрасного струнного оркестра, нарядная публика. В парке всегда можно встретить товарищей по училищу — офицеров всех кавалерийских полков русской армии и гвардии. Вот и Эльмурза Тамбиев — Лубенский гусар. Вид у него озабоченный:

— Идем, солнце уже садится, — говорит он мне.

— А нам какое дело? Пусть себе садится ...

Но Эльмурза увлекает меня в галерею нарзана и усаживает на скамейку. Он объясняет мне, что в это время лучи солнца «просветляют легко одетых дам». Действительно, выходило очень забавно. Мы так увлеклись нашим развлечением, что сначала не заметили генерала, стоявшего в стороне и смотревшего на нас. Эльмурза толкнул меня локтем. Генерал направился в нашу сторону. «Паршиво», — подумал я.

— Корнет, — обратился генерал к Тамбиеву, — вы не обидетесь, если я уведу вашего товарища?

«Почему же не обоих?» мелькнула у меня мысль. Мы с генералом направились к выходу из галереи в парк.

— Вы знаете, куда я вас веду?

Я хотел было ответить, что к коменданту, но благоразумно этого не сказал.

— Вы знакомы с моей дочерью Софочкой — она хочет вас видеть.

У меня отлегло от сердца и опять что-то, уже другого порядка, заставило его биться еще сильнее . . . Софочка — это уже не та институтка подросток, которую я знал. Это была кокетливая столичная девушка, знающая себе цену.

— Кто этот усатый гусар, с которым вы так весело проводите время, что не замечаете старых знакомых?

«Ну, — думаю, — похоже на то, что мы и ее просветляли».

Она протянула сетку с мячами от тенниса своему кавалеру — правоведу.

— Отыщите маму и передайте ей это.

Когда правовед отошел, Софочка рассмеялась.

— Славный мальчик, но надоел своими комплиментами — пусть прогуляется.

Мы гуляли, болтали, вспоминали наше путешествие.

— Послушайте, — сказала она мне вдруг, — вы какой-то неуловимый: вот мы встретились, а ведь завтра мы уезжаем из Кисловодска в Крым . . . Приходите непременно завтра на вокзал попрощаться — я вам хочу что-то сказать . . .

На другой день на вокзале было много провожающих. Целая группа правоведов с цветами и конфетами окружала уезжающих. Мать Софочки взволновалась:

— Скоро второй звонок, а носильщик куда-то пропал. Корнет, миленький, отыщите его . . .

Я вернулся с носильщиком ко второму звонку.

— Вы пришли нас провожать, или разгуливать по вокзалу? — крикнула в окно Софочка.

В это время раздался третий звонок и поезд ушел, увозя Софочку. Что хотела она мне сказать? . .

Время шло . . . Жизнь в полку продолжалась по веками выработанному образцу, но в занятия с солдатами каждый офицер вносил что-то свое, в зависимости от темперамента.

В первом эскадроне, «эскадроне Его Высочества» (шефом полка был Наследник Цесаревич), старше меня по выпуску был князь Амилахвари. Спокойный, уравновешенный и доброжелательный Алеша Амилахвари был хороший семьянин. Глядя на него, занимающегося с солдатами, чувствовалось что он не делает разницы между ними и своими детишками

— Мартой, Ирой и Никой. Вот выстраивает он своих новобранцев и вызывает по одному на рубку. Солдат должен поднять лошадь в галоп, срубить на скаку лозу, поставленную вертикально, срубить дальше влажную глину уставленную пирамидой на особой подставке и проколоть чучело, изображающее неприятельского солдата. Обычно новички не могут рассчитать удар и наносят его слишком поздно. Лошади боятся проходить мимо чучел. Унтер-офицеры увлекаются и кричат:

— Руби . . . коли . . . шпоры!

Алеша Амилахвари ласково смотрит на промахнувшегося солдата и говорит: «Шляпа». Иногда только слово «шляпа» он заменяет другим, того же значения, но более сильным словом. У корнета Горчакова картина другая. Богатырь и сорвиголова, он сам вскакивает на коня и несется с поднятой шашкой. Рубит с такой силой, что смотреть страшно. Седло сворачивается набок и Борис летит на землю — падает спиной на шашку, встает и хохочет.

Уже во время войны, встречая случайно солдат Тверцев, я спрашивал их: «А как воюет поручик Горчаков?» На это солдаты отвечали: «Они такое на фронте разделывають!»

Слово «разделывають» в солдатских устах означало многое. Оно означало бешеную гонку то за курдами, то за турками, то за немцами.

Русские офицеры приносили с собой с Кавказа что-то свое, российское. Корнет Ильинский любит водочку с подходящей закуской и приятельскую беседу на веранде полкового собрания. Водочка, водочкой . . . но вот что гласит телеграмма, посланная в 1916 году шефу полка Наследнику Цесаревичу из экспедиционного корпуса в Персии:

«7-го марта третий эскадрон Тверского имени Вашего Императорского Высочества полка, врезался в ряды курдской конницы, превышавшей численностью больше чем в три раза рассеял, многих изрубил и тем выручил свою пехоту из опасного положения. Счастлив порадовать этим обожаемого Августейшего Шефа. Полковник Хартен».

Участниками этого боя были: командир эскадрона ротмистр Байсаголов, штаб-ротмистр Ильинский, корнет Бремен 2-й (в полку было три брата Бремен), вахмистр подпрапорщик Кучеренко. Ротмистр Байсоголов, Габро, как его звали в полку, был милейший человек и добряк. Вид у него был совсем не воинственный и трудно представить себе его во главе эскадрона, врубающегося в самую гущу неприятеля,

да еще такого серьезного, как конница курдов. Военная история полна примеров, когда скромный, тихий и застенчивый человек, в бою оказывался героем.

В ПЕСКАХ ЗАКАСПИЙСКОЙ ОБЛАСТИ

В августе 1912 года полк был на маневрах и стоял биваком там, где «Текли, обнявшись будто две сестры, струи Арагвы и Куры», то есть во Мцхете. Маневры кончались, Тифлис был близко, с его серными банями, шашлыками в ресторанах, с кинематографом «Аполло», садом Гургиджанова . . ., а там и отдых на Царских Колодцах. Наступал вечер и лагерь, расположенный у подножья горы, представлял из себя живописную картину. Всюду белели палатки, недалеко от нас высился старинный собор, в горах вспыхивали огоньки, эскадроны с песнями возвращались с водопоя.

— Завтра будем спать в чистой сухой постели, — заявил я, ложась на походную кровать, но в это время услышал голос за палаткой:

— Разрешите войтить?

— В чем дело?

— Так что командир полка требуют Ваше Благородие к себе.

«Ну, — думаю, — посылает в разъезд. Придется опять болтаться всю ночь в горах. В начале маневров это интересно, а теперь . . .

— Я вас посылаю далеко, — заявил мне командир полка полковник Буш.

— Слушаюсь, господин полковник.

— Я вас посылаю дальше, чем вы думаете. Вы командируетесь в степи Закаспийской области, между Каспийским и Аральским морями, для переписи лошадей и верблюдов.

Хорошая марка требует выказать готовность исполнить какое угодно поручение, не показывая ни удивления, ни смущения. Поэтому я коротко ответил еще раз:

— Слушаюсь, господин полковник.

Командиру полка это, видимо, понравилось.

— Вы получите от адъютанта предписание явиться в распоряжение Ашхабадского воинского начальника. Когда можете отправиться?

— Сейчас, господин полковник.

Через полчаса я уже садился в поезд, идущий из Мцхета в Тифлис. В Баку я присоединился к другим офицерам, командируемым на перепись. Это были все кунаки Тверцев — Грузинцы, Эриванцы, Тифлисцы, Мингрельцы и офицеры Кавказской гренадерской артиллерийской бригады. Еще в Тифлисе я запасся, по совету Жданко (который делал вид, что все знает), очками с красными стеклами, будто бы предохраняющими от укачивания на пароходе — для этой же цели у меня на груди висел мешочек с шафраном. От шафрана у меня подбородок сделался желтым. Присоединившийся к нам в Баку поручик Хржонстовский (Пан) с завистью поглядывал на мои очки. Я его успокоил, заявив что мы будем пользоваться очками по очереди. Когда подходили к пароходу, который гудел, меня уже начало «мутить». Когда началась качка я как-то еще держался, но когда надел, для верности, очки, меня стало рвать. Я едва успел передать очки Пану. Надев очки, Пан предусмотрительно отправился в уборную. Вернулся он оттуда повеселевшим. Мы стали острить над другими, печально ожидающими своей участи, говоря, что их тошнит «по-кошачьи», то есть долго подходит. Капитан Асламазов не выдержал и конфузливо попросил очки. Я дал ему в придачу и шафран который он принялся было есть. Дольше всех держался Пурцеладзе. Он развел теорию о том, что все можно преодолеть силой воли. Действительно, невероятным усилием воли он додержался до того момента, когда его вырвало. Из Красноводска я отправил Жданко открытку: «От твоих очков меня вырвало первым. Спасибо и на том!»

В Ашхабаде мы узнали, что перепись будет в Мангишлякском уезде, и что нужно опять переехеть морем от Красноводска до форта Александровского. Проделали мы кое-как и этот путь. Комендант форта, при виде нас всплеснул руками.

— Я уже донес, что наш уезд самый дикий во всей Российской империи. Это ее последнее приобретение. В нем только пески и колодцы с горько-соленой водой. Жители — кочевники. Сегодня у колодца можно найти их кибитки, а завтра их там уже не будет. Фуража нет, провианта нет, дорог нет. Следовало бы организовать целую экспедицию с конвоем из казаков, с переводчиками и погонщиками верблюдов. А вас посылают за тысячу верст по одному в разных направлениях на голод и, может быть, и смерть. Я за последствия не отвечаю . . . Я умываю руки.

Он так часто повторял «умываю руки», что мы прозвали его «белоручкой». Глуховатый капитан Асламазов, не расслышав выражения «белоручка» — стал звать коменданта «белой внучкой».

Доблестные кавказцы долго не размышляли о предстоящих трудностях.

— Все равно поедем, а там будь что будет. Пусть комендант доносит куда нужно и нас отсюда выковыривают, а нам самим ныть не подобает.

Наши сборы в далекий путь были коротки. Выпили мы на прощанье по стакану вина и разъехались в разные стороны. Я купил себе верховую лошадь за 60 рублей, нанял проводника за 1 рубль в день и верблюда с погонщиком — тоже за 1 рубль в день. Когда едешь день, другой, третий в степи, то теряешь представление о времени и расстоянии. Двигаешься вперед, но, так как ни один предмет не приближается, кажется что стоишь на месте и у соседа лошадь тоже топчется на месте. Чем выше подымается солнце, тем жара нестерпимее. Проводник подает бурку, объясняя что лучи солнца бурку не пробьют. Целый день трясешься мелкой рысцой без дорог. Болит поясница, отекают ноги, пересыхает горло. Изредка проводик останавливается, размышляет, смотрит по сторонам, изучает направление ветра, потом делает знак рукой, в каком направлении надо следовать. Когда встречается подобие засохшей травы, то останавливаемся пасти лошадей и верблюда. Иногда вдали видны какие-то кладбища — видны колонны зданий, озера. Это миражи, и часто все это видят одновременно все участники поездки. Но вот потянет дымком, все встрепенутся: близко колодец и кочевники киргизы. Горько-соленая вода не доставляет удовольствия. Кочевники грязны и бедны. Живут они в кибитках, которые разбираются и погружаются на верблюдов. Чем дальше от форта в направлении к Аральскому морю, тем киргизы более дики. Не знают, что такое офицер, что такое часы и так далее. Если спросишь, сколько верст до следующего колодца, они не понимают, а поняв говорят: «Крикнуть 30 раз». Мера длины у них следующая — молодой киргиз кричит, его где-то далеко слышат. Вот, расстояние от кричащего до самого дальнего, кто может услышать, и является мерой длины. Забрел к ним как-то раз неосторожный купец из Астрахани. Они его убили, а имущество разграбили . . .

— Как же его убивали? — спросил я, зная что оружия у

них нет, нет и дерева, на котором можно повесить. Оказалось, что купца все-таки «повесили», но только горизонтально: одни тянули аркан накинутый на шею, а другие тянули купца за ноги. Много киргизов (они себя называют «казах») с проваленными носами. Один такой любезно, руками, заваривал мне чай... Есть гостеприимство. Иногда попадаются владельцы стада баранов. В честь моего прибытия иногда убивали барана, обычно хромого и больного. Варили его целиком и ели, конечно, без ножей и вилок. Обычно женщины не садятся есть с мужчинами, а стоят сзади и смотрят жадными глазами. Я протянул одной кусочек мяса. Она скретила руки и ртом взяла мясо из моих рук. Проводник не мог толком объяснить мне, почему она не взяла рукой — он все повторял, что она не должна была брать рукой.

Через несколько дней после отбытия я заметил, что за нами следует еще один верховой, потом двое, а затем набралось уже человек шесть. Сначала я думал, что это попутчики, но потом выяснилось, что ехали они в надежде поесть барашка или что-нибудь из моих запасов. На моем верблюде была погружена мука, был рис, мясные консервы и овес для лошадей. Проводник варил рис и выворачивал в него банку мясных консервов. Из муки он делал лепешки в форме шариков (боурсак), которые потом становились твердыми, как камень. В дороге киргиз берет иногда в рот такой шарик и сосет его бесконечно долго.

Привели как-то ко мне больную женщину. Я вскипятил на костре воду, кинул туда кубик «магги» и дал ей выпить. Она боялась пить, но в конце концов выпила. Я, между прочим, забыл спросить, чем она больна. Чем дальше, тем чаще обращались ко мне с просьбой кого-нибудь вылечить.

— Вот у этой женщины нет детей, дай ей твое «сурпа» (суп), — говорили мне, и я давал. Потом я уже стал давать толченный сахар, так как кубики были на исходе. Мне было неловко морочить людей, но проводник настаивал, говоря, что это подымает престиж, который необходим, так как мы заехали далеко и можем испытать участь астраханского купца. Один из моей добровольной свиты оказался их судьей. Он был очень услужливый, но, в конце концов, проворовался. Что касается самой переписи лошадей и верблюдов, то это, конечно, была сплошная фантазия. Я переписывал тех, кого встречал у колодца, они снимались и шли к другому колодцу и, может быть, попадали к другому переписчику или опять ко мне. Многие снимались и уходили неизвест-

но куда, узнав о нашем приближении, так как был пущен слух, что наша цель — отнять у них скотину. Когда отошли мы верст 500 от форта, проводник стал ныть, что дальше ехать опасно. И действительно, у одного колодца, во время переписи, киргизы о чем-то возбужденно галдели. Когда я вошел к себе в кибитку, туда ворвался какой-то дядя с воинственным видом. Переводчик вскочил бледный и крикнул мне:

— Он говорит, что нас надо убить!

Галдежь за кибиткой усилился. Схватив шашку я бросился на бунтовщика. Он стал убегать. Через расступившуюся толпу я погнался за ним. Догнать его не удалось, но и бунт не удался. Я не знаю, сколько времени болтались бы мы без цели в пустыне, но однажды нас догнал на особом верблюде-бегуне киргиз, посланный из форта с распоряжением прекратить перепись. Путь свой киргиз проделал с невероятной быстротой; сам он был обветренный и высохший, как скелет. Комендант форта вызывал меня обратно. Обратный путь был веселее. Мы много болтали. Киргизы задавали интересные вопросы:

— Паша (царь) может каждый день есть мясо?

Я должен был сказать — «Да». Я же неосторожно сказал, что паша ест мясо даже два раза в день. На меня посмотрели с недоверием и покачали головами: сами они ели мясо очень и очень редко. Мои спутники затягивали с утра что-то монотонное. В конце концов я уловил мотив и присоединился к их хору. Они пели о киргизе, умирающем в дороге. Он прощается с женой, с детьми, привязывает себя к верблюду и просит доставить его к своим. Проводник с гордостью заявлял, что их песни лучше русских, что в русских песнях нет смысла и приводил пример: «Возле речки трава растет ... трава растет зеленая ... растет трава ...» Это не мешело ему всю дорогу напевать: «Жил был у бабушки серенький козлик ...» Мы успели подружиться. Между моими спутниками были и комики, и философы, и мечтатели. В общем, люди как люди. Судья, который проворовался в начале путешествия говорил о загробной жизни и пытался разрешить тайну мироздания. В веселом настроении въехали мы в форт Александровский, распевая хором: «Жил был у бабушки серенький козлик». Запевал судья, а все остальные ударяли в ладоши и припевали: «Вот-так, вот-так, серенький козлик».

В КАХЕТИИ

По возвращении из Закаспийской области, мы с Паном застали полк уже вернувшимся на Царские Колодцы. Приятно было после горько-соленой воды, песков и качки на море, сидеть на веранде полкового собрания, пить прекрасное Саэро и вдыхать чистый осенний воздух.

К веранде подошел Пан, вид у него был озабоченный.

— Только что узнал, что меня с тобой посылают на перепись лошадей и подвод в Кахетию.

— Ну и отлично. Нас, видно, считают теперь большими специалистами. А ты почему приуныл?

— Сопьемся, — печально заявил Пан.

Перемена жизни все-таки радовала. Через несколько дней мы с Паном уже входили в управление уездного начальника в г. Сигнах. Уездный начальник, полковник Алдатов, сидел в обществе членов комиссии по переписи лошадей — участкового пристава и ветеринарного врача.

— А, доблестные драгуны! Добро пожаловать . . . эй, там, писатели, вина сюда и стаканы . . . живо! — крикнул он писарям, которые радостно побросали свою работу и засуетились. — За успех вашего предприятия, — поднял бокал Алдатов.

Мы узнали, что первая перепись будет на другой день в Сигнахе. Через час, напутствуемые добрыми пожеланиями Алдатова, мы вышли из управления.

— А теперь — в мою хату, — любезно предложил ветеринар.

У ветеринара уже был накрыт стол человек на двадцать. Появились соседи, появились грузинские девушки с гитарой, старик с чианурой (струнный инструмент). Обед затянулся и перешел в ужин с лезгинкой и пением. Утром на другой день нас поразила красивая картина. Сигнах расположен на склонах горы. Внизу видны грузинские деревушки Анага, Сакобо, дальше высится главный Кавказский хребет с его снеговыми вершинами. Рядом с Сигнахом, тоже на склоне горы, расположен живописный монастырь св. Нины. Площадь перед Управлением заполнена веселой толпой. Это грузины привели лошадей и арбы, запряженные волами или буйволами. Из всех духанчиков, окружающих площадь, не-

сутся веселые возгласы, звуки шарманки и хоровое пение. На перепись все смотрят, как на народное гулянье. Каждая новая повозка встречается одобрительными возгласами, а хозяин ее, погоняющий (стоя) волов, имеет вид победителя на олимпийских играх.

Мы сидели на площади за столиком. Полагалось, осматривая лошадь, определить ее рост и возраст, осматривая повозку — определить ее прочность. Куда там . . . все неслось, кричало, напирало на столик. В клубах пыли, с невероятным скрипом, катили арбы и не было сил остановить это победное шествие . . . И опять, как и в Закаспийской области, заполненные списки являлись плодом богатой фантазии. Ветеринар пытался у какой-то лошади определить возраст по зубам — та посмотрела на него с удивлением, ветеринар махнул рукой и отошел. Через час участковый пристав стал проявлять признаки беспокойства и ныть, что пора кончать, ибо его жена ждет всех нас к обеду, что будет «сациви» (индейка с ореховым соусом) и «чихиртма» (суп из курицы с большим количеством лука, заправленный к моменту подачи сметаной и взбитыми желтками).

К столу подъехал всадник. Это был помещик из Качерет, мой товарищ по корпусу, князь Арчил Андронников, со своими друзьями.

— Завтра перепись у меня, я приехал закупить закусок, а вино у меня свое, — объявил он.

Я оглянулся на Пана.

— Еще два-три дня и я умру, — шепнул он мне.

Остаток дня мы пировали у пристава, а вечером выехали в Качереты. У Качерет мы заблудились в темноте. Потом выяснилось, что стоим мы перед домом князя Луарсаба Каралова.

— Вот у него и переночуем, — заявил пристав.

— Неловко, у него жена, четыре дочери, уже спят . . . — отговаривали его.

— Пустяки! Вот увидите, — они будут рады.

Стук, стук стук . . . В комнатах мелькнул свет, и в окно высунулся князь Луарсаб.

— А, комиссия . . . Милости просим, заходите. Эй, вы там, Мело, Нино, Даро — вставайте! — крикнул он в глубь квартиры.

Через несколько минут мы сидели уже на мягких тахтах. Старшая дочь Луарсаба, Мело, с гитарой в руках, пела: «Тихо, так тихо ночь наступает, лишь где-то слышна трель со-

ловья . . .» Даро, с бубном в руках, скользила по ковру, Нино хлопала в ладоши . . . Из кухни доносился приятный запах жареного мяса.

«Вот, — думаю, — придет мамаша и приструнит дочек». Вошла мамаша, окинула живыми глазами присутствующих и присоединилась к танцующим.

Поспав часа три, мы простились с хозяевами и пошли на перепись. Тут уже Арчил торопил нас кончать работу, так как обед был готов. В веселом настроении покидали мы Качереты. Мы спустились в Алазанскую долину. Везде то же самое . . . Я заметил, что нашего полку прибыло.

— Кто это, — спросил я, указывая на великана, уже второй раз следующего за нами.

— Как, вы не знаете? Это брат диакона в тифлисском соборе — Гаргаретелли.

Его роль быстро определилась. Это был незаменимый тулумбаш. В дальнейшем, мое заявление, что у нас есть свой походный тулумбаш, вызвало бурю восторга.

— Вот это марка, молодцы Тверские драгуны!

Гаргаретелли был неистощим в тостах, но конец был всегда один и тот же. Становясь в величественную позу, он пел: «Ах, зачэм увлекаться висем, когда можина осторожина поиграит и перестаить» . . . Слово «перестаить» он тянул долго. Это был апофеоз. После этого он потухал до следующего раза. Прошло сорок лет, а Гаргаретелли, поющий свое «перестаит», как живой стоит перед моим взором.

Молоденькие грузинки очаровательны: веселы, просты и не жеманны. Аккомпанируя себе на гитаре, они пели «Мхолот-Шинез», пели много и про поэта Шота Руставели. Я и сейчес иногда напеваю «Мидис Шота Руставели» . . .

В селении Карданахи мы попали в барский дом князя Вачнадзе. Хозяева отсутствовали, за исключением одного старика. На него можно было залюбоваться. По-видимому, бывший военный, одет он был в темную серую черкеску тонкого лезгинского сукна. Изящный, гостеприимный, он дополнял картину старого грузинского дома с каменным балконом над морем зелени, с коврами, тахтами, оружием на стенах, со старой прислугой, составляющей как бы часть семьи. Рассматривая фотографии на стене я увидел вдруг фотографию Софочки. Старик заметил это и рассмеялся.

— Жаль что раньше не приехали: Софочка была здесь и недавно уехала с родителями в Крым.

Я хорошо помню места, где мы начинали перепись, но

дальше все сливается в одну картину. Мы, кажется, переезжали Алазань. Пан незаметно исчез . . . Вернувшись в Сигнах, я нашел его в постели, окруженного бутылками с минеральными водами. Он производил впечатление человека выздоравливающего после тяжелой болезни. Он говорил, что мы еще дешево отделались.

ЧЕЛОВЕК ПРЕДПОЛАГАЕТ . . .

Есть солдатская песня: «Мы три года прослужили, ни о чем мы не тужили — стал четвертый наступать, стали думать, да гадать . . .»

На четвертый год пребывания в полку я тоже стал думать да гадать. Какое-то неясное желание создать что-то свое, достигнуть в чем-то совершенства, стало меня мучить. Я думал о том, что инженер строит дом или мост и результаты его трудов видимы. Куровод совершенствует породу кур, расширяет свое дело и наслаждается результатами. Счастье в совершенстве. Правда, и армия совершенствуется, но это нечто общее . . . И притом видимость все одна и та же: учишь солдат ездить, стрелять, рубить . . . А потом они уходят домой, становятся они опять крестьянами хлебопашцами и никогда их больше не встречаешь. Вот, например, у поручика Нечволодова свой дом. Сегодня он провел бетонную дорожку из дома к кухне, завтра он посыпет песком аллеи в саду, посадит дерево, и так до бесконечности . . . И будет он всем этим любоваться и каждый день несет ему какой-то новый интерес. Я никогда не мечтал о славе — мне просто хотелось стать на путь какого-то совершенства. Правда, я с увлечением занимался с разведчиками и по нескольку часов в день занимался доездкой молодых лошадей, и это мне доставляло удовольствие. Мне доставляло удовольствие видеть, что лошадь под седлом ходит все лучше и лучше. Приятно сидеть на хорошо выезженной лошади и чувствовать, что конь и всадник составляют одно целое. В то время все увлекались теорией «Бога езды» Джемса Филлиса. Даже такой крупный государственный деятель, как Клемансо, в молодости увлекался ездой и написал об этом целую книгу.

Понемногу все офицеры в полку построили как-то свою жизнь сообразно своим вкусам. Была группа охотников, бы-

ли любители поиграть в карты, были и любители чтения. В полку была обширная библиотека, постоянно пополняемая новыми книгами. Не могу понять, почему я не заинтересовался чтением, а, между тем, в школьные годы я пожирал книги одну за другой. Возьму, бывало, кусок хлеба, намажу маслом и вареньем и отправляюсь в сад. В саду была купальня. Я забирался на ее крышу, ложился в тени дерева и читал, забывая все на свете. Я прочел всех русских классиков, и потом считал что их уже больше читать не надо. Никто мне никогда потом не объяснил, что книгу человек читает все новыми и новыми глазами.

Я решил заняться самообразованием. Вместо того, чтобы порыться в полковой библиотеке или поговорить хотя бы с полковником Яхонтовым (дядей Ростей) — писателем, поэтом и братом известной писательницы Желиховской, я написал в издательство «Знание», и мне прислали целую гору книг. Одна из книг говорила о солнечных протуберанцах, об изогонах и изотермах. Начал я ее читать, откладывать и опять читать — пока не отложил ее окончательно в сторону. В это время Нечволодов обратился ко мне за советом, как назвать его новую собаку.

— Изотермой, — ответил я.

Денщик Григоров, принимавший участие в совете, возмутился:

— Коли ежели собака далече забежит, то ее эфтой самой Низаферой не докличешься.

Собаку назвали Султаном.

Со своими сомнениями я пошел к Жданко. Он имел вид человека знающего все, и отличался особым апломбом. Вынимая часы, он говорил:

— Часы для офицера зеведующего разведчиками — дело важное. Я купил эти часы из-за их хорошей марки. Это настоящий хронометр . . .

— А который у тебя час?

Жданко смотрит — часы стоят. Но это его не смущает.

— Это даже хорошо: в Англии особенное внимание обращают на испытание новых машин. Мои часы в периоде испытания.

Когда его назначили заведовать мобилизационным отделом, он сделался особенно важным, и, кроме усов, отпустил еще подусники.

— Послушай, старик (мы его так звали), — обратился я

к нему, — мы зря коптим небо, надо что-нибудь придумать.

Жданко вынул изо рта трубку.

— Что касается меня, то я небо не копчу, но вообще согласен что-нибудь придумать.

Мы стали перебирать все возможности. В полку много вольноопределяющихся немцев есть и знающие английский язык. Можно изучать французский, немецкий и английский языки. Можно начать готовиться в Академию генерального штаба. Достаточно подать заявление, и инженерное ведомство предоставит участок земли под постройку дома (аренда на 99 лет). Самый дом можно построить в рассрочку: вывести фундамент и — заложить, вывести стены — заложить, и так далее. Дом будет не чета крестьянским домишкам, в которых живет часть офицеров. В нем будут все удобства: электричество, ванна, душ и так далее. Жданко заявил:

— Всякий вопрос надо решать академически.

Он взял лист бумаги и написал: «Участок — даром. Фундамент. Средства на постройку фундамента: жалованье — 1218 руб. в год, за исключением расходов. Расходы из жалованья».

— Закон больших чисел требует, чтобы смета расхода была составлена возможно большим числом лиц, а затем уже взята средняя пропорциональная. Мы оба должны подсчитать наши расходы, то есть питание, квартира, обязательные вычеты из жалованья (библиотека, собрание, почта, парадные обеды, полковая акушерка и тому подобное), развлечения, одежда, парикмахер.

— Ну что, готово? Сколько у тебя остается от жалованья? — спросил Жданко.

Я смущенно заявил, что ничего не остается. Жданко вывел нуль и написал: 0 + 0 = 0. Бумаги были отложены в сторону. Мы продолжали мечтать. Вот, например, наши занятия с разведчиками... Нет ни одного приличного руководства. Есть разные сочинения, которые полезно прочесть офицеру, но такого руководства, по которому можно было бы день за днем проходить полный курс подготовки солдат к экзамену на разведчика — нет. Мы можем создать памятку, в которой весь курс был бы изложен понятным для солдата языком, — чтобы он сам мог ее читать. Мы решили составить «Памятку разведчику Тверцу». Жданко заявил:

— Это будет ценный вклад в военную литературу.

Мы принялись за работу. Выяснилось, что удобнее было, когда я говорил а Жданко писал. Иногда мы спорили но в

общем дело шло гладко. Когда в памятке приводились примеры и нужно было дать фамилии начальников разъездов или дозорных, то я услужливо предлагал фамилии своих разведчиков. Потом Жданко спохватился, и мы стали давать фамилии по очереди. Мы писали от руки а потом отдавали отпечатывать на машинке писарю. «Ценный вклад» рос. Росло и наше нетерпение увидеть его оконченым. И вот, наконец, наступил момент, когда мы могли сдать материал в печать. Я испытал редкое удовольствие держать в своих руках вышедшую из печати книгу, но к тому времени я уже распрощался с полком и слушал курсы по подготовке на должность земских начальников. Курсы эти были открыты в Петербурге при министерстве внутренних дел.

НОВЫЙ ПУТЬ

Летом 1913 года я прогуливался в кисловодском парке, опираясь на палку, так как обучая молодую лошадь прыжкам через барьер я упал и повредил себе колено.

— У вас разлитие синовиальной жидкости, растяжение сухожилий, баллотирование коленной чашки. Подлечить можно, но при малейшем толчке будет повторяться, — говорил мне доктор.

Я размышлял о том, что следовало бы переменить профессию, но не представлял себе, чем мог бы заняться. Устроиться воспитателем в кадетский корпус, офицером по передвижению войск по железной дороге, или на какую-нибудь другую нестроевую должность — мне не приходило в голову. Вся жизнь моя протекала по установленной форме. Мальчиком я был поставлен на рельсы и катил по ним: корпус, училище, полк. Борьбы за существование я не знал. И жизни не знал. В этом отношении закрытые учебные заведения оставляют какой-то пробел, который сказывается потом в течение всей жизни. Мне не приходилось никогда ничего добиваться.

Я подошел к столику под каштанами, за которым сидела генеральша Е. Л. Гудима — по первому мужу жена командира Нижегородцев — Петрова.

— Почему бы вам не сделаться земским начальником? — спросила она, узнав о моих заботах. — Принято считать, что это какие-то держиморды, — это далеко не так. Я, случайно,

имела возможность близко ознакомиться с их работой и скажу, что она интересная и полезная, в особенности сейчас, когда проводится реформа Столыпина. Крестьяне освобождаются от общины, делаются собственниками и наделяются землей для ведения самостоятельного хозяйства. Как при освобождении крестьян от крепостной зависимости нужны были идейные люди, в лице мировых посредников, так и сейчас нужны таковые для проведения закона об укреплении земли в собственность. Чтобы быть принятым на курсы земских начальников нужна рекомендация двух лиц с положением... Здесь в парке прогуливается много таких... — она оглянулась на проходящих. — А вот, один и есть... Князь, князь, подите сюда, — обратилась она к пожилому господину кавказского типа, которого я, будучи мальчиком, часто видел в Темир-Хан-Шуре в обществе моего отца и офицеров Дагестанского конного полка.

— К вашим услугам. Чем могу служить?

— Вот этому молодому человеку нужна ваша рекомендация.

— Годится? — спросил князь, протягивая свою карточку.

Карточка гласила: «Шталмейстер Двора Его Величества, чиновник для поручений при Наместнике Его Величества на Кавказе, князь Асельдер-Бек-Казаналипов».

— Сойдет, — рассмеялась Гудима.

Приподняв шляпу, князь отошел.

— Вот и другой, — указала на соседний столик генеральша.

Этот другой оказался камер-юнкером Двора Его Величества и членом Государственной Думы. К столику подошел командир Бугского уланского полка — Д. А. Лопухин. Для крепости присоединили и его. (Будучи кадетом я проводил воскресенья в семье Лопухиных. Сын их, Георгий, был моложе меня. Во время войны 14-го года он, уже офицером, был в Лейб-гвардии Конногренадерском полку, которым командовал его отец. В одном из боев он был убит, а немного позже был убит и его отец).

Потрясенный возможностью быстрой перемены моей судьбы, я стоял у выхода из Галереи нарзана и рассеянно смотрел на публику. И, все-таки, заметил высокого роста стройную девицу с тонким лицом, светло-голубыми глазами и прекрасными волосами.

— Кто она? — спросил я подошедшего Эльмурзу Тамбиева.

— Уже заметил . . . Это наша кисловодская красавица, а фамилию ее свегда можешь прочесть там, — сказал Эльмурза, указывая на подножье Крестовой горы, где виднелась вывеска, гласящая — Дача «Оля Щербина».

Мог ли предполагать тогда бедный Эльмурза, что с Ольгой Ивановной Курловой я познакомлюсь через 36 лет на похоронах его брата в Париже (сам Эльмурза умер на три года раньше).

В октябре месяце я уже сидел в Земском отделе Министерства внутренних дел и слушал лекции. Целый рой новых понятий обрушился на меня. В короткий срок я должен был изучить объемистую книгу «Общее Положение о крестьянах», изучить «Положение об Установлениях заведующих крестьянскими делами», «Переселенческое дело», «Учреждения мелкого кредита», «Положение о землеустройстве» и многое другое. Голова шла кругом, когда приходилось слушать о каких-то сельских вечных чиншевиках, о всевозможных подсудностях и тому подобное. Временами казалось, что все это одолеть невозможно, но, когда увидел, что и другие тоже с трудом барахтаются, то решил бороться до конца; и весной 1914 года экзамен выдержал.

Для окончивших были какие-то вакансии. Я как-то не успел ориентироваться, ждал назначения, а другие тем временем расхватали все лучшие вакансии, то есть в города или села расположенные на железной дороге. Наконец попал я к харьковскому уездному предводителю дворянства — Струкову. Нас, явившихся, было трое. Двое из нас стали расспрашивать Струкова о местах, предлагаемых им, и поспешили выбрать городские вакансии, мне же остался участок в 70 верстах по проселочной дороге от гор. Старобельска, да и самый город был в 50 верстах от станции Сватово. Военное правило гласит: «От службы не отказывайся, на службу не напрашивайся». Я мог бы не взять вакансию и подождать чего-нибудь лучшего. Это мне и в голову не пришло. Таким образом я продолжал переходить из одной клетки в другую: четыре стены корпуса; училище; полк, расположенный в 130 верстах от железной дороги; и, наконец (мне казалось тогда, что эта клетка — последняя), глухая, никому не известная слобода Петропавловка.

На занятиях словесностью солдаты докладывали: «Иттить у бой смело и весело, не щадя живота сваво, до последней капли крови». Это правило я вспомнил, когда в весеннюю распутицу перекладные мои тащились из Старобель-

ска в Петропавловку. «Не буду унывать, буду 'иттить у бой смело'», — решил я, хотя мысли мои были тревожные: прошел я в теории многое, но понятия не имел, как буду применять на практике, ибо сельской жизни совсем не знал, а тут еще половина населения говорит по-малороссийски. Чувствовал я, что получится большой конфуз, тем более обидный, что к первым шагам начальства все присматриваются. Кое-как, с помощью старосты, впаковался я в домик без обстановки, туда же доставили целый воз дел и бумаг моего предшественника и вывалили их посреди комнаты на пол. Сел я на эти бумаги и призадумался . . .

К вечеру староста привел бабу Варвару, которая должна была готовить и убирать. А крестьяне уже валом валили со своими делами. Я почти ничего не понимал.

— Попас под Лопасской, — толкует мужик, а я не знаю, что попас — это пастбище. Лошадь называют шкапой. Все запутанные сложные земельные дела, вопросы о переселении в Сибирь, хлопоты крестьянок о выдаче им отдельных видов на жительство, нужно было решать сразу . . . Следовало бы окончившего курсы прикомандировывать куда-нибудь на практику. В военном ведомстве, до получения какой-нибудь должности, офицер долгое время знакомится заранее с ней. Прежде чем получить в командование эскадрон, он десяток лет служит в этом эскадроне и видит работу его командира . . .

Кухарка посмотрела на гору бумаг и, видно, поняла мое состояние.

— Вам не иначе, как взять Кузьку придется. Он парнишка дошлый, даром что горбун . . .

На другой день появился и Кузька. Совсем молодой, маленький, на тонких ножках горбун имел удивительно приятное лицо и умные глаза. Смастерили ему из дел высокое сиденье. Он взял бумаги, повертел их, выбрал одну, достал лист чистой бумаги, низко склонился над ним и стал красивым почерком писать. Это был ответ на один из запросов. Я пришел в восторг и собрался подписывать.

— Подождите до вечера, тогда все сразу подпишете . . . — сказал Кузька, продолжая писать.

Перед ним вырастала целая гора готовых ответов, запросов, распоряжений . . . В общем — это он был готовый земский начальник, а не я. К вечеру появились конверты, писались адреса, ставились штемпеля. Готовые пакеты красивой стопкой стояли на столе у Кузьки, и он стал одеваться,

чтобы нести их на почту. У меня на сердце немного отлегло.

Стали мы с Кузькой перебирать дела и назначать к разбору по началу более легкие. Стали мы, вообще, наводить порядок в канцелярии. «Порядок бьет класс» — вспомнил я слова Митхата Казаналинова. На стенах появились полки. Куча бумаг на полу стала таять. Бумаги поплыли на свои места в папки. Новые бумаги поступали в папку «к исполнению». Требовалось сделать запрос — бумага попадала в папку «ожидающих ответа». Если заводилось какое-нибудь «дело», то оно имело свое место на полке. Были места для дел, по которым еще только собирались сведения, были дела, перешедшие в разряд назначенных к разбору, были дела уже решенные, но ожидающие окончания срока обжалования. Кончилось тем, что ни одной бумаги уже не осталось на полу, а дела плыли по полкам, пока не попадали в разряд окончательно законченных. Все это так увлекло меня, что я работал день и ночь. Особенное наслаждение доставляло мне всю систему совершенствовать Если, например, крестьянин хотел выйти из общины, получить в собственность участок земли, то требовалась длительная переписка. Земский начальник, получив заявление крестьянина, запрашивал сведения через волостное правление — выписку из посемейного списка и другие. Назначался сельский сход. Приговор схода посылался земскому начальнику на утверждение. Потом собирались сведения о размерах земельных пайков и так далее. Я порылся в старобельской типографии и нашел старые, кем-то составленные, бланки с заявлением крестьян, на которых было оставлено место для приговора схода, место и для других необходимых сведений. Мы с Кузькой основательно проверили эту форму, кое-что добавили от себя и дали отпечатать. Разослав отпечатанные бланки в волости, мы стали ждать. Мы радовались, как дети, когда прибыло первое заявление на нашем бланке. Тыча пальцем в него, мы восхищались:

— Вот его заявление, ниже копия приговора схода, еще ниже выпись из посемейного списка, размеры пайков, подписи свидетелей . . .

Это было время, когда реформа Столыпина шла полным ходом. Общинное пользование землей имело свои неудобства. В общине крестьянин получал пахотную землю во временное пользование, причем эта земля была разбросана полосами в разных местах (черезполосица). Через известные промежутки времени бывали переделы, когда, принимая во

внимание изменения в составе семьи, у крестьянина или отбирали часть земли (надел) или прибавляли, или давали в другом месте. Не считая землю своей собственностью, крестьянин эксплуатировал ее хищнически. Получив же землю в собственность, да еще в одном куске, сделавшись хуторянином, он мог вести более рациональное хозяйство, например, вместо трехпольной системы обработки земли ввести многопольную. В общем, это была ставка на мелкого земельного собственника. Проведение этой реформы требовало много работы, терпения, знания. Земельный вопрос, вообще, всегда разрешается с трудом, так как нужно учитывать очень многое: доступ к воде, пользование лугом, лесом, пути сообщения и так далее.

Переселение из России в Сибирь тоже шло полным ходом. Крестьяне, желающие получить землю в Сибири, поручали своим доверенным, «ходокам», поехать в Сибирь и выбрать место для переселения. Ходоки получали от земского начальника «ходаческие свидетельства», дающие право на бесплатный проез по железной дороге. С этими свидетельствами ходоки являлись в Сибири к комиссарам по крестьянским делам. Комиссары указывали ходакам свободные участки земли. Выбрав участок, ходоки подавали соответствующее заявление, и участок оставался за ними в течение года. Решив окончательно переселиться, крестьяне опять являлись к земскому начальнику и получали особые свидетельства для бесплатного переезда по железной дороге, причем в свидетельстве указывалось и их имущество. Можно было брать с собой повозку, пару лошадей, корову, известное количество свиней, баранов, птицы и так далее. На месте переселенцы получали материал для постройки изб, зерно для посева, и освобождались первое время от податей. Не было другой страны, которая вела бы переселенческое дело в таком широком масштабе как Россия, и которая так широко шла бы навстречу нуждам переселенцев.

Стал я выезжать для разбора дел и в другие волости. Сначала я к выезду долго готовился, изучал дела назначенные к слушанию, — потом стал выезжать все чаще и чаще. Кроме разбора дел, надо было ревизовать имущество сирот, проверять хлебозапасные магазины, проверять работу волостных и сельских правлений, и так далее. А весной надо было быть председателем экзаменационных комиссий в школах. Перед экзаменами волновались учителя, учительницы и ученики. Но больше всех волновался я. К роли председате-

ля следовало бы готовиться основательно заранее, а я не знал, что по своей должности должен был выступать в этой роли. Пришлось и тут лавировать и учиться у учеников. Батюшка обращается к ученику:

— Расскажи мне про мудрость Соломона.

Ученик отвечает, а я мотаю на ус. В следующей школе я сам уже задаю вопрос ученику:

— Расскажи мне про мудрость Соломона.

От арифметики я вообще держался подальше. Школ было десятка полтора, и я многому научился.

Месяцы шли, а я все лавировал, учился и боролся. Начал я уже кое-что понимать в крестьянском быту. Иногда прибегал и к помощи кухарки Варвары — она объясняла мне, что такое сноха, золовка, деверь . . . Варвара сначала служила у моих предшественников, поэтому она любила делать сравнения. Да, они знали быт крестьян лучше, так как сами были помещиками, но зато любили поиграть в картишки, соснуть после еды часок-другой, пойти посидеть к батюшке, или к земскому врачу. Придет, бывало, мужик . . . Ждет час, другой, а ему потом говорят: «Приходи завтра». Мне, как военному, это было непонятно: военная служба требует не только строгости к подчиненному, но и строгости к самому себе.

Наступало лето, и крестьяне, занятые хозяйством, все меньше и меньше являлись ко мне по своим делам, а Варвара все больше и больше стала говорить про дочку священника Лелю, которая кончала гимназию в Старобельске.

— Вот приедет она и увидите, какая она красавица . . .

Она даже достала фотографию Лели и показала ее мне. Действиетльно на фотографии была изображена гимназистка редкой красоты. Приехала, наконец, Леля и мы познакомились. Варвара ликовала — она видела, что Леля мне понравилась.

Секретарь уездного Съезда земских начальников, старик Лебедев, говорил мне:

— Видно, молодой человек, что вы неопытны в крестьянских делах, но мне не приходилось видеть дела, которые поступали бы в таком порядке как у вас, и притом — какая быстрота! То, что я жду от другого месяцы, получаю от вас с ближайшей почтой.

Я решил ближе присмотреться к крестьянскому хозяйству, увидеть, наконец, в натуре крестьянский надел, о котором столько толков. Но, как это осуществить? Наконец мне

пришло на ум обратиться к священнику, отцу Лели. У него была земля, огород и домашние животные. Отец Павел охотно согласился быть моим учителем.

— Я вам буду показывать, что и когда делается на огороде и в поле покажу уход за скотиной и за птицей, хранение зерна, овощей, заготовку фуража и топлива . . .

Земля его была недалеко от деревни. Для начала мы пошли с ним в поле и он показал мне размеры крестьянского надела и объяснил, что делают крестьяне в это время года.

— Если вы в течение года, день за днем, проследите за работой крестьян, побываете на их свадьбах, крестинах, побеседуете с ними об их домашних делишках, понаблюдаете как они строят свои хаты, чинят инвентарь, лечат скотину, то вы легко будете разрешать их запутанные дела, и разрешать их справедливо. Полезно также разговаривать с ними об их общественных делах, — говорил мне о. Павел.

Теперь уже день мой начинался с рассветом. Хлебнув чаю, я отправлялся к о. Павлу, чтобы ничего не пропустить из того, что он делает.

Газеты в Петропавловку доходили с опозданием — мне они казались скучными и я не уследил тревожный тон их последних сообщений. Поэтому объявление войны меня поразило, как гром в ясном небе. Конец мирному житью! Посыльные бегали по полям, сгоняли народ в деревню. Бросив свою работу, мужики стали готовиться в путь. Бабы плакали, стирали и чинили белье. В волостном правлении толпился народ, выполнялись требования мобилизационного плана. Шли молебны. Я получил предписание сдать участок соседнему земскому начальнику и явиться в распоряжение старобельского воинского начальника. Одновременно прибыл для приема дел соседний земский начальник. Когда подводчик его стал сгребать с полок дела, кидать их на пол, когда на полу образовалась куча дел, как в первые дни моего прибытия, я сел на эту кучу и чуть не заплакал. Печально провожал я глазами удаляющуюся повозку, и вернулся в опустевшую канцелярию. В этой комнате было пережито вначале столько тревог и в ней же я начинал переживать много радости потом. Еще раз повернулось колесо судьбы.

Прощайте Кузька и Варвара . . . Прощай Леля!

НА ВОЙНЕ

Я снова в военной форме и назначен командиром вольнонаемного транспорта, сформированного в гор. Звенигородске Киевской губернии. Нагнал я его уже в походе.

Транспорт — это огромный табор: 200 повозок, 400 лошадей, более двухсот погонщиков и солдат. Застал я транспорт в еврейском местечке. Не успел приблизиться к нему, как какие-то евреи стали мне жаловаться, что подводчики разрушают плетни, воруют доски и вообще — что попало. Самый транспорт представлял картину ярмарки: повозки стоят в беспорядке, люди галдят, спорят, слышится ругань и пьяные выкрики. Появился фельдфебель Гупало и стал жаловаться:

— Сладу с ними нет: ты ему слово, а он тебе два. На погрузку невозможно согнать подводы. Кинешь ему на подводу мешок, надо бы еще, а он уже погоняет . . . а другие пустыми уже назад уходят. В магазинах говорят, что выдано столько-то, а у нас выходит меньше. Погрузишь сахар, масло, чай, а они продырявливают мешки и растаскивают.

Армия наша в это время наступала, перешла реку Сан и входила в Австрию. Мы проходили местами недавних боев Замостье, Красностав, Томашев. Наступала осень, шли дожди. День и ночь, как длинная черная змея, тянулся транспорт по разбитым шоссе, минуя брошенные зарядные ящики, павших лошадей, брошенные окопы . . . Вот, на ухабе ломается колесо у подводы. Транспорт задерживается, идет перегрузка . . . А там дальше, лошадь захромала . . . Все время получаются приказания — то выделить пять подвод туда-то, 10 подвод туда-то. Надо их снабдить фуражем и провиантом, надо чтобы они потом нашли транспорт и присоединились к нему, а неизвестно, где будет транспорт завтра. За транспортом идут походные кухни, готовится пища на всех, а, между тем, далеко не все окажутся на биваке. 400 лошадей требуют корма, люди — провианта. Где-то есть магазины, но все в движении и сами магазины сворачиваются и переходят на новые места. Навстречу ведут пленных австрийцев, среди которых свирепствует дизентерия. Начинают болеть и мои люди. Впечатление такое, что через несколько дней все развалится из-за поломок повозок, утери

груза, болезней и неисполнимых приказаний. По этим приказаниям нужно было бы быть сразу в нескольких местах, разорваться на части и потерять друг друга из вида. Вспомнил я свои затруднения в первые дни на должности земского начальника: там тоже казалось все безнадежным, а потом все стало налаживаться. Что же, буду и здесь налаживать порядок. И начал.

Собрал унтер-офицеров. Одного взгляда было достаточно, чтобы определить, что это были молодец к молодцу.

— Так вот, ребята, транспорт наш должен принять вид воинской части. Надо выстраивать транспорт повзводно рядами, колесо к колесу... Назначать дежурных и дневальных. Каждый взводный отвечает за порядок в своем взводе. Запишите себе фамилии своих погонщиков. На погрузке отмечать номер подводы, фамилию подводчика и груз. Не оказалось при сдаче — докладывай фельдфебелю о виновном. Я требую порядок во всем от взводных офицеров и фельдфебеля, они — от вас, вы — от людей вашего взвода. Сейчас война. Вы служите не мне, а обслуживаете армию. Поняли?

— Так точно, поняли, постараемся ваше благородие!

И это были не пустые слова. В течение трех лет я не мог нарадоваться, глядя на работу моей команды. И, как раньше в моей канцелярии в Петропавловке куча бумаг на полу таяла, а бумаги плыли на свои места на полках, так и теперь повозки на биваке нашли свои места и бивак уже не являл вида цыганского табора. Сами подводчики словно переродились: стали исполнительными и старательными. Попробовал было Петро Халупа побуянить и сразу оказался за решеткой у ближайшего коменданта.

Взялся я и за поломки подвод. Обычно, поломанную повозку бросать не разрешалось, ее возили с собой до того момента, пока ее не признает негодной, вызванный для этого, контролер. А поймать такого контролера было не так-то просто. Стал я держать совет со своими кузнецами, плотниками, столярами. Оказалось, что если доставать нужный материал, то есть сухое дерево, шинное железо, колесные втулки и тому подобное, то можно производить ремонт на остановках. Нужные специалисты нашлись, и мало-помалу все негодные повозки были исправлены. На этом мы не остановились — постоянно меняя неисправные части у всех повозок, мы добились того, что к концу войны все они были в лучшем виде, чем в начале. То же самое и с упряжью — шорники непрерывно выделывали новую сбрую и чинили

старую. Когда армия приходила в движение, то, обычно, всевозможные распоряжения начинали сыпаться, как из рога изобилия. Приходилось решать сложные задачи, но меня они уже не пугали.

— Позвать Печиборща.

Является бравый унтер-офицер.

— Ты, Печиборщ, возьми 10 подвод, отыщи полевой магазин 5-го корпуса. Вчера он был в Янове, а сегодня там его не застанешь, погрузи по списку продукты и доставь в 10-й Донской казачий полк, который нужно разыскать, так как он на походе. Обед варится, но тебе ждать нельзя. Получи фураж и консервы. Мы отсюда уходим и нас тоже придется искать. Понял?

— Так точно, понял. Прикажете отправляться?

И через два дня Печиборщ с пустыми подводами выползает откуда-то сбоку, из лесу. С невозмутимым видом докладывает он, что шел через лес «на опростки».

В самом начале войны получили мы грузовые книги, в которые вписывался полученный груз, а также и сданный. Была графа для указания недостачи. И за всю войну у меня в этой графе оказалось только 23 фунта сахара. Тот же Печиборщ, посланный собирать после боя убитых австрийцев, старательно заполнил все графы книги, указав: количество — 60, название груза — убитые австриаки, вес — 180 пудов. Он пояснил, что австрийцы были «не так, чтобы очень сытые» и положил в среднем по три пуда на человека.

Однажды меня назначили в комиссию по осмотру пришедшего в негодность имущества в транспорте, стоящем по-соседству. Командир транспорта поразил меня своими занятиями: он сам чинил десятичные весы, подлезал под подводы и что-то подвинчивал, подтягивал подковы у лошадей. Одним словом, это был человек «на все руки». Почему же у него оказалась гора поломанных подвод, рваной упряжи и обрывков брезентов? Ответ напрашивался сам собой: он хотел сделать все сам, а следовало установить такой порядок, при котором каждый должен был бы делать свое дело и быть под наблюдением своих ближайших начальников.

Когда армия наступает, то у подводчиков и у команды вид веселый, праздничный. Когда идет отступление, то все становятся сумрачными. Подводчики сидят на подводах «нахохлившись», не слышно ни шуток, ни пения.

Отступление из Австрии через Белгорайские болота было чрезвычайно тяжелым. Дороги были разбиты тяжелыми

орудиями и зарядными ящиками. Подводы ныряли из ямы в яму. Шел дождь. Оставался один переход до Люблина, когда я получил 90 больных тифом и 60 человек больных дизентерией. Желая обеспечить людей горячей пищей по приходе на бивак, я отправил походные кухни вперед, но потом видно было, что мы до бивака к вечеру не доберемся. Лошади выбивались из сил, не хватало фуража. Больные продрогли. Следовало бы сделать привал, но по сторонам от дороги были сплошные болота. С трудом нашли мы сухую площадку. Транспорт свернул с дороги и стал выстраиваться рядами. Кое-как развели костры, чтобы согреться и хотя бы кипятком напоить больных.

— Вот, наверно, меня ругают за то, что нет походных кухонь, — сказал я, указывая взводным офицерам, прапорщикам Репойто-Дубяго и Богомолову, на группу подводчиков, которые о чем-то беседовали, поглядывая в нашу сторону. От группы отделился один и подошел к нам.

— Мы тут промеж собою поговорили, что нет у вас еды, а у нас кое-что припасено: у кого — сало, у кого — хлеб. Не откажите принять от нас.

«Вот они, простые русские люди, все те же», — подумал я, вспоминая котлету Григорова.

Нас перебрасывали в Польшу. Пройдя по понтонному мосту у Гуры-Кальварии через Вислу, мы шли по живописным местам. Поляки везде встречали радушно и чем могли помогали. Попав по служебным делам в Варшаву, я видел прохождение по Уяздовской аллее наших сибирских полков. Толпа восторженно приветствовала их, кидала солдатам папиросы. Какие молодцы были эти сибиряки!

Чем ближе к месту боев, тем больше гонки. Бои шли у Радома. Я получил предписание помочь артиллерийским паркам доставить снаряжение в деревню Буда-Аугустовская. Оказалось, что деревня эта переходит из рук в руки. В пути нас обгоняли полки казачьей дивизии. Погонщики наши увлеклись и погоняли лошадей. Казаки ругались, что загораживаем им дорогу. Под грохот артиллерии, треск пулеметов и ружейные залпы, мы вошли вслед за казаками в деревню. Были у нас раненые лошади и разбитая снарядами подвода. За это дело прапорщик Дубяго получил мечи к ордену св. Станислава.

Мое увлечение приведением транспорта в порядок передалось всем. Если нам приходилось стоять долго, то бивак

наш принимал вид благоустроенного городка: дорожки посыпаны песком, повсюду дощечки с указателями, навес для кухни и так далее. Полным ходом работали кузня, сапожная, шорная и столярная мастерские. В цейхаузе рядами висела обувь, сложено было обмундирование.

Зима с 1914 на 1915 год была суровая. Во время знаменитого «Лодзинского прорыва», когда на фронте все перепутывалось: немцы оказывались в тылу, получались прослойки. В то время транспорт, стоявший в Петрокове, получил предписание перейти в деревню Каролины. В деревню эту мы пришли ночью и расположились в соседнем лесу. В дороге еще денщик купил гуся. Забравшись в лесную сторожку я, прапорщики Дубяго и Богомолов отогревались, пока гусь жарился.

— Ваше благородие, туточка рядом стоят немцы! — испугано доложил вбежавший денщик.

— Тебе везде мерещутся немцы. Смотри лучше, не пережарь гуся . . .

Но денщик стоял на своем:

Не успел он окончить свой доклад, как перед избушкой послышался топот и чей-то голос:

— Кто здесь командир? Что вы здесь делаете?

Вышли мы из сторожки, узнать в чем дело. Начальник разъезда объяснил нам, что мы залезли в расположение немцев. Достал карту. Выяснилось, что есть две Каролины. Мне не дописали, что нужно перейти в Большую Каролину, и я, пройдя лишних 15 верст, попал в Малую Каролину. Через минуту у нас уже были потушены везде огни и, соблюдая возможную тишину, потянулись мы назад, захватив недожаренного гуся.

С того момента начался отход наших армий. Перешли мы обратно через Вислу, прошли Люблин и остановились в городе Любартове. В этом городе оказался командир пяти наших транспортом, полковник Гоувальд. Вообще же он не мог за нами угоняться. Он очень уютно устроился на квартире у польки, пани Габриели Окуневской. Радушная хозяйка делала все возможное, чтобы ее постояльцы пользовались всеми удобствами. За гроши она кормила на убой полковника и весь его штаб. На фронте наступило затишье и мы все время проводили у пани Габриели. Она недавно овдовела. Один из ее сыновей, Виктор, служил в 6-м Сибирском стрелковом полку. В начале войны он написал, что полк выступает на фронт, что он исполнит свой долг и будет бить немцев. В

первых же боях он был взят в плен. Долгое его молчание обеспокоило родителей. Они стали наводить справки, и получили, наконец, извещение, что сын их пропал без вести. Война застала Окуневскую без всяких средств к существованию. Старшая дочь ее, Мария, была на фронте сестрой милосердия, а при ней оставалась дочь Ядя пятнадцати лет и две девочки. Нужды нет говорить о том, что именно Ядя привлекла меня и моих прапорщиков в дом пани Габриели. Мы забавлялись, слушая ее русскую речь с польским акцентом. Это была тоненькая интересная блондинка, пишущая стихи, рассказы, недурно рисующая. Она писала дневник и давала читать его полковнику Гоувальд. Гоувальд находил дневник очень интересным и называл Ядю второй Башкирцевой.

Стоял конец июля 1915 года. Мы много гуляли и нам казалось, что так будет продолжаться долго. Но, с начала августа началось опять отступление нашей армии. Получил и я приказание отойти в местечко Парчев. Мы уже привыкли к семье пани Габриели и пришли с ней попрощаться. Она заволновалась, боялась прихода немцев, но все-таки находила в себе силы быть любезной хозяйкой и угощала нас на прощанье обедом. Жаль было покидать Любартов и начинать опять месить грязь, искать по ночам ночлег, мокнуть под дождем и получать трудные задачи.

Устроившись кое-как на ночлег в Парчеве, мы, то есть я, прапорщики Дубяго и Богомолов (мы звали его Митрич), долго не могли заснуть и вспоминали жизнь в Любартове. Что-то будет теперь с семьей пани Окуневской? Немцы шли по пятам и могли быть уже в Любартове. Нашу беседу прервал треск мотоциклетки под окном.

— Что такое?

— Командиру транспорта, приказание.

Как обычно, на бумаге пометка «Весьма срочно». Требовалось погрузить на подводы полроты пехоты и рысью доставить ее в Любартов. Мои подводы должны были погрузить оставленный там накануне полевой хлебопекарней хлеб. Полурота должна была занять мост через реку на окраине города и обеспечивать нашу операцию. Дальше шли обычные угрозы, что хлеб надо вывезти обязательно, но что надо действовать осторожно, дабы не попасть в лапы немцев. Митрич и Дубяго переглянулись: кому-то из них придется распрощаться со сном и трястись ночью в обратном направлении.

— Дело ответственное, и поеду я сам, а вы спите, — заявил я.

По глазам Дубяги и Митрича я догадался, что они, паршивцы, поняли в чем дело: мне захотелось еще раз повидать пани Габриэлю и ее дочь Ядю. В темноте погрузил я пехоту и мы тронулись в путь. Командир полуроты, недавно выпущенный в полк подпоручик, волновался, не зная как он выполнит задачу. Я его успокоил: все окрестности города знаю и помогу ему организовать защиту моста. К счастью, мост немцами занят не был, и в городе они еще не появлялись. Мы с подпоручиком расположили его солдат в нужных местах. Мои подводчики быстро грузили хлеб. Начинало светать. А я все думал, что еще рано и неловко беспокоить пани Габриель. Но в эту тревожную ночь жители не спали, в окнах был свет и виднелись тревожные лица. Ко мне подошли поляки и просили взять их с собой в Парчев. У меня оставались свободные подводы и я разрешил брать всех, кто пожелает. И тут же у меня мелькнула мысль, что и пани Габриеля, может быть, захочет уходить. Она, действительно, радостно приняла мое предложение, так как боялась прихода немцев. Я думал, что довезу ее с детьми до Парчева и этим кончится. Но отступление продолжалось, и ей ничего другого не оставалось, как и другим полякам, — продолжать ехать на наших подводах. А путь был далекий. Мы прошли Брест-Литовск, Слоним, Барановичи и задержались только у Минска.

Трудное это было отступление: позади и сбоков были пожары, тысячи беженцев брели по дороге и по обочинам. После Брест-Литовска началась холера, и чем дальше, тем больше. Помню одну ночь. Мы шли лесом и повсюду на опушке леса огоньки, при свете которых люди хоронили умерших. Ежеминутно разыгрывались драмы. Вот перед нами крестьянская подвода.

— Эй, Санька, подгони поросенка! — кричат с подводы.

Санька, девчонка лет четырнадцати бежит назад с хворостиной. Подвода задерживается, чтобы ее подождать, но идущие сзади кричат:

— Не задерживать!

И подвода начинает уходить. А дальше дорога расходится направо и налево. Куда пойдет Санька? Что ожидает ее, если она со своим поросенком попадет не на ту дорогу?

На станции Столбцы длинные составы поездов. Беженцев принимают, но без подвод и лошадей. Ехать дальше на ло-

шадях беженцы не могут, так как нет фуража. За 2 рубля продают они лошадь, за копейки — кур, гусей... Приходилось все время напоминать своим людям, что пользоваться бедой беженцев нельзя, что нужно все-таки платить божеские цены... Впрочем около нашего котла всегда толпились женщины и дети, и кашевар Заика раздавал им остаток пищи.

В Минске нам не пришлось отдохнуть, так как нас стали перебрасывать из армии в армию. Прошли мы Вилейку, Двинск и двигались к Риге в армию Редко-Дмитриева. Еще за Вислой захромал мой любимый конь Ветерок. Очень не хотелось мне с ним расставаться, но все же пришлось отправить его в полевой ветеринарный пункт. Его могли, по излечении, отправить в какую-нибудь другую часть. Я решил с этим побороться.

— Послушай, Андриенко, — говорил я солдату, сопровождавшему коня на пункт, — назад без Ветерка не возвращайся, постарайся нас найти, куда бы мы не пошли.

— Постараюсь, Ваше Благородие.

Шли месяцы.

«Где-то теперь Андриенко?» — думал я. Если бы мы оставались в одной и той же армии, и если бы не было отступления, то найти нас было бы возможно, но нас перебрасывают из армии в армию. Штабы армии и те не очень были осведомлены о нас. Где-то за Двинском подходили мы к станции Дрисса. Смотрим, на опушке леса стоит солдат, держит коня в поводу и рядом с ним стоит баба. Неужели Андриенко? Подводчики присмотрелись.

— Оце ж вин, Андриенко!

— Честь имею явиться, — важно докладывал Андриенко, вынимая из-за пазухи просаленную бумагу. Баба оказалась женой подводчика, ехала она повидать мужа, когда мы еще стояли за Вислой.

Добрались мы и до Риги. Наши маленькие крестьянские лошаденки, набранные в Киевской губернии, с честью выдержали трудный путь, и вот они уже бойко стучат копытцами по мостовой Риги.

В Польше мы быстро сходились с поляками — с латышами же налаживать отношения было трудно: они были замкнуты, необщительны. Язык их мы не понимали. Нужно было устраивать людей по квартирам, и я не знал, как объясниться с хозяевами. Подводчики стали звать на помощь артельщика Моисеенко. Я знал, что в Польше Моисеенко

удивлял всех знанием польского языка, но здесь? . . Мы ведь только что пришли. Пришел Моисеенко. Если бы я не слышал собственными ушами его речь, я бы не поверил.

— Где же он научился? — недоумевал я.

—А пес его знает! — отвечали мне.

Вспомнил я Моисеенко, когда стоял в Париже и спрашивал, где улица Перье, и меня не понимали, так как улица была не Перье, а Пере. И стоял-то я на этой самой улице.

Стали мы осваиваться понемногу и с жизнью в Риге. Местом встреч была Известковая улица и кафе Рейнера. Переехала в Ригу и пани Габриеля с детьми. Я часто посещал ее, и в августе 16-го года сделал предложение ее дочери Яде. Свадьбу справляли в пустом замке под Ригой. Этим замком управлял знакомый англичанин. Погонщики и солдаты поднесли нам прекрасный чайный сервиз Подготовили они, тайно от меня, струнный оркестр, и когда мы садились за стол, этот оркестр «грянул» марш. Было шумно и весело, причем главное блюдо — тушеное мясо — забыли подать и только на другой день обнаружили в духовке обуглившийся комок. Взводный офицер, Митрич, не терял время и ухаживал за очаровательной Ксенией. Он не только говорил ей приятные вещи, но и приготовил письмо с выражением своих чувств.

Обряд венчания совершал в Покровской церкви протоиерей Николай Тихомиров. В церкви я вручил Митричу конверт с деньгами для передачи о. Николаю. Митрич конверты перепутал — о. Николай получил пламенное объяснение в любви, а Ксения некоторую сумму денег. О. Николай сразу понял, что это ошибка и много смеялся. Ксения же пустила на Митрича «холод». Через несколько дней холод был забыт, а через месяц состоялась и их свадьба.

Зимой 1917 года началось какое-то оживление на фронте. Я получил предписание срочно выступить для обслуживания стрелковой латышской бригады. Наскоро уложили мы вещи жены в громадную корзину, попрощались и расстались. Жена переехала к матери в Ригу.

Я часто бывал в землянках молодых офицеров латышей — это была очень симпатичная молодежь. Впоследствии я узнал, что бригада эта играла большую роль в первые дни большевизма. После короткого оживления на фронте, неступило опять затишье, и транспорт вернулся на свою стоянку под Ригой. Семьям офицеров рекомендовалось не устраиваться при мужьях и жена оставалась в Риге, но приезжа-

ла меня навещать. В передней появилась почему-то ее пустая корзина. Однажды я ей сказал, что, пожалуй, она может переехать ко мне и что надо перевезти ее вещи.

— Вещи уже здесь, — спокойно заявила жена, указывая на корзину.

Оказывается — она нарочно заранее перевезла пустую корзину, и потом, незаметно, понемногу ее заполнила. Когда я ей говорил, что женщинам не место на фронте, она не спорила, но свою линию вела. И если теперь мы здесь, в Париже, вместе, если я вообще дожил до этого, то только благодаря ее энергии, а временами и геройству, с которым она боролась за наше благополучие в то время, когда мы все стали песчинками в бушующем урагане.

Всю осень 1916 года транспорт стоял недалеко от Риги в дачном местечке Роденпойс. Приходилось бывать в Хинценберге, Вольмаре, Валке — это живописная местность, покрытая небольшими горами с сосновыми рощами (Ливонская Швейцария). Стояла чудная погода. Я с женой прогуливался в расположении транспорта. С нами был и бравый фельдфебель Гупало. Заглянули мы в сапожную мастерскую, где Петросян, окруженный учениками, чинил обувь. Прошли мы дальше в швейную мастерскую. Портной Попович, окончивший до войны рижскую портняжную академию, шил заново нарядные гимнастерки для команды. Из канцелярии доносился стук машинки. Подошли к кухне. Кашевар, в белом переднике, дал нам «пробу» щей, а дежурный по кухне рапортовал о числе довольствующихся и о весе мясной порции. За кухней горы пресованного сена. В сосновой роще ряд землянок, а дальше ряды подвод и коновязи.

— Дежурного до командира! — кричат подводчики. Как из-под земли вырастает расторопный Скрыпник и подходит с рапортом. Проходим мимо первого взвода. Дневальный взвода следует за нами. Вот верховые лошади — красавец Ветерок, маленький и лохматый Вихрь (солдаты зовут его Вихорь). К нам подошли старики подводчики «диды». Мало их осталось: большинство заменено солдатами, негодными к строю. Они стосковались по родным местам. Я знаю, что пользуясь присутствием жены, они постараются разжалобить меня и получить разрешение съездить домой.

— Ваше благородие, отпустите меня до дому, — просит один, а другой хитрит и спрашивает:

— Як вы мени посовитуете, чи мени ихать до дому, чи ни ихать?

За три года войны полюбил я этих стариков и не могу себе простить, что не догадался в свое время хлопотать о награждении их медалями. Подошел подпрапорщик Акимов и стали мы вспоминать наши скитания за долгие годы войны. Посещение транспорта доставляло мне удовольствие. Все уже было налажено, и мне, фактически, нечего было делать. Возвращаясь домой я думал о том, что когда-то в полку решал не терять зря свободное время. Вспомнил, как мы со Жданко издали книжонку и мечтали изучать языки. Что же мешает мне заняться языками во время стоянки под Ригой? Почему я спохватился ровно через год? И не только языки полезно знать. Вот у меня прекрасный портной Попович и хороший сапожник Петросян. Почему бы не поучиться у них? И почему у меня в жизни все идет с какими-то провалами: то я день и ночь работаю и налаживаю дела будучи земским начальником, то, забыв все на свете, привожу в порядок транспорт, то ничего не делаю и годами не вспоминаю, что когда-то решил не терять зря драгоценное время? Прав был юнкер Эймелеус, когда говорил о равновесии... Итак решено — шитье, сапожное дело и языки.

Дома меня поджидали Митрич и Дубяго — оба очень взволнованные, так как было получено известие, что в Петербурге беспорядки, стрельба. Сведения одно другого тревожнее, поступали непрерывно в течение всего дня. На другой день не было сомнения: начиналась революция. События разворачивались быстро. Транспорт начал принимать вид первых дней войны. Фельдфебель Гупало, как и тогда,, стал докладывать:

— Ты ему слово, а он тебе два.

Лошади стояли нечищенными, на погрузку никто не хотел выезжать, все запасы обуви, белья и одежды, которые я накапливал с большим трудом, были разобраны в один день. Пошли митинги... Рига потеряла свой нарядный вид: повсюду толпы неряшливо одетых солдат. Поражали только своей дисциплиной бравые солдаты Финляндского драгунского полка, которые патрулировали по городу. Командир их, старый Нижегородец князь Меликов (Коля), с неизменной громадной папиросой, невозмутимо сидел на своем обычном месте в кафе Рейнера.

Все-таки были разговоры о предстоящем наступлении нашей армии, о «наступлении Керенского». После неудавшегося «наступления Керенского» настроение у всех упало. Наступила осень, и власть перешла в руки Советов. Я стал «то-

варищем командиром», а писарь из моей канцелярии — приказчик от «Мюр и Мерилиза», — всесильным комиссаром.

Солдаты бросали фронт и уходили домой. Еще летом пришлось расстаться с женой. Очень она не хотела покидать меня, но пришлось. Она уехала в Кисловодск, а пани Габриеля с девочками — к своей дочери к Клин. Знаменитая корзина жены была сдана в багаж и не дошла до места назначения. И тут-то произошел случай, который обнаружил то хорошее, что заложено глубоко в душе простого русского солдата. Под видом отпуска стали уезжать домой солдаты и назад не возвращались. Собрался и денщик Левченко. Для очистки совести я поручил ему поискать на станции Дно и в Москве пропавшую корзину. Прошло месяца два и я получил от него письмо. Он подробно описывал, как и где искал корзину, как ее нашел и направил в Кисловодск. Он посылал поклоны и подписался «Ваш драгоценный слуга Петр Левченко».

ДОМОЙ...

В середине января 1918 года я ехал через Москву на Кавказ. Вагоны были переполнены до отказа. Был момент, когда втиснулось так много солдат, что нога моя была придавлена, и в течение часа я все пытался ее вытянуть из-под горы тюков. Где-то в Донской области подсел молодой казак кубанец. Он говорил о том, что дома, на Кубани, предстоит много работы: надо будет прикончить помещиков, офицеров, попов. Временами он забывал о своей миссии и с увлечением рассказывал о работе сотни на войне и о доблестном ее командире. На одной из станций стало известно, что она занята партизанами Чернецова, и что сам он обедает на вокзале. Мой казак подтянулся и на вопросы проходящих офицеров отвечал: «Так точно» и «Никак нет, Ваше Благородие». За Ростовом был опять район, занятый красными. Где-то около Армавира делали обыски. У меня в чемодане были погоны и револьвер. За это могли тут же расстрелять. Жаль было с ними расставаться. Казак мой спал, и я сунул их под его папаху. В Кисловодске опять перемена декораций: есть начальник гарнизона генерал Гертман, есть кисловодская охранная рота, солдаты которой носят погоны, но на площади

марширует молодежь — формируется красная милиция. Парк потускнел, но кое-кто носит форму. Везде горы шелухи от семечек.

ТРУДОВОЙ КООПЕРАТИВ

В городе скопилось громадное количество военных, которые остались не у дел. Надо было как-то жить, но в дачном месте, да еще в такой момент, не было возможности найти работу. Уныло бродили генералы, полковники, капитаны, держа в руках послужные списки, где значилась их многолетняя беспорочная служба, значились их ранения, перечислялись награды . . . Застрявшие на курорте «буржуи» продавали свои драгоценности и платили бешеные деньги тем, кто брался доставить их в Грузию или в один из портов на Черном море. Шли аресты и расстрелы . . . Надо было что-то предпринять, но что? И вот нашлись энергичные люди. В один из мрачных зимних дней собрались в нетопленном помещении городской управы человек 12 для решения вопроса об устройстве трудового коллектива. На собрании был инженер Закалинский, генерал Кисилевский, старый кооператор Блинов, агроном Месяц, полковник Б. Сергеев. Попал и я на это собрание. Решено было установить пай в размере трехсот рублей. Под руководством Закалинского работа закипела. Публика валом повалила в кооператив. Против «Галереи нарзана» был нанят целый дом, в котором расположилось правление. Там же, на веранде, было открыто кафе, а также ряд предприятий: мастерская подклейки резиновых подошв, мастерская шляп и нарядов, парикмахерская, юридическое бюро . . . Сдавались комнаты жильцам в наем.

Болезни моей матери и жены отвлекли меня недели на две от кооператива. Когда я пришел туда, то застал возбужденную толпу человек в сорок, которая напирала на члена Правления, старичка стоявшего на крыльце. Старичок охрипшим голосом толпу в чем-то разуверял. В чем дело?

— Я записалась сразу и никуда не устроена, а другие, поступившие после меня, уже работают! — кричала какая-то дама.

— Любимчики у вас . . . лавочка! — вторил ей господин.

Я слушал и думал о том, что задумать и осуществить устройство кооператива я не мог бы. Пустить в ход пред-

приятие мне было бы по силам. Все это сделано энергичным Закалинским, опытным кооператором Блиновым и другими. Но каждому своё. Могу и я пригодиться здесь на что-нибудь. И я уже знал — на что.

Толпа начала расходиться. Старичок, зажигая дрожащими руками папиросу, подошел ко мне.

— Что за люди! Вы видели? Наступают с ножом к горлу — вынь, да положь Мы работаем идейно, сбиваемся с ног, а нам кричат — лавочка!

— Послушайте, — сказал я, — можно сделать так, что этой толпы не будет.

— Что вы за чародей такой? Или вы думаете расстрелять толпу из пулемета?

— Никакого пулемета не надо. Вот я принесу свою пишущую машинку и займусь этим делом.

— В добрый час . . . Посмотрим . . . — сказал недоверчиво старичок, и мы разошлись.

Кооператив разрастался невероятно. Был открыт гастрономический магазин на Курсовой улице, открыта детская школа; на Царской площадке продавалось козье молоко; там же была устроена площадка для детских игр. Работали столярная и слесарная мастерские. Кроме кафе был открыт ресторан. За городом, близ станции Минутка, был заарендован огород. Отделение кооператива открыто и в Эссентуках. Там, в ротонде, отпускались обеды, играл струнный оркестр. Члены кооператива находили в нем работу. Конечно, несправедливо было давать работу тем, кто записался позже. Откуда понабрали этих хорошеньких кельнерш в кафе? Сомнительно что они первые записались в кооператив. Тут надо навести порядок.

Я принялся за работу. Среди горы бумаг, беспорядочно разбросанных в конторе кооператива, я нашел квитанционную тетрадь взносов паев. По ней я установил в хронологическом порядке список членов кооператива. Составил список уже работающих в разных предприятиях. Определилось сразу, что, действительно, многие недавно поступившие устроились раньше записавшихся первыми. Составил я список кандидатов в порядке старшинства и вывесил его в конторе. Составил я списки и отдельно по предприятиям, с указанием, что впредь работа будет даваться по старшинству поступления. На каждого члена кооператива заводилась карточка, где указывалось, между прочим, в каком именно предприятии он хотел бы работать. Старичок мой вздохнул с облегче-

нием: его все меньше и меньше тревожили. Члены кооператива приходили, находили себя в списках, проверяли по спискам новые назначения и уходили с сознанием, что их интересы охраняются.

Я ожил — опять нашел то, что так люблю. Каждый день приносил какой-то интерес. Каждый день обсуждался вопрос о каком-то улучшении. В бюро работал опытный бухгалтер. Появились книги, дела... Все новые и новые проекты обсуждались Правлением. Были предприятия, которые не давали дохода кооперативу, но их не закрывали, ибо они все-таки давали работающим в них заработок. Члены кооператива образовали большую семью, а, главное, имели возможность как-то существовать.

Кавказские минеральные воды, то есть Железноводск, Пятигорск, Эссентуки и Кисловодск, были как-то отрезаны от внешнего мира. О Добровольческой армии доходили неясные сведения. Говорили о том, что кубанское казачество присоединилось к добровольцам, а терское — колебалось, митинговало. Летом 1918 года уже стало определенно известно, что гражданская война приближается. И, наконец, наступил день когда над Крестовой горой белые облачка рвущихся снарядов возвестили жителям города, что и Кисловодск стал ареной гражданской войны. С грустью думал я: «Прощай кооператив!»

Через день покидал я больную воспалением почек жену, покидал умирающую от рака мать, прощался с сестрами, с тетками и уходил в неизвестность.

— Прощай, Кисловодск, говорил я, не зная что через два года скажу, — прощай, Россия!

НА КУБАНИ

«Дождик, дождик перестань,
Мы поедем в Боргустань
Богу молиться,
Кресту поклониться...»

пели мы детьми в Кисловодске, поглядывая на виднеющиеся вдали горы. Вспомнил я эту песенку, проходя с сотней дагестанцев через станицу Боргустанскую. В древности это была столица черкесов, которые заселяли весь западный

Кавказ и даже Крым. Это был высококультурный народ. У черкесов были и живопись, и ваяние, знали они и литейное искусство.

Направлялся я через станицу Бекешевскую в Баталпашинск, о котором писал выше. Стояли там в начале XIX века и Нижегородцы, которые вели жизнь полную боевых тревог.

Итак, я снова на коне. Сотня наша вливается в Кабардинский конный полк. Отрядом нашим командует генерал князь Бекович- Черкасский. Идет бой у станицы Воровсколесской. Основана она была донскими казаками во времена наместничества графа Гудовича (в девяностых годах XVIII столетия). Одновременно основали они станицы Усть-Лабинскую, Кавказскую, Григориопольскую, Прочноོконскую и Темнолесскую, образовав Кубанский линейный казачий полк.

Мне не приходилось бывать в боевой обстановке и я очень волнуюсь, как бы «у грязь не вдариться лицом», командуя своей сотней. В общей обстановке я не разбираюсь. Знаю только, что в какой-то момент надо будет нестись в атаку. Какой же это бой, без доблестной атаки? Влево от меня виднеется сотня черкесов. Впереди никого не видно. «Такают» пулеметы, идет ружейная стрельба. Мне кажется, что черкесы уже атакуют. Значит пора! Скомандовав «Шашки к бою!» я бросаюсь вперед. Стрельба усиливается. Наблюдаю за собой. Вот решил снять перчатку, чтобы крепче держать шашку. Сую перчатку за пазуху, чтобы не потерять. Оглядываюсь, и вижу что за мной следует всего человек десять. Сотня состояла в большинстве из всадников «Дикой дивизии», прославившейся в войне 14-го года. Они, несомненно, разобрались в том, что я несусь куда-то без толку и не пошли за мной. Ко мне подскочил бравый вахмистр:

— Надо уходить.

И в тот же момент меня как будто колом ткнуло с силой в бедро. Это место как-то стянуло. Чувствую, что предо мною все куда-то уходит. Начинаю терять сознание, но силой воли приказываю себе держаться. Вахмистр подхватывает мою лошадь за повод, поддерживает меня и мы рысью уходим назад. Я мысленно повторяю себе — держись, держись!

В станице суматоха. Вахмистр с трудом находит подводу на быках. Темнеет. Лежу на спине и особой боли не чувствую. Надо мною наклоняется молодая казачка.

— Молоденький, чернявенький. Голодный? Подожди! —

казачка убегает и приносит охапку соломы под голову. На грудь кладет кусок пирога и убегает.

Ночью везут меня на станцию Невиномысскую. По дороге подвода падает с моста в маленькую замерзшую речушку. И, наконец, втаскивают меня в вагон поезда, идущего на Ростов. По дороге узнаю от вахмистра одну подробность, которая меня очень взволновала. Еще в начале боя я полез на гору, чтобы ориентироваться. Сотня оставалась внизу. За мной следовал молодой всадник, ведущий лошадь в поводу. Лошадь эту слегка ранило и я сделал ему знак вернуться к сотне. В сотне никто не был ранен, но снова пуля пробила подушку седла того же самого всадника. И, наконец, он, единственный, оказался убитым в этом бою. Выходит, что судьба преследовала его, а я, по своей неопытности помог судьбе осуществить ее приговор.

ПАЛАТА № 15

Первая забота госпиталя в Тихорецкой — это избавить прибывающих с фронта от насекомых. Свирепствует сыпной тиф, а насекомые распространяют заразу.

Вот я и на операционном столе. Все бело и чисто. Посмотрел на ногу. «Слепое» ранение, то есть пуля, пробив кость, не вышла наружу, а разорвалась и осталась в ноге. Кость сломана. Острые концы кости разошлись и врезались в мясо. Нога укоротилась. Ступня повернулась наружу и лежит горизонтально на столе. Один санитар берет меня за плечи, другой — за ступню и они тянут каждый в свою сторону. Это пугает, но потом начинаю чувствовать облегчение: острые концы кости уже не колят мясо. Тут уже я сам командую:

— Тащите, тащите, не бросайте!

Меня внесли в палату № 15. Первое, что мне бросилось в глаза — это два больных, стоящих на кровати на костылях. У каждого из них была ампутирована нога по колено. Я сначала не понял, что они забавляются борьбой. Вот они соскочили и понеслить по коридору, стуча костылями. Сестра покачала головой:

— Не понимают своего положения. Их следовало бы уже выписать, но куда они пойдут?

Палатная сестра А. П. Свистун-Жданович, молодая и интересная женщина, совмещает в себе все лучшее, что есть в

русских сестрах милосердия. Она заботлива, терпелива и переживает страдания больных.

В углу палаты поручик Стефанский. Он потерял счет ранениям. Ранят, починят, и опять в строй. Тихий и застенчивый, он задумчиво говорит:

— Возможно, что уже окончательно добьют, когда я снова появлюсь на фронте.

Ему и в голову не приходит воспользоваться категорией негодного к строю и устроиться в тылу. В другом углу кончает свою жизнь молодой казак Харитонов. Сестра Жданович целый день бьется около него. Ночью он бредит, говорит что пойдет в театр. Поручик Савинов прислушивается и говорит:

— Плохо его дело. Я заметил, что когда раненый бредит о путешествии куда-нибудь, то это уже конец.

К утру стоны Харитонова затихают. Приходит санитар и закрывает ему лицо простыней. Утром сестра Жданович первым долгом направляется к кровати Харитонова, но, увидев пустое место, останавливается, беспомощно оглядывается кругом и уходит, сдерживая слезы... А на место умершего уже приносят сестру Аню, завернутую в простыни. Она без памяти. Над ней возятся, делают ей вливание физиологического раствора. Для меня готовят «вытяжение»: к ступне прикрепляют веревку, перекидывают ее через особое колесо, а на ее конце вешают мешок с песком. В таком положнии я должен лежать на спине целый месяц. Нога прибинтована к доске. Бинты врезаются в ногу, мучительно хочется переменить позу, а тут еще по ночам клопы ползают между доской и ногой. Постукиваю по доске, чтобы они не очень щекотали ногу. Рядом со мной лежит раненый в бедро осколком снаряда. Осколок ударил по часам в кармане. Кусочки стекла, винтики и пружины вошли в рану. Больные уверяют, что часы продолжают идти в ноге, и спрашивают раненого:

— Эй, там, который час?

Приносят больного, у которого столбняк. Узнают эту болезнь по подергиванию больного и по исключительной чувствительности. Лежит такой больной и непрерывно стонет, а если через его кровать кинут мячик, он это чувствует и вскрикивает.

В трудной обстановке, при недостатке всего необходимого, сестра Жданович борется за то, чтобы было чисто. Перевязка делается с соблюдением всех правил гигиены. Но вот

она уходит, а на ночь приходит сиделка Устя. У Усти свои правила гигиены.

— Устя, у меня повязка просочилась, подбинтуй.

Устя смахивает рукой с подоконника еду, раскладывает бинты и начинает туго бинтовать.

— Устя, не так, надо начинать снизу и не так туго.

— Молчи, молчи, лучше тебя знаю. Коли не затянешь, то разболтается.

— Устя, — кричу я,— подыми этот мешок с песком: тянет, тянет, больше не могу терпеть!

Устя услужливо подымает мешок и кладет его на постель.

— Хотите полежать на боку? — любезно предлагает она.

А на другой день хирург Керопиан покачивает головой, так как бедро дает угол. Устя приносит с собой соленые огурцы, которые раздает сидящим на строгой диете:

— Кушайте на здоровье, а то уж больно исхудали.

На фронте какая-то неудача. Разъезды красных замечены в 18 верстах от Тихорецкой. Устя печально смотрит на нас.

— Жаль мне вас, придут наши и всем вам перережут горла!

Лежать с перебитой ногой и ожидать, что тебе перережут горло — неприятно. Но до этого не дошло: добровольцы опять стали наступать. Больные повеселели. Мы были молоды, смеялись, пели и развлекались как могли.

— Господа, у меня на ноге галифе, — весело объявил я, видя что бедро распухло. Я и не подозревал, что доктор Керопиан мучительно решал вопрос — ампутировать ногу или нет?

Но за жену, оставшуюся в Кисловодске, я очень волновался. Ходили слухи, что там мобилизовали женщин. Предполагал я, что мать моя уже умерла. Брат мой, Виктор, тоже служил в Кабардинском полку. В день боя я видел его с горы в бинокль и узнал по красному отцовскому башлыку. Видел, как конь его упал, но сам он поднялся, возился около коня, снял, по-видимому, седло и побрел назад. Пришли, наконец, известия, что Кисловодск в руках добровольцев. Появился брат, а через день приехала, с первым поездом вышедшим из Кисловодска, и жена.

— Теперь мы больше уже не расстанемся, — заявила она и слово свое сдержала.

В Кисловодске ей пришлось много пережить. Чтобы не быть мобилизованной ей пришлось, с большим трудом, до-

ставать свидетельство о болезни. Не было денег ни на еду, ни на лечение. А я бывал в окрестностях Кисловодска с разъездом и мог даже видеть в бинокль с горы наш дом. Только один раз удалось мне передеть ей немного денег через кабардинца из соседнего аула, у которого мы останавливались на ночлег. Однажды в ее комнату ввалилась толпа солдат, прибывших с фронта и производящих обыски. Она успела сунуть себе под тюфяк мое оружие, фотографии, ордена. Один из солдат увидел группу, висевшую на стене и радостно воскликнул:

— Гляди, ребята, это мой полк — Тверской драгунский!

Он снял со стены группу, жена спорила, просила не трогать, но солдат заявил, что берет ее на память, и не отдал.

— А ваш муж где? — спросили ее.

Плохо разбираясь в обстановке, не отдавая еще себе отчета в грозящей опасности, жена ответила, что муж в Добровольческой армии. Солдаты были настроены миролюбиво и ушли.

Свою борьбу за то, чтобы нам не расставаться жена начала с поступления на курсы сестер милосердия, и хотя, как полька, плохо владела еще русским языком, все-таки экзамен выдержала и устроилась сестрой в мою палату.

Человек ко всему привыкает. Больничная обстановка больше не пугала. Встретишь в коридоре санитара, несущего в ведре отрезанную ногу, вздохнешь и . . . забудешь. Больные развлекаются как могут. Всех забавляла Наташа, молоденькая гимназистка, поступившая в госпиталь в качестве практикантки. Она была бойкая, бегала по всем палатам, заводила флирты, а у меня под подушкой устроила склад своих вещей.

Жена, первое время, делала промахи: давала больным после операции есть, укладывала на бок оперированного, который должен был лежать на спине, а мне, по моей просьбе, после операции прибавила в компот вина. Она очень волновалась, когда нужно было первый раз присутствовать при операции. Пошла она туда вместе с Наташей. Больные в палате говорили:

— Ну, Наташу никакой операцией не испугаешь!

Прошло минут десять. Отворяются двери палаты и жена вводит, обняв за талию, бледную Наташу. Наташа уткнулась носом в мою подушку, а жена побежала опять в операционную.

СЫПНЯК

А сыпной тиф продолжал свирепствовать, особенно среди вновь прибывающих. Не пощадил он и моего соседа, молодого кубанца, а на другой день я обнаружил на себе насекомое. Через день уже об этом забыл, а еще через день появилась у меня сыпь на руках и на животе. От жены я это скрыл. Не хотелось верить, что это сыпняк... Тревожные мысли пробегали у меня в голове. Неужели конец?

— Посмотрите, доктор, что это у меня такое?

Одного взгляда было достаточно для доктора Керопиана, чтобы определить болезнь.

— Сестра, отправьте его в тифозный барак, — обратился он к жене.

Жена замерла и с тоской посмотрела на меня. Глаза ее наполнились слезами, но сейчас же она овладела собой и побежала за санитарами. Остатки веселого настроения, царившего в палате, еще жили во мне. Когда меня уносили, я сделал театральный жест рукой и запел то, что мы пели со скуки: «По улице ходила большая крокодила...»

Жена переселилась в тифозный барак и стала самоотверженно за мной ухаживать. День и ночь проводила она у моей кровати. Я не страдал, но куда-то уплывал. Временами я говорил жене:

— Опять одолевают кошмарчики, но я их отгоняю.

Доктор Федоровский убеждал жену отдохнуть.

— Кризис еще не скоро, пойдите домой, поспите: надо сберегать силы.

Жена пошла домой, но по дороге стала испытывать волнение: какая-то сила толкала ее назад, и она поспешила обратно в барак. Я почувствовал ее руку на лбу и почувствовал еще, что по лбу проходит какой-то холодок, и не только по лбу, но и в ушах. —Потею, — прошептал я. Это был опасный момент. Именно при внезапном и сильном падении температуры умирают больные со слабым сердцем... Дежурная сестра спала. Разбуженная женой, она прибежала и сделала мне два укола камфары.

Я стал поправляться. Но мне не везло. В Новороссийске, принимая от англичан имущество для госпиталя, в который я был назначен заведующим хозяйством, я заболел воспалением легких. Положили меня в полевой госпиталь.

— Тише, здесь умирающий, — говорила сиделка, указывая в мою сторону.

«Ладно, мы еще посмотрим», — думал я. Преодолев невероятные трудности, жена опять присоединилась ко мне и стала целые дни проводить около меня. Но ей нужно было оформить свое пребывание в Новороссийске и для этого съездить в Екатеринодар. Утром, в день ее отъезда, я заметил, что врачи и сестры тревожно переговариваются и посматривают в мою сторону. В чем дело? Пришла жена одного больного и объявила новость: поезд, шедший в Екатеринодар, потерпел крушение около станции Тунельной — много убитых и раненых. Меня окружили и стали утешать... В это время появилась жена. О крушении она ничего не знала.

— Что-то мне говорило, что не следует ехать сегодня. Ты будешь смеяться, но я не могла преодолеть странную тревогу и не поехала, — заявила она сконфуженно.

ОСЕННИЙ ДЕНЬ

Осенний день 1920 года. Над красавицей Ялтой, как некогда над Кисловодском, виднеются облачка рвущихся снарядов. На пристани давка и душераздирающие сцены.

— Пароход отходит, а муж еще не вернулся! — волнуется дама.

— Не знаю, оставаться или уезжать — сын обещал заехать за мной, но его полк грузится в другом месте, — объясняет всем плачущая старуха.

Мы с женой, по примеру других, кидаем через борт на палубу парохода свои пожитки, не ожидая когда спустят трап... Толпа растет. Раздается гудок...

— Вещи, наши вещи... спустите трап! — кричат оставшиеся на пристани.

— Мамочка, меня не пускают, нас разлучают!..

Потом какая-то перемена, — пароход не уходит, и мы впаковываемся на палубу. Пароход стоит долго. Хочется есть, и я с моими знакомыми бегу на набережную покупать хлеб. В булочной громадная очередь... наконец хлеб в руках... другая очередь, чтобы внести за него деньги, но, тут раздается гудок... надо бежать назад.

— Сколько с меня?...

Второй гудок, — поздно расплачиваться, но и расстаться с хлебом невозможно . . . бегу на пароход . . . Последний день моего пребывания в России окончился воровством . . .

Наступила ночь. Пароход уходил в открытое море. Публика печально смотрела на удаляющиеся огоньки. Многие говорили: «Прощай, Ялта!» Не верилось, что уходим навсегда. Всё казалось, что и на этот раз все как-то «образуется» и мы поплывем назад. Мало кто восклицал: «Прощай, Россия!»

Уезжал я в плачевном виде: нога укорочена, слабость от малярии, от перенесенного сыпного тифа и от недавнего воспаления легких. Жене обязан я не только спасением от гибели в тифозном бараке. В Крыму уже нас, больных, свалили, как ненужный хлам, на пароход уходящий в Египет. Часовой сенегалец замахивается на жену прикладом, она отталкивает приклад и, даже не оглянувшись, бросается вытаскивать меня с парохода. Бегает, хлопочет и устраивает меня в санатории Александра III в Ялте. Воспитанный в повиновении распоряжениям начальства, я и в Турции готов был слезть с поезда и направиться в лагерь для мужчин (женщины должны были следовать дальше) — жена упорствует, и мы опять вместе и попадаем в лагерь у местечка Чекмеджи на болгарской границе. Попадаем в палатки и живем на голой земле в ноябре месяце. Это она вцепилась в мою кавказскую шашку, которую хотели отобрать на границе сербы . . .

Французский пароход Брис-Гавиа везет нас через Дарданеллы, минуя Грецию, к берегам Югославии на Адриатическом море. Беженцы обмениваются впечатлениями, гадают о будущем, о предстоящей борьбе за существование. В большинстве военные, беженцы жалеют, что не имеют никакой специальности. Все мы еще одеты в военную форму, только один господин одет в какой-то полосатый костюм. Он презрительно улыбается, слушая нас и, наконец, вмешивается в разговор:

— Неужели (с ударением на у) вы не можете себе соответствотаь за границей?

— А вы можете?! — удились мы.

— Я могу, потому как у меня есть три идеала, — важно заявляет он.

Выяснилось, что он был во время войны в русских частях во Франции, попал в плен к цемцам и кое-как болтал по-французски и по-немецки. Вот с этими тремя идеалами, то

есть с русским, французским и немецким языками, он и собирался завоевать себе прочное положение в эмиграции.

Я с грустью подумал о том, что много раз в жизни мне представлялась возможность иметь не только эти три «идеала», но и много других . . .

БЕЖЕНСКАЯ КОЛОНИЯ

Мы, наконец, в Дубровнике на берегу Адриатического моря. Живописные окрестности, прекрасный морской воздух и, самое главное, — это свобода. Эту свободу мы оценили после сидения за проволокой в Турции и после жизни в трюме парохода Брис-Гавия.

Сербы формировали партии по 50—100 человек для отправки вглубь страны. Они уже отправили в Банат группу беженцев, желающих заняться сельским хозяйством. Теперь они формировали группу «само интеллигенции». В нашу группу «само интеллигенции» попал и Ильюшка Зелинский, — из пленных красноармейцев. Мы попали в Славонию, в заброшенный замок графа Янковича у селения Сухополье, близ города Вировитица. Эта местность до войны входила во владения Австро-Венгрии. Заселена она была хорватами, немцами, венграми и сербами.

Еще одна неприятность: мы оказались в карантине, так как были случаи сыпного тифа среди прибывающих беженцев. Пережили и это.. Стали устраиваться. В новой обстановке женщины ориентируются быстрее мужчин, они побежали в деревню и вернулись с приятной новостью: можно покупать яйца по 3 кроны, а сдавать в особой конторе в Вировитице за 4 кроны (1 динар). Жена говорила:

— Венгерки и хорватки сумрачные, не хотят продавать яйца, но я изобрела способ: я начинаю их тормошить, они сначала пугаются, потом смеются и яйца продают.

Еще на пароходе Е. К. Кушнарева ухитрилась стирать белье в маленькой полоскательной чашке.

— Я разрезаю рубаху мужа на кусочки, стираю их, а потом опять сшиваю.

Каждый день в среде нашей группы (100 человек) выявлялись все новые и новые таланты. Незаметный старичок, земский фельдшер, быстро зевоевал себе клиентуру не только в нашем селе, но и далеко за его пределами. За «докто-

ром» Кулишем приезжали крестьяне на подводах и привозили ему деревенские продукты. Кубанский полковник Ванжа принес в замок старую корзину. Крутил ее в руках, расплетал . . . а потом пошел на реку Драву — нарезать лозу. Первая корзина вышла «курам на смех». Это его не смутило. Он плёл и плёл. Стал он плести уже не из свежей лозы, а из высохшей и затем вываренной. Корзины выходили все лучше и лучше, а потом он плел такие корзины, которые оказались лучше местных. И не только корзины для продуктов плел он — это был артист, из рук которого выходили кресла, корзинки для бумаг, подстилки для ног и тому подобное. Полковник Шевченко пошел по селам с мелким товаром. Стал он потом ездить в Загреб за товаром и продавать его не только в селах, но и на ярмарках за столиком. Стоит он за столиком, расхваливает товары, а потом вдруг хватает дубинку и разгоняет толпу.

— Почему же вы гоните покупателей?! — удивлялись мы.

— А это, чтобы публика менялась и, вообще, чем больше гонишь, тем больше лезут.

Он же организовал прекрасный хор из беженцев. Ротмистр Чарнолусский оказался прекрасным пианистом, а Гулдари композитором. Колонию возглавлял бывший комендант города Одессы, полковник Егоров. Павлуша, как мы его звали, был милейший человек и до невозможности суетливый. Давая ему бумаги на подпись (я был секретарем правления), я стал говорить о том, что следовало бы открыть в замке лавочку. Не окончил я свою фразу, как Павлуша схватил шапку и убежал. Думая, что он забыл что-нибудь у себя, я отложил бумаги и собирался уходить, но на пороге столкнулся с Павлушей. Запыхавшийся и довольный, он вывалил на стол кучу покупок: оказывается, он побежал за товаром для будущей лавки. И купил-то он всё ненужные вещи . . . Он же был редактором беженского журнала «Тропинки жизни», а моя жена — его секретарем. Среди беженцев оказался уже печатавшийся в газетах и журналах писатель Вячеславский. Нашлись поэты и прозаики, и в материалах не было недостатка. Написанные от руки и художественно разрисованные К. А. Евреиновой, эти журналы представляют из себя в настоящее время редкую библиографическую ценность.

Правительство Югославии отпускало беженцам небольшое ежемесячное пособие, но первое время оно задерживалось. Колония решила устроить в городе Вировитица танце-

вальный вечер с артистической программой. Пошли репетиции. Среди беженцев нашлись самые разнообразные таланты. Я в то время лежал с высокой температурой (потом выяснилось, что у меня был возвратный тиф), но не желая отставать от других, заявил, что буду танцевать лезгинку. Вечер удался. Публике понравилась игра Чарнолусского, хор Шевченко, а когда вышел на сцену Вовочка Захаренко и стал изображать сербского солдата едущего в отпуск, публика покатывалась со смеха. Жена Вовочки, Ольга Ананьевна то пела, то играла, то танцевала. Протанцевал и я с ней лезгинку, а на другой день у меня начался второй приступ тифа. Вечер закончился «плясом до зари». Веселые и довольные вернулись беженцы в замок и стали делить выручку. На мою долю выпало 14 динар — это был мой первый заработок в эмиграции. Вопрос о постоянном заработке занимал всех. Мы выписали в колонию ножные швейные машины и получали заказы на белье для армии. Ильюша Зелинский устроился рабочим к богатому сербу, но русского человека всегда тянет в новые места. Поработал Ильюша месяца два, бросил и явился в правление просить документы,

— Куда вы думаете ехать? — спросил я его.

— В Италию.

Видя мое удивление, он добавил:

— Хочу посмотреть, как там люди живут.

Пропадал он несколько месяцев и, наконец, вернулся. На мой вопрос, как же он пробрался в Италию без визы, он заявил, что нужно знать одно слово. Порывшись в своей записной книжке, он сказал, что слово это «Бона-Сера». Оказывается, он пристроился к сербам, которые ежедневно переходили границу и работали в Италии. Проходя мимо пограничников они говорили бона-сера; сказал это и Ильюша.

— Страна ничего себе, только что вино кислое, — поделился своими впечатлениями Ильюша.

Через неделю он уехал поступать в финансовую стражу в Боснии. С дороги прислал письмо товарищу, в котором просил: «Ежели будет какая ни на есть гарнизация — запиши и меня».

Колония наша стала таять. Кое-кто устроился по специальности, кое-кто поступил в университет . . . Знающие языки или музыку стали давать в Вировитице уроки. Две семьи получили предложение работать на огороде в имении графа Янковича. За ними приехала подвода. Когда подвода выез-

жала со двора, один из едущих встал во весь рост и заорал от полноты чувств:

— Эх-ма, Одесса, мама!

Очень я расстроен был тем, что никаких талантов в себе не обнаружил. Почти что все уже как-то приспособились к новой жизни, а мы с женой все сидели в пустеющем замке и не знали, чем заняться.

Но дошла очередь и до меня. Дали мне знать, что булочнику нужен разносчик. В этот день на окраине села была ярмарка (Вашер), булочник был там и мне посоветовали пойти туда и договориться с ним. Громадное поле ярмарки было уже полно повозок, лошадей, быков и свиней. Крестьяне, с увесистыми палками в руках, продавали, покупали, били по рукам, и проделывали это с таким азартом, что казалось будто они ссорятся и готовы вступить в драку. Ярмарки всегда создают особое настроение, и чем ближе к полудню, тем больше криков и веселья. Длинный ряд наметов, под которыми расставлены столы, наполняется шумной толпой крестьян, распивающих вино или сливовицу. За наметами костры, на которых жарят на вертеле целых баранов... А вот и столы булочников. Булочники балагурят, шныряют между сидящими и выкрикивают:

— Эвоэ, Эвоэ... жемли, кифли, переца (булки, рожки, крендели) врийе, врийе — срце грийе...

Мое сердце упало: никогда я не смогу заставить себя кричать как они и отпускать разные шуточки! И все-таки заставил себя подойти к булочнику. С булочником разговор был короткий:

— Приходите завтра за булками, вы их понесете по селам.

Сербы и хорваты имеют обыкновение пить вино и сливовицу, заедая булками. Во всех сельских кабачках (биртях) держат, кроме напитков, еще и булки. Сами «биртачи» булок не пекут. Явившись на рассвете за булками я застал хозяина за работой: он бил свою жену. Она была алкоголичкой и булочник хотел побоями излечить ее от этого порока. На столе уже стояла громадная корзина, полная булок. Когда мне взвалили ее на спину, я от тяжестя даже пошатнулся. Мне предстоял далекий путь: до Цабуны — 4 километра, до Будайницы —2, до Челичи — 2, до Борово — 2 и домой еще 2 километра. Я поплелся по грязной дороге, без всякой надежды когда-нибудь добраться до первой деревни. Ремни впивались в плечи и всего меня опрокидывало назад. На око-

лице деревни мне показалось, что я, как будто бы, улавливаю способ как надо нести корзину: я взял ремни в руки, нагнулся вперед и вскинул корзину повыше. Стало легко, потом еще легче ... что-то застучало по пяткам ... еще момент и стало совсем легко, так как мои булки сыпались в грязь: провалилось дно корзины. В отчаянии я хотел и остаток булок тоже швырнуть в грязь ... Сел я на корзину и задумался ... И вспомнил я, как сидел, тоже в отчаянии, на груде бумаг в далекой Петропавловке. Я и не заметил, как ко мне подъехал на повозке серб.

— Эй, рус, шта радишь овде? (Что здесь делаешь?)

Увидев булки в грязи, он выругался «Врага!» и стал подбирать их, вытирать и швырять в корзину, дно которой закрепил веревкой. Часть булок он оставил для своей скотины. На мое счастье он ехал в Цабуны и взя меня с собой. Вот и Цабуны. Добраться до бирти — это еще не значит, что можно продать. Биртач посмотрел на меня равнодушно:

— Не треба.

У него или оставались еще старые булки, или до меня побывал уже другой разносчик. Вышел я из бирти как окаменелый. Стоял в грязи и не знал, как быть. Я смотрел через улицу и не сразу до моего сознания дошло что какая-то женщина машет рукой, чтобы я подошел. Я даже не сразу понял, что она хочет купить у меня булки. Эта первая продажа сразу придала мне бодрости. От женщины я узнал, что в деревне есть еще две бирти. В одной из них взяли 10 булок, в другой — 20. Покупают обыкновенно десятками. Дело идет, когда покупают не меньше 4—5 десятков. На окраине деревни помещались жандармы, они купили булки и, видя как я беспомощно вожусь около корзины, помогли мне взвались ее на спину. Они же указали мне дорогу в Будайницу. Уже в лучшем настроении и с меньшим грузом я дополз до Будайницы.После последней деревни у меня оставалось непроданными десятка три булок и ... не оставалось сил добраться домой. Что делать? .. Я раздавал булки мальчишкам, сам ел их и имел большое желание просто выбросить остаток. «Неужели завтра опять такое же путешествие? » — думаю я. В изнеможении дополз до нашего замка.

— Ну что, как ... продал ... устал? — закидала меня тревожными вопросами жена.

Ее тревога придала мне силы, и я ее успокоил:

— Устал, но не очень ... оставил немного булок для тебя, и еще кое-куда занесу.

К нам подошел полковник Кубанского войска Ванжа. Осмотрев мою корзину, он заявил:

— Эта крозина никуда не годится: она слишком широка и поэтому центр тяжести далеко от спины. Надо у́же и выше. Ремни тоже не на месте, их надо поместить ниже. Тогда центр тяжести будет не на шаг позади ног, а над плечами...

Он немедленно принялся плести для меня корзину, плел ее весь следующий день (по понедельникам булки не разносят). И за новой партией я явился уже со своей корзиной. Когда я принес булочнику остаток от первого путешествия, он был недоволен и что-то ворчал.

Нести булки в новой корзине было несравненно легче. (Вспоминаю я часто мой первый день у булочника, когда вижу скаутов с их огромными мешками. Мешки их не лежат плотно на спине, а образуют со спиной угол. Ремни врезаются в плечи и молодежь от этого, видимо, очень страдает. Скаутов сотни тысяч. Их одежда и снаряжение, несомненно, обсуждаются руководителями. Почему же пригонка мешка так несовершенна?)

Новый сюрприз: во второй раз мне предстояло пройти вдвое большее расстояние. Первая деревня — Градина была в 10 километрах, а вторая еще в 2 километрах от нее. Булочник меня «успокоил», сказав что по четвергам надо носить еще на 4 километра дальше — в деревню Нови-Градец на венгерской границе. «Буду бороться до конца», — решил я и поплелся. Опять думал, что никогда не дойду. Если бы по дороге встречались какие-нибудь заборы, перила, то можно было бы поставить на них корзину не снимая, и дать отдохнуть плечам... но, к несчастью, дорога шла между полей и только один раз встретился мост с перилами.

Градина — большое село с тремя биртями. В первой — самой большой — я застал разносчика, прибывшего из Вировитицы. Он успел уже сдать свои булки хозяину, сидел, пил вино, угощал других и балагурил. Меня встретили насмешками... Во второй бирте взяли немного, а в третьей меня приняли враждебно. Биртач заявил, что он предпочитает поручать односельчанам покупать для него булки в городе, так как разносчики обманывают: обещают принести и не являются.

— Вот и теперь, разносчик продал в большой бирте все булки, а мне не оставил ничего!

— Послушайте, — сказал я биртачу, — я буду точен, как часы. Если пообещаю, то обязательно прийду.

— Все так говорят, — проворчал он, но булки заказал.

Вышел я от него окрыленный надеждой. Я знал, что моим орудием в борьбе с конкуренцией будет точность. Не чувствуя усталости я зашагал дальше — в Рушаны. Я знал, что мой конкурент туда не доберется, что он сидит и благодушествует в Градине. В Рушанах у меня взяли много и день мой окончился лучше первого. Правда, у меня был остаток, но я чувствовал, что дело мое пойдет. «Порядок бьет класс» сказал бы по этому случаю Митхат Казаналипов.

В четверг мое точное появление произвело впечатление — везде брали больше и заказывали. Я мог бы, добравшись до Рушан, оставить там все, но я, несмотря на крайнюю усталость, зашагал в Нови-Градац (еще 4 километра). Там совсем не были избалованы появлением булочников и приняли меня с почетом. У меня появился интерес к новой профессии. Каждый день приносил какое-то улучшение. Узнав расписание поездов я, по возвращении из сел, шел на станцию. Там тоже бывали разносчики, приезжающие из города. Иногда нас сидело трое. Это было невыгодно. Мало-помалу мои конкуренты стали уступать, а потом и окончательно перекочевали на другие станции. Я стал продавать булки и в поездах, а в свободный день (понедельник) ездил в соседнее местечко, где тоже понемногу завоевал себе клиентуру.

Месяцы шли. Я втянулся в ходьбу, изучил места, где можно продавать булки, приучил ждать меня в определенный день и час. Годы шли, а я все носил и носил. Заработок был обеспечен. Меня знали далеко за пределами Сухополья, и я знал всех. Однажды, на опушке леса я застал скопление повозок, толпу крестьян и жандармов. Мне объяснили, что в лесу было ограбление и что жандармы проверяют выезжающих из леса. Увидев меня, жандармы, которые хорошо меня знали, замахали руками.

— Эй, пекар, айте вамо (идите сюда), — и указывая на подводчика они спрашивали: — Ового познаш? (Этого знаешь?)

— Познам, — отвечал я, и подводу пропускали.

Дальше я прямо указывал на проезжающих: — Овай из Челичи, овай из Надавца, и так далее.

Продав булки, я скупал на обратном пути яйца, менял булки на яйца и уже подумывал завести мотоциклет.

Ходить приходилось во всякую погоду. Идешь . . . дует ветер, моросит дождь . . . направо и налево унылые поля. Одежда промокает, вода стекает по лицу, проникает за ши-

ворот... протекают башмаки... Идешь час, другой, третий... идешь целый день... И завтра опять то же самое! Мы с женой оба молоды. Где-то в городах, какая-то жизнь. Люди ходят в театр, в кино, заводят знакомства... в городах люди имеют квартиру с ванной, газом, электричеством. А мы должны выкачивать воду из колодца, собирать хворост и топить дымящую плиту... Уныло все это. И до каких пор? А с другой стороны — есть заработок, бесплатное помещение... Пускаться в неизвестность?..

Наступила весна 1925 года. В хорошую погоду все кажется не так уж печально. Я шел лесом, ноша меня не тяготила, природа оживала и настроение было бодрое. Вспомнил первый день работы у булочника. Зачем навязал он полную до отказа корзину новичку? Впоследствии я брал столько булок, сколько считал нужным, а, главное, отказался носить старые засохшие булки. От этого выгадал и я, и булочник. Тогда я на опыте испытал, что продать плохой товар — это значило лишиться клиента в будущем. Булочник сначала ворчал, но потом убедился, что я продаю свежих булок все больше и больше, а главное, накануне объявляю, сколько мне их понадобится. Прошло то время, когда он гнал меня в том или ином направлении. Каждый шаг мой был сотни раз обдуман. Принималось во внимание все: расстояние, праздники, расписание поездов, постройка домов, починки дорог, ярмарки, предвыборные митинги. Вспомнил я, какое впечатление произвели на меня разбитные разносчики на ярмарке... а теперь я ждал ярмарку, так как она давала самый большой заработок. Не нужно было ни кричать, ни зазывать: крестьяне всего округа знали меня и считали своим долгом брать у меня. Они сами начинали разговор:

— Эй, рус, добардан. Како ие, добро ие?

Жена тоже принимала участие в продаже. Пока она стояла за столом, я шнырял в толпе.

Итак, еще раз в жизни я убедился в том, что продуманная организация дела, точное и систематическое ее проведение — приносят хорошие результаты. Так было, когда мы со Жданко привели в систему обрывочные сведения и издали памятку разведчика; так было, когда я распутывал дела на должности земского начальника, когда наводил порядок в транспорте или в Кисловодском кооперативе. Я уже мечтал о том, что скоро смогу купить мотоциклет и еще больше расширить свой район. Дальше можно было бы создать свою «млечарню». Многие русские этим занимались, то есть ску-

пали молоко и отправляли его в крупные центры. Обычно млечарни бывали при маленьких железнодорожных станциях. При млечарнях подкармливали свиней, разводили птиц. Можно было одновременно скупать и продавать яйца. Я чувствовал в себе силы все это, постепенно и планомерно, осуществить. Если иногда, в плохую погоду, у меня и бывали мрачные мысли, то вообще же неудобств я не замечал, с увлечением предаваясь своему делу.

Положение жены было хуже. Сидеть в деревне без определенного круга знакомых, без занятий и быть лишенной элементарных удобств и развлечений — было не интересно. Правда, она увлекалась литературой, много писала . . . Но не было поблизости библиотеки, и мало было ей, как писательнице, впечатлений извне.

После долгих хлопот, пани Габриеля и Зося (другая дочь, Юзя, умерла в России от черной оспы. Ей было 17 лет) переехали в Польшу и поселились у брата жены, Яна, имевшего в Липно кинематограф и фотографию. Желание увидеть семью, выбраться из деревни в Варшаву, куда нас приглашали сестра жены Аврелия с мужем, офицером польской армии, взяло верх над перспективой укрепить свое положение в глухой деревне, и мы стали хлопотать о визе в Польшу. В Варшаве нам обещали найти квартиру и занятие.

И наступил момент, когда мы свое намерение осуществили — высаживаясь на главном вокзале в Варшаве. Еще раз перевернулась страница жизни.

ПОЛЬША

Переход от надежды к отчаянию — состояние ужасное. Это мы испытали в полной мере. На другой же день после прибытия в Варшаву мы узнали, что о квартире и мечтать не приходится, также как и о службе или заработке. В одной Варшаве 14 000 зарегистрированных безработных. Дела стоят. Поляк инженер, после многих месяцев хлопот, находит, наконец, временную работу: выравнивать дорожки в парке . . . он с радостью бросается туда . . . забивает колышки, протягивает веревочки . . . и ему завидуют. Те, которые нам обещали найти квартиру и работу оказались большими фантазерами, оптимистами . . . и к моменту нашего приезда оказались сами чуть ли не на улице. Надо было начинать

снова борьбу за существование, за кусок хлеба... Я не знал польского языка, и вся тяжесть борьбы ложилась на жену. Никогда не забуду одного опыта: мне дали в руки коробочку с пряниками («пернички») —

— Идите, предлагайте в лавках, получайте заказы — будете иметь проценты...

Я пошел, но не мог заставить себя заходить в лавки. Иду... вот лавка... стою у входа... не могу двинуться, точно на ногах пудовые гири... Упрекаю себя в том, что не исполняю своего долга: жена ждет, надеется... надо хоть что-нибудь заработать... и не могу войти и начать лепить польские фразы. Презираю себя. Вспоминаю, как самоотверженно боролась всегда жена, не щадя иногда и своей жизни, за наше благополучие. Борется она и теперь, а я? Ладно, думаю, лавочек много — пойду дальше и сразу войду в ближайшую. От сердца отлегает... Но, вот лавка... и опять я не вхожу. Всю жизнь буду работать, все отдам жене... но сейчас я не могу, — думаю я... А ноги несут меня все дальше и дальше. Я останавливаюсь. Чем дольше я отсутствую, тем больше у жены надежды что дело идет... надо скорее домой... но, как же прибежать сейчас назад, сразу? А мои громкие фразы о том, что в жизни можно всего добиться упорной планомерной работой... о каком-то моем умении дать всякому предприятию правильную организацию. А лавки, одна за другой, плывут мимо меня. Дошел я до какого-то перекрестка и остановился — ни туда, ни сюда... Через несколько дней я отметил в своем дневнике — осталось на жизнь 23 злотых и никаких видов на заработок.

Мы имели угол за перегородкой, куда на ночь ставилась кровать, но рекомендовалось быть днем поменьше дома. Идет, бывало, дождь, а мы стоим в подворотне. Сыро, сквозняк, а идти некуда. Жена неутомимо бегает, куда-то записывается. Везде берут адрес и обещают вызвать. С вечера усталость берет свое и мы засыпаем, но под утро бессознательная тревога будит... Лежишь с открытыми глазами и думаеш, — а дальше что? Надо делать вид, что спишь, чтобы жена не беспокоилась... а она делает то же самое... Вот она тихо встала и что-то пишет на подоконнике. Она молода и интересна, но лицо замученное... Что она пишет? Днем она показала свою работу. Описала она переживания двух безработных интеллигентов (мужа и жены), у которых к Новому году осталось всего два злотых на расходы, а, между тем, они знают, что утром придет поздравлять их «дозор-

ца« (швейцар). Он обеспечен, но придет за «злотувкой», как за своей собственностью. А потом по-прежнему будет смотреть свысока на этих двух бедняков. «Злотувка» очень понравилась секретарю газеты «Курьер Варшавский», и была признана достойной напечатания.

Случай играет в жизни громадную роль. На Маршалковской улице меня остановил господин:

— Не узнаешь?

— Гвелесиани! — обрадовался я.

Это был мой товарищ по тифлисскому корпусу. Узнав в каком положении наши дела, он сказал:

— Здесь, в Варшаве, наши кавказцы князь Вачнадзе, князь Эристов, князь Багратион, Канделаки, Инжия и другие; мы все живем в одном доме. Приходи, — обсудим положение.

Через несколько дней мне и жене нашли временную работу. Польский комитет по постройке бараков для бездомных устраивал лотерею. Пока мы сидели в комнате и готовили выигрыши, было хорошо, но вот нам дали бубны, наполненные билетами, и указали место на улице, где их следовало продавать. Нужно было зазывать прохожих — рекламировать лотерею. Я посмотрел на жену — ей неловко . . . и все-таки она начала что-то выкрикивать. Я подумал, подумал . . . и стал тоже бормотать что-то на плохом польском языке.

Кончилась лотерея для бездомных. Мы устроились в лотерею в пользу комитета по изысканию средств для постройки аэропланов «воздушной обороны». Продавая билеты на углу улиц Злотой и Маршалковской, я выкрикивал что-то непонятное. Выходило так, что надо строить бараки воздушные для обороны бездомных. Один господин послушал, послушал и обратился ко мне:

— Ниц не разуме, цо пан муви!

Я откровенно сознался, что и сам «ниц не разуме».

Князь Вачнадзе (офицер Эриванского полка) стал хлопотать о комнате для нас в бараке для бездомных, и через несколько месяцев комнату мы получили. Это было уже завоевание: свой угол на окраине Варшавы. Комната была без мебели. Сели мы на пол и стали строить радужные планы . . . Раз в день нам выдавали обед без хлеба, в столовой для безработных. Жена выхлопотала книжный киоск в Саксонском парке. Я сидел в нем целый день, но зарабатывал только на оплату трамвая, так как у входов в парк были другие киос-

ки. Своя комната в бараке — вот что нас поддерживало. Первый шаг был сделан. И думал я: «Родной корпус был где-то далеко, в Тифлисе, а вот пришло время и благодаря воспитанникам этого корпуса у меня появилась квартира и какие-то надежды на будущее.

Бились мы с нуждой в Варшаве целый год — может быть и выбились бы. Мне могли бы дать другой, более выгодный киоск. Жена моя могла бы устроиться куда-нибудь в бюро (ей, временно, это и удалось). Но на смену тифлисских кадет пришли с помощью Тверцы драгуны — однополчане. Приехавший из Парижа князь Чавчавадзе предложил нам выхлопотать визу во Францию.

— Там нет безработицы. Вы сможете сделаться шофером такси, а ваша жена — зарабатывать шитьем.

Итак, из глухой деревни в Варшаву, а из Варшавы в Париж. Кто же откажется от Парижа? Начались хлопоты. И в июле 1926 года мировая столица обогатилась еще одной парой беженцев.

В ПАРИЖЕ

Нам еще в Варшаве дали адрес отеля в Париже, в районе где было много русских. Русских беженцев мы, действительно, заметили как только вышли из метрополитена на бульвар Греннель. Вот группа русских за столиками против кафе. Сидят и пьют какую-то разноцветную жидкость. Один господин в сером спортивном костюме ораторствует:

— Понаделал аксиданов . . . контравансион за контравансионом . . . патрон на меня: «Пуркуа и кэс-ке-сэ?» А я ему в ответ: «Сэ па ма фот» — катись, сам знаешь куда . . . Эй, гарсон . . . муа пейе . . .

«Ну, — подумал я, — этот уже прочно здесь стал на ноги». Лицо его мне показалось знакомым. Где я его видел? Вспомнил. Лагерь в горах на далеком Кавказе. По склонам горы живописно белеют палатки. То здесь, то там раздается песня . . . Вот группа офицеров расположилась на разостланных бурках. Появляются песенники. Молодцеватый подпрапорщик выходит вперед. Подняв руку он строго смотрит на хор. Минута молчания, и он запевает приятным голосом:

«Про ночь 17 мая наш помнит первый дивизион . . .»

Хор подхватывает:

«Ура, наш первый молодецкий, ура, второй наш эскадрон...»

Да, этот господин — бравый запевало Голубенко

Через несколько дней я узнал, что он стал владельцем тряпичного предприятия. Набравшись важности необычайной, он изрекал:

— У меня, хошь не хошь а два тюка тряпья к субботе приготовить надыть...

К нему я еще вернусь позже.

В поисках отеля мы шли по улице Viala. Было утро. Из сорных ящиков, выставленных на тротуар, выглядывали газеты «Возрождение» и «Последние Новости». Вот вывеска на русском языке: «Ресторан Арарат». Проходя впоследствии мимо этого ресторана я уже замечал, что вместо Арарат, значился Екатеринодар, потом Дэзи, потом уже новый владелец извещал «Пирожки моей бабушки»... Рядом с этим рестораном появилась русская парикмахерская, а напротив — лавочка Шамаша. А вот французская булочная, но в окне объявление по-русски «Принимаем к выпечке куличи к празднику св. Пасхи». В отеле на улице St. Charles жильцы уже начинали свой день, и повсюду слышалась русская речь. Русских шоферов такси в городе несколько тысяч, зарабатывают они очень хорошо и широко тратят деньги. Жены их, в большинстве портнихи, тоже зарабатывают неплохо. Более экономные сколачивают капитал и покупают домики в предместьях Парижа. В Petit-Clamart, например, что ни дом, то — русского. Один старый казак собственноручно строит дом в два этажа. И, конечно, есть уже своя церковь, школа лавка... 1924—1926 годы — это годы благополучия. Если в Варшаве было 14 000 безработных, то в это же время в Париже было зарегистрировано таких всего 375 человек. За рабочими охотились. Так, например, идут рабочие записываться на громадный металлургический завод Ситроэна, а агенты другого крупного завода, Рено, ставят свои столики на тротуаре и предлагают проходящим более выгодные условия. Портниха поступает на работу в какую-нибудь мастерскую, работает полдня, но условия работы ей не нравятся — она оставляет эту мастерскую и после обеда устраивается на работу уже в другую мастерскую. Русские предприятия, самые разнообразные, растут как гргбы; всевозможные организации — тоже. В газетах целые столбцы возвещают о собраниях, лекциях, курсах. И о чем только не возве-

щают газеты. Для описания этой стороны жизни русской эмиграции потребовалась бы целая книга.

«А вот и то, что меня интересует», — обрадовался я, прочитав объявление русского рабочего союза об его библиотеке, лавке и мастерской дамских нарядов. Мы с женой познакомились, а потом и подружились, с председателем Союза Сергеем Николаевичем Городецким, в прошлом председателем Судебной палаты. Очаровательный старик с молодой душой, читал свои стихи моей жене, слушал ее стихи и рассказы, обменивался с нею мнениями по литературным вопросам; а со мной беседовал о задачах рабочего Союза. У него были широкие планы. Он говорил о расширении деятельности Союза, об открытии новых предприятий, а я вспоминал интересную работу в Кисловодском кооперативе, Нам рисовалось уже свое помещение в Париже, со столовой, библиотекой, залом для собраний, а под Парижем — дом отдыха и многое другое. Это было именно то, к чему я стремился: работать в предприятии, которое развивается. Судьба решила иначе. С. Н. Городецкий серьезно заболел и должен был отказаться от какой бы то ни было деятельности. Проболев около года, он умер во французском госпитале.

ОПЯТЬ С ТВЕРЦАМИ

Одно объявление в газете заставило сильнее забиться мое сердце. Оно гласило, что очередная встреча Тверцев состоится в ресторане «Нико». Цена завтрака 10 франков.

И вот, после тридцатилетней разлуки, я опять среди однополчан. Союз Тверцев был сформирован в 1922 году полковником Натиевым и ротмистром Придоновым. Помнил я Натиева живым и энергичным командиром эскадрона, а Придонова — юношей юнкером Николаевского кавалерийского училища. Владелец ресторана, князь Нико Нижерадзе, тоже старый Тверец, бывший до меня в полку. Тверцы на чужбине продолжали жить полковой жизнью, идя друг другу на помощь в трудные минуты. Тверец, князь Чавчавадзе устроил нам переезд во Францию; в семье З. Г. Натиева я познакомился с К. П. Антоновской, устроившей меня на завод. И — не только Тверцы. Семья Нижегородца Дикмиз устроила на работу и мою жену.

Особую радость доставило мне прибытие в Париж Бори-

са Горчакова. С ним мы были в одном эскадроне. До Парижа он уже побывал в Турции и Болгарии — работал грузчиком, водолазом... Все такой же богатырь. «Корнет без отказа», —говорили о таких в полку. Дома я ему показал свои реликвии: вот приказ по полку в июле 1908 года, вот фотографии, образок Нижегородцев, по случаю их 200-летнего юбилея в 1901 году (получил я его будучи кадетом, и явился с ним здесь, в Париже, на 250-летний юбилей полка), вот одеяло, купленное в кавказском Офицерском экономическом обществе, а вот и сафьяновые туфли ценою в 40 копеек, купленные для меня денщиком Григоровым.

— Ну, а Тверцы на войне? Расскажи мне, как вы дрались,— говорю я.

Борис в затруднении: «разделывать» на фронте — это одно, а рассказывать — это совсем другое. В общем, везде где только встречались с неприятелем, будь то немцы, австрийцы или турки, Тверцы бросались на них и били. Мелких эпизодов такая масса... где же их всех запомнить! И только «по кусочкам», в разговорах о «добром старом времени» прорывались знакомые лица и знакомые лошади.

— Помнишь кобылу Гризетку? На ней в атаке был Жевага — он рубил направо и налево, пока не сломал клинок...

Как же забыть Гризетку — эту изящную, с арабской кровью, кобылу, на которой я любил гарцевать... А Жевага поступил при мне в полк и был прекрасным солдатом. Вспоминал Борис и Кучеренко цыгана, который вызывался всегда охотником на самые отважные дела. Борис подобрал себе целую шайку таких головорезов. Однажды ночью, в лесу, он бросился, вдвоем с вестовым, в голову проходящей немецкой конницы — с целью забрать штандарт. И забрал бы ,только штандарт упал на землю, а подбирать его было поздно. К концу войны в полку имелось 6 книжек донесений и дневников, которые давали картину работы полка. Некоторые дела Тверцев описаны и в эмигрантской печати.

Вот, например, дело под Мелязгертом 11 июля 1915 года. В этот день турецкая пехота переправилась через Ефрат и двинулась в обход левого фланга Гунибского полка. Против батальона нерасстроенной турецкой пехоты у Тверцев набиралось всего 3 эскадрона. Под сильным ружейным и пулеметным огнем Тверцы, двумя эшелонами (полковник Амашукели и подполковник князь Чавчавадзе) пошли на турок в атаку, неся большие потери. Оба эшелона действовали исключительно холодным оружием. В пылу рубки, увлекшись

преследованием сначала дрогнувших, а затем и просто побежавших турок, драгуны рассыпались по всему полю. Командовавший 5-м эскадроном ротмистр Дударов лично зарубил командира турецкой роты, а его эскадрон взял в плен другого командира. Турки были сбиты и отброшены за Ефрат. Командир Гунибского полка доносил потом, что, не считая утонувших, на месте атаки было насчитано до 400 турец, ких трупов.

ПРАЗДНИК НА ЧУЖБИНЕ

День полкового праздника Тверцев совпадает с днем праздника Эриванцев, поэтому, иногда, Тверцы и Эриванцы празднуют его сообща. Праздник полка в эмиграции — это смотр сил тех, кто уцелел — эот день, когда они заявляют, что ни расстояние, ни ушедшие годы не уничтожили любви к полку, гордости его прошлым и веры в светлое будущее. Что-то было в прежней полковой жизни на Кавказе, что покоряло сердца тех, которые в нем побывали хотя бы короткое время, и покоряло навсегда. Имя генерала Брусилова принадлежит истории. Он командовал армиями, но до конца жизни своей держал при себе дневник, написанный им во время войны 1877—78 гг., когда он был полковым адъютантом. Зевещал он этот дневник передать нам, что вдова его и исполнила. Читая этот дневник, мы переживаем то, что некогда переживал Брусилов.

Вот описание геройства вахмистра 1-го эскадрона Пирожкова и рядового Колено, а дальше — гибель Пирожкова. Вот отчаянная отвага прапорщика Арджеванидзе, верхом впереди цепей Несвижцев, ворвавшегося в турецкое укрепление, А дальше — упорный бой спешенных Тверцев с восемью таборами турецкой пехоты, и спасение нашей батареи. Ряд боев и полковой праздник в Эрзеруме.

Отыскал нас в Париже и Г. Г. фон Бах, бывший советник Российского посольства в Вашингтоне, — отыскал потому, что когда-то юношей был вольноопределяющимся в полку.

Вспоминаю праздник полка в 1930 году. Праздник начинается молебном в церкви на rue Daru. На молебне присутствуют полковые дамы: княгиня С. Е. Багратион-Мухранская с дочерью Кетуней, Е. Д. Сальберг с дочерью Маргаритой Аксельевной, Е. В. Мголобелишвили и моя жена. В руках

священника длинный список ушедших в лучший мир. Запинается батюшка, читая имена рабов Божиих: Фазула-Мирза (Фази), Ахмета, Хасбулата . . .

После молебна мы попадаем в уютную обстановку ресторана «Нико». Хозяин ресторана, сам Тверец, радушно принимает нас. Стены расписаны картинками из кавказской жизни. Приятно видеть за столом тех, кого не видел почти два десятка лет. Многих не узнаю. На обеде присутствует старый кавказский генерал Н. Н. Баратов. Вот генерал Г. Г. Корганов, командир Переяславцев, которого я знал командующим 3-м эскадроном Тверцев. Генерал князь Туманов, сослуживец моего отца по Нижегородскому полку. Бывшие командиры полка — генерал Девель и полковник Коцебу. А вот и старые Тверцы — князь А. Амилахвари, Обухов, Сулуханов, князь Н. Нижерадзе, Горчаков, Ильинский, Мголобелошвили, князь Чолокаев. Знакомлюсь с «молодежью» — Смирновым, Юзвинским, Щигровским, Левандовским, Шалонским, Бильдерлингом, Коваленским, Лучинским, Чачиашвили, Тарасовым и Кочмола. На обеде присутствуют кунаки Тверцев: Нижегородцы — Шереметьев, князь Г. Амилахвари, князь Н. Трубецкой, Кусов, Наврузов, Арапов, Мхеидзе, Ватаци; Северцы — генерал князь Бекович-Черкасский, генерал Гревс, Туганов, Харитов, Смагин; Переяславец Орлов; Эриванцы — полковник Кузнецов, Гогоберидзе, хан Сагнахский и Красильников; Кавказского конно-горного дивизиона — Марукьян.

Верный хранитель старых кавказских адатов (обычаев), председатель Союза полковник Натиев поднимает бокал за полк и говорит о долгой службе полка России. Поднимает он бокал и за старейшего из присутствующих — генерала Блюммер, который, в рядах Тверцев, участвовал в 1881 году в Ахал-Текинской экспедиции. Затем следует минута молчания в память тех, кого уже нет в живых. Соблюдая обычай, обмакиваем кусочек хлеба в красном вине. Не хочется верить, что убиты Фромм, Гуцунаев, Жданко, Дударов, Ден, хан Сагнахский . . . Нет принца Фази и других однополчан.

Оглашаются поздравления от полков, с которыми Тверцы сражались бок о бок за время долгой своей службы. Прислали свой привет: начальник дивизии генерал Белосельский-Белозерский, из Англии, командир Грузинцев генерал Кальницкий; Амашукели, Аландер и Рахманинов из Югославии; ротмистр Карцев из Канады; А. Туганов из Турции; Стржеменский из Польши; Будзынский из Болгарии; кор-

нет Добродеев из Македонии; Бремен из Эстонии; Ден из Италии, Придонов и Тумаев из Бельгии...

Официальная часть окончена. Тулумбашем избирается князь Нико Нижерадзе. Оживленная беседа и веселье царят за столом. Тосты сопровождаются пением «Мравалжамиер». Духовным взорам Тверцев представляются далекие Царские Колодцы, горные вершины Кавказа, солнце и пески персидского похода и все те места, где ходили в атаку «эскадроны драгун богатырей». В дружеской беседе мелькают имена — Датико, Котэ, Сосико, Фази, Ахмета, Хазбулата, Алихана, Габро, Нико и много других имен старых товарищей. Вспоминают Тверцы Керманшах, Мелязгерт, вспоминают каски немецких кирасир, кривые шашки турецких наездников и всех тех врагов, с которыми в чистом поле мерялся силами старый полк с заветами своего бывшего командира Екатерининского орла фельдмаршала Суворова.

«Вспомянем, братцы, бой великий,
Кровавый бой Кюрюк-Дара...»

запевает тулумбаш, а мы все подхватываем:

«Орудий гром, команды клики
Победоносное ура...»

Неугомонный тулумбаш покрывает шум голосов возгласом:

— Тверцы, Алла-Верды к вам!

— Якши иол! — отвечаем мы.

За этими возгласами следуют тосты за гостей, за дам, за отсутствующих. К столу подсаживается журналист Суворин, которому мы поем кавказскую застольную песнь:

Алла-Верды

С времен давным-давно минувших,
Преданьем Иверской земли,
От наших предков знаменитых
Одно мы слово сберегли.

В нем наша удаль и начало,
Товарищ счастья и беды,
Оно одно у нас звучало
Алла-Верды, Алла-Верды.

Алла-Верды, Господь с тобою,
Вот слова смысл, и с ним не раз
Готовился отважно к бою
Войной взволнованный Кавказ.

Ходили все мы к схаткам новым
Не ожидая череды,
Хвала погибшим, а здоровым
Алла-Верды, Алла-Верды.

Когда ж досуг кавказский теша,
Простор давая бурдюкам
В кругу веселом азарпеша
Гуляет звонко по рукам.

Неугомонно ходит чаша
И вплоть до утренней звезды
Несется голос тулумбаша
Алла-Верды, Алла-Верды.

Одной природой мы богаты
И как в минувшие века
У нас под сенью каждой хаты
Есть уголок для кунака.

Нам каждый гость дается Богом,
Какой бы не был он среды,
Хотя бы в рубище убогом,
Алла-Верды, Алла-Верды.

Когда же гость — отец Державный,
Земному солнцу кто не рад,
Подымутся на тост заздравный
Эльбрус, Казбек и Арарат.

И грянем дружно всем Кавказом
На все наречья и лады,
Единым сердцем, одним разом
Алла-Верды, Алла-Верды.

Есть у кавказцев уменье красиво жить и, когда надо, красиво проливать свою кровь. Эта удаль, это веселье очаровывают тех, кто с ними соприкасается. Донесли они нечто свое

и сюда, в далекую Францию. Зоркий глаз писателя, большого друга русских, Жозефа Кессель подметил это. В его «Княжьих ночах» и в других произведениях проходит вереница удалых князей, покорителей женских сердец и добрых товарищей. Но Кавказ дает и таких, которых не заметишь в шумном пиру, не услышишь их громких речей: сдержанные, как бы застенчивые, таят они в себе страшную силу, как стальная пружина в скромном футляре. Гордые и самолюбивые — они умеют внушить к себе уважение. Таковы, в большинстве, горцы Кавказа. И только в бою, когда засвистят пули врага, они встают во весь свой богатырский рост, идут бесстрашно вперед, увлекая за собой других. Таковы присутствующие на обеде георгиевские кавалеры, генералы князь Бекович-Черкасский и князь Гиви Амилахвари. Князь Гиви — сын Ивана Гивича Амилахвари и пра-праправнук того Гиви Амилахвари, который играл в Грузии крупную роль, описанную мной в очерке о Грузии.

— Расскажи, как твой отец являлся Амилахвари, — обращаются ко мне сидящие за столом. Просил об этом и Гиви.

Рассказываю. Давно это было! Отец мой являлся командиру полка князю Ивану Гивичу — при производстве в корнеты.

— Ваше Сиятельство, Фердинанд Танутров является по случаю выпуска во ввренный вам полк.

— Очень приятно, молодой человек, только я хочу вам дать хороший совет: забудьте, что вы Фердинанд. У нас, на Кавказе, прежде всего служба . . . Я сам князь, но командую полком, потому что всю жизнь дрался.

Когда отец рассказывал потом об этом в полку, то старик смеялся и уверял, что отец это придумал.

Наш обед не был бы кавказским, если бы не звучали задорные звуки лезгинки ,если бы не хлопали в ладоши. Один за другим выходят из-за стола танцоры. Вот и князь Никита Трубецкой пускается в пляс, не уступая «молодежи». Здесь не говорят о затруднениях эмигрантской жизни. И не верится нам, что мы — горсточка эмигрантов. Кажется, что мы в нашем полковом Собрании, что выйдя из него сядем на коней и займем свои места в строю, что полк строится где-то тут, поблизости.

Тулумбаш неистощим и ему не грозит, что ему споют «тулумбаш чанчала», то есть то, что поют неумелому тулумбашу. Время пролетает незаметно. Последний тост, по традиции, за тулумбаша . . . и мы расходимся.

Наступила война... В Париже немцы... О встречах в ресторанах не может быть и речи: все безумно дорого, все по карточкам. Но, как в Царских Колодцах шли мы на огонек к семейным, так и здесь шли мы на огонек, который донесла до Парижа княгиня София Евстафьевна Багратион-Мухранская. Она и дочь ее Кетуня делали все возможное и невозможное, чтобы принять нас, и чтобы все было «как раньше». Собирались мы у нее в день полкового праздника и на Пасху приходил благословить нашу трапезу архимандрит НиконГреве, а, однажды, пришел немецкий офицер в штатском, служивший когда-то в нашем полку.

Теперь княгиня Багратион-Мухранская в Америке. Посылает она оттуда неизменно поздравления ко дню полкового праздника, как почетная председательница Союза Тверцев. Шлет привет епископ Канадский владыка Никон Греве, шлют дочери Тверца Бучкиева — Елизавета Вахтанговна Панова и Варвара Вахтанговна Ланинг, а последнее время и мой двоюродный брат Петр Танутров.

Верность дам памяти полка следует отметить особо. Вот, например, вдова старого Нижегородца, Ольга Михайловна Дикмиз, ничего не смогла вывезти из России. Но шашку мужа, которую он носил в полку, она вывезла.

У НИКОЛАЕВЦЕВ

Бывшие юнкера Николаевского кавалерийского училища уже в феврале 1921 года образовали свой Союз, и к моему приезду во Францию — это было уже хорошо организованное объединение. В 1926 году оно организовало популярные лекции о России, а в 1927 году — «День Русской культуры».

9 мая старого стиля — день праздника «Школы». Май 1934 года. После молебна Николаевцы собираются в большом зале Собрания Галлиполийцев. Стены разукрашены портретами особ Императорской Фамилии, выпускными группами юнкеров и сотни. Есть группы и юнкеров югославского выпуска. Много литографий в красках, разных периодов жизни Школы (дар полковника Ознобишина). Масса фотографий, и среди них — Августейших воспитанников : Е. И. В. Великого Князя Гавриила Константиновича; Е. И. В. герцога А. Г. Лейхтенберг-Романовского; фельдмаршала финской армии генерала Маннергейма, а также фотография поэта

М. Ю. Лермонтова — юнкера «Славной Школы», именем которого с того времени назывался 2-й взвод эскадрона. (В училище имелся, единственный в России, «Лермонтовский музей», который, по некоторым сведениям, попал после революции в «Пушкинский дом» на Тучковой Набережной.) Разложены предметы из школьной жизни: альбомы, книги.

Председатель Общества генерал Е. К. Миллер, бывший в Школе вахмистром и начальником Школы в 1910—12 гг., поднимает бокал за Россию. Дальше следуют традиционные тосты за Школу, за Августейших воспитанников, за старейшего из присутствующих, выпуска 1875 года, участника русско-турецкой войны Г. Г. Снежкова, за отсутствующих и так далее. Минута молчания в память умерших за год. Их много: генерал Девель, генерал князь Туманов, полковник Муханов, камергер Высочайшего Двора Комаров и полковник Забелло. Пораженный недугом полковник Муханов, собирая последние силы, приходил все-таки на ежемесячные встречи Николаевцев, а полковник Забелло, не будучи в силах передвигаться, просил доставлять его на руках. Сидел он, старый Ахтырец, прислонив костыли к спинке стула и слезы текли у него из глаз при воспоминаниях о былых днях. Гордостью наполнялись наши сердца при взгляде на него, и давали мы себе обет так же стоять на своем посту до последнего издыхания. Знали мы задолго до праздника, что ему очень плохо, и знали что если будет он жив, то увидим его. Но оставалось всего 4 дня до праздника, когда его не стало... И на этом празднике сидит, превозмогая недуг, генерал В. Е. Марков. Последний праздник проводит он с нами. Через месяц он сляжет...

Из разных уголков земного шара прислали Николаевцы свои поздравления. Прислал и с острова Ява свое поздравление Петрушевский, служба которого состояла в наблюдении за вулканами. Дружеская беседа и общее радостное настроение создают светлую атмосферу. Порядок, которым гордится Общество, чувствуется во всем. Приехавший из Шанхая ротмистр Емельянов говорит, что там Николаевцы тоже самое думают и чувствуют, что и мы. Генерал Малышенко говорит, что было «нечто неосязаемое» и невидимое, что прочно гнездилось в стенах Школы. Это «нечто» творило чудеса: сегодняшняя толпа студентов, гимназистов и молодых людей с «вокзала», после ночи проведенной в Школе, превращалась в стройные ряды подтянутых юнкеров с особым, непередаваемым, отпечатком лихости, изящества и дисципли-

ны. И, как это не странно, но есть сведения, что и сейчас красные курсанты, размещенные в Школе, сохранили что-то от прежнего и чем-то отличаются от других курсантов. Он рассказывает также, как в 1918 году в Смоленске он оказался в безвыходном положении, сидел в парке на скамье в полном отчаянии, и как, проходящий мимо, красный кавалерист обратил на него внимание и, узнав что он Николаевец, помог ему выехать из города — потому что сам он был курсантом в Школе. Любовь к Школе сохраняют и те Николаевцы, которые волею судеб оказались подданными других стран. Командир бригады польских улан Пржевлоцкий, некогда лихой Белгородский улан, пишет мне, что Николаевцы (молодежь) поднесли ему кольцо Школы и просит передать привет однокашникам. Он уже начал забывать русский язык, и начинает письмо фразой: «Молодец с тебя, дорогой однокашник», и — пишет дальше: — «Я командую самодельной бригадой . . .»

Идет по рукам книга встреч, в которой все расписываются. 53-я встреча в Париже. Многих из расписавшихся в этой книге уже нет в живых. Нельзя без волнения читать, старческой рукой написанное — «ген. барон А. Каульбарс, выпуска 1861 года» . . . Из середины прошлого столетия смотрит на нас год его выпуска. И вот приходит этот старец, до конца дней своих полный жизни, проводит время с нами. и находит общий язык с Бирюковым, окончившим Школу через 62 года после него! Веселье царит за столом. Звучат традиционные песни эскадрона и сотни. Задорно запевают на одном конце стола — «Темно, темно». Дружно подхватывают на другом конце, отвечая, где именно «темно». Прекрасно звучит баритон Балашова: «Люблю тебя, улан беспутный . . .» И, конечно, воспоминания, воспоминания . . .

Есть Николаевцы, которые благодаря своей энергии создали собственные предприятия или приобрели известность. Так, например, барон В. Кеппен имел завод чистокровных лошадей на севере Франции, а потом плантацию бананов во французской Гвиане; В. Г. Рихтер добывал соль в Испании, а потом сделался знаменитым нумизматом, о приезде которого из Лондона на выставку в Париж писали газеты целые статьи; корнет Безвеконный, талантливый футбольный тренер, кочует по Европе со своей командой; «Земной бог» (вахмистр школы) П. Тамбиев, потерявший руку в Добровольческой армии, вместе со своим братом Эльмурзой (оба Лубенские гусары) занялись производством в Париже ягурта.

Едят этот ягурт и русские, и французы, и статистика показывает, что смертность в их 15-м аррондисмане ничуть не больше, чем в других частях Парижа . . .

Уже вечер. Звучит последнее «ура», и Николаевцы расходятся.

На одной из последующих встреч мы узнали, что дни генерала В. Е. Маркова сочтены. Прямо с собрания я поехал к нему и повез на подпись книгу встреч. У постели больного я застал полковника Приходкина. Оба они бывшие воспитанники 2-го Московского кадетского корпуса, и о делах корпусного Объединения, а не о болезни вели они беседу. Со мной генерал Марков заговорил о делах Николаевцев.

Трудно передать чувства Николаевцев, когда они увидели генерала В. Е. Маркова в последний раз на панихиде, лежащего в военной форме. Глядя на белеющий на груди крестик вспомнили, как 9 августа 1914 года во главе восьми эскадронов (Новгородцев, Одесцев и Ингерманландцев) пошел генерал в атаку и разгромил в рукопашном бою у с. Ярославице и Волчковце 4-ю кавалерийскую дивизию австрийцев генерала Зарембы. Бой этот широко известен в истории Великой войны, ибо за всю войну оказался единственным классическим боем двух крупных соединений конницы.

Со времени описанного праздника прошло без малого 20 лет. Нет уже генерала Миллера, ушли в лучший мир все те старики лейб-гусары, которые сидели на празднике рядом с ним. Ушел и полковник В. С. Стракач, ставший на его место. Пережило Объединение Николаевцев и последующие крупные события . . . Но по-прежнему держатся крепко друг друга. Число дружеских встреч перевалило за 200. Председательствует генерал А. А. Губин, давно уже справивший 60-летие в офицерских чинах, но являющийся на собрания прямо из манежа, в высоких сапогах со шпорами. Умело ведут дела Союза полковник Томсен, ротмистр Марков и хорунжий Серебряков. Как и двадцать лет тому назад, приятно звучит на собраниях баритон К. Балашова, напоминающий нам песни Морфесси и романсы незабвенной Вари Паниной. Репертуар его неистощим: военные песни, русские песни и романсы, цыганские романсы . . . К его голосу присоединился прекрасный тенор «молодого» В. фон Дервиз, этого певца «Блистательного Петербурга», широко известный русской публике по своим выступлениям на концертах и в камерной опере.

Время шло, и один за другим уходили наши старые това-

рищи. И все они, как генерал Марков, полковники Забелло и Муханов, до последнего дня жили интересами своих Объединений и вспоминали Россию. Помню мой визит к полковнику З. Г. Натиеву. Он умирал ... сердце его переставало работать. Говорил он с трудом. Одновременно со мной вошел к нему высокого роста господин, шикарно одетый, полный сил и здоровья. Остановившись перед кроватью, он вытянулся по-военному и стал рапортовать о своем прибытии в Париж— это был офицер Павлоградского гусарского полка, которым командовал Натиев. Со мной Зураб Георгиевич говорил о том, что при императоре Павле I полк был временно расформирован и потерял свое старшинство.

— Напиши в Парагвай генералу Эрн — он составлял историю полка и может дать тебе подробности ... По возвращении в Россию надо будет хлопотать о восстановлении старшинства ...

Я собирался еще зайти к нему в ближайшее воскресенье, но в течение недели он умер.

Пришла очередь и до князя Нико. В 1944 году, за три недели до полкового праздника, вызвал он меня открыткой в кафе на pl. Victor Hugo.

Он уже был болен и слаб.

Я тебя вызвал, чтобы поговорить об устройстве праздника. Все теперь дорого ... но, все-таки вы должны собраться ... И чтобы все было, как обычно ... Не забудь послать поздравление Эриванцам — их праздник одновременно с нашим ... А я уже на празднике не буду ...

Он встал и обвел взором нарядную площадь.

— Здесь хорошо ... я любил приходить сюда ... но и сюда я уже больше не доберусь: слишком трудно ... вот приду домой и лягу ...

И не только старики, но и молодые, не видевшие прежней полковой жизни, проникаются всеми хорошими традициями старой русской армии. Они тоже показывают пример верности и сознания долга. Никогда не забуду Е. А. Лучинского. Он долго болел, перенес много мучительных операций и никуда уже не выходил. Как-то раз я назначил собрание Тверцев на квартире однополчанина Шалонского. В назначенный час, я и Борис Горчаков стоим на площадке лестницы и волнуемся, что никого нет. Слышим внизу шаги — кто-то поднимался по лестнице и остановился. Смотрим и не верим глазам: внизу, опершись на перила, стоит наш дорогой Евгений. У него нет сил подняться еще выше.

— Я боялся, что Тверцев соберется слишком мало — поэтому пришел, хотя мне и очень трудно, — заявил он.

Это был его последний выход.

У ГАБО

Place de l'Etoile — одно из самых парадных мест Парижа. Сама площадь расположена на холме, с которого спускаются во все стороны нарядные проспекты. В одну сторону от площади отходят, поражающие своим простором, Елисейские Поля, на которых некогда стояли биваком русские казаки, а во время первой мировой войны проходили, при восторженных криках толпы, русские полки... Елисейские Поля кончаются Площадью Согласия, на которой был казнен Людовик XVI, были казнены Шарлота Кордэ, Мария Антуаннета, герцог Орлеанский, Дантон, Робеспьер, Демулен, вообще было казнено до 3 000 человек... Площадь поражает своими размерами и красивыми линиями. На ней высится Луксорский обелиск, дар египетского паши Мегмета-Али королю Луи-Филиппу. По сторонам обелиска фонтаны со статуями тритонов, нереид и дельфинов. Вокруг площади размещены 8 каменных статуй, представляющих главнейшие города Франции.

В другую сторону от pl. de l'Etoile уходит, как бы в бесконечную даль, широкая av. Foch, полная зелени, за которой скрываются роскошные особняки. Av. Foch кончается Булонским лесом с его сосновыми рощами, тенистыми аллеями для пешеходов, озерами, аллеями для кавалькад, и уголками куда не доходит шум города.

На самой площади высится громадная, в 49 метров, Триумфальная арка, которая, несмотря на свои большие размеры кажется легкой и изящной. Под аркой — могила неизвестного солдата — с неугасающим пламенем... На площади постоянное оживление. Громадные автокары с туристами останавливаются перед аркой и гиды объясняют, что ее начали строить еще при Наполеоне в 1806 году, закончили в 1836 году, и обращают внимание на барельефы известных скульпторов: Рюда, Лемера, Корто, Серра и других. Перехожу эту площадь и спускаюсь по av. de Wagram. За столиками шикарная публика. Много иностранцев. Сворачиваю на бульвар Курсель, прохожу мимо улицы Нева и мимо короткой улицы Pierre le Grand, в конце которой виден

русский храм св. Александра Невского. По соседству с храмом расположены русские гастрономические лавки, ресторан, а также книжный магазин А. А. Сияльской.

А вот и витрина, по которой сразу можно узнать русскую лавочку: виднеются блюдо с пирожками, соленые огурчики, приготовленная селедка, икра, водка и все то, что скрашивает жизнь русских беженцев. Хозяин лавочки кавказец, князь Макаев (Габо), в прошлом офицер Баш-Кадыклярского полка, указывает на лестницу, ведущую в подвал, но и без его указания можно догадаться, что именно там собрание бывших кадет Тифлисского корпуса: оттуда несутся крики и вырываются клубы табачного дыма. Узенькая лесенка скрипит. Еще не видно, кто спускается, а сидящие за столом уже приветствуют его радостными криками. Тесно, но это никого не смущает.

— Жаль, что ты опоздал: только что говорил наш генерал, — сообщают мне.

— Что же он такое сказал?

— А Бог его знает, что он хотел сказать . . . хорошо говорил!

Это меня не удивляет: важно видеть своего старого кавказца. слушать его горячую речь, улавливать знакомые, уже забытые слова, названия родных мест, фамилий . . . В каждом Объединении своя атмосфера. Окунаюсь в кавказскую атмосферу, дышу своим родным воздухом и отдыхаю от жизни среди людей, которым чуждо все русское и кавказское. Вне стен этого подвальчика я должен кому-то что-то доказывать, мне не верят, меня не понимают, а здесь все понимают друг друга с полуслова. Здесь представители всех полков кавказской армии. Кого не встретишь сегодня, тот придет на следующее собрание. Генерал Генерального штаба Квинитадзе угощает нас грузинским сыром собственного изделия. Он служил одно время в Варшавском округе и делится своими впечатлениями:

— В Варшавском округе точность — все по часам, а на Кавказе вот это, — указывает он на стакан вина и рисует картину: — Лежат офицеры на бурках, попивают вино. Все на ты и не видно разницы между командиром и молодым поручиком. Командиру подают шифрованную телеграмму. Командир делает знак адъютанту, тот встает и уходит расшифровывать ее. Мирная беседа продолжается. Распоряжения делаются, но как-то незаметно. — Тебе идти, — обращается адъютант к кому-нибудь, тот допивает вино и исчезает . . .

чтобы через какой-нибудь час ввязаться в ожесточенный бой.

Едим шашлык, люлю-кябаб, лобио . . . Общего ужина нет. Каждый требует, что хочет. Видя что безработный товарищ сидит перед пустой тарелкой, председатель Михайлов указывает на него глазами кельнерше. Через минуту перед безработным уже мясное блюдо.

На столе лежит берет, в который кидают кто что может, в пользу кассы. «Есть деньги — клади, нет денег — бери», как бы возвещает берет. В Тифлисском объединении есть одна отличительная особенность. Попадешь, бывало, в затруднительное материальное положение, никому об этом не говоришь, ни о чем не просишь — сидишь дома и вдруг звонок: почтальон принес деньги от Тифлисцев.

— Выбарахтывайся!

Неподражаемый рассказчик Джорджадзе рисует нам картинки из прошлой жизни. Сказать, что он говорит — это мало. Он преображается то в тифлисского кинто, то в сорванца (авара) кадета, то в грозного на вид заступника кадет — протоиерея Мансветова.

Снова скрипит лестница. На этот раз появляется архимандрит Никон Греве. Приходит он, чтобы благословить трапезу, чтобы пожурить кого следует. После его ухода шум увеличивается.

— Не кричи, кацо, а то нас всех выгонят! — останавливает Габо Мирзоева.

Ко мне наклоняется Нижегородец Тимур Наврузов.

— Ты знаешь, я тебя ревновал, — говорит он.

— К кому?! — удивляюсь я.

Оказывается — ему было мало, что он Нижегородец, что об его дяде, тоже Нижегородце, прославившегося ночной атакой при Бегли-Ахмете, поют песни . . . ему хотелось еще, чтобы его, как меня, знали с детства старые Нижегородцы. Вот одно из проявлений любви к полку.

Выползти из подвала в полночь — это еще не значит разойтись. Стоим на тротуаре и договариваем то, что не договорили у Габо. А потом, хотя Осипов, князь Трубецкой, Наврузов, Винтер и живут в разных концах города — они делают вид, что им «по дороге» и идут гурьбой неизвестно куда, а дальше, на перекрестке, опять сходятся с Гогоберидзе, Пономаревым, Трескиным, Мягковым, Ракитиным, которые присоединяются, чтобы их «проводить» до станции метро.

ОПЯТЬ ВОЙНА

Когда состоишь в какой-нибудь организации, то хочется быть исправным ее членом, то есть аккуратно вносить членские взносы, посещать собрания и содействовать всем ее начинаниям. Я состоял в шести союзах и потому почти каждый свободный день шел на какое-нибудь собрание. Прошло 12 лет со времени прибытия во Францию, и я стал задумываться о том что время уходит, старость не за горами, что многие из знакомых уже солидно устроились, некоторые стали владельцами различных предприятий, а я все работаю на заводе . . . А когда не смогу работать, то что буду делать? И, как всегда бывает в жизни, один случай послужил основанием для какого-то перелома, для какого-то поворота на новый путь.

Зашел я в один ресторан пообедать. Дали мне мясное блюдо. Мясо было холодное и только облитое горячим соусом. Рис был недоварен. Дали мне вчерашнее пирожное и теплый кофе. Вышел я из ресторана с намерением больше туда не возвращаться. Я думал о том, что даже такие рестораны процветают, что владельцы их живут лучше меня, не устают так как я и имеют возможность ездить на юг отдыхать. Думал я и о том, что имей я свой ресторан, сделал бы, конечно, все возможное, чтобы угодить посетителям. А почему бы и мне не сделаться владельцем ресторана? А еще лучше сделать так, как делают многие русские. Они оикрывают гастрономическую лавочку, в соседней комнате имеют столовников, а иногда в ней же бывают товарищеские обеды. Я стал присматриваться к таким предприятиям и думать о том, что следует внести в установленный тип таких предприятий что-нибудь новое, свое. Нашел я и это «новое». Для начала решил исподволь и планомерно осуществлять свое намерение. Стал я изучать продукты и место откуда они поступают в лавки и рестораны, то есть Центральный рынок. В ночь с субботы на воскресенье ехал я туда, бродил с раннего утра из павильона в павильон, знакомясь с ценами, узнавая как надо покупать, грузить и перевозить товары. Я знакомился с сортами мяса, с местом занимаемым ими в мясной туше и так далее. На ловца и зверь бежит. Встретил я товарища по корпусу К. Фаге, у которого свой лоток на ба-

заре под Парижем (в Клямаре). Приезжал он за продуктами на своем автомобиле. Я стал помогать ему покупать товары, грузить автомобиль, перевозить в Клямар и продавать на рынке. Ознакомившись с техникой покупки и продажи продуктов, я стал изучать автомобильное дело и готовиться к поступлению на кулинарные курсы. Попутно изучал я условия найма помещений, формальностей при открытии предприятия, районы наиболее заселенные русскими и так далее. А главное — стал копить деньги на наем, для начала, очень маленького, хотя бы в одну комнату, помещения. Заработок мой на заводе в то время увеличился, так как было много заказов на военное ведомство. Стали мы работать и больше, чем по 40 часов в неделю. А потом уже стало ясно, что мы накануне войны.

И война наступила . . .

Все мои планы об организации своего предприятия рухнули. Еще раз в жизни, на этот раз в Париже, я потерял зря много времени, и спохватился когда было уже поздно. «Ладно, — думал я, — лучше поздно, чем никогда. Война скоро кончится, и тогда, не теряя времени, буду осуществлять свои планы.

Не я один полагал, что война кончится скоро. Кто поверил бы тогда, что она будет длиться более пяти лет, а последствиям ее не будет видно конца.

Русская молодежь была призвана под знамена. Стали поступать русские и добровольцами в армии стран, давших нам приют. Тверцы Г. Мголобелишвили и К. Левандовский поступили во французскую армию, а В. Приданов стал хлопотать о поступлении в армию бельгийскую. Итак, горсточка Тверцев выделила из своего состава 25 процентов бойцов, готовых с оружием в руках защищать границы приютившей их страны.

В газетах стали появляться заметки о подвигах русских. Награжден знаком Военного Креста А. Смагин, сын офицера Кавказской кавалерийской дивизии. Награжден за свои подвиги су-лейтенант В. Булюбаш. Командующий армией лично прикрепил к груди героя орден Почетного Легиона, а также и Военный Крест, после чего полк прошел перед этим русским эмигрантом церемониальным маршем. Офицерский Крест Почетного Легиона получает летчик капитан К. Розанов. Это в начале войны. До самого конца войны рос список геройски павших, раненых и награжденных русских.

Было, к сожалению, и обратное являние: поступление русских эмигрантов в немецкую армию. Таковых, к счастью, было немного. Некоторые из них видели в немцах только избавителей России от большевиков, других неодолимо тянуло побывать в занятой немцами части России, шли в немецкую армию переводчиками и те, которые хотели облегчить участь пленных красноармейцев. Были и не поладившие с французской администрацией. Административный аппарат во всех странах бездушен. Многие русские были жертвами неудачных распоряжений, слепого выполнения буквы закона, недостаточно гибкого. При министрах Фландене, Лавале, Тардье борьба с нежелательными иностранцами принимала иногда форму травли некоторых категорий русских эмигрантов. В русской газете «Возрождение» была особая рубрика, под заглавием «Отверженные», где приводились факты вопиющей несправедливости, как, например, лишение права на труд и высылки. Роясь в своем архиве я нахожу вырезки из газет по этому вопросу, и читаю заголовки «Дело Оленникова», «Дело Розова», «Мытарства», «Дело Тимоховича», «Трагическея смерть русского офицера», «Дело Малинина», «Трагедия русских беженцев, услышьте!», «Дело Бельта», «4 высылаемых русских», «Право на жизнь», «Трагическая смерть Яковлева», «Найден труп Пасечникова», «Злоключения отверженного», и так далее.

Беру «Дело Яковлева». В 1929 году он купил в Ницце на базаре ношенный костюм, который оказался краденным. Тюрьма, высылка, отобрание документов. С 1929 по 1936 год он все время проводит в тюрьмах — за неисполнение приказа о высылке (а уехать ему некуда и невозможно, из-за не имения документов). Смерть в тюремной больнице... Вот заметка о трагической смерти русского офицера. Бывший командир миноносца «Беспокойный» Э. И. Страутинг, золотое оружие и французский орден Черной Звезды. Шофер такси. Машина его опрокинула велосипедиста. Пострадавший слегка ранен и отказывается возбудить против него преследование. И, все-таки, лишение права работать как шофер такси, а права на другую работу нет. Упорные и безрезультатные поиски труда. Самоубийство... Вот краткая заметка о найденном трупе Пасечника, бросившегося в Сену из опасения высылки «за несчастный случай»... Вина Розова заключалась в том, что в поисках работы он истратил все свои деньги. До пяти франков у него не хватало 50 сантимов, а по французским законам, имеющий менее пяти франков в

кармане и задержанный в дороге — является бродягой. Тюрьма, постановление о высылке. Розов честно старается исполнить требование властей, и пытается проникнуть в Испанию, Германию, Бельгию, Люксембург. Всюду его арестовывают и переправляют во Францию. Он превращается в футбольный мяч, который перебрасывают из страны в страну. Сидит он в тюрьмах Ниццы, Лонгви, Нанси, Тионвилля... От такого же «мячика» приводится в газете письмо, в котором он описывает свои мытарства. Письмо кончается словами:

«Из Германии опять выбросили в Саар. Сейчас я в Саарбрюкене. Лежу в лесу в каменоломне, натер на ногах волдыри, нельзя надеть обувь... камрад мой стреляет по домам и приносит мне кусочки хлеба. Так жить долго не будешь. Если бы хоть на несколько дней разрешили работать!»

Было бы ошибочно и несправедливо переносить на французский народ вину за действия администрации, к тому же отошедшие в область преданий (с тех пор много изменилось к лучшему). Уже в то время многие благородные французы возвышали свой голос в защиту «отверженных». Известный депутат Мариус Мутэ (адвокат) не только произносил пламенную речь, зещищая Розова на суде, но и внес в Палату Депутатов проект закона в защиту «отверженных». В газете „Matin" была статья о том, что в ограничении права на труд надо делать разницу между русскими и другими иностранцами, ибо русские привлечены к несению воинской повинности. В той же газете об этом писал и Жак Нарго. В газете „Liberté" М. Ришар, выступая в защиту высылаемых русских, писал:

«Русский беженец, которого высылают, не может сделать ничего другого, как вернуться к нам. И может вернуться только нелегально. Мы создаем себе из него врага, раздраженного и опасного».

Поль Гитар в статье «Их десять тысяч» пишет о том, что русские, служа во французской армии, «платят налог кровью».

Сплошь и рядом приходится читать корреспонденции из провинции, из которых узнаем, что повсюду русские, работающие на заводах, сооружают церкви, и что дирекции заводов широко идут навстречу этому начинанию, предоставляя помещения и нужные материалы. Меня принял на завод француз П. Форэ, побывавший во время войны 14-го года в Тифлисе. Неоднократно выказывал он мне знаки внима-

ния. Генеральный секретарь и шеф персонала, братья Марсель и Пиер Жамэ, бывшие в России и хорошо говорящие по-русски, тоже хорошо относятся ко мне. Бывали на заводе сокращения числа работающих, из-за отсутствия заказов, но меня, иностранца, не увольняли. Этим я обязан братьям Жамэ, которых я называю своими ангелами хранителями. Я работаю медленно, часто болею, но никогда ни слова упрека со стороны шефа ателье Ф. Мидоль. А вот шеф соседнего ателье Леклерк. Он делает вид, что не знает, что я с 1926 года делаю одну и ту же работу, подходит и спрашивает:

— Вы сегодня как будто бы обтесываете призмы?

— Да, — отвечаю я.

— Кажется и вчера вы тоже обтесывали?

— Я их обтесываю с 1926 года.

— Ну, желаю успеха, — говорит он отходя.

Через месяц он задает опять те же вопросы. Милейший человек!

Вот мадемуазель Fraudin, заведующая отделом взаимопомощи. Прихожу к ней с листом болезни. Молодая интересная брюнетка смотрит сочувственно на меня и говорит:

— Вы опять болели, и жена ваша больна . . . вот пособие, которое я выхлопотала в комитете предприятия . . . Питайтесь лучше. Приходите сюда, если что-нибудь нужно . . .

Пришли немцы . . . Начались всевозможные ограничения. Французам самим есть нечего, но продовольственные карточки получаем мы наравне с ними . . . Этого не надо забывать. Не надо забывать и того, что русские безработные получают пособие наравне с французами, что русские дети обучаются бесплатно во французских школах, что престарелые получают пенсии и находят убежище в домах для престарелых, и что во многих случаях больные лечатся бесплатно в госпиталях.

Необходимо помнить, что Франция приняла наиболее деятельное участие в разработке и проведении международного статута беженцев, внесла до 1952 года около 6 миллиардов франков.

Нельзя сказать, что война неожиданно обрушилась на Францию. Война приближалась медленно, но верно. После первой мировой войны, Франция была, в военном отношении, самой могучей страной в Западной Европе. Все попытки немцев начать вторую мировую войну могли быть французами легко ликвидированы . . . но немцам позволено было занять Рейнскую область, позволено было присоединить

к Германии Австрию, и им же, как на подносе, приподнесли Чехию. А, между тем, Чехия имела оборонительную линию, оборудованную по последнему слову техники и, по свидетельству генерала Фоше (бывшего шефом военной миссии в Чехословакии), имела 32 дивизии и 1 500 самолетов. По словам немецких генералов, этих сил было достаточно для того, чтобы, если не победить, то, во всяком случае, остановить их наступление. Вся беда Франции была в том, что французский народ перестал быть народом-воином, и настроение его перед нападением немцев напоминало, описанное мною выше, настроение грузин в момент нашествия в 1795 году Ага-Магомет-хана. Французы, которые в прошлом вели больше войн, чем какая-либо другая страна, воевать больше не хотели. Самыми непопулярными были кредиты на вооружение. Клич «Я не хочу воевать за Данциг!» был модным. Средний француз рассуждал очень просто. Он говорил: «Я не хочу воевать. Война нужна крупным промышленникам, капиталистам, генералам — так пусть они и идут драться!»

Такому французу казалось, что если он и другие французы не хотят войны, то войны во Франции не будет. И он равнодушно смотрел на то, как Гитлер покорял страну за страной... пока не оказался у порога Франции, а затем и в самой Франции.

Союз Гитлера с Советской Россией и нападение на Польшу вызвали во французской печати ряд возмущенных статей, направленных почему-то против императорской России. Образовался как бы широкий фронт от крайнего севера Франции, где Ж. Демулен писал, что русские всегда умели драться только против русских, и в числе поражений русских приводил Полтаву, до далекой Сирии, где академики братья Таро обнаружили обиженных Россией черкесов. В центре этого фронта — крупный государственный деятель, сенатор Ж. Кайо, бывший посол в России, М. Палеолог, ряд академиков и журналистов.

«Вместо Ивана Грозного и Петра Великого — Сталин, но правительственные приемы все те же: жестокость и рабство...», возвещал Кайо.

Степь плюс степь, не есть еще государство...», — писал академик Ш. Моррас. О варварстве русских распространялся академик Доминик. В этом же духе рассуждал и депутат Брандон.

«Русская армия была сильна только на парадах...», — делал открытия академик А. Моруа. (А кто свалил трех ве-

личайших полководцев — Карла XII, Фридриха Великого и Наполеона? — могли бы мы его спросить.)

В это же время «Распутин» не сходил с экранов.

К голосу врагов старой России присоединились и голоса немногочисленной группы русских, которые видели в Гитлере спасителя России. На страницах «Нового Слова», издававшегося в Берлине, началась травля старшего поколения русской эмиграции. Обвинения и насмешки сыпались как из рога изобилия. В газете писали что «Все эти бывшие помещики, губернаторы, золотопогонники реакционеры мечтают только об орденах и высоких постах . . . ничему они заграницей не научились, Россию проспали, не знают что нужно русскому народу . . . знают они только торжественные банкеты, панихиды и записываются в Царевококшайские полки!!»

Выходило так, что те, которые большую часть своей жизни провели в России, должны были идти за молодым человеком (Жеребковым), не видавшим России, который на страницах «Парижского Вестника» обращался к молодежи и предлагал ей «Во все сокрушающем урагане уничтожить прошлое и строить новое . . .»

Генерал Краснов выражал надежду, что Гитлер согласится на формирование казачьих частей. Печальной страницей в истории казачества был бы этот факт. Казачество выделил из себя русский народ — это одно из проявлений его творчества. А тут явились бы казаки с соизволения и по приказу немецкого фюрера.

Не думал я, покидая Россию, что увижу опять когда-нибудь вереницу беженцев. А вот пришлось . . . В дождливые дни июня 1940 года по улицам Парижа тянулись автомобили нагруженные домашним скарбом. За неимением автомобилей многие жители толкали тачки, в детских колясочках везли больных старух. Черный дым и копоть от горевшего за городом завода, довершали мрачную картину исхода. К 13 июня улицы опустели. Ползли слухи, что немцы уже под Парижем. 14-го утром в нашем доме какая-то суматоха . . . На лестнице жильцы о чем-то тревожно перешептываются . . . В чем дело?

— Немцы в Париже, сейчас их колонны проходят мимо Триумфальной арки, — объявили мне.

Через минуту я уже стою на тротуаре против арки, символа былого военного могущества Франции . . . Вот они . . . Под звуки барабана проходит пехота мимо генерала, стоя-

щего у арки... Ползут танки, идет артиллерия. На лицах солдат не видно ни радости, ни восторга победителей...

В такие дни не сидится дома. Мы с женой вышли на площадку у Palais du Chaillot. Обычно полная народа, она почти пуста. Внизу вдоль Сены проходили какие-то обозы. Но что это? Ведут пленных французов! Видеть пленных на полях сражений — это одно, а видеть пленных, шагающих в своей столице — это совсем другое. Это нечто ужасное! Я оглянулся на жену — у ней на глазах слезы... Какой-то старик рядом с нами стоит как окаменелый.

На заводе, где я работаю, все военные события страстно обсуждаются рабочими. Дожили мы и до вступления немцев в Россию. Упорное сопротивление русских вызывает у французов восторг. Во время послеобеденного перерыва мы ждем возвращения рабочего Мариотта. Он имеет редкую для французов способность запоминать русские названия. Вот он прибегает и докладывает. —Харьков... Кубань... Эльбрус... Итак, немцы в моем родном городе — Кисловодске. Какое это для меня искушение: непреодолимо тянет побывать дома, повидать родных, погулять в парке, выпить нарзана и увидеть родные кавказские горы!.. А Мариотт возвещает все новые и новые места: — Донец... там, на Донце, я был земским начальником... там осталась Леля!.. — Сталинград... Волга... и потом каждый день — Сталинград... Немцы остановлены. Французы ликуют. У них является надежда, что немцы будут изгнаны из России, а там и Франция сможет избавиться от них. О доблести русских французы говорят с восхищением.

Пользуясь случаем я знакомлю их с тем, что и в прошлом императорская Россия выручала Францию в трудные для нее минуты. Вот факты.

После победы над Наполеоном в 1815 году, король Пруссии, роль которой, по сравнению с ролью России, была незначительной, требовал полного раздела Франции, но этому категорически воспротивился император Александр I. Он успокоил встревоженного герцога Ришелье, который потом писал по этому поводу:

«Какова была бы судьба Франции в этот момент предела несчастья, если бы не вмешалась спасительная помощь императора Александра». (Pierre de la Gorce, de l'Académie Française, „Louis XVIII, p. 83).

«Заключительный акт (мир, подписанный 20 ноября 1815 года) налагает на Францию тяжелые жертвы... Тем не ме-

нее, благодаря вмешательству царя, есть еще Франция». (Maurice Paléologue „Alexandre I", p. 231).

«Это по настоянию императора Александра I должна была окончится оккупация Франции иностранными войсками. Пруссия показывала себя другом коварным, если вообще она была другом. Уже против враждебности Пруссии, Ришелье прибегал к покровительству, всегда верной, России. И он писал, что — это из Москвы должна прийти помощь против опасности, которая нависла бы над нами и над Европой, если Прусия будет продолжать требовать то, что мы не можем дать . . . Еще раз император услышал призыв Франции. Он действовал в Берлине, проповедуя там спокойствие, и в Вене, заставляя ценить общие интересы мира». (Pierre de la Gorce, de l'Académie Française „Louis XVIII", p. 113—114).

В 1875 году Франция пережила большую тревогу. Германский канцлер Бисмарк. в согласии с фельдмаршалом Мольтке, заговорил о войне с Францией. Разбитая в 1870 году, Франция не могла бы оказать должное сопротивление и легко стала бы добычей Германии. Взоры всех французов обратились к русскому императору Александру II. Русский посол в Париже, граф Орлов, писал в Петербург, что «Маршал Мак-Магон все свои надежды возлагает на миролюбивое вмешательство нашего августейшего монарха. Он не требует ни арбитража, ни посредничества. Он поручает Францию покровительству императора . . .»

Английский премьер-министр Дизраэли со своей стороны дал знать русскому послу в Лондоне, графу Шувалову, что он «возлагает величайшие надежды на проезд императора через Берлин и готов оказать энергичную поддержку».

Русский император должен был быть в Берлине и иметь свидание с германским императором. Этого свидания ждали в Париже с нетерпением и надеждой. Русский император вполне достиг цели своей поездки. Его присутствие, его свидания с Вильгельмом I и кронпринцем, переговоры с Бисмарком и Мольтке укрепили мир и устранили возможность войны. (Франко-германский кризис 1875 г. «Красный архив № 91.)

В августе 1914 года французские войска, под натиском превосходных сил противника, отступали и были уже на Марне. Решалась судьба Парижа и Франции. Французы просили Россию спешно перейти в наступление, чтобы оттянуть часть немецких сил на себя. Несмотря на то, что Россия еще не закончила свою мобилизацию и что ей выгоднее было раз-

вивать свои операции против Австро-Венгрии, — главнокомандующий русской армией великий князь Николай Николаевич повел наступление в Восточной Пруссии. Армия Самсонова была немцами разбита, но немцы были вынуждены, в самый разгар наступления на Марне, снять с обходящего фланга два корпуса, а с французского фронта вообще — три корпуса и перебросить их на восточный фронт. Самопожертвование русской армии в Восточной Пруссии спасло Францию на Марне. Вот что пишут французы об этом.

«Маршал Фош сказал, что если Франция в эти ужасные часы не была стерта с всемирной карты, то этим она обязана в первую очередь России. Свидетельство этого знаменитого человека осуществившего победу, должно остаться выгравированным кровью и огнем в нашей памяти». («Возрождение» № 4225, Henry Lémery).

«Я не забуду никогда тяжелые жертвы, на которые геройски пошла русская армия, чтобы какой угодно ценой заставить противника обрушиться на себя». (Маршал Жоффр. Париж, 5 апреля 1929, „Hommage à l'armée russe").

Вильсон Черчилль говорил в своей речи, произнесенной в Лондоне 17 июля 1919 года:

«Мы все знаем, что Париж не был бы, вероятно, спасен, и битва на Марне не была бы победой, если бы не русские войска, несмотря на то, что их мобилизация не была закончена, не устремились бы против врага и не пролили бы потоки крови для того, чтобы на западном фронте было выиграно несколько дней или даже несколько часов. Этого мы не можем забыть». (L. Lubimoff „L'Epoque", 6. III 1940, № 1002.)

«Война 1914—1918 гг. не могла быть выиграна без помощи России. Дивизии германские и австрийские респределялись следующим образом на западном и русском фронтах.

			Западн. фронт	Русский фронт
Август	1914	года	83	50
Январь	1915	„	81	82
Сентябрь	1915	„	83	137
Сентябрь	1916	„	113	150
Март	1917	„	135	164

Сражаясь против соединенных сил Германии, Австро-Венгрии, Турции и Болгарии, Россия взяла более2 500 000 пленных. (Leon Lubimoff „L'Epoque", 6 марта 1940 года, № 1 002.)

Чтобы понять значение этой цифры надо добавить, что русской армией было захвачено почти в полтора раза больше пленных, чем всеми остальными союзниками, то есть французами, англичанами, итальянцами, бельгийцами, американцами и румынами.

В своей книге «Мировой кризис» В. Черчилль, говоря о революции в России в 1917 году, писал:

«Ни к одной стране судьба не была так жестока, как к России. К моменту революции армия русская была сильнее, чем когда-либо за все время войны. Корабль России пошел ко дну, когда гавань была в виду . . . Но не даром прошло русское усилие. Смертельно раненый (революцией) великан, успел передать факел через океан новому титану . . . Русская империя рухнула 16 марта, а 6 апреля Соединенные Штаты вступили в войну. («Возрождение», № 4 227, Л. Любимов.)
Во время первой мировой войны Россия потеряла 6 000 000 человек убитыми, ранеными и пропавшими без вести. Потери России равны 46,4 процента потерь всех ее союзников.

Рассказывал я французам и о помощи России в 1916—18 годах, выразившейся в присылке во Францию четырех Особых бригад. Потребность в человеческом материале на французском фронте была так велика, что французское правительство просило и о более широких отправках. Появление русских войск вызвало во Франции взрыв энтузиазма. Молодецкая выправка русских солдат, их стройное движение по улицам с песнями — производило на население сильное впечатление, и вся Франция воспряла духом. Этим была достигнута одна из задач присылки русских войск. 1-я и 3-я бригады выделяются своими блестящими атаками при общем наступлении французов в районе Реймса. Они несут тяжелые потери: свыше 5 000 убитыми и ранеными (из них 62 офицера). 2-я и 4-я бригады переброшены на Македонский фронт и сразу же отличаются, заняв столицу Македонии — Монастырь, тоже понеся при этом огромные потери (до 50 процентов своего состава).

Во множестве приказов по дивизиям, корпусам и армиям отметили боевые заслуги русских частей.

После русской революции французское правительство расформировало Особые бригады, но наиболее героические элементы русских частей не могли примириться с изменой общему делу и сформировали из добровольцев Особый русский легион. Он вошел в состав батальона в одну из самых

блестящих частей французской армии — Марокканскую дивизию. И в этой дивизии русские сразу заняли почетное место, получив ряд высших наград, вплоть до права носить „Fouragère", и лестного приказа главнокомандующего французскими войсками, маршала Пэтэна.

Это Русскому легиону принадлежит честь прорыва знаменитой «системы Гинденбурга» . . . Это ему аплодируют и кричат «Браво! Браво!» попадающиеся на пути французские части.

Пока немцы шли, в последней войне, от завоевания к завоеванию, все яснее вырисовывались их планы порабощения России. В газете „Paris soir" от 20 октября 1942 года приводилось заявление д-ра Геббельса, которое гласило:

«На востоке мы завоевали территорию, равную Франции и Англии, вместе взятых. Но мы не завоевываем территорию только для того, чтобы ее оккупировать — мы ее завоевываем, чтобы организовать ее в нашу пользу . . .»

Об этом же, в тот же день пишет в газете „Matin" Paul Marion по случаю создания комитета друзей Waffen S.S., заявив, что Франция должна принять участие в борьбе Европы против славянства („L'Oeuvre", 29. 4. 1944).

Benois Mechin в своей книге „L'Ukraine" преподносил нам карту Украины, границы которой переходили Дон, огибали Терскую область, доходили до Курска, Чернигова и проходили севернее Брест-Литовска.

По мере выяснения аппетитов немцев на Россию, русские эмигранты, поступившие к ним на службу, стали от них уходить, переходя на положение беженцев и, в большинстве, безработных беженцев.

ПОСЛЕ БУРИ

Дожили мы и до ухода немцев из Парижа. Беспримерный в истории войн дессант целой армии союзников, буквально свалившейся с неба на западное побережье Франции, был задуман в секрете, разработан до мельчайших подробностей и безукоризненно выполнен. С этого времени началось освобождение Франции от немецких войск.

В солнечный августовский день радостная и возбужденная толпа парижан шумно приветствовала блиндированную дивизию генерала Леклера, направляющуюся к Триумфаль-

ной арке по av. Victor-Hugo. Вот и пленные немцы. Их везут на грузовиках. Все они должны держать руки вверх, сложенные ладонями на затылке. Во время войны 14-го года мне приходилось видеть пленных немцев и австрийцев, конвоируемых нашими солдатами, но никогда от них не требовали держать руки вверх — это требовалось только в момент сдачи. Позже, во время войны в Корее, можно было видеть фотографии, изображающие колонны пленных, конвоируемые союзниками. И там тоже показаны пленные с поднятыми руками.

В душу русского человека глубоко вложено правило — лежащего не бьют. Оно вложено Суворовым в его «Поучение воину перед боем», где, между прочим, сказано: «Пленный не враг твой . . . пленного накорми, раны его перевяжи».

Во время войны с советской Россией, в Москве был послом французский генерал Petit. Он видел колонны пленных немцев на улицах Москвы и его поразило то, что толпа молча смотрела на это зрелище, не позволяя себе никаких выходок против пленных.

Времена и настроения меняются. В прежние героические времена, попасть в плен считалось позором. Вот картина из далекого прошлого. В славной битве при Павии, в 1525 году, полки окружавшие французского короля Франциска I. бились храбро, но противник обрушился на них всеми силами и они должны были уступить. Король, окруженный тесным кольцом врагов отбивался с отчаянной храбростью. Он был легко ранен в ногу и в лицо. Со всех сторон подступали к нему вражеские солдаты — уже семеро из них пало от его руки. Наконец, раненый конь упал и придавил его собой. Еще минута и он был бы убит, тем более что сдаться не желал, так как отряд, захвативший его был подчинен изменнику, коннетаблю Бурбонскому, которому король не мог отдать свою шпагу . . . Увидя западню, в которую попал король, один из его полководцев, беспечный Бонниве, известный весельчак и покоритель сердец, постоянный участник королевских пиров и забав, воскликнул:

— Этого пережить я не могу! Надо умереть! — он снял шлем, ринулся вперед, и недолго искал желанной смерти . . .

Шурин короля, герцог Алансонский, командовавший резервной конницей, преждевременно решил что все потеряно, и начал отступать (поняв свою ошибку, он до самой смерти не мог ее себе простить и, говорят, умер с горя). Командовавший швейцарской наемной пехотой Иоганн Дисбах пы-

тался заставить своих солдат атаковать врага, но и они неправильно истолковали происходящее и, в полном порядке, не неся никаких потерь, упрямо отступали в сторону Милана. Дисбах не снес бесчестия, один бросился в бой и был убит. (См. Книгу герцога Левис-Мирпуа «Франциск I».)

Из не столь далекого прошлого мы все знаем картину наполеоновской гвардии, которая «умирает, но не сдается». Времена и настроения меняются... Немцы разбиты. Началась эвакуация пленных. День и ночь жужжат над Парижем аэропланы союзников, перевозящие пленных из Германии во Францию. Сколько их? Больше миллиона (говорят и о двух миллионах). И в эту войну были солдаты французы, выделившиеся своими исключительными подвигами. Я не помню, чтобы такого солдата как-нибудь особенно чествовали... Но, о прибытии во Францию миллионного, по счету, пленного известили почти все газеты. Его изображение появилось в газетах. Это был некто Jules Garron. Газеты писали, что в Бурже он был принят генералами — английским, американским, французским и русским. Газета оговаривалась, что M. Frenay при этой встрече не был, так как он был занят в Париже устройством встречи «героя». Из газет мы узнали, что Гаррона, сопровождаемого союзными офицерами, везли, par la porte de la Villette, les rues de Flandre et La Fayette, l'avenue de l'Opéra, la rue de Rivoli et la place de la Concorde."

В 7 часов вечера был официальный прием министром пленных, после чего пленным был предложен обед. На следующий день Гаррон был отправлен к себе домой в особом автомобиле.

И вот еще знамение времени. Французы, побывавшие в плену, пользуются рядом привиллегий и получают вознаграждение в сумме 400 франков за каждый месяц пребывания в плену. Делегаты пленных входят в состав „Assemblée Consultative", которая должна выработать новую конституцию французской республики. Член этого учреждения M. Stible говорит о том, что сосланные в Германию на работы и пленные должны принимать участие в работе ассамблеи, как «элементы наиболее активные и здоровые нации» (газета „Libération", 21 февраля 1945 года).

Отвращение к войне чувство вполне естественное и похвальное, охватившее французов после войны 14-го года, выражалось в самых разнообразных формах: нежелание отпускать кредит на содержание армии, резолюция учителей

начальных школ о том, что они против всякой войны, даже предупредительной, презрение к военным и так далее.

После последней войны это настроение еще более усилилось. Показательна статья, появившаяся 1 сентября 1944 года в газете „Defense de la France. В ней некто Pierre Denayer пишет, что некоторые патриоты недовольны тем, что иностранные военные формы циркулируют по улицам Парижа, но что они не будут вечно здесь, и что, все-таки, нужно отличать немецкую форму от форм англичан и американцев, так как, если немецкая форма была символом нашего порабощения, то формы англичан и американцев есть символ нашего освобождения. Это здравое рассуждение дошло до сознания далеко не всех...

Во время войны многим казалось, что по окончании войны сразу настанет нормальная, довоенная жизнь; и они не представляли себе тех громадных разрушений во всех областях жизни страны, которые война причинила.

К разрушениям материального характера присоединились и разрушения морального порядка. Газеты стали писать об убийствах, а также о грабежах, все более и более дерзких. Когда мы, русские, прибыли во Францию, живущую мирной жизнью, нас поражала честность толпы: разложит лавочник товары, иногда весьма ценные, на столике перед лавкой, сам сидит в лавке и за товарами не наблюдает — да и столики-то зачастую помещены в стороне от входа в лавку и их торговец не видит. Прохожие роются в товарах, выбирают то что им нужно, и несут в лавку. Продавец газет поставит блюдце с мелочью около газет и уходит в соседнее бистро. Покупатель берет газеты, кладет деньги в блюдце и, если нужно, берет сдачу.

Надо отдать справедливость французской прессе — она мужественно вскрывает все язвы. В газетах стали появляться тревожные статьи по поводу частых убийств, и легкости с которой люди идут на преступления. Меня заинтересовали убийства в пределах семьи: родители убивают детей, дети — родителей. В одной и той же газете сообщается иногда о трех случаях подобных убийств. Поражает их разнообразие, а также и мотивы преступлений. Имея обыкновение делать вырезки из газет по интересующим меня вопросам, я стал собирать вырезки и по вопросу об убийствах в семьях. В короткий срок у меня набралась сотня таких вырезок. Тут и Jean-Claude, восьми лет, повешенный своим отцом, тут и M-me Jean Maresse, держащая в руках своего пятимесяч-

ного ребенка, которого душит отец. Мать чувствует конвульсии ребенка . . . чувствует как он умирает . . . И делается это для того, чтобы подозрение пало на бабушку, не совсем нормальную, и чтобы таким образом избавиться от ее присутствия в доме; тут и Lydie Ortege семи лет, пальцы которой отец прижал к раскаленной плите; тут и . . но, тут в мою работу вмешалась жена:

— Мы живем во Фрации, пользуемся ее гостеприимством и нам не подобает расписывать ее непорядки — пусть это делают сами французы.

Собрал я свои вырезки и решил показывать их только тем французам, которые упрекают нас в дикости, варварстве и тому подобном.

ГОЛУБЕНКО

После войны Франция стала вырабатывать конституцию новой республики. Проводились анкеты, предварительные выборы. Русские не оставались безучастными к вопросам, интересующих французов. Проходя мимо одного бистро, в котором посетители страстно обсуждали вопросы о будущем устройстве Франции, я узнал в одном из спорщиков Голубенко. В начале войны он побывал в Германии и вернулся оттуда больше гитлеровцем, чем сам Гитлер. Даже и то, что в Германии было хуже чем во Франции, в его рассказах изображалось как какое-то достижение.

— Там тебе не то, что во Франции там тебе нету этих самых конфитуров да фромажей к обеду. Дадут тебе гору картошки с капустой. Одолеешь — твое счастье, не одолеешь — пеняй на себя! Опять же и на вокзале. Носильщиков не ищи, тащи вещи сам: не барин . . .

К концу войны его отношение к немцам изменилось. От почтения к Гитлеру ничего не осталось. Обращаясь к нему на «ты», он говорил:

— Ты чиво ето Рассею узять хочешь? . . Шалишь, брат . . .

Страсти в бистро разгорелись по вопросу, на который в анкетах, для краткости, надлежало отвечать — да или нет. Голубенко загнал в угол какого-то русского, имеющего право голосовать, наседал на него и кричал: — Ты мне не финти, а то враз по морде получишь. Ты мне вынь да положь, чи oui, чи non!

Встретил я его недавно на больших бульварах.

— Уезжаю в Испанию, хочу заделаться коридором, — заявил он.

— Уж не тореадором ли? — пошутил я.

— Во-во, это самое.

Я удивился:

— Как же так, ведь к этому с детства нужно готовиться, нужно быть испанцем...

— Чиво там, испанцем. А готовила меня моя матушка, царство ей небесное.

— Она была испанкой?!

— Ну, вот вы опять свое — у нас такого конфуза в семье не было — она из Звенигородки, може слыхали?

Видя мое удивление, он пояснил:

— Нас, детей, было много. Выведет, бывало, нас мать на прогулку. Надо бы улицу перейти, а тут, как на грех, подвода катит — везет железо. Идет-то она не шибко, но тарахтит по булыжникам знаменито. Мать в страхе: «Дети, дети, бегите скорее вперед!» Хватает малышей и тащит их назад, а нам кричит: «Вперед... назад...» А подвода уже близко. Дрогаль ругается. Мать совсем уже голову потеряла — хватает одного, да под лошадей, другого — под колеса. По началу было жутко, а потом привыкли: она тебя под колеса, а ты верть, и назад... Даже забавно. А теперь, позвольте вас спросить — кто меня будет на арене под бычка пихать?.. Никто. А уж ежели изловчился, да саданул, как говорится, по первое число этого самого бычка, когда он на тебя сигает, то тут тебе и честь и слава, и в карман гонорея...

— Это еще что? Вы хотите сказать — гонорар?

— Во-во, это самое. А потом вертаюсь до Парижа — тут уже гуляй рассейская душа! Ну, прощевайте, не поминайте лихом, коли ежели что...

Голубенко затерялся в толпе, а я думал о том, что он, может быть, не сказал еще своего последнего слова.

ВОВОЧКА

Не всем посчастливилось дождаться конца войны. С тяжелым чувством шел я к жертве войны С. Н. Захаренко, живущей недалеко от места моей работы. Мужа ее, Вовочку, можно было охарактеризовать одним словом — семья-

нин. Попадая к ним, окунался я в атмосферу полного семейного счастья. Здоровяк и весельчак, Вовочка, окончив работу, стремился домой, чтобы обнять жену и высоко-высоко поднять свою дочурку Галочку. Квартира наполнялась радостными криками. И язык у родителей был особенный, приспособленный для ребенка. Уйдешь от них, а в ушах все еще звучат домашние словечки — кушечки, спавачки, мамочки, Галочки, Вевочки . . . Пришла война. Вовочка потерял работу в Париже и должен был ехать на побережье Атлантического океана, работать у немцев в Сант-Мало. Выписал он туда свою семью и зажили они опять тихой семейной жизнью. В то время на работе у немцев оказалась целая куча русских парнишек в возрасте 14—15 лет, вывезенных из России. Ребятишки стали бывать у Захаренко. Справляли с ними русскую Пасху. Веселились, пели и пили за Россию. Кому-то это не понравилось. Вовочка был арестован и отправлен в Германию — откуда не вернулся.

Поднимаясь по лестнице я был удивлен, услышав русскую речь. Прислушался. Под лестницей копошились русские парнишки.

— Я зайду здесь к одной бабке, занесу курицу, а вы валяйте на вокзал, ждите меня там, — говорил один из них.

Увидев меня они смолкли и посмотрели с недоверием, а через минуту, переглянувшись юркнули к выходу. Потом уже я узнал, что немцы, отступая с побережья, погрузили ребятишек в вагон, откуда они, по дороге, удрали и стали промышлять торговлей. Эти, например, привозили продукты из Сант-Мало в Париж. Где-то они теперь?

У ИНВАЛИДОВ

Люблю я заходить в Главное правление зарубежного союза русских военных инвалидов. Встречает меня радостными возгласами мой товарищ по полку Борис Горчаков. Его кипучая натура нашла себе применение.

— Смотри, — говорит он, показывая на целую гору отрывных календарей, издания Главного правления, — все это надо запаковать, на каждый календарь наклеить адрес, провести по книгам и сдать . . . я уже приготовил три тысячи!

Тысячи и тысячи этих календарей рассылаются во все страны, доходят до самых отдаленных уголков земного ша-

ра. Это целое предприятие, которое в нормальных условиях имело бы свое бюро, целый штат служащих, упаковщиков, агентов и другое — ведется исключительно членами правления. Генерал Позднышев неутомимо и с любовью подбирает материал для листков календаря, которые каждый день говорят о России, ее истории, быте, нравах, обычаях всех населяющих ее народов. Листки напоминают русским беженцам о России. Поражает разнообразие материала. Перед читателями проходят картины Сибири, Туркестана, Кавказа и других окраин. Календарь знакомит читателя с произведениями русских писателей, философов, ученых, поэтов. Знакомить изо дня в день, никогда не повторяясь, всех сынов необъятной России с тем, что представляет из себя их родина — это подвиг, который далеко не всем по силам — он по силам генералу Позднышеву, ибо он большой патриот, воин, поэт, писатель и журналист. Но и этого подвига ему кажется мало. В художественном издании выходит его книга «Немеркнущий свет», посвященная царю Николаю II и царской семье, также, как и позже вышедшая книга «Распни его» . . . А его книга «Этапы», является как бы историей Союза Инвалидов.

Читается она не как сухая историческая справка, а как художественное произведение. Нам ясно представляется эвакуация добровольческих армий и тысячи беспомощных инвалидов, выгруженных на берег у Константинополя; выгруженных, как товар на который нет покупателя. И с первых же дней возникает вопрос — как жить? На так трагически поставленный вопрос на вопрос о том, как сделать невозможное, ответила маленькая группа инвалидов, устами инвалида, блестящего боевого офицера, георгиевского кавалера — полковника Адамовича.

— Стыдно теряться, — начал он свою речь и кончил словами: — Один за всех и все за одного.

В этих словах сказалась постоянная готовность русского человека идти на подвиг, не считаясь с трудностями, та самая готовность, с которой, как я уже писал раньше, из рядов солдат оставшихся у подножья неприступной скалы в Хевсурии вышли вахмистр Дивин и рядовой Иванов, молча измерили глазами неприступного гиганта (на вершине которого стояли в боевой готовности хевсуры) — и полезли на него, подсаживая друг друга.

С июля 1920 года во главе Зарубежного союза становится известный кавказский генерал Н. Н. Баратов, прославив-

шийся со своими Сунженцами уже в русско-японскую войну, герой боев у Сарыкамыша, Даяра и комадовавший экспедиционным корпусом в Персии, когда, в 1000 верстах от границы России, идя на выручку англичан, он нанес поражение туркам у Керманшаха и Ханыкена.

— Где объединение — там я, где нет объединения — там нет и меня, — заявил генерал, беря в свои руки дела Союза, и со свойственной ему энергией, объединил всех инвалидов, пребывающих в эмиграции. Книга «Этапы», рисуя рост Союза, описывает инвалидные съезды, начиная с Первого съезда в Югославии в 1927 году. Устраивая затем съезды во всех славянских странах, Союз воскрешал старые отношения этих стран к России, пробуждал, казалось, уже заглохшие чувства. Дни съездов Союза превращались в «Русские дни» с банкетами, речами и экскурсиями в исторические места. В Болгарии, на глазах у многотысячной толпы, у подножия памятника Царю-Освободителю, генерал от кавалерии Гурко, сын особо почитаемого болгарами легендарного фельдмаршала, укрепил на груди старейшего болгарского участника Освободительной войны генерала Николаева золотой почетный знак Зарубежного союза; и два выдающихся генерала обнялись и расцеловались. Это был глубоко трогательный символический момент. Восторженное ура толпы показало, что она так именно и поняла этот жест. Болгары устроили участникам съезда поездки во все исторические места: Загоры, Тырново, Плевну (кладбище 40 000 русских солдат). Пребывание русских инвалидов превращалось повсюду в грандиозные манифестации русско-болгарской дружбы.

Генерал Позднышев воскрешает старые картины, как — «...болгарские ополченские дружины, под командой русских офицеров, изнемогая от усталости, истекая кровью, дрались как львы, переходя в яростные контратаки, сходились «на нож» с ненавистным врагом и катались по земле в предсмертных объятиях...»

Воскрешает он и картины боев за освобождение Болгарии, оживляя их рассказами стариков, участников этих боев.

В мае 1935 года Зарубежный союз торжественно праздновал 15-летие своего существования. Генерала Баратова уже не было в живых, но плоды его трудов были налицо. В 1920 году казалось утопией получение регулярных пособий от стран, связанных со старой Россией дружбой или союзными обязательствами. Генерал Баратов этого добился.

Он добился того, что около тысячи тяжелых инвалидов нашли приют в русских инвалидных домах во всех странах рассеяния беженцев. И, если первое собрание организаторов Союза в г. Панчеве в 1920 году было прервано в сумерки, так как не было огарка свечи, чтобы осветить стол, то теперь это была уже мощная, известная всему миру, организация, высоко поднявшая имя русского инвалида, вошедшая в связь с крупной международной организацией комбатантов, Лигой Красного Креста и Лигой Наций и имеющая своих членов на пространстве от Нарвы до Трансвааля, и от Аляски до Чили, и включающая в себя двадцать один Союз разных стран. Генерал Баратов умел резговаривать с самыми высокопоставленными лицами как равный с равными — и к его голосу, к его призывам прислушивались все.

Он оставил после себя достойных заместителей в лице генерала Кальницкого, генерала Позднышева и полковника Костанда. Утвержденные съездом в 1927 году, они остаются на своем посту и по сей день. Пребывание их, бессменно, на протяжении четверти века на своем посту — это не есть «захват власти»: один за другим все Зарубежные съезды, контролирующие работу Правления, неизменно одобряют ее, и не могут не одобрять, ибо цифры и факты говорят за себя. Говорят за себя собранные и переданные в Союзы миллионы, говорит за себя строгая отчетность, установленная в канцелярии Правления.

Сделано невозможное. Нужно было бы, чтобы оценить работу Союза и его Правления, побывать и увидеть собственными глазами 4 инвалидных дома и несколько общежитий в Болгарии, убежище в Германии, два дома в Греции, приют в Польше, общежитие и дом призреваемых в Чехословакии, 4 дома во Франции, приют в Шанхае, 6 домов и ряд общежитий в Югославии. Перечень инвалидных предприятий, в которых даже самые тяжелые инвалиды находили для себя посильную работу, занял бы слишком много места. Тут и свиноводство, и кролиководство, молочные хозяйства и всевозможные мастерские.

В области религиозно-просветительной — церкви, газеты, библиотеки, книги издаваемые Союзом, а также организация ежегодного «Дня Русского Инвалида».

Минувшая война нанесла Союзу тяжкие удары, но Главное правление перенесло и эти удары. Пришлось восстанавливать нарушенную связь между странами, завязывать новые отношения и работать... работать. Если у генерала

Кальницкого — нужные свидания, заседания, визиты; если у генерала Позднышева книги, календари и журналы, то у казначея Союза, полковника Костанда — царство цифр. Деньги здесь в верных руках. Каждая пожертвованная копейка бережно проводится по книгам, каждый расход должен быть оправдан. Покидая канцелярию Союза, я всегда думаю, что в нем царит порядок, тот порядок, который делает чудеса.

Французский отдет Союза инвалидов, возглавляемый генералом князем А. Н. Эристовым, проделывает тоже колоссальную работу, преодолевая невероятные трудности на своем пути. Сбор средств, содержание домов для престарелых и нетрудоспособных, забота о безработных, хлопоты за своих членов во французских учреждениях — вот ежедневные заботы членов Правления, получающих более чем скромное вознаграждение за свой труд . . .

Большую помощь Союзу оказывает Дамский комитет под председательством княгини В. Я. Эристовой.

Председатель Зарубежного союза инвалидов генерал М. Н. Кальницкий во время войны 14-го года командовал Грузинским гренадерским полком. Полк этот, еще с петровских времен, был боевым соратником Тверцев, а с приходом Тверцев на Кавказ стал их кунаком. К моменту встречи с Тверцами, Грузинцы уже завоевали себе почетное место среди старых кавказских полков. От победы к победе их вели такие доблестные командиры как Симонович, граф Симонич, Ушаков (павший в бою у Ленкорани), Котляревский, тяжелое ранение которого помешало ему занять почетное место среди выдающихся полководцев XIX века, князь Орбелиани, геройски погибший в бою у Баш-Кадык-ляра и храбрейший князь Тархан-Моуравов.

Лавровые венки, которыми украшены знамена полка, начали плестись с зарождения мысли о Кавказской войне и окончились их геройскими подвигами в земле Шапсугов 10 и 11 мая 1864 года, где в диких ущельях рек Мцимта и Псху прозвучали последние выстрелы войны на Кавказе — о чем и гласила телеграмма наместника на имя Государя Императора, в которой говорилось: «Отныне на всем Кавказе нет ни одного человека не покоренного Вашему Императорскому величеству».

РОССИЯ И ГОРЦЫ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА

Покорение горцев Кавказа диктовалось естественным ходом русской истории. Покончив с монголо-татарской угрозой на востоке, Россия вынуждена была вступить в борьбу с Крымом, беспокоящим Московское государство своими набегами, уводящим в неволю русское население и расчищающему путь туркам, которые, покорив Византию, начали угрожать не только России, но и всей Европе. С XVI века Турция уже владела на юге России рядом крепостей — Хотин, Бендеры, Измаил, Аккерман, Хаджибей, Очаков. На Кавказе горцы мусульмане являлись авангардом Турции. Были они также орудием и в руках англичан. Их сила сопротивления была вскормлена англо-турецкой помощью. Уже во время Крымской войны, английский премьер-министр Пальмерстон выдвигал проект расчленения России. Он предлагал отдать Финляндию и Алундские острова Швеции. Прибалтику — Пруссии, восстановить Польское государство за счет территории русской Польши, а так же отдать часть Кавказа и Крым Турции. Вообще же влияние французов, вызывавших постоянные войны с Турцией и Персией, уступило с 1805 года место влиянию англичан. Они осыпали золотом Персию, требуя, например, возобновления Персией войны против России в 1826 году, англичане угрожали лишить Персию 800 000 рублей серебром, платимых Ост-Индийской компании правительству шаха. Уже в 1837 году англичанин Биль и сотрудник газеты „Morning Chronicle“ обосновались в землях шапсугов, наводнили народ прокламациями и даже вручили ему особое знамя. Английские пароходы в большом количестве циркулировали между Константинополем и побережьем Черного моря, доставляя горцам порох, свинец и военное снаряжение.

Задачей России было не только вырвать оружие из рук горцев, но и наладить среди них мирную жизнь, а также установить естественные границы с Турцией за пределами единоверной Грузии и угнетаемой турками и персами Армении.

В ДОМЕ Ф. И. ШАЛЯПИНА

Париж замечателен тем, что даже в самом центре города взорам открываются широкие перспективы. Вот и с площадки у Palais du Chaillot видна Сена, по ту сторону которой высится Эйфелева башня на Марсовом поле. Направо взор уходит далеко вдоль течения Сены. Там видны горы, покрытые лесом. Налево видишь красивые изгибы Сены, а дальше — возвышающийся над городом белый силуэт храма Sacré-Coeur. В самом Palais du Chaillot была всемирная выставка в 1937 году, а теперь бывают собрания представителей всех стран, решающих судьбу народов. В двух шагах от этого места, на av. d'Eylau — дом знаменитого Шаляпина. Поднимаюсь на второй этаж к однополчанину Мголобелишвили. Там сегодня собранние по случаю приезда из Белгии Тверца Придонова. Из передней кричу:

— Тверцы, алла-верды к вам!

— Якши-иол, — доносится в ответ.

Вот и Володя Придонов. Знал я его юношей. Встречались мы сорок три года тому назад в парке в Кисловодске, устраивали кавалькады, поездки к «Замку коварства и любви», или к месту дуэли Печорина с Грушницким . . . Но мы люди одной школы и поэтому знакомство возобновляется быстро:

— На ты?

— На ты.

— Ну, поцелуемся . . .

На столе дневник нашего Объединения . . . Начат он в Париже в 1922 году Придоновым. Вел его Юзвинский — умер. Вел Лучинский — умер.

— Похоже на то, что теперь моя очередь, как старшего из вас, — говорю я.

— А вы продолжайте его вести. Он переживет нас, попадет в Россию и пусть увидят из него, что мы до конца дней своих остались верными тому, чему служили.

Перелистываем дневник. Каждая страница говорит нам о жизни в эмиграции, напоминает о тех, кого уже нет . . . Много фотографий и из прошлого полка. Вот Царские Колодцы. Вот пикник у подножья« Замка царицы Тамары». Вот полк на параде. В дневнике не только изображение полковой жизни, в нем можно видеть и близкие сердцу картины Кавказа:

Тифлис, собор во Мцхете, монастырь св. Нины, тип армянина фруктовщика, тип горского еврея в черкеске с кинжалом, кавказский оркестр «сазандари»; тифлисский кинто. Фотографии из войны 14-го года: полк на походе в Мессопотамии, бивак на поле битвы, типы курдов, группа офицеров в Керманшахе и так далее. Все эти фотографии вызывают воспоминания:

— А в общем, Котэ Ратиев был в бою молодец! — говорит Ильинский, и этой фразой начинается разговор о прошлом.

Тверцы недавно осиротели: умер ротмистр Смирнов. Болел он долго. Ухаживавшие за ним в госпитале сестры говорили, что видели они тысячи умирающих, но такого терпения, такого мужества, какими отличался Смирнов, они не встречали. Ушел Тверец, но на его место, на правах кунаков, стали его родственники — капитан В. Н. Браиловский и сулейтенант Г. М. Крживоблоцкий.

Присутствующий на собрании капитан Браиловский нарисовал нам картину из недавнего прошлого . . .

Идет эвакуация Новороссийска. Он, капитан бронетанковых частей, назначен комендантом транспорта «Екатеринодар». Погрузка имущества танковых частей закончена. Все готово к отплытию — отдаются «концы». Но что это?! Он видит запоздалую группу всадников и пеших, прибывших с фронта и вступающую на пристань. Вид у всех измученный — кого-то несут на носилках . . . Он видит малиновые фуражки . . . Капитан Браиловский был юнкером в Тифлисском училище; не раз любовался он полками Кавказской кавалерийской дивизии, проходящими мимо училища, помнил он их малиновые фуражки . . . Но, какая разница! На пристании были не бритые, обросшие бородами, на маленьких измученных лошаденках люди, или, вернее, тени людей. Зедержав отправку транспорта, спускается он на пристань Он узнает ротмистра Смирнова (брата жены), узнает что в группе из 28 человек находятся князь Абашидзе, Счастливцев, граф Шамборан, братья Черевинские, Щигровский, Юзвинский . . . Да это — остаток Сводного полка Кавказской кавалерийской дивизии. Надо их принять на пароход . . . но транспорт перегружен и осел уже до ватерлинии. Но для кунаков место находится. Здесь, на пароходе, капитан Браиловский, как комендант парохода, царь и бог, и он приказывает выбросить из трюма личный багаж генерала Новикова (багаж своего начальства!). По прибытии транспорта к месту назначения, там — на берегу, он отдаст отчет

о своем смелом поступке. Сейчас он об этом не думает: сейчас у него одна забота — не оставить кунаков брошенными на пристани.

Разговор перешел на воспоминания о гражданской войне, но любезному хозяину, Грише Мголобелишвили, пора отправляться на работу.

— Завтра встретимся в ресторане Симониана, — решаем мы.

— А после завтра я вас приветствую у Габо, — заявляет Придонов.

— Итак, до завтра! — и мы расходимся.

Я не спускаюсь вместе со всеми, а поднимаюсь по черному ходу до самого верхнего этажа. Там, под самой крышей, в маленькой комнатушке живет полковник П. В. Корженевский — Тифлисского гренадерского полка. В комнатке — два шага в ширину, четыре в длину — повернуться негде. Но на стенах нашлось место для гравюры, изображающей прохождение церемониальным маршем гренадер графа Румянцева, группы офицеров Тифлисского полка, снятой в 1905 году; фотографии изображающей производство юнкеров в офицеры, а также фотографии самого Корженевского, снятого на костылях во время русско-японской войны. Любезный хозяин суетится, освобождает для меня место, угощает чаем. Несмотря на свой весьма преклонный возраст, он где-то работает, но не жалуется, и разговор наш идет о временах давно минувших.

— С вами, Тверцами, мы как бы земляки: мы ведь долго стояли на лезгинской линии и даже на Царских Колодцах, — говорил он.

Старые вояки бережно хранят память о героях своего полка, и любят вспоминать их подвиги. Вспоминает и он о деле бывшем в 1804 году. Войска наши в то время осаждали Эривань и терпели большую нужду в боевых припасах и продовольствии. Командующий войсками, князь Цицианов, выслал транспорт за необходимыми припасами в Караклис, дав ему прикрытие в 114 человек при одном орудии. Отрядом командовал майор Тифлисского полка Монтрезор. Операция была крайне рискованная, так как в тылу наших войск появились полчища персов и их союзника, грузинского царевича Александра. И, действительно, в 15 верстах от Караклиса отряд Монтрезора был окружен 6-тысячным войском Пир-Кули-хана и царевича Александра. Немногочисленный отряд смело вступил в бой, и противник, видя упор-

ное сопротивление и неся громадные потери, предложил ему сдаться, но майор Монтрезор, помня присягу, отказался и решил продолжать бой. Все в отряде понимали, что исход этого боя — гибель . . . Но, проникнутые чувством долга и желанием погибнуть с оружием в руках, последовали за своим доблестным командиром. Скоро от славного отряда, расстрелявшего все свои патроны, не осталось никого в живых, за исключением тяжело раненого барабанщика, от которого наши и узнали о подробностях этого боя. Сам Монтрезор дрался до последнего издыхания около пушки, переставшей стрелять. Исковерканная пушка, да сотня поломанных ружей были трофеями победителей.

На месте этом был впоследствии поставлен памятник, весьма чтимый жителями окрестных деревень.

У КУНАКА МИНГРЕЛЬЦА

В шикарной части Парижа, на Елисейских полях, расположено одно из старейших русских эмигрантских предприятий — «Возрождение». Под этим именем существует издательство, имеющее свою типографию, выпустившее книги более ста русских старых писателей и издающее периодически свой журнал, который заменил ранее издаваемую ежедневную газету. Целый этаж в доме занят книжным магазином, а склады книг имеются в разных частях Парижа. Громадная библиотека, а также, единственная в Европе, торговля русскими граммофонными пластинками. Предприятие это имеет связь со всеми странами.

Вхожу туда. Меня проводят к Г. А. Джуджиеву, заведующему книжным магазином, библиотекой и отделом торговли пластинками. Он очень занят, диктует бумаги, перебирает книги.

Указывает на кресло и спрашивает — чем может служить. Сам он старый Мингрелец. Узнав, что мне нужна справка о Мингрельцах, он оставляет свои книги и подходит ко мне. И это не случайность, что справку о Мингрельцах он дает из заметок, лежащих на ближайшей полке. Мы сидим у окна. Взоры наши скользят по парадной толпе, по веренице блестящих автомобилей, но речь наша идет о далеком Кавказе, о делах давно минувших.

— Вот мы говорим — Тифлис, Баку, геройство русских

под Карсом, — говорит Джуджиев, — а знаешь ли ты, что был момент в начале Восточной войны (1853—1856гг.), что от горсти Мингрельцев зависела судьба и Тифлиса, и Баку, и успех войны на кавказском фронте? Надо сказать, что война застала Кавказ в весьма невыгодном для России состоянии. Войска были заняты делами против горцев, пограничная линия была слабо защищена, а главная масса наших войск только начинала стягиваться к двум стратегическим пунктам — Ахалциху и Александрополю. Таким образом, все пространство к югу от Тифлиса было обезоружено и открыто неприятелю. Шамиль не преминул воспользоваться таким положением. Он стал проповедовать, что настало время соединения всех поклонников ислама, чтобы, под знаменами турецкого султана, создать торжество мусульманской веры. Собрав 10 000 горцев, он перешел Кавказский хребет, с намерением проникнуть через Кахетское ущелье в Закатальский округ, в Кахетию, соединиться с мусульманами Нухинского округа, дойти до Персии и, вообще, поднять все мусульманское население Закавказья. На своем пути он встретил недостроенное укрепление Массельдигер, занятое тремя ротами Мингрельцев. И эта горсть Мингрельцев три дня отбивала отчаянные приступы горцев. Эта задержка дала возможность начальнику лезгинской оборонительной линии, генералу князю Орбелиани, собрать нужные войска. В это же время генерал князь Аргутинский-Долгорукий, совершив труднейший поход через Кавказский хребет из Дагестана, прибыл в Закатальский округ. Шамиль был остановлен и отброшен обратно в горы. Не будь сопротивления Мингрельцев, Тифлис мог стать добычей Шамиля, и, вместо геройских дел под Карсом, наши войска вынуждены были бы оставить целый край.

О себе полковник Джуджиев не говорит, за него гласит реляция следующее.

«Орден св. Георгия 4-й степени — капитану 16-го гренадерского Е. И. Вел. Кн. Дмитрия Константиновича полка Георгию Джуджиеву за то, что в бою 22 ноября 1914 года у м. Осеки, будучи в чине шт.-капитана начальником пулеметной команды полка, находясь на правом фланге 3-го батальона, занял позицию в 300 шагах от окопов противника, под сильным огнем его руководил действиями своих пулеметов и настолько ослабил огонь противника, что дал возможность 3-му батальону, с незначительными потерями, занять неприятельские окопы; заметив приближение резер-

вов противника, под сильнейшим огнем выдвинулся впереди окопов на открытую позицию и огнем своих пулеметов заставил немцев отойти, чем обеспечил занятие двух линий окопов неприятеля.

29 ноября, у деревни Рожице, когда немцы окружили 3-й батальон, под губительным огнем врага, несмотря на полученную тяжелую рану и большую потерю в людях, огнем своих пулеметов обеспечил отход частей батальона и, раненый вторично в ногу и спину, продолжал вести огонь из пулеметов, а когда был окончательно окружен противником, отверг предложение о сдаче и не прекратил боя, пока тяжелым снарядом не был снова ранен и потеряв сознание был взят в плен».

ХРАНИТЕЛИ РУССКОЙ ВОЕННОЙ СТАРИНЫ

Когда долго служишь в полку, когда перечитываешь историю этого полка, начинаешь смотреть на него как на какое-то живое существо которое родилось вступило в жизнь, имело удачи и неудачи, совершало подвиги, получало награды, имело друзей и так далее. Привыкаешь считать полк своим родным, с которым невозможно расстаться, а если он погиб, то бережно хранишь о нем память, собирая все то, что его напоминает. И таких собирателей много. Их больше, чем мы думаем. Вот они.

Полковник Сергей Александрович Топорков. Переступив порог его квартиры, попадаешь в музей его родного Александрийского гусарского Ее Величества полка. Основан он был им в Ментоне, на юге Франции, в 1928 году, и с того времени непрерывно пополняется. При входе в музей бросаются в глаза — большой портрет масляннными красками императрицы Екатерины II, в царствование которой был сформирован полк; 2 прекрасных портрета шефов полка — императрицы Александры Федоровны и фельдмаршала князя Варшавского графа Паскевича Эриванского, а также большой портрет шефа полка Великого князя Николая Николаевича старшего. Портретов и фотографий так много, что их в короткой заметке перечислить невозможно. Есть редкие портреты, как, например, портрет Суворова пастелью — копия с подлинного портрета, написанного Шмидтом в Праге в 1800 году; фотографическая пересъемка с миниа-

тюрного портрета корнета Манзай, смертельно раненого под Аустерлицем. Очень интересна старая фотография с гравюры сделанной в Париже в 1824 году — портрет ротмистра Петрова (впоследствии атамана Астраханского казачьего войска). Портрет князя Мадатова. Ряд портретов офицеров и гусар, служивших в полку. Много гравюр, литографий (руских и иностранных) и оригинальные рисунки маслом и акварелью с изображением форм полка за все время его существования, развешаны частью по стенам, частью хранятся в папках. В особых витринах — два александрийских гусарских доломана (офицерский и солдатский), парадная шапка, фуражки, погоны, полковые значки, ордена . . . и разные предметы, принадлежавшие офицерам и гусарам. В отделе медалей можно видеть редкие жетоны — мир с Портой в 1791 году; жетон в память сражения у Кацбаха в 1913 году; бронзовые медали в память победы над турками под Шумлой в 1829 году. Богато представлена эстампами война с Наполеоном в 1806-7 гг. Много ценных книг как, например, жизнеописание Суворова, изданное в Лондоне в 1799 году на французском языке. Вообще же в библиотечном отделе имеется до 1000 книг. Сам полковник Топорков проделал громадный труд по сбору биографий лиц служивших в полку за все время его существования. по сбору материала для истории полка), по сбору материалов об участии Александрийцев в войне 1914—17 гг. и гражданской. Особый интерес представляет рукописный список георгиевских кавалеров, составленный к 100-летнему юбилею учреждения ордена св. Георгия, в красивом переплете с закладками из георгиевских лент.

Полковником Топорковым любезно принят на хранение и расположен в особом помещении музей Николаевского кавалерийского училища.

Полковник Владимир Григорьевич Ковалевский. Наличие большой коллекции фотографий и различных воспоминаний, вывезенных им из России, а также помещение, уступленное полковником Случевским, дали ему возможность открыть 1 октября 1933 года музей 18-го гусарского Нежинского полка. Открытие было приурочено к 150-летию основания полка (названного тогда Нежинским Малороссийским казачьим полком). Нежинцы, расселенные во всех странах, откликнулись на призыв организатора и прислали в дар Объединению для музея ценный материал, среди которого нужно отметить работу скульптора Левандовского, а также

— художника Подушкина (приславшего целую серию акварелей форм Нежинских полков, со времени царствования императора Павла I.

Удобное помещение с ценной мебелью дало возможность Нежинцам устроить при музее свою столовую и собираться в традицией установленные дни в своем «Собрании-музее».

Музей пополнялся непрерывно как собственными приобретениями, так и различными подношениями.

После кончины Его Высочества принца Ольденбургского, в музей через однополчанина полковника Хохольского, служившего при Его Высочестве, были присланы различные предметы почившего; можно отметить большую работу одной англичанки — сделанный на меди барельеф мученически убиенного императора Николая II.

На стенах музея размещены большие застекленные гравюры российских монархов, а вдоль стен — три деревянные футляра, с помещенными в них ценнейшими мундирами: императора Александра II, генерала адъютанта графа Адлерберга и свиты Е. В. генерал-майора Ковалевского. Много книг и всяких документов. Лично полковником В. Г. Ковалевским проделан огромный труд по составлению истории полка в пяти томах, с картами и многочисленными фотографиями. Теперешняя жизнь Объединения полка отражается в особых «приказах» с добавлением к ним фотографических снимков общих групп, которые составят в будущем полную картину жизни Объединения полка в эмиграции.

В особых комнатах расположены — музей Пажей Его Величества и музей лейб-драгун.

Полковник Павел Васильевич Пашков. Маленькая квартира полковника П. В. Пашкова превращена в музей. Первое, что бросается в глаза при входе в этот музей — это художественно исполненные и красиво расположенные рядами макеты форм всех полков русской регулярной конницы. Много фотографий и гравюр. Широко представлена коллекция, доходящая до 1000 экземпляров, наградных медалей для ношения, нагрудных знаков, жетонов и орденов. Особенно полон отдел военно-учебных заведений и знаков периода гражданской войны. Полковник Пашков не только коллекционирует — он изучает и опысывает нагрудные знаки и медали. В этой работе он сотрудничает также и с полковником В. Г. Рихтер, проживающим в Лондоне.

По инициативе П. В. Пашкова и А. А. Стаховича основан в Париже в 1946 году «Кружок любителей русской военной

старины», переименованный потом в «Общество любителей русской военной старины».

Общество поставило себе цель:

1) Стремиться сохранить в русских руках и вообще сберечь от уничтожения и распыления памятные и драгоценные предметы славного русского военного прошлого.

2) Наладить связь между лицами, собирающими предметы русской военной старины или ищущими военно-исторические материалы в целях научной документации и тем облегчить им их сложную и полезную работу.

3) Создать печатный орган для опубликования неизвестных или малоизвестных широкому кругу любителей материалов по русской военной истории, библиографии, медалистике и тому подобному.

4) Организовать выставки и доклады военно-исторического содержания.

Русская эмиграция широко откликнулась на призыв устроителей Общества, и к лету 1952 года в его составе числилось уже более 200 членов, проживающих во всех странах мира.

О деятельности Общества можно судить по тому факту, что за короткий срок оно выпустило прекрасно изданный сборник «Русская Военная Старина» и наладила журнал «Русский Военно-Исторический Вестник», не считая «Информационного Листка», рассылаемого периодически членам Общества. Общество имеет Библиотеку-архив, куда поступили некоторые редкие и ценные книги.

Начиная с 1947 года Общество устраивает выставки и доклады, проходящие с большим успехом. Суворову, его Итальянским и Швейцарским походам были посвящены две выставки: была выставка «Русская Армия 100 лет тому назад». А в помещении Кабинета медалей Национальной библиотеки была выставка «Русская медаль от Петра Великого до наших дней».

С лета 1952 года Общество работало над устройством в мае 1953 года юбилейного празднования 250-летия Петербурга «символа и олицетворения императорского периода Российской истории, в красоте и величии которого отражается вся духовная и внешняя мощь нашей родины . . .»

В своем обращении ко всем зарубежным общественным организациям Общество говорило, что:

«Державною волею Петра Великого, 16 мая 1703 года, среди дремучих лесов и непроходимых болот, на берегах ши-

рокой и многоводной реки, у самого Финского залива, был заложен город, названный им «град Срятого Петра» — Санкт Петербург. Могучей волею гениального Преобразователя земли русской, как по мановению волшебного жезла, в течение двух десятилетий возникла новая столица — краса и гордость народившейся империи Российской . . .»

Внешний архитектурный облик столицы является неподражаемым величественным памятником самобытного русского художественного творчества, ставящим нашу «Северную Пальмиру» на одно из самых первых мест среди блестящих столиц всех времен и всех народов. В Петербурге — резиденции наших Государей и Их двора — и в ближайших его окрестностях было расположено большинство полков российской императорской гвардии, здесь, преимущественно, находились средние и высшие военно-учебные заведения. Эти замечательные питомники командного состава нашей армии; здесь на месте его первых побед, была колыбель нашего военно-морского флота; здесь, в русских храмах, хранились бесчисленные трофеи нашей военной славы.

В петербургских музеях и в особняках меценатов хранились ценнейшие художественные сокровища, с любовью собранные в течение двух веков. В Петербурге зародилось и цвело, победившее ныне весь мир, русское сценическое искусство — русский балет и русская опера.

В мае месяце 1953 года русская эмиграция широко отметила 250-летие Санкт-Петербурга. Повсюду читались лекции, писались статьи, устраивались выставки, спектакли, торжественные панихиды и собрания.

Общество любителей русской военной старины, совместно с Комитетом «Дня русской культуры» организовало празднование этого юбилея 14 мая в большом зале Армии и Флота, куда собрался весь русский Париж.

Торжество началось выступлением хора П. Волошина, проникновенно исполнившего перед портретом Петра Великого «Коль славен», при звуках которого поднялся весь зал. С таким же благоговением были выслушаны военные марши Преображенского и Семеновского полков, исполненные бывшим офицером-преображенцем В. Нелидовым. После блестящих речей А. А. Титова, Б. К. Зайцева, профессора К. Н. Давыдова и В. И. Поля, артистка Е. Н. Рощина-Инсарова прекрасно прочла отрывок из «Медного всадника», а также чудесные стихи Шишмарева.

Почти всего «Медного всадника» прочел, с большим подъемом, А. А. Вырубов.

Старинную русскую «Славу» и «Серенаду четырех кавалеров» Бородина исполнил «Санкт-Петербургский квартет». Публика требовала повторения.

Прекрасно пели госпожи Михеева и Романова. Браминов превосходно исполнил арию из «Князя Игоря».

Императорские гербы на сцене, трехцветный и андреевский флаги, художественные макеты Петербурга — создали особенно торжественное настроение . . .

К этому дню Общество издало особый номер журнала — «Военно-Исторический Вестник», а также отчеканило на парижском Монетном дворе бронзовую медаль (В память 200-летия С.-Петербурга).

В ДАЛЕКОЙ РОССИИ

Передо мной книжонка Ираклия Андронникова, изданная в советской России, под заглавием «Рассказы литературоведа», изданная Детгизом в 1949 году. В предисловии автор говорит, что скучных профессий нет, если относиться к своему делу с любовью и творчеством, и он показывает как увлекательна профессия литературоведа, как бесконечно сложен и разнообразен путь научных поисков. Он ведет читателя в архивы, библиотеки, музеи и частные квартиры, на выставку, в редакции газет и адресный стол. Он перелистывает кладбищенские книги, пыльные справочники, старинные альбомы . . .

Все это ему понадобилось по поводу найденного им в Пушкинском доме (на Тучковой набережной в Ленинграде) пожелтевшей любительской фотографии неизвестного ему портрета Лермонтова. Неужели этот не известный ему портрет — действительно портрет Лермонтова?! Где самый портрет, как попала фотография в музей? На фотографии изображен военный с накинутой на плечи распахнутой шинелью. Из-под шинели виднеется эполет. На обороте надпись «Прибор серебряный». Какого же полка мундир? В музее дали справку, что фотография попала в него вместе с Лермонтовским музеем Николаевского кавалерийского училища (по-видимому в 1917 году). Там, очевидно, считали ее репродукцией портрета Лермонтова. По инвентарной книге музея

Николаевцев автор узнает, что фотографию пожертвовал некий Вульферт, член Московской судебной палаты. Но когда? В 80-х годах прошлого века, когда при Николаевском кавалерийском училище открывался музей? Стал искать Вульферта в картотеке Модзалевского. Эта картотека — чудо библиографии. За 30 лет Модзалевский собрал 300 000 карточек, с фамилиями лиц которые он встречал в разных альбомах, журналах, газетах, письмах, официальных отчетах и так далее. Картотека показала, что Вульферт был коллекционер, печатавший свои рассказы в 80-х годах. В книге «Вся Москва» на 1907 год значился И. К. Вульферт, а в книге за 1928 год указан адрес какого-то Вульферта — Москва, ул. Вахтангова № 13. Явившись по указанному адресу, Андронников узнал, что Вульферт там не живет, но что у него есть сын Сашенька, который живет, как будто бы, на Новинской ул. номер дома приблизительно 36-й. Найден и Сашенька — это солидный мужчина и страстный театрал. Да, портрет был у него, но лет пять тому назад, при переходе на новую квартиру, раму от портрета продали некоему Боре, а Боря возьми да и унеси раму вместе с портретом. Боря, кажется, служил в Торгсине. Удалось найти и Борю. Портрет он давно уже продал какому-то художнику. Не продал ли художник, в свою очередь, портрет какому-нибудь любителю редких картин, книг и вещей. В поисках такого любителя, Андронников добрался до коллекционера Пахомова, у которого оказался такой же снимок портрета, как и у Андронникова. Но Пахомов сомневается, что это Лермонтов. Спорят. Ссылаются на Висковатого, Краевского . . . Находят свойство с матерью поэта. Серебряный эполет — значит Гродненского гусарского полка, так как в Л. гв. гусарском, Нежинском и Тангинском — прибор золотой. Андронников теряет нить поисков, но от борьбы не отказывается и идет, на всякий случай, на выставку в литературном музее. В музее ожидает его сюрприз: на стене висит искомый портрет, но он значится в рубрике «недостоверных». Просит выдать ему портрет для исследования. Рассматривает его в лупу. Под серебряной пуговицей и под зеленой шинелью что-то просвечивает, словно шинель и сюртук написаны поверх другого мундира. Послал проверить рентгеновскими лучами. Ответ — «ничего не обнаружено». Обратился к художнику Корину. Для Корина сомнений нет: это Лермонтов — есть несомненное сходство. Для Андронникова это не доказатель-

ство. Он является со своими сомнениями в криминалистическую лабораторию к профессору Потапову.

— Попробуем применить учение об идентификации, — заявил Потапов.

Для опыта взяли бесспорную репродукцию работы художника Заболотного и сняли с обоих изображений фотографии одинаковой величины,то есть такие чтобы расстояния между устойчивыми точками лица были совершенно одинаковые. В качестве масштаба для обеих фотографий (Андронникова и Заболотного) взяли расстояние между окончанием мочки уха и уголком правого глаза. При наложении диапозитивов этих фотографий один на другой и рассмотрении их на свет, выяснилось, что при совпадении двух условных точек, сходятся и остальные части лица. Итак, было установлено, что портрет Вульферта изображал Лермонтова. Но в каком мундире? Андронников предпринимает поездку в Ленинград к знатоку военных форм — Якову Ивановичу. Он застал Якова Ивановича беседующим со своим гостем о военных формах.

— Не скажете ли вы мне, дорогой Яков Иванович, какого цвета были выпушки на обшлагах колета лейб-гвардии Кирасирского Ее Величества полка? — вопрошал гость.

— Простите, Пал Палыч, — это детский вопросик: что выпушки в Кирасирском полку были светло-синие, известно буквально каждому. А вас прошу назвать цвет ментика Павлоградского гусарского полка, в котором служил Николай Ростов.

— Зеленый, — отвечал Пал Палыч.

— А султаны в лейб-гвардии Финляндском?

— Черные . . .

Собеседники от форм обмундирования перешли к состязанию в знании военных исторических событий . . .

Андронников показывеет им портрет.

— Это не красный кант на портрете, а малиновый — выясняет Яков Иванович. — Малиновый цвет был в лейб-гвардии стрелковых батальонах, в 17-м уланском Новомиргородском полку, в 16-м драгунском Тверском и в лейб-гвардии Гродненском гусарском полку. Но, в Тверском драгунском и Новомиргородском уланском, пуговицы и эполеты «повелено было» иметь золотые. А на портрете серебряные — следовательно это мундир Гродненского гусарского полка.

Яков Иванович смотрит на портрет и добавляет:

— Здесь сюртук кавалериста 30-х годов. В то время в Гродненском полку введены перемены, и на доломанах присвоены синие выпушки. Но, сюртуки оливкового цвета сохранены были по 1845 год, и до 1838 года на них оставался малиновый кант. В этом вы можете убедиться просмотрев экземпляры рисунков, специально раскрашенных для Николая I. Итак, это форма Гродненского гусарского полка.

Итак, скажем мы, есть в далекой России люди интересующиеся Русской императорской армией. Есть на Руси любители русской военной старины.

СОДЕРЖАНИЕ